

Монументальность и монументальная скульптура эпохи палеометалла и раннего железного века

К 100-летию находки стелы из Бахчи-Эли в Крыму

МОНИМЕНТАЛИЗМ В ГОРНО-СТЕПНОЙ ЕВРАЗИИ

MONUMENTALISM   МОНУМЕНТАЛИЗМ
IN MOUNTAIN-STEPPE EURASIA   В ГОРНО-СТЕПНОЙ ЕВРАЗИИ

INSTITUTE FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCE
INSTITUTE OF THE ARCHAEOLOGY OF CRIMEA OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCE
HERZEN STATE PEDAGOGICAL UNIVERSITY

MONUMENTALITY AND MONUMENTAL SCULPTURE OF THE PALEOMETAL ERA AND EARLY IRON AGE

On the 100th Anniversary of the Discovery
of Stele from Bakhchi-Eli in Crimea

Saint Petersburg
2025

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ КРЫМА РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ им. А.И. ГЕРЦЕНА

**МОНУМЕНТАЛЬНОСТЬ
И МОНУМЕНТАЛЬНАЯ СКУЛЬПТУРА
ЭПОХИ ПАЛЕОМЕТАЛЛА
И РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА**
К 100-летию находки стелы из Бахчи-Эли в Крыму

Санкт-Петербург
2025

Утверждено к печати Ученым советом ИИМК РАН и Ученым советом ИА Крыма РАН
Approved for print by the Academic Council of the Institute for the History of Material Culture of the RAS
and the Academic Council of the Institute of the Archaeology of Crimea of the RAS

Редколлегия:

канд. ист. наук М.Т. Кашуба (отв. ред.), канд. ист. наук В.П. Власов (отв. ред.), д-р геол.-мин. наук М.А. Кулькова (отв. ред.),
д-р ист. наук А.Е. Кислый, канд. ист. наук М.Е. Килуновская, канд. филол. наук Ю.В. Кожуховская (отв. секретарь)

Editorial Board:

Maya T. Kashuba, Cand. of Hist. Sci. (Editor-in-Chief); Vladimir P. Vlasov, Cand. of Hist. Sci. (Editor-in-Chief);
Marianna A. Kulkova, Dr. of Geol.-Min. Sci. (Editor-in-Chief); Aleksandr E. Kisly, Dr. of Hist. Sci.;
Marina E. Kilunovskaya, Cand. of Hist. Sci.; Yulia V. Kozhukhovskaya, Cand. of Philol. Sci. (Secretary-in-Chief)

Рецензенты:

д-р ист. наук, проф. А.А. Тишкин (АлтГУ), д-р ист. наук А.Р. Канторович (МГУ),
д-р ист. наук Е.В. Вдовченков (ИВ РАН)

Reviewers:

Aleksey A. Tishkin, Dr. of Hist. Sci., Prof. (Altay State University),
Anatoly R. Kantorovich, Dr. of Hist. Sci. (Moscow State University),
Evgeny V. Vdovchenkov, Dr. of Hist. Sci. (Institute of Oriental Studies of the RAS)

Монуменальность и монументальная скульптура эпохи палеометалла и раннего железного века.

М 77 К 100-летию находки стелы из Бахчи-Эли в Крыму / Отв. ред.: М.Т. Кашуба, В.П. Власов, М.А. Кулькова. —
Санкт-Петербург : РГПУ им. А.И. Герцена, 2025. — 260 с. : ил. (Монументализм в горно-степной Евразии).

Monumentality and Monumental Sculpture of the Paleometal Era and Early Iron Age. On the 100th Anniversary

М 77 of the Discovery of Stele from Bakhchi-Eli in Crimea / Ed. by Maya T. Kashuba, Vladimir P. Vlasov
and Marianna A. Kulkova. — St. Petersburg : Herzen State Pedagogical University, 2025. — 260 p. : ill.
(Monumentalism in Mountain-Steppe Eurasia).

ISBN 978-5-6052467-6-3

Настоящий сборник из новой серии «Монументализм в горно-степной Евразии» посвящен 100-летию находки стелы из Бахчи-Эли в Крыму. Он включает материалы Междисциплинарного научного симпозиума (26–27 апреля 2024 года, Симферополь, Россия) и несколько работ, тематика которых отражает широкий спектр рассматриваемых проблем. Издание открывается блоком статей, затрагивающих различные аспекты изучения монументальной скульптуры эпохи палеометалла — начала железного века. Стела из Бахчи-Эли рассмотрена в серии работ, где даны история изучения, контекст находки и новые интерпретации изображений, а также впервые вводится в научный оборот ее цифровая копия. Другие блоки объединяют работы, в которых проанализированы проявления монументализма в похоронных обрядах сообществ бронзового века, а также представлены малоизвестные страницы документального наследия и библиографии Н.Л. Эрнста, который в окрестностях Бахчи-Эли открыл погребение со стелой.

Издание адресовано археологам, этнографам, искусствоведам, историкам, студентам профильных вузов и широкому кругу читателей, интересующихся древним прошлым и искусством Северной Евразии.

This collection that introduces a new series “Monumentalism in Mountain-Steppe Eurasia” is dedicated to the 100th anniversary of the discovery of the stele from Bakhchi-Eli in Crimea. It includes materials from the Interdisciplinary Scientific Symposium (April 26–27, 2024, Simferopol, Russia) and several works with subject area covering a wide range of issues. The edition opens with a block of articles focusing on various aspects of the study of monumental sculpture of the Paleometal Era — Early Iron Age. A series of works examine the stele from Bakhchi-Eli, providing the history of the study, the context of the finding, new interpretations of the images, and for the first time its digital copy is introduced into scientific discourse. Other blocks bring together works that analyze the presenting features of monumentalism in the funeral rites of Bronze Age communities, and highlight little known pages of the documentary heritage and biobibliography of Nikolay L. Ernst, who discovered a burial with a stele in the vicinity of Bakhchi-Eli.

Publication is aimed at archaeologists, ethnographers, art historians, historians, students of specialized universities and a wide range of readers interested in the prehistoric past and art of Northern Eurasia.

Проведение некоторых исследований, подготовка и издание книги выполнены при финансовой поддержке РФ (проект № 22-18-00065-Продление, <https://rscf.ru/project/22-18-00065/> «Культурно-исторические процессы и палеосреда в позднем бронзовом — раннем железном веке Северо-Западного Причерноморья: междисциплинарный подход») в РГПУ им. А.И. Герцена.

- © Институт истории материальной культуры РАН, 2025
Institute for the History of Material Culture of the RAS, 2025
- © Институт археологии Крыма РАН, 2025
Institute of the Archaeology of Crimea of the RAS, 2025
- © Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, 2025
Herzen State Pedagogical University, 2025
- © Авторы (фамилии выделены в содержании), 2025
Authors (names are marked in the contents), 2025

ISBN 978-5-6052467-6-3

DOI: 10.31600/978-5-6052467-6-3

Содержание

«Монументализм в горно-степной Евразии»: предисловие к первому сборнику новой серии (М.Т. Кашуба, В.П. Власов, М.А. Кулькова)	7
Монументальная скульптура эпохи палеометалла — раннего железного века в горно-степном поясе Евразии и стела из Бахчи-Эли (Крым)	
<i>В.С. Бочкарев. О семантике каменных антропоморфных стел эпохи раннего металла Северного Причерноморья и Крыма .....</i>	<i>13</i>
<i>А.Е. Кислый. Проблемы культурологической интерпретации и датировок антропоморфных стел энеолита — бронзового века .....</i>	<i>33</i>
<i>А.А. Ковалев. Стелы Нальчикской гробницы (Северный Кавказ) и изобразительные традиции центрально-европейского мегалитизма .....</i>	<i>51</i>
<i>М.Е. Килуновская, Вл.А. Семенов. Традиции монументальной скульптуры в Саяно-Алтае от эпохи бронзы до Средневековья .....</i>	<i>76</i>
<i>Л.С. Марсадолов. Новые аспекты при сопоставлении стел-менгиров Крыма и Саяно-Алтая .....</i>	<i>87</i>
<i>М.Т. Кашуба. «История» стелы из Бахчи-Эли (Предгорный Крым): находка и перспективы изучения .....</i>	<i>99</i>
<i>Ю.М. Свойский, Е.В. Романенко, А.Т. Сухорукова, Д.М. Павлов. Стела из Бахчи-Эли — цифровой образ как инструмент исследования .....</i>	<i>113</i>
<i>А.В. Мальгин, А.Е. Кислый. Бахчи-Эли — Бейт-Эль: наиболее ранние в истории свидетельства противостояния и примирения братьев и родов .....</i>	<i>139</i>
<i>Ю.В. Кожуховская. Иконография стелы из Бахчи-Эли: когнитивный аспект .....</i>	<i>150</i>
<i>А.Е. Кислый, Р.А. Чикин. Морфологический и иконографический анализ изображений на стеле из Бахчи-Эли .....</i>	<i>157</i>
<i>В.А. Тихомиров. Стелы и менгиры как элемент могильников из каменных ящиков кизил-кобинской культуры в Горном Крыму .....</i>	<i>171</i>
<i>А.А. Волошинов, В.В. Масыкин. Воинские стелы из позднескифского некрополя Заветное (Алма-Кермен): изобразительный источник и археологические реалии .....</i>	<i>184</i>
Монументальность эпохи палеометалла — раннего железного века в горно-степном поясе Евразии	
<i>Н.А. Берсенева. Монументальность в погребальных сооружениях синташтинской культуры Южного Зауралья: социальный аспект .....</i>	<i>197</i>
<i>М.Ю. Меньшиков, И.В. Рукавишникова. Каменные прямоугольные конструкции в основании курганов эпохи бронзы на Керченском полуострове Крыма .....</i>	<i>206</i>
<i>Л.Н. Водолажская. Уникальная плита — кадран солнечных часов эпохи бронзы из раскопок Северо-Крымской археологической экспедиции 1980-х гг. ....</i>	<i>221</i>
Малоизвестный Н.Л. Эрнст: страницы документального наследия	
<i>Н.Л. Эрнст. Отчет о раскопках курганов в окрестностях Симферополя в 1924 г. (подготовка и комментарии М.Т. Кашубы) .....</i>	<i>227</i>
<i>Н.Н. Чемодуров. «Николай Львович был скромным ученым-тружеником...»: к истории сохранения памяти о Н.Л. Эрнсте .....</i>	<i>245</i>
Список сокращений	258

Content

“Monumentalism in the Mountain-Steppe Eurasia”: Preface to the First Collection of the New Series (<i>Maya T. Kashuba, Vladimir P. Vlasov, Marianna A. Kulkova</i>)	7
Monumental Sculpture of the Paleometal Era — Early Iron Age in the Mountain-Steppe Zone of Eurasia and a Stele from Bakhchi-Eli (Crimea)	
<i>Vadim S. Bochkarev. Semantics of Stone Anthropomorphic Stelae of the Early Metal Age of the Northern Black Sea Region and Crimea</i>	13
<i>Aleksandr E. Kisly. Problems of Cultural Interpretation and Relative Dating of Anthropomorphic Stelae from the Chalcolithic — Bronze Age</i>	33
<i>Aleksey A. Kovalev. Stelae of the Nalchik Tomb (North Caucasus) and the Pictorial Traditions of Central European Megalithism</i>	51
<i>Marina E. Kilunskaya, Vladimir A. Semenov. Traditions of monumental sculpture in Sayano-Altai from the Bronze Age to the Middle Ages</i>	76
<i>Leonid S. Marsadolov. New Aspects in Comparing Stele-Menhirs of Crimea and Sayano-Altai</i>	87
<i>Maya T. Kashuba. “History” of the Stele from Bakhchi-Eli (Foothill Crimea): Discovery and Prospects for Study</i>	99
<i>Yuriy M. Svoyskiy, Ekaterina V. Romanenko, Aleksandra T. Sukhorukova, Dmitri M. Pavlov. Stele from Bakhchi-Eli: a Digital Image as a Research Tool</i>	113
<i>Andrey V. Malgin, Aleksandr E. Kisly. Bakhchi-Eli — Beit-El: The Earliest Historical Evidence of Conflict and Reconciliation between Brothers and Clans</i>	139
<i>Yulia V. Kozhukhovskaya. Iconography of the Stele from Bakhchi-Eli: Cognitive Aspect</i>	150
<i>Aleksandr E. Kisly, Roman A. Chikin. Morphological and Iconographic Analysis of the Images on the Stele from Bakhchi-Eli</i>	157
<i>Vitaliy A. Tikhomirov. Steles and Menhirs as Elements of Burial Grounds from Stone Cists of the Kizil-Koba Culture in the Mountainous Crimea</i>	171
<i>Aleksey A. Voloshinov, Vyacheslav V. Masyakin. Military Steles from the Late Scythian Necropolis Zavetnoe (Alma-Kermen): Artistic Source and Archaeological Realities</i>	184
Monumentality of the Paleometal Era — Early Iron Age in the Mountain-Steppe Zone of Eurasia	
<i>Natalia A. Berseneva. Monumentality in Funerary Constructions of the Sintashta Culture in the Southern Trans-Urals: a Social Aspect</i>	197
<i>Maxim Yu. Menshikov, Irina V. Rukavishnikova. Rectangular Stone Structures at the Base of Bronze Age Mounds on the Kerch Peninsula of Crimea</i>	206
<i>Larisa N. Vodolazhskaya. A Unique Slab — a Sundial from the Bronze Age from the Excavations of the North Crimean Archaeological Expedition of the 1980s</i>	221
Nikolay L. Ernst Unheralded: Pages of Documentary Heritage	
<i>Nikolay L. Ernst. Report on Excavations of Burial Mounds in the Vicinity of Simferopol in 1924 (Preparation and Comments by Maya T. Kashuba)</i>	227
<i>Nikolay N. Chemodurov. “Nikolay L’vovich was a Modest Hard-working Scientist...”: Towards the History of Preserving the Memory of Nikolay L. Ernst</i>	245
List of abbreviations	258

«МОНУМЕНТАЛИЗМ В ГОРНО-СТЕПНОЙ ЕВРАЗИИ»: ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ СБОРНИКУ НОВОЙ СЕРИИ¹

<https://doi.org/10.31600/978-5-6052467-6-3.7-12>

Уважаемый читатель, сборник научных статей, который Вы держите в руках, является первым выпуском новой серии «Монументализм в горно-степной Евразии». Профанное и сакральное в культуре, включая археологические культуры, имеют разнообразные характеристики. Одна из них — монументальность, проявления которой можно распознать как в крупных объектах инфраструктуры (фортификации, культовые сооружения, погребальные комплексы, пр.), так и в отдельных архитектурных элементах, монументальной скульптуре и скульптуре малых форм. Через монументализм раскрывается уровень сложности социального устройства, а для археологических культур — понимание персонального статуса умерших, ритуальные практики и идеологические представления, развитие военного дела, технико-технологический уровень древних мастеров, уровень художественного мастерства и многое другое.

В словаре В. Даля термин монументальность означает «славный, знаменитый, пребывающий в виде памятника». Монументализм, как правило, основан на символах и знаках, которые позволяют человеку через глубину созерцания постичь мир сакрального, непознанного, перейти за грань вещественного. Поэтому, спектр проблематики, широко связанной с понятием «монументализм», его признаками, характеристиками, составляющими, как и все, имеющее к этому непосредственное отношение, будет расширяться и по мере возможности рассматриваться на страницах изданий новой серии.

Настоящий выпуск посвящен 100-летию обнаружения Н.Л. Эрнстом каменной стелы эпохи бронзы в бывшей деревне Бахчи-Эли (ныне — в черте г. Симферополь). Основу сборника составили материалы докладов Междисциплинарного научного симпозиума «Монументальность и монументальная скульптура эпохи энеолита — бронзы и раннего железного века Евразии», который был организован ФГБУН «Институт истории материальной культуры РАН» и ФГБУН «Институт археологии Крыма РАН» при партнерстве ГБУ РК «Центральный музей Тавриды» и проведен 26–27 апреля 2024 г. в Симферополе (Республика Крым, Россия)². Тематика других работ книги имеет непосредственное отношение к разным аспектам рассматриваемой проблематики.

Структурно издание состоит из трех разделов, в которые вошло 17 статей исследователей, представляющих научные, музейные и образовательные учреждения Москвы, Санкт-Петербурга, Симферополя и Екатеринбурга.

Первый раздел «Монументальная скульптура эпохи палеометалла — раннего железного века в горно-степном поясе Евразии и стела из Бахчи-Эли (Крым)»

---

1 Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 22-18-00065-Продление, <https://rscf.ru/project/22-18-00065/> «Культурно-исторические процессы и палеосреда в позднем бронзовом — раннем железном веке Северо-Западного Причерноморья: междисциплинарный подход») в РГПУ им. А.И. Герцена.

2 Монументальность и монументальная скульптура эпохи палеометалла и раннего железного века в горно-степном поясе Евразии. Вып. 1. К 100-летию находки стелы из Бахчи-Эли в Крыму. Программа и аннотации докладов [Электронный ресурс]. URL: https://api.archeo.ru/archeo_media/Document/programma-nauchnogo-simpo/2024_Monument_Conf_Programma-2.pdf (дата обращения: 20.10.2024).

включает 12 статей, затрагивающих различные аспекты изучения монументальной скульптуры энеолита — раннего железного века вплоть до поздней античности.

Открывает блок статей данного раздела работа В.С. Бочкарёва (Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург) «О семантике каменных антропоморфных стел эпохи раннего металла Северного Причерноморья и Крыма». Исследователь рассмотрел каменные антропоморфные стелы ямной культуры Северного Причерноморья и Крыма. Многие из них (около 200 экз.) найдены в погребениях этой культуры, поэтому, по его мнению, их следует анализировать в контексте погребального обряда ямной культурно-исторической общности. Семантический анализ, а также приведенные этнографические аналогии из Сибири позволили ученому интерпретировать стелы как изображения субстанции умерших. Это были своего рода их двойники-души.

В статье А.Е. Кислого (Институт археологии Крыма РАН, Симферополь) «Проблемы культурологической интерпретации и датировок антропоморфных стел энеолита — бронзового века» речь идет о проблемах культурологической интерпретации и датировок евразийских антропоморфных стел широкого хронологического диапазона — с момента их появления и включая бронзовый век. Исследователь отметил, что по многим признакам такие памятники являются уникальными. Обстоятельства их обнаружения (в редких случаях *in situ*) породили разные мнения о хронологии и принадлежности стел к носителям той или иной археологической культуры. Благодаря распространению на обширных просторах Евразийского континента близких по стилю и передаваемых образов изваяний, как думает исследователь, имеется возможность изучать вопросы конвергенции, культурных связей, происхождения и миграций древнейшего населения Евразии. Обращение к отдельным закономерностям демографических трансформаций древних сообществ, по мнению автора, может дать ответ на некоторые из поставленных вопросов.

Статья А.А. Ковалева (Институт археологии РАН, Москва) «Стелы Нальчикской гробницы (Северный Кавказ) и изобразительные традиции центрально-европейского мегалитизма» посвящена проблеме происхождения столбообразных изваяний с геометрической орнаментацией, обнаруженных при раскопках Нальчикской подкурганной гробницы (конец IV тыс. до н.э.), а также в окрестностях г. Нальчик (Северный Кавказ). Хотя в Северном Причерноморье аналогичные геометрические композиции получили широкое распространение в памятниках монументального искусства раннего бронзового века, изваяния такого типа в Восточной Европе неизвестны. По мнению автора, ближайшими аналогиями могут считаться «камни со знаками» из долины р. Регниц (Франкония), а также несколько фрагментов стел из центральной части Германии. Близкая орнаментация имеется на геометризованных стелах из Прованса (тип В), 3800–3400 гг. до н.э., а каменные гробницы с подобными орнаментальными мотивами предположительно отнесены к XXXIV–XXXII вв. до н.э. Эти данные позволили исследователю предположить центрально-европейские истоки традиции столбообразных изваяний Нальчикской гробницы. По его мнению, это является дополнительным аргументом в пользу западных истоков мегалитического компонента майкопско-новосвободненской культурной общности. Автор не исключает и возможности синхронного по времени влияния («Бамбергские божки»), шедшего из Северного Причерноморья.

С эпохи бронзы и до наших дней в разных частях Евразийского континента существует традиция создания монументальной антропоморфной скульптуры. Появление и распространение каменной скульптуры в кочевнических культурах Саяно-Алтая в широком временном диапазоне — от эпохи бронзы до Средневековья — прослежены в совместной публикации М.Е. Килуновской и Вл.А. Семенова (Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург) «Традиции монументальной скульптуры в Саяно-Алтае от эпохи бронзы до Средневековья». В Саяно-Алтайском регионе такая

традиция появляется в раннем бронзовом веке с миграцией индоевропейских народов. Авторами прослежено определенное сходство антропоморфных изваяний ямной культуры и Чемурчека, воспроизводящих мужскую фигуру. В дальнейшем на территории Южной Сибири, а именно в Минусинских котловинах, изменяется иконография скульптур, демонстрирующих некоторое миксантропическое божество, включающее женские, звериные и фантастические черты. Параллельно, но несколько позднее в Центральной Азии (Монголии и Синьцзяне) зарождается традиция, продолжающая возвеличивание образа божественного первопредка в виде оленных камней. Постепенно оленные камни в начале I тыс. до н.э. распространяются на запад вплоть до Южной Европы и существуют до середины I тыс. до н.э. В середине I тыс. н.э. после длительного перерыва вновь появляются ритуальные комплексы, в которых устанавливаются монументальные скульптуры. Это явление связано с тюрками, создавшими одну из самых могущественных кочевнических империй. В их памятниках сохраняются традиции эпохи бронзы, связанные с почитанием воина–пастуха–первопредка, носителя «непреходящей славы», апотропея, защищающего народ от всех бед.

В работе *Л.С. Марсадолова* (Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург) «Новые аспекты при сопоставлении стел-менгиров Крыма и Саяно-Алтая» отражены результаты исследования скельских менгиров в Крыму, проведенных автором в 2011 г. Каменные стелы, менгиры и изваяния в Крыму и на Алтае с научной точки зрения изучаются более 150 лет. В археологии многих регионов мира проблема ландшафтного окружения культовых объектов, в том числе стел-менгиров, до сих пор остается одной из малоисследованных. Еще менее изучен вопрос о возможных сопоставлениях сакральных памятников соседних и удаленных регионов евразийского пространства. Исследование скельских менгиров в Юго-Западном Крыму, по мнению автора, позволяет сравнить эти каменные стелы и их ландшафтное окружение с ранее изученными объектами на территории Саяно-Алтая, прежде всего с широко известным Чуйским камнем на Алтае.

Статья *М.Т. Кашубы* (Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена; Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург) «"История" стелы из Бахчи-Эли (Предгорный Крым): находка и перспективы изучения» посвящена истории находки и изучения стелы эпохи палеометалла, найденной в 1924 г. возле Бахчи-Эли (совр. г. Симферополь). Исследовательницей охарактеризованы основные работы, в которых рассматривалась эта стела, приведены существующие точки зрения по семантике изображений. На основе архивных материалов, дневника и полевого отчета Н.Л. Эрнста, уточнены обстоятельства раскопок курганов и контекст находки стелы, публикуются план и разрез захоронения, схематичные рисунки сосудов. Поставлен вопрос о многократном и, вероятно, разновременном нанесении «рисунков» на стелу.

Авторский коллектив в составе *Ю.М. Свойского* (Лаборатория RSSDA; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва), *Е.В. Романенко* (Лаборатория RSSDA, Москва), *А.Т. Сухоруковой* (Лаборатория RSSDA; Государственный академический университет гуманитарных наук, Москва) и *Д.М. Павлова* (Лаборатория RSSDA; Институт археологии РАН; Государственный академический университет гуманитарных наук, Москва) в своей работе «Стела из Бахчи-Эли — цифровой образ как инструмент исследования» охарактеризовали и раскрыли использованный ими естественнонаучный метод изучения бахчиэлинской стелы. Известный уже 100 лет памятник до настоящего времени оставался полноценно не опубликованным. Для выявления и учета изображений на стеле впервые для ранней монументальной скульптуры Крыма применена методика трехмерного моделирования фотограмметрическим способом с последующей визуализацией рельефа поверхности (границ А–D) при помощи математических алгоритмов. При исследовании модели стелы идентифицированы

93 фигуры: 73 — «надежные», 20 — «предположительные» или остатки поврежденных изображений. Выявленные закономерности модификации граней позволили авторам реконструировать последовательности создания и функционирования стелы и предположить несколько эпизодов нанесения изображений, возможно, разделенных продолжительными перерывами.

А.В. Мальгин (Центральный музей Тавриды, Симферополь) и *А.Е. Кислый* (Институт археологии Крыма РАН, Симферополь) в своем исследовании «Бахчи-Эли — Бейт-Эль: наиболее ранние в истории свидетельства противостояния и примирения братьев и родов» обращаются к тем изображениям на стеле из Бахчи-Эли, трактовка которых большинству исследователей представляется бесспорной. Подход продуктивен ввиду дискуссий о смысле всего пиктографического повествования. Сюжеты противостояния двух героев — классика древнейших эпосов и мифологии, которые, как полагают авторы, имеют экономическую подоснову. В пиктограмме из Бахчи-Эли, по мнению авторов, впервые в истории края зафиксировано противостояние и примирение местных сообществ разных культур. Сделан вывод о том, что «культурологическая предыстория» данной местности и города Симферополь, образно определенная в XVIII в. как «собирательство, польза», может достигать глубины 5–4 тысяч лет тому назад.

В работе *Ю.В. Кожуховской* (Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург; Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, Симферополь) «Иконография стелы из Бахчи-Эли: когнитивный аспект» предпринят анализ иконографических особенностей стелы из Бахчи-Эли с применением структурно-семиотического подхода. Для установления особенностей абстрактного мышления в преисторический период выявлен ряд фреймов и когнитивных метафор. Области-источники, следующие из характеристик изображения, по мнению исследовательницы, подтверждают преобладание пространственно-образного типа мышления и свидетельствуют о реализации широкого спектра областей-целей метафор, из чего следует «многослойность» семантики изображения.

Близкая проблематика поднимается и в совместной работе *А.Е. Кислого* и *Р.А. Чикина* (Институт археологии Крыма РАН, Симферополь) «Морфологический и иконографический анализ изображений на стеле из Бахчи-Эли». Отмечая уникальность стелы из Бахчи-Эли, авторы обратили внимание, что в смысле его познания данный памятник также обладает уникальной сложностью. По условиям обнаружения стелу можно сравнить с другими стелами антропоморфного облика энеолита — бронзового века. К пониманию богатой пиктографической фабулы бахчиэлинской стелы авторы подходят с применением методологии психолингвистики. В конечном итоге это позволило исследователям увидеть в памятнике цельный объект древней культуры и представить новую, наиболее полную, по их мнению, версию прочтения пиктограммы.

Среди памятников Горного Крыма раннего железного века монументальностью и «мегалитическим характером» отличаются могильники из каменных ящиков кизил-кобинской культуры, история изучения которых насчитывает более 100 лет — с начала XX в. (раскопки Н.И. Репникова). Хотя число исследованных памятников многократно возросло, однако лишь на единичных из них были выявлены стелы или менгиры. Опыту осмысления этого явления посвящена статья *В.А. Тихомирова* (Институт археологии Крыма РАН, Симферополь) «Стелы и менгиры как элемент могильников из каменных ящиков кизил-кобинской культуры в Горном Крыму». Кратко обобщив известные на сегодня материалы, автор попытался выявить закономерность или спорадичность установки стел и менгиров на такого рода памятниках.

Яркий феномен каменной скульптуры в культуре варварского населения Крыма римского времени проиллюстрирован *А.А. Волошиновым* (Институт археологии РАН, Москва) и *В.В. Масыкиным* (Институт археологии Крыма РАН, Симферополь) в их сов-

местном исследовании «Воинские стелы из позднескифского некрополя Заветное (Алма-Кермен): изобразительный источник и археологические реалии». Среди воинских стел первых веков н.э. выделяется группа изваяний с детализированными и реалистичными изображениями атрибутов. Рассматриваемые изваяния найдены в ходе археологических исследований некрополя Заветное. Изображенные атрибуты представлены питьевыми рогами и предметами вооружения — дротиками или копьями и мечами. Сопоставление изображений с археологическими находками дало возможность авторам работы предположить, что рассмотренные изваяния связаны с воинской субкультурой варварских социумов Юго-Западного Крыма, а изображенные предметы отражают реалии своего времени.

Второй раздел сборника **«Монументальность эпохи палеометалла — раннего железного века в горно-степном поясе Евразии»** объединяет работы, в которых проанализированы проявления монументализма в погребальном обряде сообществ бронзового века.

В статье *Н.А. Берсеневой* (Институт истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург) «Монументальность в погребальных сооружениях синташтинской культуры Южного Зауралья: социальный аспект» анализируются проявления монументальности в погребальных памятниках синташтинской культуры Южного Зауралья (конец III — начало II тыс. до н.э. в калиброванных значениях). Основной поставленный автором вопрос, насколько монументальность в создании погребальных конструкций была связана с социальным статусом, а также возрастом и гендером погребенных. Исследование показало, что монументализм в синташтинской ритуальной деятельности был лишь частично связан с возрастом и гендером умерших, но в целом отражал корпоративную идеологию общества, а не персональный или элитный «вертикальный» социальный статус погребенных.

В совместной публикации *М.Ю. Меньшикова* и *И.В. Рукавишниковой* (Институт археологии РАН, Москва) «Каменные прямоугольные конструкции в основании курганов эпохи бронзы на Керченском полуострове Крыма» рассмотрена каменная архитектура курганов эпохи бронзы, исследованных в 2017 г. В основании четырех курганов были выявлены прямоугольные конструкции из вертикальных каменных плит-ортостатов, которые объединяют единообразная последовательность возведения, пропорции и примененные строительные технологии. Было выявлено, что первоначально ортостатные конструкции экспонировались в открытом виде на поверхности, а позднее они были использованы для совершения курганных погребений. Относительные даты объектов, по мнению исследователей, могут быть установлены по материалам более поздних, перекрывающих погребений. Судя по этим материалам, возведение ортостатных каменных конструкций может приходиться на средний бронзовый век, скорее всего, его финал.

В работе *Л.Н. Водолажской* (Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, Симферополь) «Уникальная плита — кадран солнечных часов эпохи бронзы из раскопок Северо-Крымской археологической экспедиции 1980-х гг.» изложены итоги изучения каменной плиты с лунками из раскопок Северо-Крымской археологической экспедиции в 1980-х гг. (руководитель — В.А. Колотухин), которая хранится в Институте археологии Крыма РАН на территории Ботанического сада им. Н.В. Багрова в Симферополе. Приведены результаты поисков документации и архивные материалы об аналогичных плитах. Автором выдвинута гипотеза о том, что плита является кадраном солнечных часов, а лунки соответствуют часовым меткам аналемматических солнечных часов. По своим особенностям (характер лунок и пр.) плита отнесена исследовательницей к древностям срубной культуры.

В заключительном третьем разделе сборника **«Малоизвестный Н.Л. Эрнст: страницы документального наследия»** представлены редкие и неизвестные данные из документального наследия и биобиблиографии первооткрывателя погребения со стелой в Бахчи-Эли — Н.Л. Эрнста.

М.Т. Кашуба (Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена; Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург) проделала кропотливую работу по подготовке и введению в научный оборот полевого отчета об археологических исследованиях Н.Л. Эрнста в 1924 г., в ходе которых была обнаружена знаменитая бахчиэлинская стела, снабдив публикацию соответствующими комментариями: «Н.Л. Эрнст. Отчет о раскопках курганов в окрестностях Симферополя в 1924 г. (подготовка и комментарии М.Т. Кашубы)».

Основные вехи жизни и деятельности Н.Л. Эрнста освещены в статье *Н.Н. Чемодурова* (Институт археологии Крыма РАН, Симферополь) «"Николай Львович был скромным ученым-тружеником...": к истории сохранения памяти о Н.Л. Эрнсте». Николай Львович Эрнст — выдающийся археолог, чьи значимые открытия и вклад в изучение прошлого Крыма долгое время были преданы забвению, а сам ученый репрессирован. После ареста в 1938 г. неопубликованные научные труды и наработки оказались изъяты и со временем утрачены. Однако имя Н.Л. Эрнста не было забыто. Автор статьи отметил, что в 1960–1970-е гг. началась частичная реабилитация и восстановление его биографии благодаря усилиям родственников и бывших коллег. Советским специалистам ученый оставался известен в первую очередь своими результативными исследованиями палеолита, эпохи раннего металла, пещерных городов Крыма и музейной работой. Несмотря на тяжелые жизненные испытания, Н.Л. Эрнст оставался преданным науке и внес значительный вклад в археологию и охрану памятников Крыма, что, безусловно, учитывалось в первых попытках реконструкции жизненного и творческого пути ученого.

Ответственные редакторы и члены редколлегии сборника искренне надеются, что первый выпуск новой серии «Монументализм в горно-степной Евразии» вызовет интерес и будет полезен не только специалистам: археологам, этнографам, историкам, религиоведам, искусствоведам, но и студентам вузов профильных специальностей, а также широкому кругу всех, кто интересуется древним прошлым и искусством Северной Евразии.

М.Т. Кашуба³, В.П. Власов⁴, М.А. Кулькова⁵

3 Майя Тарасовна Кашуба — Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, наб. Мойки, д. 48/12, Санкт-Петербург, 191186, Российская Федерация; Институт истории материальной культуры РАН, Дворцовая наб., д. 18А, Санкт-Петербург, 191181, Российская Федерация; e-mail: mirra-k@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-8901-8116.

4 Владимир Петрович Власов — Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, наб. Мойки, д. 48/12, Санкт-Петербург, 191186, Российская Федерация; Институт археологии Крыма РАН, пр. Академика Вернадского, д. 2, Симферополь, Республика Крым, 295007, Российская Федерация; e-mail: vlasov_vladimir@mail.ru; ORCID: 0009-0003-9414-9788.

5 Марианна Алексеевна Кулькова — Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, наб. Мойки, д. 48/12, Санкт-Петербург, 191186, Российская Федерация; e-mail: kulkova@mail.ru; ORCID: 0000-0001-9946-8751.

**О СЕМАНТИКЕ КАМЕННЫХ АНТРОПОМОРФНЫХ СТЕЛ
ЭПОХИ РАННЕГО МЕТАЛЛА
СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ И КРЫМА¹**

В.С. Бочкарев²

В работе рассмотрены каменные антропоморфные стелы ямной культуры Северного Причерноморья и Крыма. Многие из них (около 200 экз.) найдены в погребениях этой культуры, поэтому их следует анализировать в контексте ямного погребального обряда. Семантический анализ, а также сибирские этнографические аналогии позволяют интерпретировать стелы как изображения субстанции умерших. Это своего рода их двойники-души.

Ключевые слова: Северное Причерноморье, Крым, эпоха раннего металла, ямная культура, каменные антропоморфные стелы, семантика

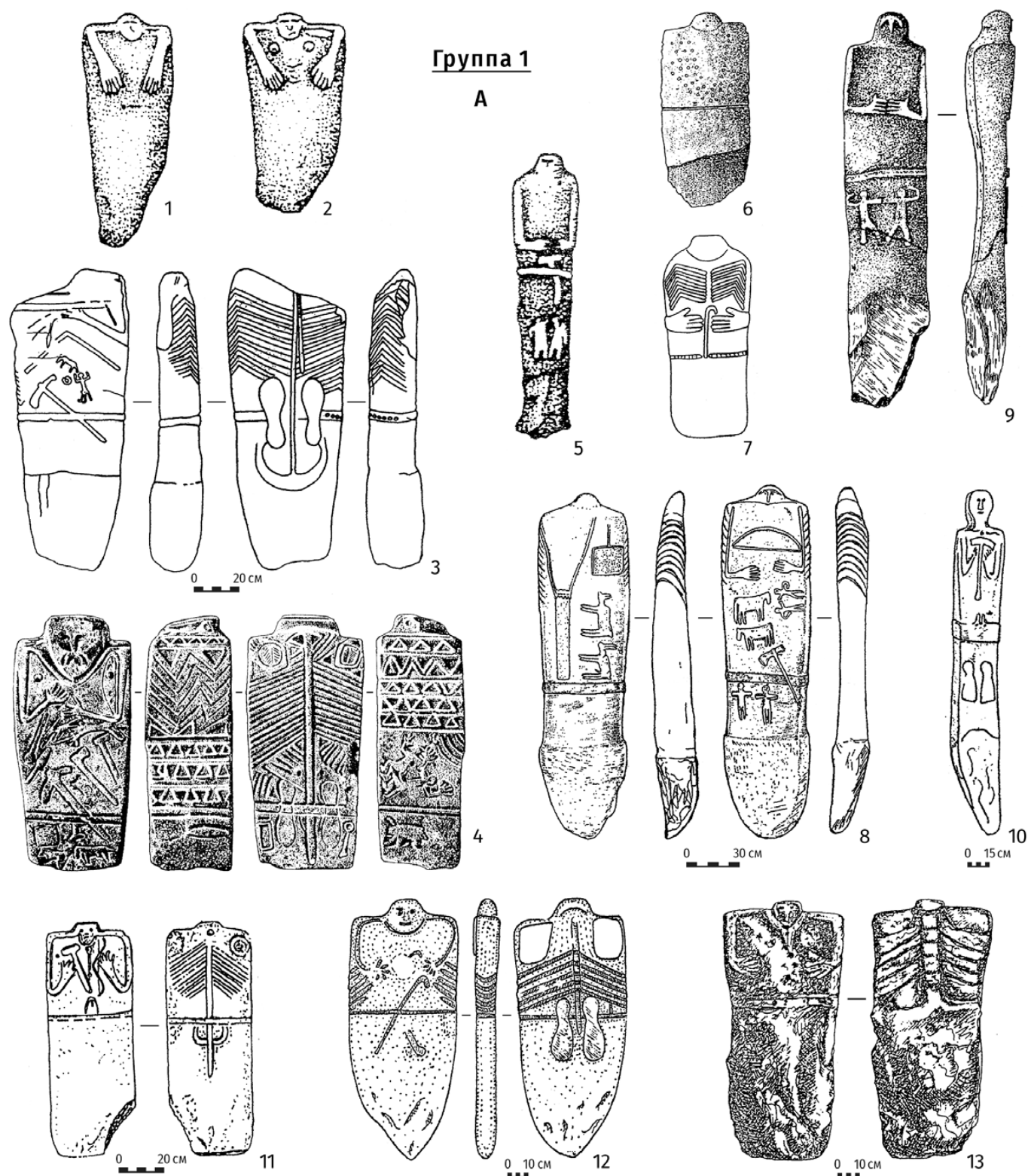
<https://doi.org/10.31600/978-5-6052467-6-3.13-32>

К числу самых интересных памятников эпохи раннего металла южной половины Восточной Европы относятся каменные антропоморфные стелы. Обычно это плоские плиты прямоугольных очертаний длиной от 0,5 до 2,0–2,5 м, на одной из их узких сторон помечена голова в виде прямоугольного или овального выступа. Противоположный конец чаще всего не обработан или заострен на клин (**рис. 1, 1, 9; 2, 3, 15**). Огромное большинство этих стел являются схематическими изображениями человека (**рис. 2/В, 3; 2/Г, 5; 2, 11, 15**). Но некоторые из них выполнены в вполне реалистической манере (**рис. 1**). На выступе-голове показаны глаза, брови, нос, рот, а на тулове — руки, детали одежды, оружие и т.д. (**рис. 1**). Во всех случаях изображена верхняя половина человека. Ниже пояса также могут быть различные рисунки. Реалистические стелы чаще всего изготовлены из твердых пород камня (песчаника, гранита, гнейса), а схематические — из мягкого известняка-ракушечника.

По неполным данным сейчас известно около 400 стел (Давня історія України, 1997. С. 366; Археологія України, 2005. С. 147; Феценко, 2014. С. 197) — это огромное количество! Территория их распространения простирается от Карпато-Балканского региона до Нижнего Подонья (**рис. 3**). Самые западные находки стел зафиксированы в Северной Македонии и Трансильвании (Videski, 1992. Р. 233–236, fig. 52; Dumitrescu, 1974), но основное их количество сконцентрировано в бассейне Южного Буга. Согласно подсчетам Н.Д. Довженко, в Буго-Днестровском междуречье было найдено около 200 стел (Давня історія України, 1997. С. 366). Среди них есть как единичные, так и комплексные находки. Особенно важно зафиксировать тот факт, что более половины из них были обнаружены в перекрытиях погребений ямной культуры.

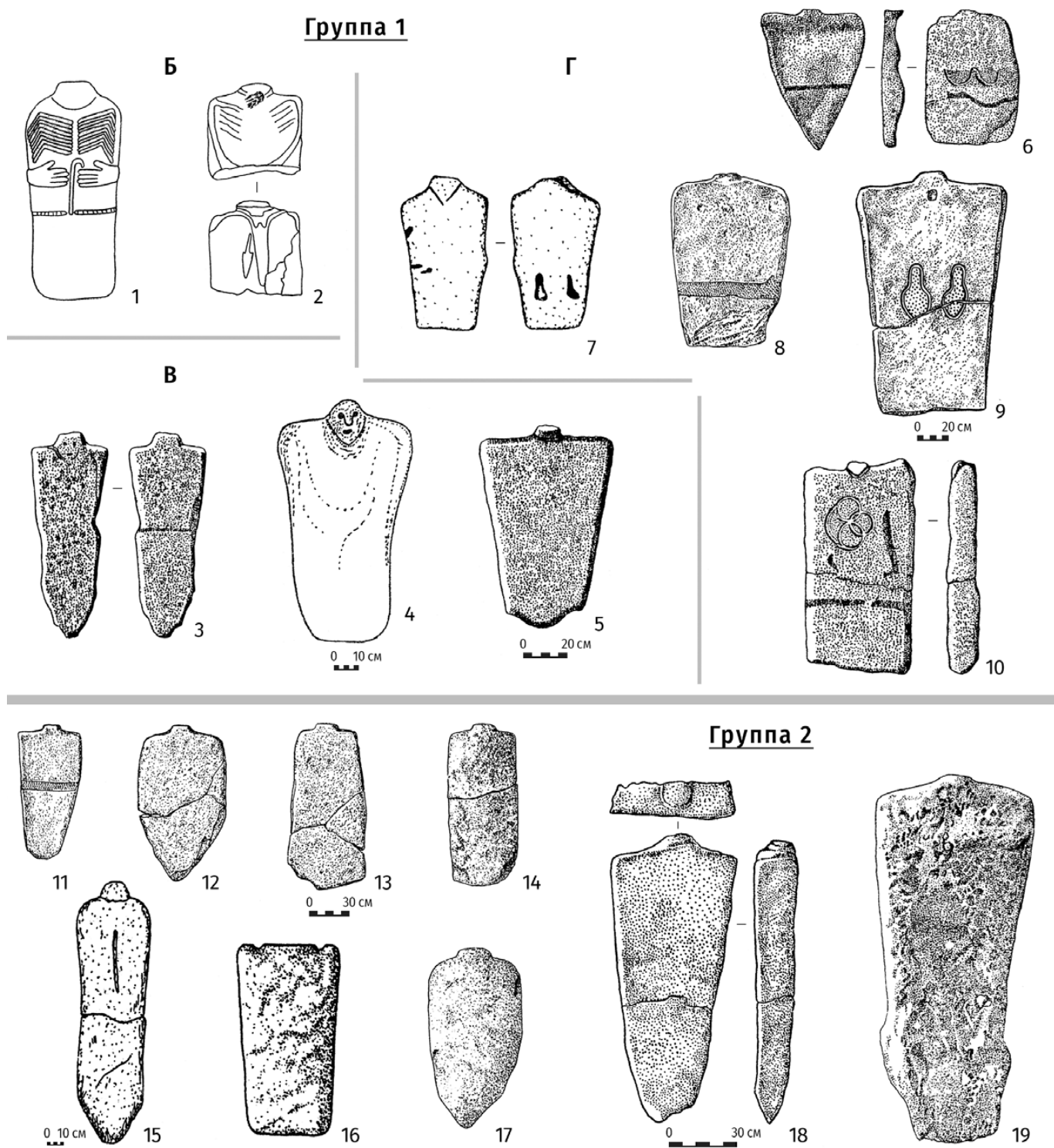
1 Исследование проведено в рамках выполнения ФНИ ГАН «Особенности смены археологических культур у скотоводов Евразии и земледельцев Кавказа и Центральной Азии в неолите – раннем Средневековье» (FMZF-2025-0008).

2 Вадим Сергеевич Бочкарев — Институт истории материальной культуры РАН, Дворцовая наб., д. 18А, Санкт-Петербург, 191181, Российская Федерация; e-mail: bovad872@gmail.com; ORCID: 0000-0003-3474-1192.

Рис. 1. Антропоморфные стелы I группы, вариант А (кроме № 7): 1, 2 — Тиритака; 3 — Федоровка; 4 — Керносовка; 5 — Ак-Чокрак; 6 — Утконосовка; 7 — Араканцево; 8 — Верхоречье; 9 — Казанки; 10 — Чобручи; 11 — Натальевка; 12 — Новоселовка; 13 — «Крестовая могила» (1 — по: Телегин, Потехина, 1998; 2 — по: Супруненко, 1991; 3, 4 — по: Крылова, 1976; 5, 7, 9 — по: Формозов, 1970; 6, 10, 12 — по: Новицкий, 1990; 8 — по: Черняков, 2005; 11 — по: Даниленко, 1951; 13 — по: Иванова, 2001). Масштабы разные

Fig. 1. Anthropomorphic stelae of group I, variant A (not including No. 7): 1, 2 — Tiritaka; 3 — Fedorovka; 4 — Kernosovka; 5 — Ak-Chokrak; 6 — Utkonosovka; 7 — Arakanzevo; 8 — Verkhorechye; 9 — Kazanki; 10 — Chobruchi; 11 — Natalyevka; 12 — Novoselovka; 13 — “Krestovaya mogila” (1 — after Телегин, Потехина, 1998; 2 — after Супруненко, 1991; 3, 4 — after Крылова, 1976; 5, 7, 9 — after Формозов, 1970; 6, 10, 12 — after Новицкий, 1990; 8 — after Черняков, 2005; 11 — after Даниленко, 1951; 13 — after Иванова, 2001). The scales are different

Рис. 2. Антропоморфные стелы I группы (варианты Б, В, Г) и II группы: 1 — Араканцево; 2 — Каширский район, Ростовская область; 3, 5, 6, 10 — Старогорожино; 4 — Капустино; 7 — Старые Беляры; 8, 11 — Ивановка; 9 — Константиновка; 12, 13 — Антоновка; 14 — Белозерка; 15 — «Гола Могила»; 16 — Новокотовск; 17 — Белозерка; 18 — Приволье; 19 — Ковалевка I (1 — по: Формозов, 1970; 2 — по: Кияшко, 1994; 3, 5, 6, 8–13, 17–19 — по: Шапошникова и др., 1986; 4 — по: Новицкий, 1990; 7 — по: Цимиданов, 2001; 14 — по: Формозов, 1969; 15, 16 — по: Телегин, Потехина, 1998). Масштабы разные

Fig. 2. Anthropomorphic stelae of group I (variants Б, В, Г) and group II: 1 — Arakanzevo; 2 — Kashirsky district, Rostov region; 3, 5, 6, 10 — Starogorogino; 4 — Kapustino; 7 — Starye Belyary; 8, 11 — Ivanovka; 9 — Konstantinovka; 12, 13 — Antonovka; 14 — Belozerka; 15 — "Gola Mogila"; 16 — Novokotovsk; 17 — Belozerka; 18 — Privolye; 19 — Kovalevka I (1 — after Формозов, 1970; 2 — after Кияшко, 1994; 3, 5, 6, 8–13, 17–19 — after Шапошникова и др., 1986; 4 — after Новицкий, 1990; 7 — after Цимиданов, 2001; 14 — after Формозов, 1969; 15, 16 — after Телегин, Потехина, 1998). The scales are different

Рис. 3. Карта-схема находок антропоморфных стел эпохи раннего металла (по: Телегин, Потехина, 1998)

Fig. 3. Index map of finds of anthropomorphic stelae of the Early Metal Age (after Телегин, Потехина, 1998)

Северо-причерноморские стелы давно заинтересовали как отечественных, так и зарубежных исследователей (Телегин, 1971; Телегин, Mallory, 1994; Телегин, Потехина, 1998; Vierzig, 2017; Райнхольд, 2018). Авторы этих работ в основном искали ответы на три вопроса: хронология стел, их культурная принадлежность и семантика. Казалось бы, легче всего решаются первые два вопроса, так как хорошо известны комплексные находки стел. Однако Д.Я. Телегин и И.Д. Потехина усомнились в принадлежности стел ямной культуре (Телегин, Потехина, 1998). По их мнению, в ямных погребениях эти изваяния использовались вторично как строительный материал. Первоначально они устанавливались вертикально. На это указывает тот факт, что их нижний конец не обработан или сходит на клин. Предполагалось, что они вкапывались в местах святилищ в некой энеолитической культуре, предшествующей ямной. Эта точка зрения не кажется убедительной и может быть оспорена. За прошедшие десятилетия со времени публикации работы вышеупомянутых авторов искомая энеолитическая культура так и не была открыта. Зато количество стел из ямных погребений увеличивается каждый год. Сейчас их так много, что связь стел с ямной культурой не вызывает никаких сомнений. Следует также сказать, что на некоторых стелах из ямных погребений сохранились следы росписей черной или красной краской. Изображались те же самые детали одежды (в основном, пояса), что и на реалистических стелах, найденных случайно.

Итак, у меня, как и у многих других авторов, нет никаких сомнений относительно принадлежности этих стел к ямной культуре, а точнее, к ее южнобугтскому варианту (Формозов, 1969. С. 179–180; Шапошникова и др., 1986; Иванова, 2001. С. 104–111; Тоцев, Папанова, 2020. С. 157). Согласно радиоуглеродной хронологии их следует датировать концом IV — началом III тыс. до н. э.

Что касается семантики стел, то по этому вопросу также нет единого мнения. Многие исследователи полагают, что они изображают неких божеств бронзового века (Häusler, 1966; Даниленко, 1974; Ричков, 1982; Телегин, Потехина, 1998). Другие авторы склоняются к мнению, что на этих стелах изображены представители рядовой и племенной знати, герои и т.д. (Щепинский, 1963; Формозов, 1969; Лесков, 1972; Райнхольд, 2018). Все эти выводы были сформулированы в самой общей форме. В основном они основывались на данных мифологий древних народов. Особо следует упомянуть мнение Н.Д. Довженко, которая специально занималась изучени-

ем ямных стел. Опираясь на данные сибирской этнографии о погребениях с куклами, она предположила, что стелы ямной культуры были своего рода двойниками умерших, воплощением их души (Довженко, 1979). Это заключение не было подкреплено конкретным анализом археологического материала и, вероятно, поэтому не получило отклика в специальной литературе. Завершая на этом историографический обзор, отметим, что вопрос о семантике стел так и остался дискуссионным. К нему приходится обращаться вновь и вновь. В этой работе будет предложен один из вариантов его решения.

Возвращаясь к культурной принадлежности стел, будет не лишним еще раз повторить, что они принадлежат ямной культуре. Особо следует подчеркнуть их связь с погребальным обрядом этой культуры. Это обстоятельство имеет принципиальное значение. Оно означает, что стелы следует рассматривать, прежде всего, в контексте этого обряда. Надо полагать, что его нормы в конечном итоге и определили назначение стел. Игнорирование этого обстоятельства неизбежно заводит в тупик.

Следуя логике этого раздела, необходимо определить сущность погребального обряда ямной культуры (общности). Есть основания полагать, что его основной целью был переход (переправа) субстанции умершего из этого мира в иной. Этой теме посвящено множество этнографических работ. Среди них следует выделить исследование Арнольда ван Геннепа (*ван Геннеп*, 1999). Согласно концепции этого французского ученого, погребальный обряд традиционных обществ входит в систему т.н. обрядов перехода. Они отмечают все главные рубежи в жизни человека: рождение, инициации, свадьбу, смерть. Все эти обряды имеют сходную трехчастную структуру: открепление от прежнего состояния, сам переход и адаптация к новым условиям. Главным звеном в этой цепочке является сам переход. Как свидетельствуют этнографы, он носит характер тяжелого длительного путешествия: «Загробное путешествие считалось тяжелым и опасным: далекий загробный мир был отделен от мира живых потоками, горами, помещался на острове, в глубинах земли или на небесах. Для такого путешествия умершему необходимы были лодки, кони, нарты, колесницы, крепкая обувь, припасы на дорогу и т.п., помещавшиеся обычно в могилу» (*Петрухин*, 1998. С. 453).

Все эти приношения, которые можно назвать средствами перехода, хорошо представлены в ряде восточно-европейских культур эпохи бронзы (новотиторовская, катакомбные культуры, покровская культура и т.д.). Есть они и в ямной культуре. В ее могилах нередко встречаются четырехколесные повозки (*Гей*, 1999. С. 80), напутственная пища, четкая ориентировка скелета, указывающая направление движения и т.д. Во многих культурах эти средства перехода выражены завуалировано, в символической форме.

Двигаясь дальше, необходимо определить место стел в ямном погребальном обряде. Чтобы ответить на этот вопрос, обратимся к рассмотрению самих стел. В литературе предложено несколько вариантов их классификации (*Новицкий*, 1990; *Шапошникова и др.*, 1986. С. 23–25; *Довженко*, 1993). Почти все они носят формальный характер и не поддаются содержательной интерпретации. Исключением является схема, разработанная Д.Я. Телегиным, И.Д. Потехиной и Дж. Мэллори (*Telegin, Mallory*, 1994. Р. 4–21; *Телегін, Потехіна*, 1998. С. 14–19). Все стелы они разделили на две группы: простые (схематические) и сложные (реалистические). В количественном отношении сильно преобладают изделия первой группы. Многие из них были обнаружены в перекрытиях ямных могил.

Реалистических стел известно намного меньше (около 50 экз.); за небольшим исключением все они были найдены случайно. Часть из них была подразделена на три типа в зависимости от положения рук: казанковский, натаьевский

и эзеро-тиритацкий. У стел первого типа руки согнуты в локтях и кисти уложены на животе (**рис. 1, 5, 7, 9**). У второго типа руки также согнуты в локтях, но кисти прижаты к груди (**рис. 1, 4, 11**), а у третьего — они опущены вниз (**рис. 1, 7**). Самым распространенным оказался второй тип (13 экз.), а два остальных представлены по шесть экземпляров каждый. Эти типы были истолкованы с психологической точки зрения. Так, стелы казанковского типа описываются как изображения человека с чувством высокого достоинства. Иначе интерпретируются стелы второго типа. Предполагается, что они изображают адорантов. Эта типология стел кажется интересной и открывает новые перспективы в их исследовании. Однако нужно иметь в виду, что она учитывает очень незначительную часть материала. Изваяния с изображением рук составляют немногим более 6% выборки. Поэтому в данной работе предпочтение было отдано той разновидности классификации, которая опирается на более широкий круг источников.

Вслед за Д.Я. Телегиным и другими авторами все известные стелы также были разделены на сложные (реалистические) и простые (схематические). В первой группе было выделено четыре варианта. К варианту А относятся стелы, у которых хорошо выражены антропоморфные или анатомические признаки, т.е. лицо, руки, кисти, пальцы, соски груди или позвоночник, ребра, лопатки. Кроме того, у этих стел могут быть показаны детали одежды, украшения, оружия и т.д. Всего учтено около 40 экз. стел этого варианта (**рис. 1**).

У изваяний варианта Б есть все вышеуказанные признаки, кроме изображения лица. Всего их известно четыре экземпляра и все они происходят из восточной части ареала распространения ямных стел — это Луганская и Ростовская области (**рис. 2/Б, 1, 2**).

Вариант В составляют стелы, у которых показано только лицо и иногда другие антропологические черты. Учтено около десятка изваяний этого варианта (**рис. 2/В, 3–5**).

Последний вариант Г представлен простыми стелами без лица, у которых краской помечены пояс, стопы и некоторые другие изображения. Этот вариант известен всего в пяти экземплярах. Его также можно рассматривать как одну из разновидностей простых стел 2-й группы (**рис. 2/Г, 7–10**).

Вторую группу составляют схематические стелы. Из антропологических признаков у них выделена только голова в виде небольшого выступа. Как уже говорилось, они составляют более 90% всей выборки. Значительная их часть найдена в ямных могилах.

Наиболее информативными являются стелы первой группы, поэтому они будут в центре нашего внимания. У них отчетливо выделяются две стороны — лицевая и тыльная. На первой из них есть вполне реалистическое изображение человека. На голове низким рельефом или углублениями показаны брови, глаза, нос, рот и даже иногда ушные раковины, а также борода и усы (Керносковский «идол») (**рис. 1, 4**). Кроме того, весьма реалистично изображены руки в разном положении, причем кисти часто бывают с растопыренными пальцами. Есть даже такая телесная черта как изображения сосков груди (**рис. 1, 2, 4**). Встречаются также довольно часто детали одежды, главным образом пояса. Некоторые из них снабжены орнаментом и пряжками. Нередко за пояс заткнуты топоры (**рис. 1, 3, 5, 8**). Из оружия кроме топоров есть также изображения лука, стрел, булавы (**рис. 1, 11**). Таким образом, можно заключить, что перед нами образ живого человека в одежде, снабженного различным оружием и знаками власти.

На противоположной, тыльной стороне стел первой группы мы видим совершенно иную картину. Вдоль спины изваяний идет позвоночный столб. У некото-

рых стел показаны даже отдельные позвонки (рис. 1, 3, 4, 11–13). От позвоночника в противоположные стороны отходят ребра, а ниже плеч показаны две лопатки (рис. 5, 1–7). По мнению многих исследователей, это части скелета. Они являются знаками смерти. Но, кроме того, такого рода изображения нередко считают проявлением т.н. скелетного стиля (Клейн, 2014. С. 232).

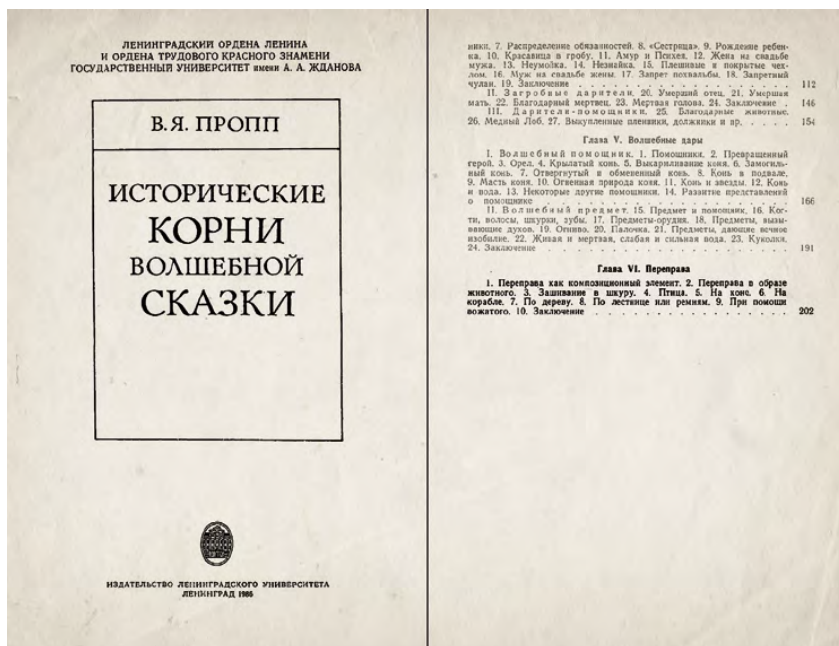
Таким образом, на стелах с одной стороны мы видим изображение живого человека, а с другой — мертвого. Эта двойственность как нельзя лучше характеризует стелы, если их рассматривать как важнейшее звено перехода субстанции умершего из мира живых в мир мертвых. Поэтому можно предполагать, что антропоморфные стелы являлись одним из ключевых компонентов в обряде перехода носителей ямной культуры. Это не просто догадка. В пользу этой версии можно привести еще ряд аргументов.

Но вначале обратимся к знаменитой работе В.Я. Проппа «Исторические корни волшебной сказки» (рис. 4). В ней автор показал, что волшебная сказка восходит к инициациям. Эти последние также относятся к обрядам перехода. Предполагается, что посвященный временно умирал и потом вновь возрождался уже в новом состоянии. Так или иначе, в этом обряде затрагивается проблема смерти и перехода (Пропп, 1986). В указанной работе есть глава, озаглавленная «Переправа» (Там же. С. 202–215). В ней автор перечисляет основные средства перехода в загробный мир, как их отражает волшебная сказка — это переправа в образе животного, зашивание в шкуру, на птице, на коне, на корабле, по дереву, по лестнице или ремням, при помощи вожатого. В итоге В.Я. Пропп делает чрезвычайно важное заключение: «Можно установить, что обувь, посох и хлеб были те предметы, которыми некогда снабжали умерших для странствий по пути в иной мир» (Там же. С. 49). А теперь можно вновь обратиться к ямным стелам.

В высшей степени показательно, что изображение обуви и посохов есть на целом ряде ямных стел (рис. 1, 3, 4, 10, 12; 5, 2, 3, 5–8, 12). Судя по этнографическим и фольклорным данным, во многих традиционных обществах обувь ассоциировалась с движением и нередко движением в иной мир. Поэтому ее особо отмечали и иногда приписывали ей волшебные свойства. На эту тему существует обширный материал, который частично был опубликован самим В.Я. Проппом (Там же. С. 50–51).

Вместе с тем, следует подчеркнуть, что пешее передвижение (ходьба) не было единственным средством, с помощью которого перемещались в иной мир. В этой связи уместно воспроизвести слова Н.Н. Харузина: «В зависимости от представления о пути в загробный мир <...> находятся и предметы, опускаемые в могилу или сжигаемые с умершим. Вполне естественно, что если мертвецу придется переплывать водное пространство для достижения мира теней, ему положат в могилу ладью. Если предстоит далекий путь пешком — ему наденут более крепкую обувь» (Харузин, 1905. С. 200). От себя добавим, что средства достижения потустороннего мира в погребальном обряде разных народов бесконечно разнообразны. Они варьируют от обуви и простых волокуш до оболы у античных греков и трупосождения у ведических индусов.

Возвращаясь к ямным стелам, отметим, что сейчас известно 17 изваяний с изображением стоп: 1. Новоселовка, Кикийский р-н, Одесская обл. (Новицкий, 1990. С. 130, рис. 13, 1); 2. Керносковка, Новомосковский р-н, Днепропетровская обл. (Крылова, 1976); 3. Федоровка, Карловский р-н, Полтавская обл. (Супруненко, 1991. Рис. 2, л. 2); 4. Араканцево, Ростовская обл. (Формозов, 1969. С. 172, рис. 63, 1; Каталог..., 1979. С. 37, табл. 5, 27); 5. Сватово, Луганская обл. (Братченко, 2004. С. 170, рис. 84); 6. Хамаджия, Румыния (Dumitrescu, 1970. P. 253, fig. 230, 1); 7. Скосырская, Ростовская обл.

Рис. 4. Титульный лист и часть оглавления книги В.Я. Проппа «Исторические корни волшебной сказки» (по: Пропп, 1986)

Fig. 4. Title page and part of the table of contents of the book by Vladimir Ya. Propp “Historical Roots of the Fairy Tale” (after Propp, 1986)

погр. 2), Баштанский р-н, Николаевская обл. (Шапошникова и др., 1986. С. 136, рис. 20, 2); 17. Плачидол, Болгария (Николова, 2000. С. 435, рис. 8).

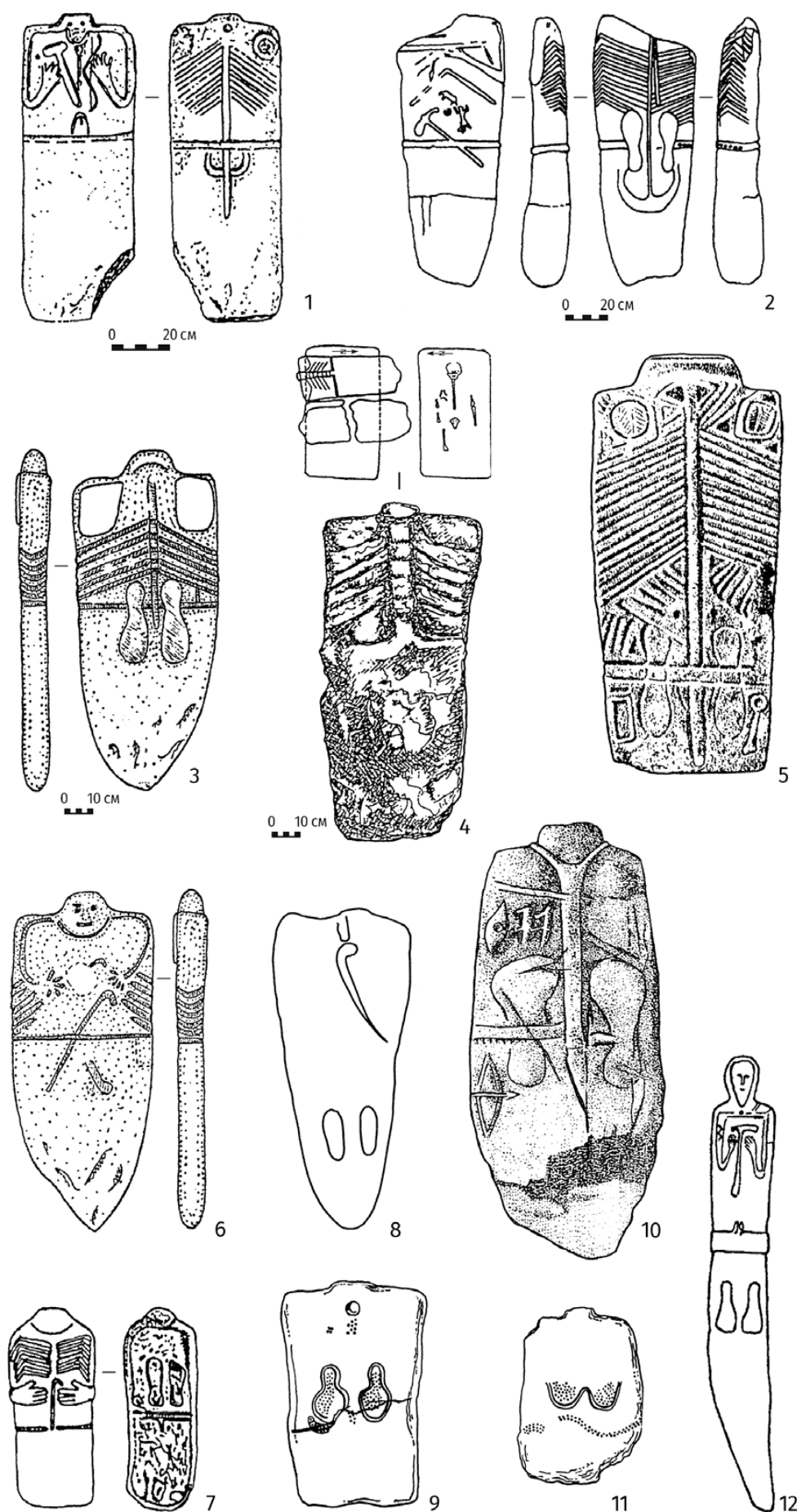
Эти 17 стел составляют немногим более трети от всего количества изваяний первой группы. Чаще всего они встречаются в вариантах А и Б. На этих стелах стопы выделены рельефно, а в остальных случаях (вариант Г) они выкрашены красной охрой (рис. 5, 9, 11).

Строго говоря, это не стопы, а обувь, что отмечают и другие исследователи. У них не показаны пальцы ног, а на двух стелах (Керносовка и Сватово) они заткнуты за пояс (рис. 1, 4; 5, 5, 10). В.В. Отрощенко называет их «обутыми стопами» (Отрощенко, 2020. С. 134). Чаще всего они размещены на тыльной стороне стел (12 случаев из 17) и обычно — в районе пояса или на спине. На двух стелах (Чобручи и Белогрудовка 1) они показаны на лицевой стороне, но ниже пояса. Крашенные стопы (вариант Г) размещались как на тыльной, так и на лицевой сторонах (рис. 5, 9, 11). Пары стоп на стелах всегда показаны в вертикальной положении и направлены носками вверх или вниз. Незначительно преобладает первое направление (10 против 6). Следует еще отметить, что изображения стоп чаще всего сочетаются с поясами или элементами скелета.

Мотив стоп неоднократно обсуждался в литературе. Ему посвящены две специальные работы Н.А. Рычкова (Ричков, 1982) и С.Н. Корневского (Корневский, 1999). В поисках решения вопроса оба автора сочли необходимым привлечь очень широкий круг источников: данные этнографии, фольклористики, истории, культурологии и т.д. Они также одинаково рассматривают стопы как следы. По мнению Н.А. Рычкова, это следы некоего божества, его символ, а точнее аватар (Ричков, 1982. С. 69). Согласно данным С.Н. Корневского, стопы являются проявлением магического культа различных частей человеческого тела (головы, рук и т.д.). Этот культ возник еще в среде палеолитических охотников, и впоследствии вошел в религии и верования различных этносов. В частности, он есть у ряда индоевропейских народов (у греков, славян и т.д.) (Корневский, 1999. С. 74–75).

Выводы этих авторов могут быть оспорены. На наш взгляд, нельзя автоматически (т.е. без аргументов) отождествлять изображения стоп со следами. Это не одно и то же. Кроме того, в контексте обряда перехода стопы, а точнее обувь, более соответствует смыслу указанного обряда, чем следы.

Рис. 5. Изображения частей скелета, стоп и посохов на антропоморфных стелах: 1 — Натальевка; 2 — Федоровка; 3, 6 — Новоселовка; 4 — «Крестовая могила»; 5 — Керносовка; 7 — Араканцево; 8 — Белогрудовка; 9 — Константиновка; 10 — Сватово; 11 — Старогорожино; 12 — Чобручи (1 — по: Даниленко, 1951; 2 — по: Супруненко, 1991; 3, 6, 12 — по: Новицкий, 1990; 4 — по: Иванова, 2001; 5 — по: Крылова, 1976; 7 — по: Формозов, 1969; 8 — по: Телегин, Потехина, 1998; 9, 11 — по: Шапошникова и др., 1986; 10 — по: Братченко, 2004). Масштабы разные

Fig. 5. Images of parts of skeleton, feet and staves on anthropomorphic stelae: 1 — Natalyevka; 2 — Fedorovka; 3, 6 — Novoselovka; 4 — "Krestovaya mogila"; 5 — Kernosovka; 7 — Arakanzevo; 8 — Belogrudovka; 9 — Konstantinovka; 10 — Svatovo; 11 — Starogorogino; 12 — Chobruchi (1 — after Даниленко, 1951; 2 — after Супруненко, 1991; 3, 6, 12 — after Новицкий, 1990; 4 — after Иванова, 2001; 5 — after Крылова, 1976; 7 — after Формозов, 1969; 8 — after Телегин, Потехина, 1998; 9, 11 — after Шапошникова и др., 1986; 10 — after Братченко, 2004). The scales are different

О связи изображения стоп с погребальным обрядом красноречиво свидетельствуют материалы ингульской катакомбной культуры Северного Причерноморья. Почти в 50 могилах этой культуры на дне камер обнаружены изображения стоп, окрашенные красной охрой (Довженко, Солтыс, 1991). Обращает на себя внимание, что большинство из них располагались на выходе из катакомб (рис. 6, 1). Это важное обстоятельство, так как в катакомбах ориентировка осуществлялась по взгляду погребенного, направленного на выход из камеры (Кияшко, 2002. С. 71–78). С.Ж. Пустовалов отметил, что в ингульской катакомбной культуре: «погребенные лежат вдоль длинной оси камер лицом к выходу из нее. Эти положения могут быть признаны достаточно жестким катакомбным стандартом» (Пустовалов, 1991. С. 43).

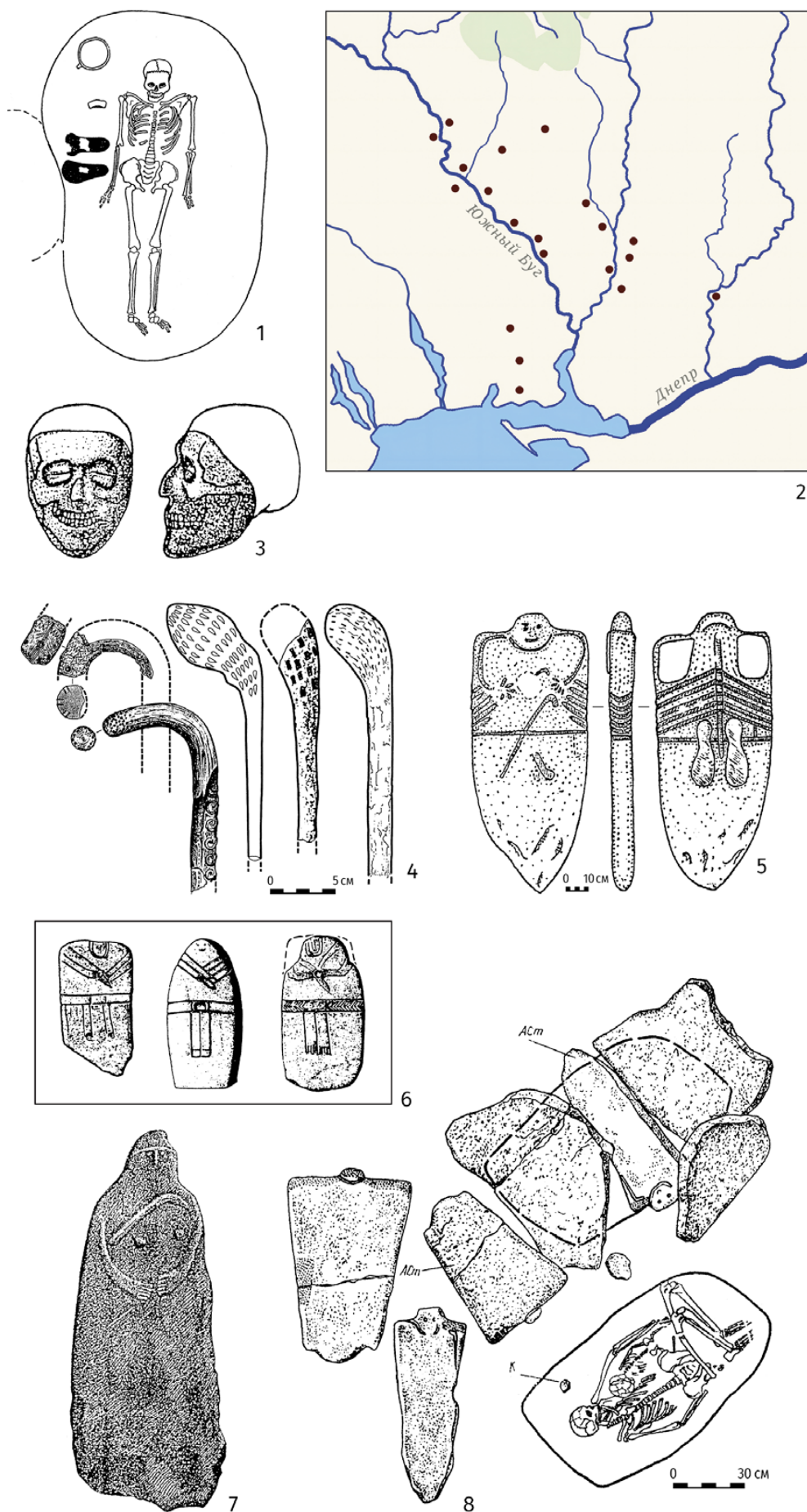
В литературе давно уже отмечалось сходство изображения стоп на стелах и на дне некоторых катакомбных погребений (Ричков, 1982. С. 69; Довженко, Солтыс, 1991. С. 124–125; Кореневский, 1999. С. 72–74). Эти аналогии не случайны и не второстепенны. Они являются одним из указателей глубинных связей ингульской катакомбной культуры с предшествующей ей местной ямной. Все более и более очевидно, что ямный субстрат был основным компонентом сложения катакомбной общности (Братченко, Шапошникова, 1985. С. 419; Братченко, 2001. С. 64–66). Ингульская культура не была исключением. В ней хорошо заметен ямный субстрат. В связи с этим попутно отметим, что есть основания полагать, что ямный обряд со стелами в ингульской катакомбной культуре трансформировался в погребения с масками, изображениями стоп и посохами (рис. 6, 3, 4).

К числу элементов обрядов перехода относятся также находки деревянных посохов, которые хорошо представлены в катакомбных памятниках. Как уже говорилось, изображения таких посохов есть на ряде ямных стел (рис. 1, 7, 12; 5, 6, 8). Ниже приводится их список: 1. Новоселовка, Кикийский р-н, Одесская обл. (Новицкий, 1990. С. 130, рис. 13, 1); 2. Белогрудовка, Уманский р-н, Черкасская обл. (Telegin, Mallory, 1994. P. 10, fig. 1, 2); 3. Араканцево, Ростовская обл. (Формозов, 1969. С. 172, рис. 63, 1; Каталог..., 1979. С. 37, табл. 5, 27); 4. Невша, район Варны, Болгария (Telegin, Mallory, 1994. P. 103, fig. 10, 3).

На этих стелах посохи изображены в виде прямой палки с рукояткой, загнутой крюком. Это стандартная форма изделий такого рода. Аналогичный деревянный посох был найден в погребении бабинской культуры близ с. Пологи в Запорожской обл. (Папанова и др., 2020. С. 10–11, табл. 19–21). На трех стелах посохи располагались на лицевой стороне (№ 1, 2, 3 по списку), а на одной — на тыльной стороне (№ 4). Во всех случаях они обращены рукояткой в правую сторону. На стеле из Араканцево посох находится между ладонями человека. На всех остальных стелах посохи не связаны с руками. Следует также отметить, что на всех стелах они встречаются вместе со стопами. Чаще всего изображения посохов на стелах интерпретируют как знак высокого социального положения человека или, говоря шире, — атрибут власти (Клейн, 2014. С. 232–233; Литвиненко, 2020. С. 97; Отрощенко, 2020. С. 132–133; Иванова, 2020. С. 66). Эта точка зрения обосновывается ссылками на этнографические и исторические данные. Действительно, указанная функция посохов была широко распространена. Иногда им также предавалось и сакральное значение.

Есть и другая точка зрения об их назначении. Она была сформулирована В.Я. Проппом: посох наряду с обувью и хлебом предназначался для путешествия умершего в загробный мир (Пропп, 1986. С. 49). По сообщениям этнографов, посохи сибирских шаманов были универсальными посредниками между миром живых и мертвых (Нам, 1999. С. 26). Надо еще отметить, что и некоторые археологи

Рис. 6. Изображения стоп, масок и посохов на стелах и в погребениях эпохи раннего металла Северного Причерноморья (1, 3–5). Карта распространения погребений с изображениями стоп ингульской катакомбной культуры (2). Стелы эпохи позднего энеолита южной Франции (6, 7). Положение стел в погребении ямной культуры в Старогорожино (8) (1 — по: Ричков, 1982; 2 — по: Довженко и др., 1991; 3 — по: Пустовалов, 2005; 4 — по: Литвиненко, 2020; 5 — по: Новицкий, 1990; 6 — по: Смирнов, 2004б; 7 — по: Смирнов, 2004а; 8 — по: Шапошников и др., 1986). Масштабы разные

Fig. 6. Images of feet, masks and staves on stelae and in burials of the Early Metal Age in the Northern Black Sea region (1, 3–5). Map of distribution of the burials with images of feet of the Ingul Catacomb culture (2). Stelae of the Late Eneolithic in Southern France (6, 7). The position of stelae in the Yamnaya (Pit-Grave) culture burials in Starogorzhino (8) (1 — after Ричков, 1982; 2 — after Довженко и др., 1991; 3 — after Пустовалов, 2005; 4 — after Литвиненко, 2020; 5 — after Новицкий, 1990; 6 — after Смирнов, 2004б; 7 — after Смирнов, 2004а; 8 — after Шапошников и др., 1986). The scales are different

придерживаются взглядов В.Я. Проппа относительно функции посохов (Новицкий, 1990. С. 101; Алексеева, 1992. С. 107–109).

В связи с этой темой вызывают интерес находки настоящих посохов в погребениях ямной и катакомбной культур Северного Причерноморья. Сведения о них опубликованы в целом ряде работ (Пустовалов, 2005. С. 39; Иванова, 2020. С. 65–68; Отрощенко, 2020. С. 132–134; Тоцев, Папанова, 2020. С. 164–167, табл. I). Чаще всего они встречаются в погребениях ингульской катакомбной культуры. Сейчас их известно не менее 10 экземпляров. Они представляют собой прямые или слегка изогнутые палки диаметром около 2–3 см и длиной 40–60 см (Литвиненко, 2020. С. 97). Их рукоятки утолщены и имеют округлую или овальную форму. Иногда они слегка изогнуты. Некоторые из них украшены металлическими скобами и пластинами (рис. 6, 4).

В катакомбах посохи лежат перед скелетами напротив выхода из камеры. Никакими другими особенностями эти катакомбы не отличаются. Они принадлежат к числу рядовых погребений ингульской культуры. Обращает на себя внимание только одно из них (с. Виноградное, Запорожская обл., кург. 2, погр. 36). Здесь на дне камеры рядом с посохом были изображены стопы, выкрашенные красной краской (Отрощенко, 2020. С. 131). Напомним, что такое же сочетание этих элементов есть на нескольких ямных стелах (Араканцево, Новоселовка и др.).

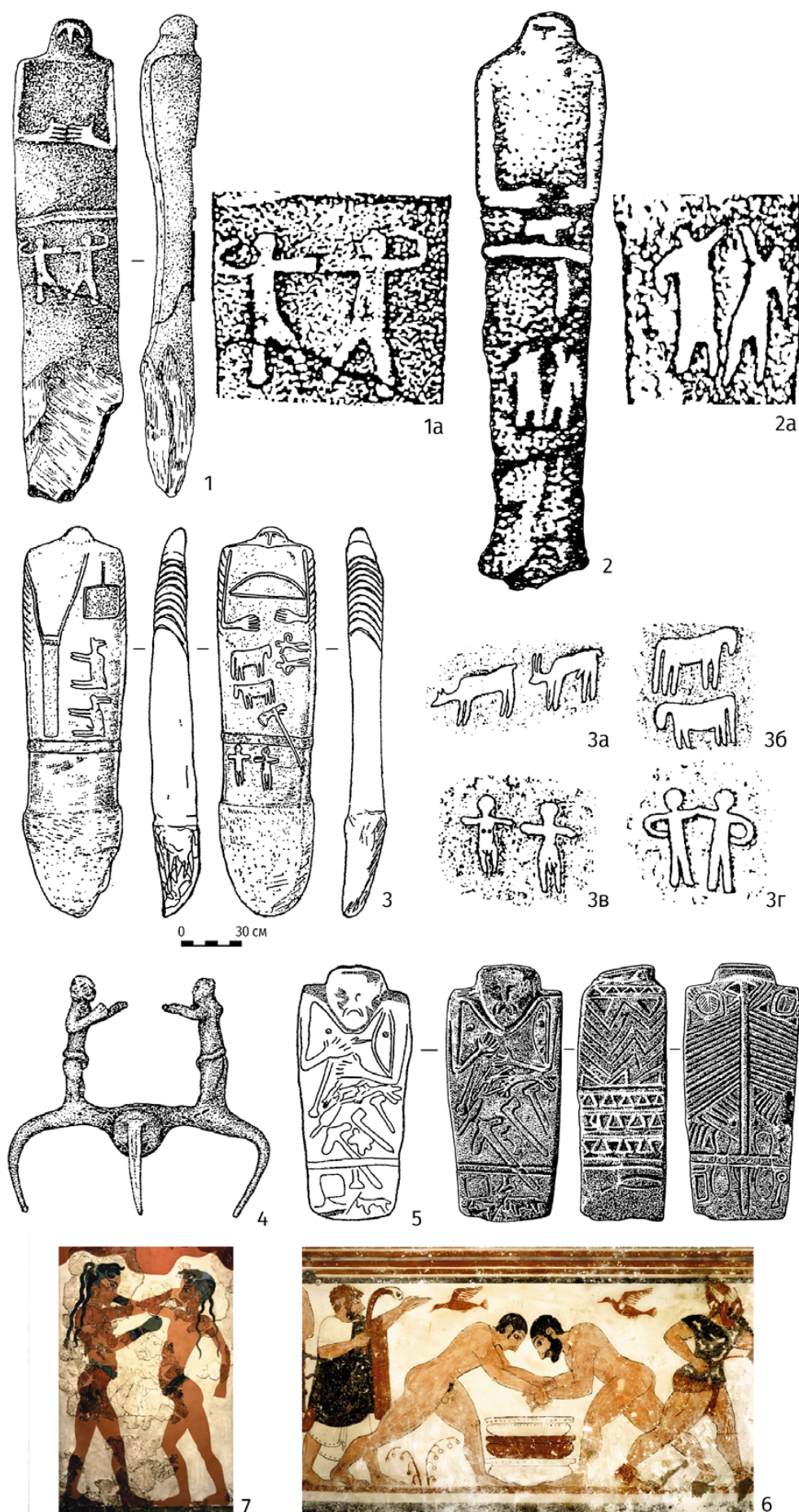
Прежде чем перейти к рассмотрению других изображений, еще раз подчеркнем значимость мотивов стоп и посохов. В мифологическом сознании они являлись универсальными символами движения. Изображения посохов, как и стоп, нередко встречаются на ранних стелах в различных регионах Северной Евразии (рис. 6, 6, 7).

В контексте погребального обряда, как обряда перехода, находят удовлетворительное объяснение и другие изображения на ямных стелах. Среди них особенно выделяются парные фигурки людей в геральдической позе. Они есть на трех крымских стелах: Казанки, Ак-Чокрак, Верхоречье (Telegin, Mallory, 1994. P. 101, fig. 5, 1; Формозов, 1970. С. 48–50; Черняков, 2005). У всех них фигурки расположены на лицевой стороне, но на двух — ниже пояса, а на одной — выше (рис. 7, 1–3, 5).

Они представляют собой композиции из двух одинаковых фигурок людей в зеркальной проекции. Персонажи стоят лицом друг к другу в боевых стойках. Особый динамизм им придает положение рук, направленных в разные стороны (вверх, вниз, вправо, влево).

В литературе предложено несколько вариантов интерпретации этих композиций. Согласно одной из них, они воспроизводят ритуальные танцы. Это объяснение особенно хорошо подходит для двух пар на верхореченской стеле. Одна из фигурок является мужской, а другая — женской (рис. 7, 3в, 3г). Но как справедливо отметил А.А. Формозов, изображения на стелах из Казанки и Ак-Чокрака больше напоминают сцены из боевых поединков (Формозов, 1970. С. 50). Это определение уточнил В.А. Трифонов со своими соавторами (Трифонов и др., 2018). По их мнению, это сцены поединков, но не боевых, а спортивных (борцов, боксеров и других атлетов). Данная интерпретация больше соответствует характеру ямных стел, их функции и контексту.

Хорошо известно, что у многих народов неотъемлемой частью похоронных ритуалов были танцы, музыка, спортивные состязания. Они упоминаются еще у Гомера (Кулаковский, 2019. С. 15; Квеннелл, Квеннелл, 2005. С. 63–64). Всемирную известность приобрели сцены соревнования колесничих, борцов и других атлетов, изображенных на росписях этруских склепов VI в. до н.э. из Тарквинии и Кьюзи (рис. 7, 6) (Этрусски..., 1998. С. 38–39). Такого же рода изображения встречаются и в храмовых комплексах (рис. 7, 7).

Рис. 7. Парные изображения людей и животных на стелах, бронзовых вилах и фресках:
 1 — Казанки; 2 — Ак-Чокрак;
 3 — Верхоречье; 4 — станица Новосвободная; 5 — Керносовка;
 6 — «Гробница Авгуров», Тарквиния; 7 — Санторин
 (1 — по: Телегин, Потехина, 1998;
 2 — по: Формозов, 1970;
 3 — по: Черняков, 2005;
 4 — по: Трифонов и др., 2018;
 5 — по: Крылова, 1976;
 6 — по: Монгайт, 1974;
 7 — по: Marinatos, 1984).
 Масштабы разные

Fig. 7. Paired images of people and animals on stelae, bronze forks and frescoes: 1 — Kazanki; 2 — Ak-Chokrak; 3 — Verkhorechye; 4 — Novosvobodnaya village; 5 — Kernosovka; 6 — "Tomb of the Augurs", Tarquinia; 7 — Santorini (1 — after Телегин, Потехина, 1998; 2 — after Формозов, 1970; 3 — after Черняков, 2005; 4 — after Трифонов и др., 2018; 5 — after Крылова, 1976; 6 — after Монгайт, 1974; 7 — after Marinatos, 1984). The scales are different

В заключении обзора ямных стел необходимо остановиться еще на одном сюжете. Речь идет о парных, разнополых изображениях животных и людей, которые, видимо, находятся в состоянии сексуального возбуждения (рис. 7, 3, 3а, 3б). Известны и более откровенные сцены. Они есть на стелах из Верхоречья и Кернсовки. Д.Я. Телегин и Н.Д. Потехина называют такие изображения «брачными парами» (Телегин, Потехина, 1998. С. 12). Как отмечал А. ван Геннеп, сексуальный аспект присутствует во всех обрядах перехода, и особенно хорошо он выражен в инициациях. В своей книге он посвятил ему небольшой раздел (ван Геннеп, 1999. С. 15, 154–157). Поэтому появление сексуальных сюжетов в погребальных памятниках не должно вызывать удивления. Соответствующие материалы также хорошо известны в археологии. В этой связи, прежде всего, следует назвать т.н. совместные погребения мужчин и женщин в степных культурах эпохи бронзы (Клейн, 1979).

Таковы основные черты ямных стел. На первый взгляд, они кажутся весьма разными и не связанными друг с другом. Поэтому в литературе их зачастую анализируют изолированно. Но в контексте обряда перехода они собираются в одно целое.

Однако при всей важности этих данных, их все же будет недостаточно, чтобы составить хотя бы самое общее представление о похоронном ритуале северо-причерноморской ямной культуры. Для решения этой задачи необходимо привлечь этнографические материалы. Особенно ценными для нашей темы оказались сведения о погребальном обряде некоторых коренных народов Сибири. Согласно этнографическим аналогиям, стелы, как и куклы из сибирских погребений, были вместилищем душ умерших, их духовной субстанции. Эта субстанция и должна была быть переправлена в иной мир, что и являлось конечной целью всей процедуры погребального обряда.

Если следовать терминологии Л.Я. Штернберга, стелы, как и куклы сибирских погребений, можно назвать душами-двойниками умерших (Штернберг, 1936. С. 14–17). По данным исследователя, представления об этих двойниках были широко распространены в древних и традиционных обществах. У одного человека, как правило, было несколько таких двойников. Один из них мог иметь антропоморфную форму. Его изображение изготавливали из твердых или мягких материалов. Они могли быть каменными изваяниями, куклами, мелкой пластикой и т.д.

В отечественной этнографии лучше всего изучены куклы из погребений коренных народов Сибири. Сведения о них столь важны для нашей темы, что на них нужно остановиться подробнее. Уделяет им внимание также А. ван Геннеп. Со ссылками на работы сибирских этнографов он следующим образом описывает похороны у обдорских остяков (хантов). В случае смерти мужчины, его труп кладут в лодку, которую ставят на мерзлую землю на родовом кладбище. Труп ориентируют ногами на север. Женщины, родственницы покойного, изготавливают куклу, изображающую умершего. Ее одевают, моют, кормят каждый день на протяжении двух с половиной лет, если умер мужчина. В случае смерти женщины — двух лет. По истечении этого срока куклу относят на могилу (ван Геннеп, 1999. С. 137–138).

В этом сообщении есть несколько примечательных для нас положений: лодка, ориентировка по ногам, манипуляция с куклой и т.д. Но основное внимание следует обратить на то, что похороны растягиваются на длительное время и разделяются на этапы. Такой ход событий был широко распространен. В этой связи А. ван Геннеп приводит слова французского ученого Ж.Ф. Лафито: «У большей части диких народов тела умерших находятся как бы на временном хранении в месте первоначального погребения. По истечению определенного срока им устраивают еще одни пышные похороны и заканчивают церемонию отправлением новых полагающихся им похоронных почестей» (Там же. С. 136).

Есть основания полагать, что похороны со стелами в ямной культуре, как и с сибирскими куклами, были поэтапными и сравнительно продолжительными. По справедливому мнению многих исследователей, стелы первоначально устанавливались в вертикальном положении и впоследствии помещались в перекрытия могил. Их могли вкапывать как на родовых кладбищах, так и в специально отведенных местах. Там они могли быть объектами различных культовых действий. Параллельно с этим труп умершего помещался в яму, вырытую на курганной площадке. Яма перекрывалась каменными плитами, но не засыпалась землей. Спустя некоторое время стелы выкапывались и укладывались в перекрытия могилы. В большинстве случаев они были обращены лицевой стороной вниз (Довженко, 1979. С. 29). Затем могила засыпалась землей или возводилась новая насыпь над ней. Это был самый важный и торжественный акт всех похорон. Возможно, он означал, что переход субстанции умершего в иной мир завершен.

Русскими этнографами давно уже было отмечено, что погребения с куклами и каменными изваяниями — явления одного порядка (Харлампович, 1908). Н.Д. Довженко добавила к этим памятникам погребения ямной культуры со стелами. Этот ряд можно было бы продолжить за счет лицевых погребальных урн, погребений с трупосожжением фёдоровской и срубной культур и т.д.

Следует подчеркнуть, что приведенные материалы датируются разным временем, принадлежат разным культурам и этносам и разбросаны по всей огромной территории Северной Евразии. Поэтому их сходство нельзя объяснить только связями или традициями. Оно обусловлено общей идейной подосновой: тем вариантом погребального обряда перехода, в котором ключевую роль играл антропоморфный двойник умершего. Благодаря этому указанное сходство имеет концептуальный, системный характер. Оно, как можно было убедиться, распространяется не только на отдельные элементы, но и на всю структуру. Все это вместе взятое позволяет считать этнографические параллели ямным стелам не только правомерными, но и доказательными.

В пределах территории ямной общности, которая простирается от Южного Приуралья до Среднего Подунавья, погребения со стелами являются чисто локальным явлением. Они характерны для Северного Причерноморья, а точнее — для южнобугского варианта ямной культуры. Но и среди погребений этого варианта они не составляют большинства. Получается, что обряд со стелами использовался только частью местного населения. В литературе распространено мнение, что это были представители местной элиты. Но, судя по большому количеству находок стел и их разнообразию, они принадлежали сравнительно многочисленной и разнородной группировке людей. Прежде чем развить эту тему дальше, коротко остановимся на половой принадлежности стел.

Судя по иконографии стел, среди них нет достоверных женских изображений. Иногда за таковые принимают стелы, у которых якобы показаны женские груди (Тиритака и др.). В действительности, это мужские грудные соски. В частности, они есть на Керновском «идоле», лицо которого обрамлено бородой (рис. 1, 4). С другой стороны, имеется несколько показателей мужской принадлежности стел. Это физиологические признаки пола, а также оружие. К числу таких показателей можно также отнести изображения поясов. Они есть у нескольких стел первой группы. Их можно считать непрямым атрибутом костюма мужчины-воина, так как они в основном предназначались для крепления оружия. Все же нужно признать, что вопрос о половой принадлежности стел нужно оставить открытым. Для его решения не хватает антропологических определений тех скелетов, с которыми найдены стелы.

Вполне очевидно, что стелы не являются портретными изображениями погребенных. Но, судя по разнообразию их оформления, они могут дать общее представление об их социальном положении. В этом отношении ямные стелы можно сравнить с современными надгробными памятниками.

По данным сибирской и среднеазиатской этнографии, на которые ссылается Н.Д. Довженко, погребальный обряд с куклами и каменными изваяниями был распространен среди привилегированной части населений (Довженко, 1979. С. 32). Возможно, что такая же ситуация была и в ямной культуре. Если быть более осторожным, то, вероятно, стелы использовала только часть ямного населения — та часть, которая отличалась своими религиозными воззрениями. Судя по типологии стел, это население не было однородно в социальном отношении и делилось, по меньшей мере, на две группировки. Одну из них представляли стелы второй группы. Это самые простые, можно сказать, примитивные изваяния. Для их изготовления не требовалось больших затрат труда и особого мастерства. Они делались из самых доступных и дешевых пород камня. В основном — это был известняк-ракушечник, месторождения которого повсеместно встречаются в Северном Причерноморье. Эти стелы составляют самую многочисленную группу. Сейчас их известно несколько сотен. В основном, они происходят из перекрытий ямных могил. Широкое распространение этих стел свидетельствует в пользу того, что их могло использовать рядовое население.

Надо полагать, что к совсем другой группировке ямного населения принадлежали т.н. реалистические стелы первой группы. Многие из них отличаются высоким качеством исполнения. Некоторые из них можно отнести к числу лучших образцов антропоморфной скульптуры эпохи раннего металла всей Северной Евразии. У них хорошо выражены антропоморфные и анатомические признаки, показаны элементы одежды, есть изображения оружия, украшений и т.д. Некоторые из них отличаются и своими внешними очертаниями. Это не прямоугольные плоские плиты, как у большинства стел, а узкие, удлиненные блоки наподобиеobelisks (Ак-Чокрак, Черноречье, Казанки, Чобручи). Стелы этой группы известны в небольшом количестве, всего около 50 экз. Почти все они, за небольшим исключением, обнаружены случайно. Правда, есть указания, что некоторые из них найдены на курганах или близ них. Поэтому нет особых сомнений, что они также были связаны с погребальными памятниками.

В литературе стелы этой группы нередко интерпретируют как изображения вождей, старейшин, шаманов и т.д. Если они действительно запечатлели образы представителей этих категорий людей ямного общества, то обращает на себя внимание их воинская атрибутика. У 10 или 11 стел показаны различные предметы вооружения: каменные и металлические топоры, лук и стрелы, колчаны, кинжалы (?), булава. На одной стеле может быть по несколько одинаковых предметов вооружения. Это оружие совсем не означает, что все представители ямной элиты действительно были воинами. Скорее всего, оружие было символом их власти. В этом отношении показательна скульптура человека из Чобручи. Он держит в руках перед грудью каменный топор (рис. 5, 12). Что касается стел с поясами, то этот элемент одежды, по всей вероятности, указывает только на половую принадлежность изображенных людей.

В особое подразделение следует выделить стелы с изображением людей, украшенных бусами (Александровка, Утконосовка, Шевченко, Эзеро, Плачидол). В двух или трех случаях низки бус несколькими рядами спускаются на грудь, в остальных — они украшают только шею (рис. 1, 6). Никаких других изображений на этих стелах нет, если не считать поясов у двух из них. Атрибуция этих стел, как

и стел вариантов В и Г первой группы, в социальном отношении сейчас не представляется возможной. Поэтому вопрос об их культурно-исторической интерпретации придется оставить открытым.

Завершая работу, кажется целесообразным вновь акцентировать внимание на ее основных положениях. Абсолютное большинство проанализированных стел принадлежит ямной культуре и относится к числу ее погребальных памятников. Поэтому их, прежде всего, необходимо рассматриваться в контексте погребального обряда этой культуры. С методической точки зрения это единственно правильный подход, так как он учитывает сущность самого явления. Конечно, это не исключает другие возможные интерпретации стел, но уже на следующем этапе исследования.

Погребальный обряд ямной культуры является одной из разновидностей обрядов перехода, описанный А. ван Геннепом. Его основной целью является переправа, переход субстанции погребенного в загробный мир. Есть основание полагать, что в этом процессе ключевую роль играли антропоморфные стелы. Анализ их иконографии показал, что они совмещают черты живого и мертвого человека. Они как бы располагаются на границе двух миров. Изображения на стелах таких символов движения, как стопы и посохи, показывают, что посредством этих изваяний и осуществлялся переход.

Судя по этнографическим аналогиям, стелы, как и куклы в погребениях некоторых сибирских народов, были воплощением субстанции погребенных. Л.Я. Штернберг назвал их «душами-двойниками умерших». Они являлись своего рода знаками отделения души от бренного тела. Это разделение привело к тому, что похоронный ритуал растянулся во времени и разделился на несколько этапов.

Так, в ямной культуре на первом этапе похорон труп помещался в могильную яму, выкопанную на курганной площадке. Ее плотно закрывали каменными плитами, но не возводили насыпь. Одновременно изготавливали стелу, имитирующую умершего. Она устанавливалась на родовом кладбище или в специально отведенном месте. Там она находилась в течение какого-то промежутка времени и, возможно, являлась объектом каких-то ритуальных действий. Затем ее выкапывали и укладывали в перекрытие могилы, где находился труп. Над могилой возводилась курганная насыпь или делалась ее досыпка. На этом основная часть похорон завершалась.

Таков один из возможных вариантов процесса похорон со стелами в ямной культуре. В литературе нередко можно встретить мнение, что погребения со стелами в основном принадлежали племенной и родовой знати. Но вряд ли это предположение является правильным. Огромное количество находок стел говорит о гораздо более широком круге людей. Возможно, эти люди составляли некое религиозное объединение, члены которого практиковали особый вид погребального обряда. Судя по тому, что стелы разделяются на простые схематические изваяния и т.н. реалистические, они могли принадлежать людям с разным социальным статусом. Их могли использовать как рядовое население, так и представители местной знати.

В заключение еще раз подчеркнем, что стелы ямной культуры являются неотъемлемым компонентом погребального обряда. Их можно назвать двойниками умерших. Но они не являются их памятниками и тем более изображениями каких-то божеств. Возможно, что в рамках этой концепции следовало бы интерпретировать и другие антропоморфные стелы эпохи раннего металла Северной Евразии, связанные с погребальными памятниками.

Литература

- Алексеева, 1992 — Алексеева И.Л. Курганы эпохи палеометалла в Северо-Западном Причерноморье. Киев: Наукова думка, 1992. 131 с.
- Археологія України, 2005 — Археологія України: Курс лекцій / Отв. ред. Л.Л. Залізняк. Київ: Либідь, 2005. 504 с.
- Братченко, 2001 — Братченко С.Н. Донецька катакомбна культура раннього етапу. Луганськ: Шлях, 2001. Ч. I. 76 с.
- Братченко, 2004 — Братченко С.Н. Прадавня Слобожанщина: Сватівські могили — кургани III тис. до н.е. та майдани // МДАСУ. 2004. Вип. 2. С. 65–190.
- Братченко, Шапошникова, 1985 — Братченко С.Н., Шапошникова О.Г. Катакомбная культурно-историческая общность // Археология Украинской ССР. Т. 1: Первобытная археология / Отв. ред. Д.Я. Телегин. Киев: Наукова думка, 1985. С. 403–420.
- Гей, 1999 — Гей А.Н. О некоторых символических моментах погребальной обрядности степных скотоводов Предкавказья в эпоху бронзы // Погребальный обряд. Реконструкция и интерпретация древних идеологических представлений / Отв. ред. В.И. Гуляев. М.: Восточная литература, 1999. С. 78–113.
- ван Геннеп, 1999 — Геннеп А., ван. Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов / Пер. с франц. Ю.В. Ивановой, Л.В. Покровской. М.: Восточная литература, 1999. 198 с.
- Давня історія України, 1997 — Давня історія України. В трьох томах. Т. 1: Первісне суспільство / Від. ред. В.Н. Станко. Київ: Наукова думка, 1997. 559 с.
- Довженко, 1979 — Довженко Н.Д. Поховання з антропоморфними стелами у світлі етнографічних матеріалів // Археологія. 1979. № 32. С. 27–35.
- Довженко, 1993 — Довженко Н.Д. Проблеми дослідження найдавніших мегалітичних пам'яток України // Праці центру пам'яткознавства. 1993. Вип. 2. С. 108–135.
- Довженко, Солтыс, 1991 — Довженко Н.Д., Солтыс О.Б. О традиции изображения «стоп» в погребальном обряде катакомбных культур Северного Причерноморья // Катакомбные культуры Северного Причерноморья / Отв. ред. С.Н. Братченко. Киев: Наукова думка, 1991. С. 117–127.
- Иванова, 2001 — Иванова С.В. Социальная структура населения ямной культуры Северо-Западного Причерноморья. Одесса: Друк, 2001. 244 с.
- Иванова, 2020 — Иванова С.В. Традиції та інновації в умовах фронтира: поховання з посохом у с. Пологи // Пологівський посох: досвід міждисциплінарного вивчення. Колективна монографія / Ред. В.В. Отрощенко та ін. 2-е вид., виправ. Київ: Друкарський двір Олега Федорова, 2020. С. 46–81.
- Каталог..., 1979 — Каталог археологических коллекций / Сост. Б.А. Раев. Новочеркасск: Новочеркасский музей истории донского казачества, 1979. 162 с.
- Кияшко, 1994 — Кияшко В.Я. Между камнем и бронзой (Нижнее Подонье в V–III тыс. до н.э.). Азов: Азовский краеведческий музей, 1994. 132 с. (Донские древности; Вып. 3).
- Кияшко, 2002 — Кияшко А.В. Культурогенез на востоке катакомбного мира. Волгоград: Изд-во Волгоградского ун-та, 2002. 268 с.
- Квеннелл, Квеннелл, 2005 — Квеннелл М., Квеннелл Ч. Гомеровская Греция. Быт, религия, культура / Пер. с англ. И.А. Емца. М.: Центрполиграф, 2005. 189 с.
- Клейн, 1979 — Клейн Л.С. Смысловая интерпретация совместных погребений в степных курганах бронзового века // Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы: Тезисы докл. конф., Донецк, 3–6 декабря 1979 г. / Отв. ред.: А.А. Моруженко, Т.А. Шаповалов. Донецк: Б.и., 1979. С. 18–20.
- Клейн, 2014 — Клейн Л.С. Кого изображали чечурчечские статуи? // РАЕ. 2014. № 4. С. 226–235.
- Кореневский, 1999 — Кореневский С.Н. Культ столы у племен юга Восточной Европы и Предкавказья в эпоху энеолита и бронзы (археологические источники и некоторые вопросы развития древних верований) // Погребальный обряд: реконструкция и интерпретация древних идеологических представлений / Отв. ред. В.И. Гуляев и др. М.: Восточная литература, 1999. С. 54–77.
- Крылова, 1976 — Крылова Л.П. Керносовский идол (стела) // Энеолит и бронзовый век Украины: исследования и материалы / Отв. ред.: С.С. Березанская и др. Киев: Наукова думка, 1976. С. 36–46.
- Кулаковский, 2019 — Кулаковский Ю.А. Смерть и бессмертие в представлениях древних греков. М.: Кн. дом «Либроком», 2019. 136 с.
- Лесков, 1972 — Лесков А.М. Новые сокровища курганов Украины. Л.: Аврора, 1972. 152 с.
- Литвиненко, 2020 — Литвиненко Р.О. Неординарне поховання бронзового віку з ґірлігою: культурно-хронологічна оцінка // Пологівський посох: досвід міждисциплінарного вивчення. Колективна монографія / Ред.: В.В. Отрощенко та ін. Київ: Друкарський двір Олега Федорова, 2020. С. 88–102.

- Монгайт, 1974 — Монгайт А.Л. Археология Западной Европы. Бронзовый и железные века. М.: Наука, 1974. 408 с.
- Нам, 1999 — Нам Е.В. Сибирский шаманизм и «шаманский комплекс» в античной культурной традиции: опыт сравнительного анализа: Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.07. Томск, 1999. 19 с.
- Николова, 2000 — Николова Л. Ямная культура на Балканах (динамика структуры погребального обряда и соотношение с другими культурами ранней бронзы) // *Stratum plus*. 2000. № 2. С. 423–458.
- Новицкий, 1990 — Новицкий Е.Ю. Монументальная скульптура древнейших земледельцев и скотоводов Северо-Западного Причерноморья. Одесса: Изд-во Управления культуры, 1990. 181 с.
- Отрощенко, 2020 — Отрощенко В.В. Пологівська ґирлиґа: стратиграфія, культурна належність, семантика // Пологівський посох: досвід міждисциплінарного вивчення. Колективна монографія / Ред.: В.В. Отрощенко та ін. Київ: Друкарський двір Олега Федорова, 2020. С. 128–153.
- Пропп, 1986 — Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. Л.: Изд-во ЛГУ, 1986. 366 с.
- Папанова та ін., 2020 — Папанова В.А., Тоцев Г.М., Каїра Ф.В., Короткий О.В. Розкопки курганных могильників № 2007 і № 2417 (м. Пологи та с. Пологи Пологівського району Запорізької області) у 2018 р. // Пологівський посох: досвід міждисциплінарного вивчення. Колективна монографія / Ред. В.В. Отрощенко та ін. 2-е вид., виправ. Київ: Друкарський двір Олега Федорова, 2020. С. 8–45.
- Петрухин, 1998 — Петрухин В.Я. Загробное путешествие // Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2 т. / Гл. ред. С.А. Токарев. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. Т. 1: А-К. С. 453.
- Пустовалов, 2005 — Пустовалов С.Ж. Соціальний лад катакомбного суспільства Північного Причорномор'я. Київ: Шлях, 2005. 412 с.
- Райнхольд, 2018 — Райнхольд С. В новый мир — изображения человека и отражение социальных архетипов в Западной Евразии после неолита // УИВ. 2018. № 1 (58). С. 62–73.
- Ричков, 1982 — Ричков М.О. Про зображення «ступнів ніг» на антропоморфних стелах доби раннього металу // Археологія. 1982. № 38. С. 64–69.
- Смирнов, 2004а — Смирнов А.М. Изображения посохов на антропоморфных изваяниях эпохи энеолита в Северном Причерноморье: аналогии и интерпретация // Памятники археологии и древнего искусства Евразии. Сборник статей памяти Виталия Васильевича Волкова / Отв. ред. А.Н. Гей. М.: ИА РАН, 2004. С. 65–92.
- Смирнов, 2004б — Смирнов А.М. О бичах на статуях-менгирах, атрибуты Осириса и еще об экономике // Там же. С. 93–103.
- Супруненко, 1991 — Супруненко А.Б. Антропоморфная стела эпохи раннего металла из Полтавской области // СА. 1991. № 3. С. 153–160.
- Телегін, 1971 — Телегін Д.Я. Енеолітичні стели і пам'ятки нижньомихайлівського типу // Археологія. 1971. Вип. 4. С. 3–17.
- Телегін, Потехіна, 1998 — Телегін Д.Я., Потехіна І.Д. Кам'яні «боги» мідного віку України. Доповідь, прочитана авторами на міжнар. конференції «Кам'яні боги Європи» в м. Аоста, Італія, 1998 р. Київ: [Укр. товариство охорн. пам'яток культури. Секц. археол.], 1998. 46 с.
- Тоцев, Папанова, 2020 — Тоцев Г.Н., Папанова В.А. Погребения эпохи бронзы пологовского кургана // Пологівський посох: досвід міждисциплінарного вивчення. Колективна монографія / Ред.: В.В. Отрощенко та др. Київ: Друкарський двір Олега Федорова, 2020. С. 154–184.
- Трифонов и др., 2018 — Трифонов В.А., Шишлина Н.И., Лобода А.Ю., Хвостиков В.А. Крюк с изображением сцены кулачного поединка из дольмена майкопской культуры, станица Царская, Северо-Западный Кавказ // КСИА. 2018. Вып. 251. С. 25–42.
- Фещенко, 2014 — Фещенко Є.Л. Антропоморфні стели в похованнях катакомбної культури України // Вісник Дніпропетровського університету. Серія: Історія та археологія. 2014. Вип. 22. С. 196–202.
- Формозов, 1969 — Формозов А.А. Очерки по первобытному искусству. Наскальные изображения и каменные изваяния эпохи камня и бронзы на территории СССР. М.: Наука, 1969. 255 с. (МИА. № 165).
- Формозов, 1970 — Формозов А.А. Эпический сюжет в Причерноморском искусстве бронзового века // КСИА. 1970. Вып. 123. С. 48–50.
- Харлампович, 1908 — Харлампович К.В. К вопросу о погребальных масках и куклах у западно-сибирских инородцев // Известия Общества археологии, истории и этнографии. 1908. Т. 23. Вып. 1. С. 476–481.
- Харузин, 1905 — Харузин Н.Н. Этнография: Лекции, чит. в Моск. ун-те. Вып. IV. Верования. Материалы для библиографии этнографической литературы / Посмерт. изд., под ред. В. Харузиной. СПб.: Гос. тип., 1905. [4], 530, 295 с.

- Цимиданов, 2002 — Цимиданов В.В. Погребения со стелами в ямной культуре Северо-Западного Причерноморья // *Stratum plus*. 2002. № 2. С. 370–385.
- Цыбрий, Кияшко, 2011 — Цыбрий А.В., Кияшко В.Я. Новое антропоморфное изваяние эпохи ранней бронзы // *Археологические записки*. 2011. Вып. 7. С. 77–80.
- Черняков, 2005 — Черняков И.Т. Стела бронзової доби з Верхоріччя // *Археологія*. 2005. № 1. С. 37–46.
- Шапошникова и др., 1986 — Шапошникова О.Г., Фоменко В.Н., Довженко Н.Д. Ямная культурно-историческая область (южнобугский вариант). Киев: Наукова думка, 1986. 160 с. (САИ; Вып. В1-3).
- Штернберг, 1936 — Штернберг Л.Я. Первобытная религия в свете этнографии. Исследования, статьи, лекции / Под ред. и с пред. Я.П. Алькора. Л.: Изд-во Ин-та народов Севера ЦИК СССР им. П.Г. Смидовича, 1936. 573 с. (Материалы по этнографии / Науч.-иссл. асс-ция Ин-та народов Севера ЦИК СССР им. П.Г. Смидовича; Т. 4).
- Щепинский, 1963 — Щепинский А.А. Памятники искусства раннего металла в Крыму // *СА*. 1963. № 3. С. 38–47.
- Этруски..., 1998 — Этруски: Итальянское жизнелюбие / Пер. с англ. О. Соколовой. М.: Терра-Книжный клуб, 1998. 168 с. (Энциклопедия «Исчезнувшие цивилизации»).
- Dumitrescu, 1974 — Dumitrescu V. *Arta preistorică în România*. București: Meridiane, 1974. 511 p. (România — mari epoci de artă).
- Häusler, 1966 — Häusler A. *Anthropomorphe Stelen des Eneolithikums im nordpontischen Raum* // *Wissenschaftliche Zeitschrift der Martin-Lüter Universität. Halle, Wittenberg*. 1966. Bd. 15, H. 1. S. 29–73.
- Marinatos, 1984 — Marinatos N. *Art and religion in Thera: reconstruction a Bronze Age society*. Athens: D. & I. Mathioulakis, 1984. 128 p.
- Telegin, Mallory, 1994 — Telegin D.Ya., Mallory J.P. *The Anthropomorphic Stelae of the Ukraine: The Early Iconography of the Indo-Europeans*. Washington, 1994. 134 p. (Journal of Indo-European Studies Monograph Series; No. 11).
- Videski, 2022 — Videski Z. Dimov Grob. A necropolis from the Late Bronze Age. *NU Archaeological Museum of Republic of North Macedonia*, 2022. 341 p. (Серија Монографији; Кн. 1).
- Vierzig, 2017 — Vierzig A. *Menschen in Stein. Anthropomorphe Stelen des 4. und 3. Jahrtausends v.Chr. zwischen Kaukasus und Atlantik*. Bonn: Dr. Rudolf Habelt, 2017. 476 S. (UPA; Bd. 306).

Semantics of Stone Anthropomorphic Stelae of the Early Metal Age of the Northern Black Sea Region and Crimea

Vadim S. Bochkarev³

The paper studies anthropomorphic stone stelae of the Yamnaya culture of the Northern Black Sea region and Crimea. Considering the fact that many of these stelae (about 200 specimens) were found in burials of this culture, the study argues that they should be analyzed in the context of the Yamnaya burial rite. Semantic analysis, as well as Siberian ethnographic analogies, allow us to interpret the stelae as images of the hypostasis of the dead. They are sui generis their soul-doubles.

Keywords: *Northern Black Sea region, Crimea, Early Metal Age, Yamnaya culture, anthropomorphic stone steles, semantics*

³ Vadim S. Bochkarev — Institute for the History of Material Culture of the RAS, 18A Dvortsovaya Emb., St. Petersburg, 191181, Russian Federation; e-mail: bovad872@gmail.com; ORCID: 0000-0003-3474-1192.

ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ И ОТНОСИТЕЛЬНЫХ ДАТИРОВОК АНТРОПОМОРФНЫХ СТЕЛ ЭНЕОЛИТА — БРОНЗОВОГО ВЕКА

А.Е. Кислый¹

Несколько глобальных тем в исследовании антропоморфных стел обсуждаются уже давно. По многим признакам, включая условия обнаружения, такие памятники действительно уникальны. В редких случаях они находятся in situ. Есть ли в таком факте культурологический смысл или отражение определенной трансформации социумов? Особенности находок стел порождают разные мнения об их датировке и культурной принадлежности. А территории распространения, стабильность стиля и образов позволяют поднимать вопросы конвергенции, связей, миграций древнейшего населения Евразии. Автор полагает, что обращение к некоторым закономерностям демографических трансформаций древних сообществ может дать ответ на ряд поставленных вопросов.

Ключевые слова: энеолит, эпоха бронзы, антропоморфные стелы, миграции, конвергентные связи, демоэкономика древних социумов

<https://doi.org/10.31600/978-5-6052467-6-3.33-50>

Каменные антропоморфные стелы энеолита — бронзового века определенного облика и происхождения, главным образом, с территории Северного Причерноморья, остаются одной из наиболее актуальных тем изучения и тайн археологии. Исследователи анализировали эти находки с точки зрения их культурной принадлежности (от загадочной энеолитической «приморской» культуры до киммерийской), аналогий в Средиземноморье, на Ближнем Востоке и не только, искусствоведческого анализа (например, А.А. Формозов), выделения типов (однако в основном это сделано чисто технически), картографирования и ассоциативного сравнения разных деталей изображения (Lhommeux, 2018), социокультурного анализа (лучше всего представлен «керносовский идол» — см.: Давня..., 1997. С. 494; и др.).

В традиционном археологическом познании типологический метод анализа, систематизации и поиска хронологических (эволюционных) рядов артефактов является одним из основных. Иного столь эффективного в данной науке метода еще не предложено, хотя есть большие надежды на всевозможные современные анализы методами естественных наук. Однако надо заметить, что в случае с изучением антропоморфных стел рассматриваемого периода и старый метод, и новые подходы вряд ли адекватно применимы. Тому есть несколько причин. Главная из них — абсолютное большинство стел лишь частично связаны с контекстом необходимых для полноценного анализа артефактов.

Очевидная трудность обусловлена особенностями обнаружения стел. Среди всех категорий археологического материала (и даже стел разного времени) такая особенность, надо отметить, уникальна. В редчайших случаях они находятся

---

¹ Александр Евгеньевич Кислый — Институт археологии Крыма РАН, пр. Академика Вернадского, д. 2, Симферополь, Республика Крым, 295007, Российская Федерация; e-mail: kisly.a@mail.ru; ORCID: 0000-0002-3324-6432.

in situ. Случайно ли это? Есть ли в таком факте культурологический смысл, обрядовость, вера или это отражение определенной трансформаций социумов? Особенности находок стел порождают разноплановость мнений об их возможной датировке, происхождении и культурной принадлежности. Наконец, достаточно широкая территория распространения изваяний, продолжающиеся традиции стилиа и образов позволяют поднимать вопросы конвергенции и/или культурных связей, миграций древнейшего населения Евразии.

Относительно второго вопроса отметим, что он связан с общей проблемой археологии о сути конвергенции далеких культур или стадийного развития. Нет пока признанной теории социокультурно оправданных аналогий. Выручают исследователей чаще всего интуиция или чувство меры.

Вопросы не решены, а потому исследователям приходилось разрабатывать заранее несколько искусственные типологии, например, отнести яркие стелы к одной культуре, а простые к другой (Щепинский, 1963), или же упрощенно смешав все известные находки антропоморфных стел от простейших без выступа-головы до самых сложных, в которых голова полностью выделена или присутствуют другие, возможно, инокультурные детали, и тогда, конечно, типология чисто внешне может выглядеть как представляющая длинный (семь типов) «прямой эволюционный ряд» (Формозов, 1969. С. 179). Однако теперь понятно, что такой сплошной «полный» ряд может быть и не связан с развитием изделий/традиции во времени. Поэтому возникла потребность других типологий, менее детальных (Довженко, 1979; Тоцев, 2002), возможно, более практичных, хотя и типология А.А. Щепинского полезна и имеет смысл. И все же те авторы, кто начинает изучать антропоморфные стелы в широких масштабах, сравнивая разные территории, делают вывод, что «необходимо было бы создать новую типологию этих памятников» на иных основах (Lhonneux, 2018. Р. 121).

Прорыв в исследовании можно было бы сделать, если бы представить хорошую, не техническую типологию антропоморфных стел с определенными характерными особенностями. Следовательно, целесообразно: 1) дополнительно проанализировать экономические и социокультурные условия от создания до упадка искусства антропоморфных стел; 2) представить яснее то население, которое оставило такие стелы.

Но такое было бы возможно, если бы мы знали смысл этого древнего искусства и культурную атрибуцию хотя бы большинства памятников. Для предположения каких-то смыслов надо иметь дополнительные системные представления о том времени и сообществах, кроме представления о прогрессе, достижениях скотоводства, земледелия и о традиционно гадательных образах-изображениях на этой основе. Например, И.В. Палагута и Е.Г. Старкова при методологически подобном анализе древних орнаментов Триполья замечают о необходимости выхода «...на тот уровень исследования, где вместо «анекдотического» объяснения <...> форм по принципу свободной ассоциации, основной целью является выявление тех принципов, на которых строится композиция, именно эти принципы ложатся в основу...» творчества, художественного стиля. Отрицая вольность трактовок и даже возможность расшифровки деталей, авторы сужают анализ до выявления принципов построения композиции (Палагута, Старкова, 2023. С. 94–95). Границы познания, обозначенные исследователями, понятны и для нас приемлемы. Действительно, наше познание, анализ теперь должны быть качественно иными. Тогда в поисках можно попытаться пойти не от характеристики отдельных артефактов или внешних территориально далеких аналогий, а от понимания потребностей изучаемого населения. Возможно, в таком прочтении даже далекие аналогии (скажем,

от Алтая до Западной Европы) покажутся не только конвергенцией. Сегодня в научной литературе немногие будут утверждать, что идеи Ю.Г. Андерссона (*Andersson*, 1929. Р. 65–69) о сходстве керамики Яншао, Анау, Суз (Элам) и Триполья продуктивны для предположения о наличии миграций в ту или иную сторону. Но со стелами мы вынуждены вновь и вновь ставить подобные вопросы изучения альтернативных направлений миграций, что было отражено в анонсированных вопросах к междисциплинарному симпозиуму «Монументальность и монументальная скульптура...» (Монументальность..., 2024). И все же опыт изучения более простого (ибо есть культурная атрибутика) явления — ранней расписной керамики — может быть использован как внешняя, формализованная модель поисков. В явлениях расписной керамики и антропоморфных стел имеется много общего — вызов одного времени, широчайшая территория, локальные стили, общее типологическое сходство и т.п.

Подчеркивая определенную гипотетичность дальнейших археолого-социологических построений, заметим, что наиболее мы уверены в базовой их части, относимой к демографии и демоэкономической структуре представляемого населения. Эти вопросы однозначны.

В недавней аналитической работе (хронология, картографирование, социальный статус, пол и др.) Сабины Райнхольд основной вопрос поставлен в той же парадигме, на которой мы базируемся: стелы широко распространены и в разных контекстах на протяжении длительного времени, вероятно, нельзя интерпретировать их как простое распространение одной и той же традиции. «В таком случае, что стоит за этим явлением, нашедшим выражение в сооружении каменных изваяний с поразительно похожей иконографией в столь отдаленных друг от друга регионах — от Иберийского полуострова до Монголии?» (*Райнхольд*, 2018. С. 66). Далее автор приводит набор широко известных пассажей о влиянии «решающих преобразований» в металлургии, скотоводстве, земледелии, социальной сфере, и заключает, что «...траектории перечисленных элементов были слишком разнообразными, чтобы их можно было ассоциировать с одним крупным миграционным процессом или с одной группой населения» (Там же. С. 71). По сути, скрупулезный авторский анализ привел к уже известной, внешне рациональной парадигме.

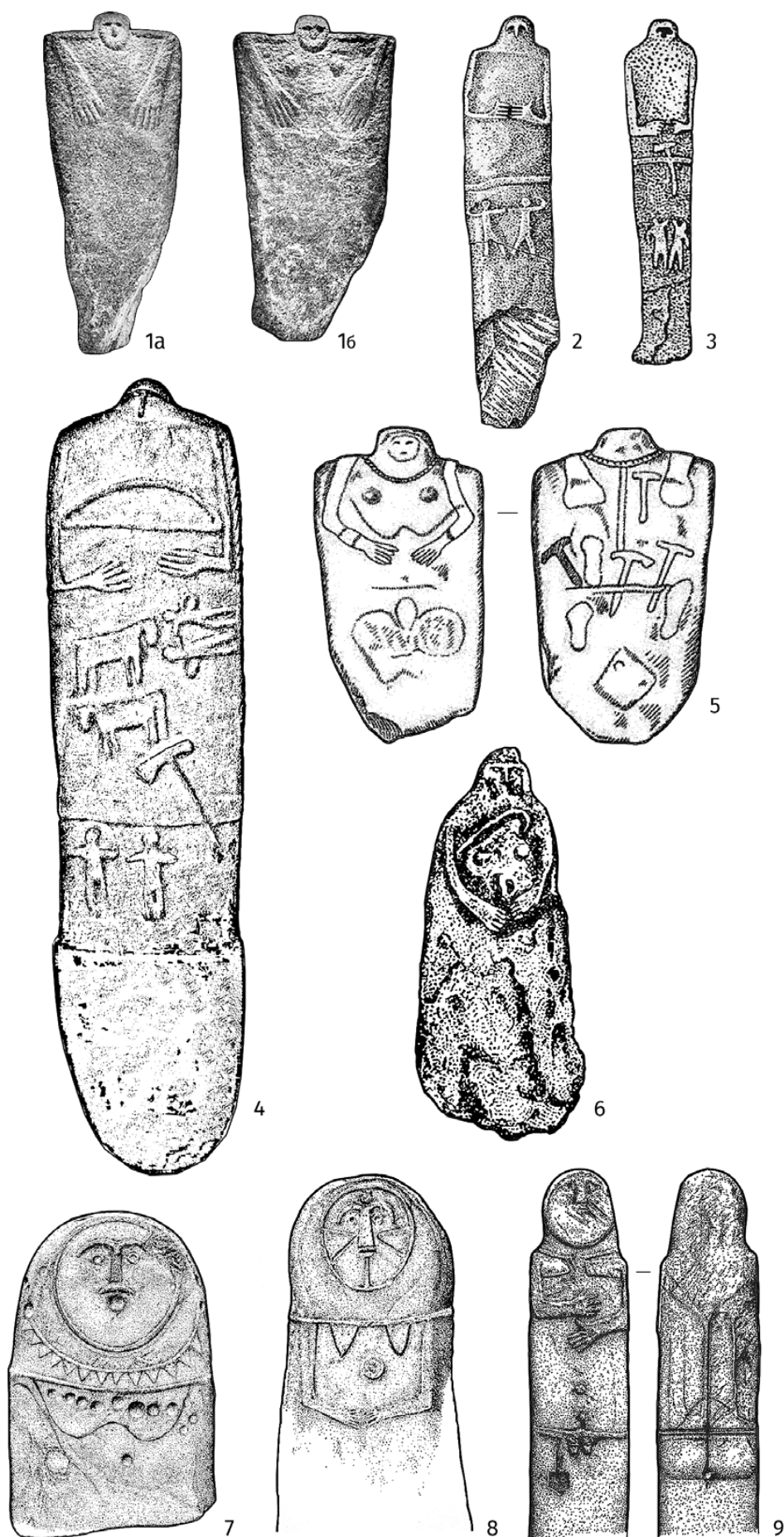
Итак, наиболее устоявшееся представление об исследуемых обществах — успехи производящего хозяйства и патриархат. Поэтому анализ изображений на стелах чаще всего убеждает исследователей, что мы имеем дело со «становлением антропоморфного мужского образа» времени формирования и господства патриархальных отношений (Давня..., 1997. С. 367). С этим можно согласиться при одном уточнении. Освоение степной полосы скотоводами проходило постепенно, это был процесс долговременный. Следовательно, такое освоение требовало определенного напряжения сил, приводило к долговременным деструкциям в экономико-демографическом развитии, в сложной структуре социумов (в дальнейшем: «демоэкономическое развитие» и «демоэкономические отношения», как отношения, которые возникают в обществе по поводу воспроизведения жизни в целом, включая отношения «природа-общество»). Что в первую очередь случалось с такими социумами всегда, когда речь шла об освоении новых территорий или общественно значимых новейших технологий? В первую очередь возникала потребность в изменении качества населения, а конкретно и наиболее ярко — в приросте мужской его части. Решалось это по-разному в разные времена. Возможен был простой миграционный приток своеобразного по качественным показателям населения, то есть маскулинизированного населения или только мужчин, что хорошо известно из истории. Однако в условиях закрытых или значительных по своим размерам

территорий, таких как степи Евразии и другие экстенсивно развивающиеся зоны, возникает системная потребность в качественно новом населении, где мужчин должно быть столько, чтобы хватало на войны, освоение новых земель, выпас многочисленного скота, на подневольный труд в хозяйствах родителей, старших братьев. Характерным было приблизительно двойное численное превышение мужской части населения во взрослом состоянии, соответственно, какая-то часть мужчин никогда не имела семьи, не имела на нее права. В глобальном охвате маскулинизация достигалась путем большей продолжительности жизни мужчин в сравнении с женщинами (Кислый, 1989). Социальные искривления гендерных отношений выливаются в падение продолжительности жизни населения, «естественное» количество женщин оказывается ненужным. Ф. Энгельс с присущей ему прозорливостью, еще не зная новейших (современных нам) фактов о падении продолжительности жизни, по этому поводу напишет: «...теперь женщины стали редки, и их приходилось искать» (Энгельс, 1980. С. 52, 61).

Естественно, в самих социумах обострялись спорные вопросы собственности, социально-экономических отношений между полами (гендерных), половозрастной классовой эксплуатации. Общество должно было маскулинизироваться, патриархальные отношения должны были победить, однако не сразу. При такой ситуации очень вероятно возникновение временных тенденций к поискам власти женщинами. Само по себе изменение гендерных ролей здесь допустимо, такая возможность давно показана этнологами и социологами, начиная с Маргарет Мид (Mead, 1935). Предположение для Северного Причерноморья, а также иных территорий небезосновательно по двум причинам. Во-первых, рядом со степняками имелись примеры иного типа ведения хозяйства, например, в среде культуры Кукутень-Триполье, где женщина была в относительном почете. Во-вторых, отдельные антропоморфные стелы свидетельствуют об описанной ситуации гендерного противостояния (рис. 1). В первую очередь, это две² тиритакские стелы, передающие парное изображение мужчины и женщины (рис. 1, 1а, 1б). Они тождественны по стилю, в одинаковой манере выполнены их верхние части, даже нижние части, которые были спрятаны в постамент или землю, имеют одинаковый скос. Однако женское изображение массивнее, женская фигура передана более величественно. По-видимому, многие из находок примитивных без изображений парных стел или сразу двух стел в перекрытии могилы, в ограде-кромлехе (Широкое возле Кривого Рога, Артезиан на Керченском полуострове, Портовое, Поповка в Западном и Северо-Западном Крыму и др.) сначала представляли пару — мужчину и женщину. Здесь мы не рассматриваем проблему культурной связи стел и раскопанного захоронения. Просто учтем, что в случае постановки двух стел на алтаре или применении в каком-то ритуале существует большая вероятность их совместимого последующего использования. Понятно, что по нашей версии таких парных стел должно быть какое-то внушительное количество. Так оно и есть. По подсчетам Н.Д. Довженко, из 89 захоронений с антропоморфными стелами 22 захоронения имели по две стелы и только шесть захоронений — три или четыре, остальные — одну (Довженко, 1979. С. 29).

Как должны были поступать создатели стел, если тема противостояния оставалась, но не было технико-экономической возможности ставить две стелы или традиция «двух стел» уходила в прошлое, отживала? Определенное время должны были изображать такое противостояние на одной стеле, что можно наблюдать на крымских стелах из Казанок, Чокрака, Верхоречья и др. (рис. 1, 2–4). Почему

2 Напомним, третья обнаруженная стела была сильно фрагментирована.

Рис. 1. Стелы с женскими признаками, с иконографией противостояния или трансформации гендерных ролей:
1а, 1б — Тиритака (Крым);
2 — Казанки (Крым); 3 — Чокрак (Крым); 4 — Верхоречье (Крым);
5 — Бая-Хаманжия (Румыния);
6 — Коллорж (Франция);
7 — Кайнар-1 (Алтай);
8 — Кайнар-2 (Алтай);
9 — Сентас (Китай)
(ссылки на источники иллюстраций — см. в тексте)

Fig. 1. Steles with feminine characteristics, with iconography of confrontation or transformation of gender roles: 1a, 1b — Tiritaka (Crimea); 2 — Kazanki (Crimea); 3 — Chokrak (Crimea); 4 — Verkho-rechye (Crimea); 5 — Baia-Haman-gia (Romania); 6 — Collorgues (France); 7 — Kainar-1 (Altai); 8 — Kainar-2 (Altai); 9 — Sentas (China) (references to sources of illustrations — see in text)

не всегда на таких парных изображениях подчеркнут пол, как на стеле из Верхоречья? Потому что сама постановка женщины рядом с мужчиной означала смену обычной гендерной роли женщиной, вплоть до выполнения ею властных и военных функций. Одновременно, как увидим далее, в сильно маскулинизированном обществе возможны были разные протоидеологически выдержанные гендерные инверсии.

Заметим, что описываемые процессы проходили на разных территориях в разное время. Поэтому при схожести образов не всегда можно говорить об одном временном континууме. Кроме того, раннее по времени возникновение (возможно, во второй половине V — первой половине IV тыс. до н.э. в Бретани, а затем на юге Франции) традиции украшать стелы изображениями проходило при меньшей востребованности в маскулинизации населения, чем это было, к примеру, в Северном Причерноморье — большой, экстенсивно и длительное время трансформирующейся («развивающейся») территории. В этих условиях первичные локусы «возникновения» антропоморфных стел не играли особую роль в направлении их распространения. За миграциями скрывались более сложные демоэкономические процессы, чем простое желание походов, а затем «модное» влияние стиля в искусстве. Само по себе здесь наше понимание искусства и стиля творчества не совсем приемлемо, однако в этом случае ограничимся лишь замечанием. Очевидно, что в Западной Европе при более сбалансированном хозяйствовании, разнообразии зон и культур, типов воспроизведения жизни не было значимых, длительное время продолжающихся экономических деструкций, а поэтому не было и потребности далеких перемещений оттуда значимых масс какого-то населения (к примеру, мужской его части) на дальние расстояния. Экономические деструкции, гендерные противоречия, безусловно, первоначально возникали при переходе к производящему хозяйству, но они нивелировались на месте. Например, тема борьбы женского и мужского начала в большей степени нашла отражение в орнаментации керамики степных культур Северного Причерноморья эпохи энеолита — бронзы. Напротив, на керамике трипольской земледельческой культуры не имелось подобного, потому что там не было такого острого гендерного противостояния (Кислый, 2005. С. 96–101; и др.).

Важен вопрос: могло ли общество допускать изменение гендерной роли мужчиной? Не только могло, но и потребовало этого, прежде всего, в мифо-идеологическом смысле и вопреки реальной природе. Постепенно труд мужчины-патриарха (особенно скотовода) и его власть над имуществом, скотом, женщинами, младшими мужчинами, воинами приобретали в обществе все большее значение. Уже не было необходимости кому-то доказывать, что потомство принадлежит владыке-мужчине, как полагал в целом Ф. Энгельс (Энгельс, 1980. С. 51–73, 186–187). Теперь важным было признание и утверждение роли «сверхотца» в той его мифической ипостаси, согласно которой от него зависели не только вся реальная жизнь, но и размножение племени. Патриархальные отношения побеждали, закреплялись религиями, в которых один бог-мужчина творил все. Такое творение было выше сверхабстрактно, требовало абстрагирования от вещей, связанных с воспроизведением жизни (в самом широком понимании термина), от которых не мог абстрагироваться земледелец. Особенно подчеркнем, что такая вера, ее развитие было экономическим требованием времени. Это заметил в своих исследованиях еще Александр Мень, отмечая, что магизм земледельца, крестьянина-язычника слишком близок к реальному познанию сути вещей в сравнении с верованиями скотовода. Как только скотоводы-ибри оседали на землю, у них появлялось иное мировосприятие и потребность в изображениях (Мень, 1991. С. 251). Процесс воспроизведения жизни, функционирование демоэкономики земледельцев даже

в наиболее сложные времена нуждался в реалистичных изображениях, тогда как демоэкономика скотоводов требовала более абстрактного мировосприятия (Кислый, 2005. С. 144–158; и др.). Кроме того, в обществе, где особенно важным было численное увеличение населения, где бог не обещал блаженств рая, но обещал верным размножение («размножу потомство твое словно звезды на небесах» — наиболее часто повторяемое обещание из уст Яхве), устанавливаются особенные идеолого-мифологические нормы взаимосвязи мужчины-владыки с процессом размножения. Именно поэтому Зевс из своей головы рождает Афину, хуррито-урартский бог Кумарби таким же образом производит на свет Тешшоба, Брахма из своего тела — Савитри, многочисленные библейские патриархи — потомство («Авраам породил...», «Лемех породил...», Яхве Якову: «Цари выйдут из бедер твоих...» — Бытие 35: 11³). Таким образом, очень вероятно (хотя есть определенные сомнения относительно этого вывода), что некоторые стелы, несколько более поздние в сравнении с вышеупомянутыми группами, одновременно представляли, как женскую, так и мужскую ипостась.

Следовательно, для появления демонстративных изображений соответствующей «половой» тематики на официальных «постерах» (стелах) должно было состояться: 1) ясное общественное понимание и утверждение новой гендерной роли мужчины; 2) более стойкое утверждение культа, идеологии, по которому «все выходит из бедер мужчины» — творца, патриарха, вождя. Не женщину, а мужчину связывают с понятием «размножение». Следовательно, на новом общественном уровне гендерного развития теперь позволялось отдавать свою женщину кому-то для извлечения выгоды, демонстрировать клятвы на мужских половых органах в случае действий, важных для вечности — продолжение себя в потомстве и т.д. (по Библии). Следовательно, можно также выделить стелы периода «развитой патриархальной демократии». Целый ряд находок здесь можно привести как пример, но особенно выразителен Керносковский идол со сценами поиска невесты с друзьями-волколаками⁴, сценой соития, демонстрацией статусности и «эпитафией» о жизни патриарха в рисунках (Кислый, 2022. С. 67–69). В целом эта стела и ряд одновременных ей отличаются от более ранних также тем, что имеют вольное, обусловленное этапом «развитой патриархальной демократии» изображение мужского полового органа (рис. 2, 1–5). Немного позже выделяется половозрастной класс молодых воинов (вчерашних волколаков), имевших значительные потребности дальних походов, прежде всего в поисках-умыканиях брачной пары, оформляется стиль воинского костюма, и на стелах рядом с поясом появляется изображение стрингов (рис. 3, 1–6). При этом первоначально на стелах отражен стиль закрепления полового органа лишь поясом, возможно, так демонстрировалась при сражениях дополнительная маскулинность. Внимательное изучение приемов борьбы яглы-гюреш, сохранившихся на территории Турции в наиболее первозданном виде (предположительно с середины II тыс. до н.э., при этом ее традиции подкреплялись в войсках постоянно, как при Киркпинаре с 1362 г.) подтверждает наше мнение. В гюреш, как известно, также большую роль играет специальный «пояс внутри» — реликт древнего элемента воинского снаряжения. Позже, при сражении обнаженными или даже верхом на лошади до изобретения стремян значение суспензорного подвязывания возрастает (Кислый, 2022. С. 117–118). Один из наиболее ранних образцов высокого суспензорного подвязывания при помощи пояса воина зафиксирован на известной стеле из Натальевки (рис. 3, 1). На ней изображена

3 Ссылки на этот исторический источник даются по несинадальному изданию (Біблія..., 1988).

4 Человек-оборотень, на определенное время принимающий образ волка.

не поясная пряжка выше пояса, как предполагается исследователями, а подан демонстративный натурализм с анатомически характерной вертикальной линией *external orifice urethrae* (рис. 2, 2). Возможно, подобный образ передан на стеле из Чобручи (рис. 3, 6). Здесь подчеркнем, что важные детали на стелах умели ярко передавать, например, поднятый кверху указательный палец и др. (Кислый, 2009. С. 248).

Как же быть с дилеммой, когда очевидно, что, с одной стороны, большинство стел сделаны основательно, слишком дорогие для непродолжительного использования (даже если бы речь шла о богатых сообществах) и стояли они закрепленные надолго вертикально, а, с другой, есть немногочисленные свидетельства того, что стелы специально использовались в захоронениях ямной культуры? Это невозможно объяснить только наличием определенной особенности в размещении отдельных антропоморфных стел в закладе-перекрытии могил (Довженко, 1979. С. 30–31).

Дело в том, что: 1) «ямники» понимали, с чем они имеют дело, для них это был не просто «обычный строительный материал», как считают А.А. Формозов или Д.Я. Телегин (Формозов, 1969. С. 178–179; Телегин, 1971. С. 9); 2) в случае, если бы такой строительный материал использовали случайно, то обязательно сохранились в более-менее значительном количестве остатки тех алтарей (специальных сооружений, капищ, каких-то мест в курганной насыпи и др.), на которых стояли стелы, в некоторых случаях — с остатками стел. Разные факты и точки зрения можно согласовать, если принять, что алтари и стелы по какой-то причине разрушались целенаправленно и достаточно систематически. Причем изображения специально прятались, как в случае с белогрудовскими стелами (Телегин, 1971. С. 9), а чаще всего закапывались в могиле.

Чтобы понять смысл таких действий для человека рассматриваемого периода, обратимся вновь к библейским книгам Ветхого Завета, аналогии из которых, как показано неоднократно для случаев реконструкции степного хозяйства энеолита — эпохи бронзы Северного Причерноморья, оправданы демоэкономически (Кислый, 1996; 2005. С. 127, 160).

Известно, что книги Ветхого Завета, как исторический источник, неоднородны по структуре. Кроме традиционного выделения Яхвиста и Элохиста, необходимо учитывать значительную переработку части текстов еврейскими жрецами, когда те дополнительно познакомились с вавилонскими легендами и обычаями, вероятно, после вавилонского плена в VI–IV вв. до н.э. Известный исследователь истории Древнего Востока Б.О. Тураев, присоединяясь к мнению признанных авторитетов библеистики Х.Ф. Ильгена, Ю. Вельгаузена, Е.Г.Е. Реуса, пишет, что новая прослойка вставок чаще всего «включает в себе священнические законы Исх. 25–31, 35–40, значительную часть книг Левит и Чисел, предварительно подан рассказ о творении (Быт. 1: 1) и потопе» (Тураев, т. I, 1936. С. 21). То есть, два текста (до и после разбития скрижалей), которые передают заповеди, полученные Моисеем (Исх. 20 и Исх. 34), не будут сильно повреждены вставками. Однако эти тексты разные по своему основному смыслу. В фундаментальной «Истории Древнего Востока» (одном из немногих исследований, в котором проанализирована Библия с научной точки зрения) справедливо отмечено, что законы, изложенные в Исх. 20, также достаточно поздние, возможно принадлежат к VIII в. до н.э., а не к II тыс. до н.э., потому что там слишком много морализаторских норм (известное: «Не убий...» и т.д.). И хотя в этом исследовании известный текст из Исх. 20: 2–17 (дополнительно цитируемый, чтобы читатели-ученые поняли идеологическую роль библейских заповедей) называется «Десятью заповедями», все же основной вывод верен (История..., 1988, С. 275–276). Этот же интересный вывод подтверждается тем, что там, где

Рис. 2. Демонстративные изображения патриархальной воспроизводственной тематики:
 1 — Керносовский идол (Украина);
 2 — Натальевка (Украина);
 3 — Чобручи (Поднестровье);
 4а, 4б — Алалах (Сирия);
 5 — Лисичанск (Украина);
 6 — Нововасильевка, раннескифская культура (Украина)
 (ссылки на источники иллюстраций — см. в тексте)

Fig. 2. Demonstrative images of patriarchal reproductive themes:
 1 — Kernosovsky Idol (Ukraine);
 2 — Natalievka (Ukraine);
 3 — Cioburciu (Dniester basin);
 4a, 4b — Alalah (Syria);
 5 — Lisichansk (Ukraine);
 6 — Novovasilevka, Early Scythian culture (Ukraine)
 (references to sources of illustrations — see in text)

Рис. 3. Трансформация мужских образов: стринги; антропология и формы стел во времени:
1 — Натальевка (Украина);
2 — Бая де Криш (Румыния);
3 — Дюбенди (Западный Каспий);
4 — Ашханакеран (Юго-Западный Каспий); 5 — Хаккари (Турция);
6 — Чобручи (Поднепровье);
7 — Нальчик (Северный Кавказ);
8 — Кайнар-1 (Алтай); 9 — Тарн (Франция, Пиренеи); 10 — Усатово (Украина); 11 — Троя I (Турция)
(ссылки на источники иллюстраций — см. в тексте)

Fig. 3. Transformation of male images: thongs; anthropology and forms of stelae over time:
1 — Natalievka (Ukraine);
2 — Baia de Criș (Romania);
3 — Dubendy (Western Caspian);
4 — Ashkhanakeran (Southwest Caspian); 5 — Hakkari (Türkiye);
6 — Cioburciu (Dniester basin);
7 — Nalchik (North Caucasus);
8 — Kainar-1 (Altai);
9 — Tarn (France, Pyrenees);
10 — Usatovo (Ukraine);
11 — Troy I (Türkiye)
(references to sources of illustrations — see in text)

в Библии речь идет именно о «Десяти заповедях», дается совсем иной, более древний текст, необходимый в реальных условиях выживания II и даже III тыс. до н.э. в пустынных зонах, когда рядом, как пишет Библия, есть более сильные, часто оседлые народы. Именно этот тезис является главным в тех, самых древних законах — как вести себя в таком окружении ради выживания, ради главной задачи — увеличения численности своих племен. Следовательно, мы имеем два Завета, относящихся к разному историческому времени: 1) реликтовый, традиционный, 2) более новый (моральный), — которые искусственно объединены в текстах Библии.

Поскольку морализаторский текст Исх. 20: 2-17 не мог в полной мере удовлетворять потребности скотоводов-кочевников, то далее (Исх. 23: 12-19) изложено то, что выпало из этого *позднего Завета (морального)*, скомпонованного жрецами, — традиционные еврейские праздничные ритуальные предписания и т.п.

Завет традиционный («Новые таблицы»), обозначенный именно как «Десять заповедей», относительно хорошо сохранился в Исх. 34: 11-26. Здесь нет морализаторских норм, но есть о кочевническом, освященном традицией: праздники опресноков, недель, урожая, трехкратное за год представление лиц мужского пола перед лицом Яхве, жертвы первоплода, запрещение квашения, варки ягненка в молоке матери его. Как видим, это совсем не привычные для нас «десять заповедей».

Во Второзак. 5: 6-18 вновь изложен «Завет моральный», а также пересказ «Завета традиционного», названный повторно и естественно «Десятью заповедями» (Второзак. 4: 13-22). Этот пересказ «Завета традиционного» интересен тем, что здесь передано наиболее важное, то, что повторяется в разных местах Ветхого Завета, что звучит даже в «Завете моральном» вторым пунктом, словно объясняя первый пункт заветания: «пусть не будет тебе других богов предо мной!» Автор Завета хорошо понимает, что сама по себе такая установка — пустой звук, нужны конкретные меры, и самый первый наказ звучал в давнейшем оригинале так: чтобы вы не испортились (Второзак. 4: 16), не делай себе резьбы и всякого подобия с того, что на небе вверху, и что на земле внизу, и что в воде, под землей (Исх. 20: 4, а также расширенно см.: Второзак. 4: 17-19), *не изображай ничего, даже своего бога не познавай и не изображай* (Второзак. 4: 15).

Что делать с изображениями чужих богов в «Крае, который ты захватишь»? Это повторяется в Ветхом Завете многократно: «...вы их жертвенники разрушите, а их каменные столбы для богов разобьете, а их деревья святыя вырубите» (Исх. 34: 13). А если после оседания на землю «ты родишь сыновей, и сыновей твоих сыновей <...> и состаритесь вы в Крае, и испортитесь, и сделаете идола наподобие чего-то, <...> до конца вы будете изничтожены» (Второзак. 4: 25-26)⁵.

Следовательно, по мере перехода к новому типу воспроизведения жизни, по мере создания населения нового качества относительно новых демоэкономических отношений у разных племен, в том числе и в степях Северного Причерноморья, также возникает подобная потребность уничтожения идолов, чужих и, подчеркнем, своих, что существовали или могли бы появиться. И это была не прихоть, а жестокая необходимость. Когда А.А. Формозов писал: «Мы имеем дело не с каким-

5 Важно наблюдение Н.А. Рычкова, что в сравнении с основным районом распространения стел в степях Причерноморья на периферии их распространения (автор пишет о северной периферии на Украине и в Западной Европе) изображений становится больше и они разнообразнее (Рычков, 1979. С. 19). Отметим, такая картина прослеживается и в Крыму — наиболее яркие стелы происходят из районов, где могли контактировать разные культуры (группы населения), где была возможность более рационального скотоводства и даже земледелия. В таких районах «снимались» частично демоэкономические противоречия, появлялась возможность изображать.

то устоявшимся ритуалом, а с рядом случаев повторного использования камней с изображениями в конструкциях сооружений» захоронений (Формозов, 1969. С. 178), он еще не знал об очень важном звене познания — то, что случилось в Северном Причерноморье в III, возможно, в начале II тыс. до н.э. было не «случаями», а системой действий, связанной с новыми экономическими потребностями и мировоззрением, а, следовательно, с появлением населения нового качества, с продолжением революции производящего хозяйства.

Поскольку племена энеолита — бронзового века в Северном Причерноморье, как и ибри, не были особенно богатыми, то в определенной мере всегда могли отступать от канона ради сохранения готовых ценностей. Ветхий Завет учит ибри, что не нужно убивать всех людей, особенно за пределами Края, они нужны; после призыва: «вырубить деревья» в чужом Крае, в последующих текстах специально делается уступка рациональности — деревья не уничтожать, понадобятся. Аналогично подошли к проблеме уничтожения и степняки Северного Причерноморья — свалив идолов, они их «сакрально» утилизировали.

Чтобы представить население, создававшее антропоморфные стелы в массовом порядке, теперь имеются такие данные. Это было население, в большей мере, чем собственно степняки, причастное к экономически разной культуре воспроизведения жизни, проблемы широкого освоения степи еще не проявились в полной мере. Оно контактировало с населением с разными типами хозяйствования, в том числе с земледельческим населением. Зоны его проживания (предгорья, побережья, речные долины) также способствовали занятию земледелием. Это население постепенно заменяется более многочисленным, собственно степным населением. В связи с притоком какого-то скотоводческого населения и его верхушки, а также изменением способа хозяйствования в целом по мере освоения степных пространств, частично меняется идеология, в том числе и у населения, ранее создававшего стелы. Скорее всего, предполагаемые процессы проходили в конце IV — начале III тыс. до н.э. В материальной культуре они проявились также в смене, а вернее в смешении наборов посуды лощеной (или подлощенной) крупной, с выпуклыми стенками, крупных открытых кверху мисок, кубковидных сосудов, особенно в погребениях, с наборами посуды яйцевидной с грубой поверхностью. Северное Причерноморье и Крым (как компактная и географически разнообразная зона разных контактов) дали наиболее выразительные и наиболее долго продолжающиеся во времени примеры смены парадигмы протоидеологических противостояний. Собственно население, находившееся в лучших природных условиях Поднепровья (Михайловка) или предгорьев Крыма, морского побережья Керченского полуострова с богатой средой обитания, первоначально преимущественно использует характерную лощеную керамику, затем происходит смешение разных керамических технологий и далее побеждает грубый «степной» стиль.

В Крыму обнаружен типологически разнообразный материал, да и численность находок стел здесь достаточно плотная. Конечно, в Крыму значимую роль для улучшения качества населения играли древнейшие транспортные пути (иногда более безопасные, чем степи Северного Причерноморья) с северо-запада, из причерноморской территории на Восток через проходимый в то время кочевниками Прото-Боспор.

Формально стиль антропоморфных стел оставался неизменным на протяжении тысячелетий во времени. Но отдельные детали антропологического облика все же менялись в зависимости от территории, смены демоэкономических условий, смены «моды». Возникали анклавы с особой местной стилистикой форм стел и особенностей изображений на них (**рис. 3**). Широкие плечи и определенная

сутулость фигуры, мощные надбровные дуги, небольшие глубоко посаженные глаза были в «моде» в Северном Причерноморье (рис. 1, 1–4; 2, 1, 2, 5), изящные брови и яркие или глубоко посаженные глаза — на территории Азии (рис. 3, 5, 8). Индоевропеизм черт, рано проявившийся в Керносовском идолу, далее находит выражение на скифских стелах (рис. 2, 1, 6).

В завершение попытаемся схематически представить некоторые возможные направления распространения традиций и появления отдельных локальных групп (центров) антропоморфных стел. Несмотря на отчасти новые представления о разнообразных миграциях с запада на восток или же в обратном направлении, будем исходить из существующих представлений о населении Древней Европы до прихода туда индоевропейского населения. Население Европы не только отличалось антропологически (более грацильное)⁶, но там, скорее всего, возникала экономическая потребность притока мужского населения. Относительно лишний маскулинное население, отличавшееся антропологически «исключительной массивностью», развитым рельефом надбровных дуг и носа, находилось именно в Северном Причерноморье (Кислый, 2009. С. 246–247). Из этой огромной экстенсивно и медленно развивающейся территории со значительными экономическими перекосами какая-то часть населения, вернее, мужского населения, периодически по мере становления производящего хозяйства давала импульсы в разных направлениях. Целый ряд стел от Италии до Франции в качестве знакового антропологического признака передают лицо с характерными бровями и носом (рис. 1, 6), а на некоторых, например, стела из Сен-Мартен-д'Ардеш, предгорья Альп (Lhonneux, 2018. Р. 137. Fig. 152), все лицо заменено изображением стилизованных надбровных дуг и свисающего носа. Наиболее вероятно, что такой иконографический эффект (знак) мог проявиться там, где определенные черты были характерными у пришлых особей, занявших среди местного населения какое-то статусное положение.

На схеме показано первое гипотетическое направление продвижения населения из Северного Причерноморья на Запад и на Балканы (рис. 4, I), археологически обозначенное культурой доямной и близкой к ямной. Вызывают определенные вопросы «фантомные» миграции в эпоху энеолита — бронзы на территории Евразии, особенно теория Марии Гимбутас. Думается, что критика справедлива, но наши предположения лишь внешне согласовываются с некоторыми позициями Марии Гимбутас. Серьезнее замечание И.В. Манзуры в русле «фантомных» миграций (Манзура, 2022. С. 21–23). Отметим факт предполагаемых ранних миграций на Запад (вторая половина V — начало IV тыс. до н.э.) и противоречивое отсутствие палеогенетических данных об этом. Представляется, сложная картина может быть прояснена с учетом некоторых демоэкономических соображений и др. Вероятно, проблема в том, что в случае экстенсивного земледелия могла быть подвержена миграции какая-то значимая масса населения. А в случае экстенсивного скотоводческого типа хозяйства мигрантами могли быть лишь избранные небольшие отряды молодых мужчин. Они могли периодически оседать на какое-то время в зоне прихода и уходить, увозя с собой добычу. Но их влияние на местное население было знакомым хотя бы потому, что небольшие коллективы пришельцев были активными, «пассионарными», и, вероятно, антропологически иными. И.В. Манзура полагает, что даже четко наблюдаемая миграция «из области земледельческих культур» в степную зону, выраженная «в импорте вещей и сырья, в области технологий, в социальной и даже идеологической сфере», была не обширна, а осуществля-

6 Возможную связь иконографии стел и антропологии древнего населения см.: Кислый, 2009.

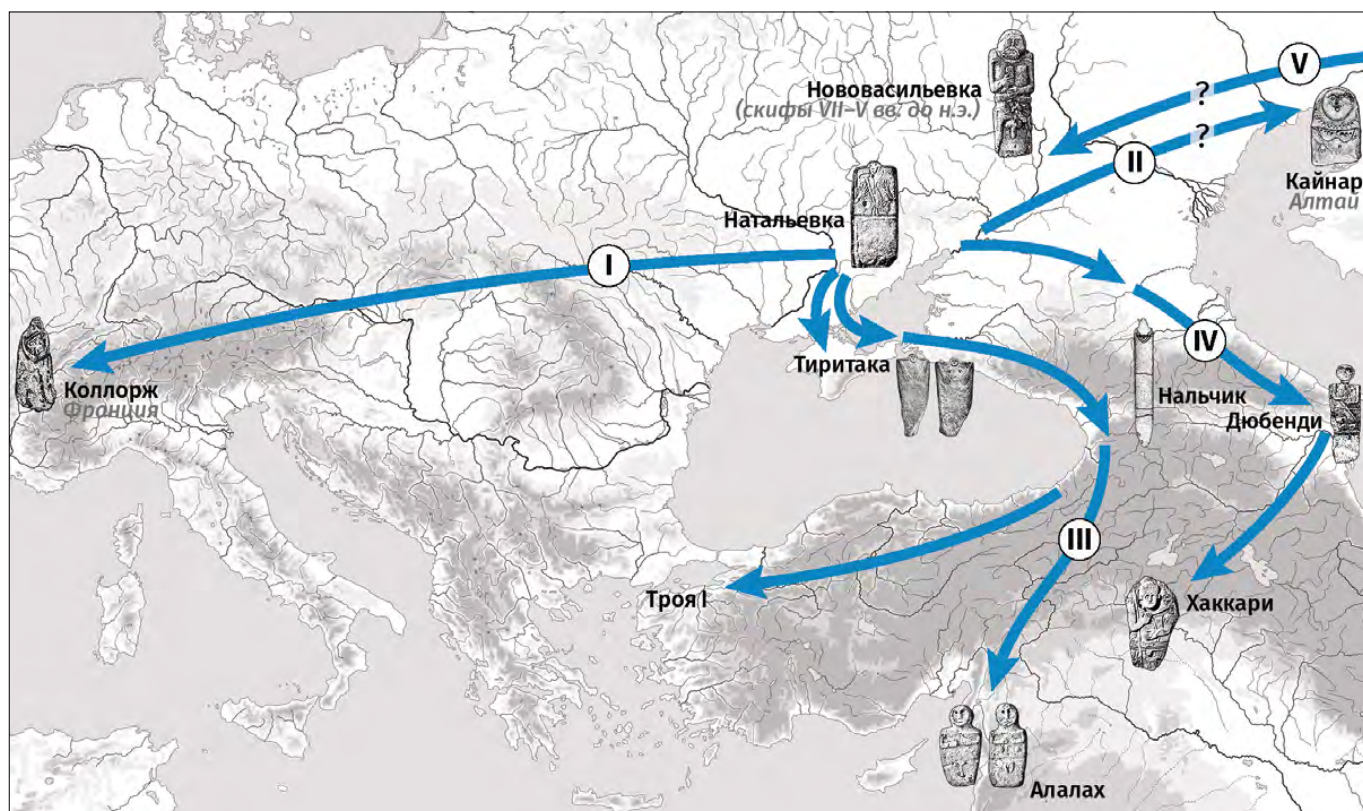
лась «посредством протяженных обменных цепочек, а не вследствие каких-либо миграций...» (Там же. С. 23). Соответственно, миграция скотоводческого населения «в генетическом профиле» в «Карпато-Балканский регион» может почти и не «читаться», т.е. ничего удивительного нет в том, что «на данном хронологическом отрезке совокупные показатели археологии и палеогенетики свидетельствуют об отсутствии каких-то значительных перемещений древнего населения» (Там же). Повторим здесь в ином ракурсе вышесказанное. Культура антропоморфных стел могла самостоятельно зародиться в Западной и Южной Европе, ибо в этом были потребности. Какой она была там изначально, с какими древнейшими изображениями — остается под вопросом. Однако все данные свидетельствуют о том, что такая культура была вновь стимулирована пришлым, «пассионарным» населением и приобрела узнаваемые традиционные черты.

Сравним также факт известных нам миграций более позднего времени. Викинги, которые оставили заметный след в культуре многих народов, в некоторых странах генетически едва заметны, например, в археологических выборках из совр. Польши они составляют 5%, в Англии — 6% (*Margaryan et al.*, 2020).

Еще одно очевидное направление миграций/импульсов — Ближний Восток и Восточное Средиземноморье (рис. 4, III). Здесь традиция установки стел получает не особо численное, но знаковое развитие. Оно было подкреплено местными процессами идеологических противостояний, отраженных в библейских текстах, а также возникшими потребностями установки антропоморфов на Ближнем Востоке (Аравия, Сирия).

Этот же путь был еще раз востребован при распространении навыков активного управления лошадью, но не обязательно в колесничных упряжках. На самом деле в основе возникновения хозяйственного смысла в примитивной колеснице и в немногих простых конских псалиях для строгого управления лошадью и т.п. лежала потребность баранты, а значит необходимость быстрого передвижения при воровстве и защите стада, в том числе и быстроходного лошадиного стада в условиях распространения «законных» обычаев баранты и т.п. (Кислый, 2022. С. 103–110). К тому же описываемый путь оказался особо востребованным в III — начале II тыс. до н.э. при поиске наживы, питания, но главное женщин в относительно благополучных центрах цивилизации. Период бытования катакомбных культур, бабинской культуры Северного Причерноморья и каменской культуры Крыма не отмечен такими значимыми гендерными диспропорциями, как это прослежено в период существования ямной культуры (что можно объяснить именно походами). Возврат к значимым диспропорциям ощущается с притоком степного маскулинизированного населения срубного облика с востока.

Отдельные явления представляют собой стелы Западного Алтая, обозначенные понятием «чемурчекский феномен» (рис. 4, II). С одной стороны, они могут быть отнесены к очень раннему пласту, объединяемому признаками как феминности, так и маскулинности, вероятными признаками трансформации гендерных ролей (геникомасто- и анальный комплексы — рис. 1, 7–9), но еще без проявления потребности в демонстративных изображениях «половой» тематики. Однако уверенная датировка специалистами этих стел серединой III — началом II тыс. до н.э. (Ковалев, 2012. С. 3–4) может свидетельствовать о самостоятельном локальном эффекте «чемурчекского феномена». Этому соответствовали бы явно монголоидные черты облика личин на стелах. Если же датировки могут быть углублены, то гипотетически можно полагать, что какой-то импульс имел место на восток немного ранее из территории Северного Причерноморья (рис. 4, II). Возможность влияния «чемурчекского феномена» на стиль скифских стел (Там же) оставим под вопросом (рис. 4, V),

ибо в скифских сообществах процессы маскулинизации населения с соответствующим влиянием на иконографию стел были достаточно самостоятельными.

Очевидно, были какие-то контакты Северного Причерноморья с прикаспийским Кавказом, однако не яркие и сильно переработанные на местной основе в Западном Прикаспии (рис. 4, IV). Культура воинской наготы, многократно прослеженная в Причерноморье, затем культура ношения воинами стрингов проходят через Дюбенди (Западный Прикаспий), далее в южном направлении проявляются в Ашханакеране и завершают свой путь в Хаккари. Пока находка в горах Хаккари выглядит несколько локально, тем более с непривычной для Ближнего Востока иконографией мужской наготы. Вели Севин, публикуя стелы, справедливо указывает, что те, кто их ставил, имели ментальность, отличительную от местного населения (Sevin, 2005). Но особенно наглядно и информативно изображение стрингов в сочетании с мужскими поясами (рис. 3, 3–5). С учетом иных изобразительных деталей всех 13 стел из Хаккари мы видим яркий образец древнейшей мужской доблести, переданный в погребальных памятниках, сооруженных не для высшей воинской верхушки. Стринги в данном случае выступают также иконографическим знаком своеобразия пришлого населения. Отсюда очень вероятно, что стелы Хаккари были воздвигнуты над погребениями пришлых воинов. Или же, учитывая ситуацию их обнаружения в вертикальном положении под скалой, на вымостке из крупных камней, т.е. возможно, в том же месте, где они были установлены первоначально (с определенным перемещением некоторых одна за одной и т.п.), можно предположить установку воинских памятников у места сражения. Приблизительные даты стел из Прикаспия — XVIII–XV вв. до н.э., а из Хаккари — середина XVIII — XI в. до н.э. (Sevin, 2005. S. 131) показывают, что это было время, когда в обществах Северного Причерноморья значимо выделилась прослойка молодых воинов-вожаров, способных на дальние походы (Отрощенко, 1995. С. 195).

Рис. 4. Культура антропоморфных стел Евразии. Связи разных уровней: палеометалл — ранний железный век; иконография представлена выборочно (ссылки на источники иллюстраций — см. в тексте)

Fig. 4. Culture of anthropomorphic steles of Eurasia. Connections at different levels: Palaeometal — Early Iron Age; iconography is presented selectively (references to sources of illustrations — see in text)

Сравнивая условные направления распространения стел, отметим следующее. Иногда на схожесть иконографии стел периферийных регионов (к примеру, Алтай и Западная Европа) ссылаются как на свидетельство миграции (Ковалев, 2012). Однако отдельные детали, как-то прочерченная в камне окружность лица в верхней части стелы вместо выступа-головы, утопленного в плечи, будут на периферии сходными, ибо так работала технология производственных упрощений (рис. 3, 8, 9). Узнаваемость пришельцев передавалась иными, более простыми в исполнении признаками, что отмечено выше. Общий антропоморфизм менгиров теряется в некоторых районах Северной Италии (*Lhonpeux*, 2018. Р. 121), Франции, на Востоке и на Алтае. Далее, на периферии при сравнении с Поднепровьем также теряется характерная осанка коренастого широкоплечего мужчины, возможно вожака в «преуспевающем» возрасте. Об этом шла речь выше. Эффект грацильности проявляется в разных регионах: Кавказ — Нальчик; Италия; Поднестровье — Чобручи; Крым — Чокрак, Казанки (рис. 1, 2, 3; 3, 6, 7). Вероятнее всего, эти случаи можно соотнести и с антропологически грацильным типом. Как известно, антропологи отмечали как во Франции, на Кавказе, так и у кеми-обинского населения Крыма подобные черты (Кислый, 2009. С. 246–247). Отметим любопытное уточнение нижней части лица в иконографии стел, происходящих из разных регионов: например, сходство образов на плитах из Трои I и Усатово (рис. 3, 10, 11), а также узкие лица отдельных стел из Хаккари и т.п. Это демонстрирует, что тема антропологического исследования антропоморфных изваяний разных регионов далеко не исчерпана.

Возвращаясь к работе Сабины Райнхольд и ее выводу о последовательной во времени разности миров, давших «изобразительную программу неолитических фигурок» с их телесностью и миниатюризацией и статуй-менгиров, как «упрощенную модель социального архетипа со своими формами материального воплощения для обоих полов...» (Райнхольд, 2018. С. 71), отметим, что исследовательница смешивает разные миры разных географических зон, давших скотоводческий тип и преимущественно земледельческий тип хозяйства. Логичнее было бы взять для сравнения неолит степей. Но на этом модель не построишь. Поэтому ключевым для понимания социально-экономических процессов, приведших к возникновению схожих образов на широких территориях, будет изучение изменения качества населения, появления деструкций в экономике при переходе и в ходе становления производящего хозяйства, возникновения протоидеологии в процессе становления производящего хозяйства. С этих позиций можно говорить не только о конвергентных связях или о сходных типажах, проявившихся в исторически параллельных демоэкономических условиях, но и о влияниях, необходимых миграциях даже на дальние расстояния. Однако такой подход требует большей скрупулезности и демографических знаний, чем «анекдотичные объяснения» древнего искусства, раскритикованные И.В. Палагутой и Е.Г. Старковой. Важно, что предлагаемый демоэкономический подход не просто реален, он на широких территориях обусловлен трансформациями («развитием») хозяйствования, упадками, кризисами и подъемами в период становления производящего хозяйства. Старая схема прогресса и достижений сегодня в науке слишком односторонняя и не всегда «работает».

Литература

- Біблія..., 1988 — Біблія або книги Святого письма Старого і Нового заповіту. Із мови давньоєврейської й грецької на українську дослівно наново перекладена. М.: Вид-во Московського патріархату, 1988. 1530 с.
- Давня..., 1997 — Давня історія України. Київ: Наукова думка, 1997. Т. 1. 560 с.
- Довженко, 1979 — Довженко Н.Д. Погребения с антропоморфными стелами в свете этнографических материалов // Археологія. 1979. Вип. 32. С. 27–35.
- История..., 1988 — История Древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. Ч. 2. Передняя Азия. Египет / Под ред. Г.М. Бонград-Левина. М.: Наука, 1988. 624 с.
- Кислый, 1989 — Кислый А.Е. Некоторые особенности смертности населения степей в эпоху бронзы на территории Украины (по археологическим данным) // Демографические исследования. 1989. Вып. 13. С. 113–127.
- Кислий, 1996 — Кислий О. Книги Вітхого завіту як стародавнє джерело з історичної демографії // Демографічні дослідження. 1996. Вип. 18. С. 16–166.
- Кислий, 2005 — Кислий О. Демографічний вимір історії. Київ: Арістей, 2005. 238 с.
- Кислый, 2009 — Кислый А.Е. Типология и хронология антропоморфных стел Северного Причерноморья в контексте экономико-демографических исследований // ДБ. 2009. Т. 13. С. 233–245.
- Кислый, 2022 — Кислый А.Е. Каменская культура Восточного Крыма: Древность и современность. Ростов-на-Дону: Медиаграф, 2022. 192 с.
- Ковалев, 2012 — Ковалев А.А. Древнейшие статуи Чемурчека и прилегающих территорий. СПб.: МИСР, 2012. 158 с.
- Манзура, 2022 — Манзура И.В. Фантом миграций в поздней преистории Восточной и Юго-Восточной Европы (V–III тыс. до н.э.) // Энеолит и бронзовый век Циркумпонтийского региона: культурные процессы и взаимодействия (к 100-летию со дня рождения Н.Я. Мерперта): Тезисы докладов конф. / Отв. ред. А.Н. Гей. М.: ИА РАН, 2022. С. 21–23.
- Мень, 1991 — Мень А.В. История религии: в поисках Пути, Истины и Жизни. В 7 т. Т. 2. Магизм и единобожие. М.: Слово, 1991. 462 с.
- Монументальность..., 2024 — Монументальность и монументальная скульптура эпохи палеометалла и раннего железного века в горно-степном поясе Евразии. Вып. 1. К 100-летию находки стелы из Бахчи-Эли в Крыму. Программа и аннотации докладов [Электронный ресурс]. URL: https://api.archeo.ru/archeo_media/Document/programma-nauchnogo-simpo/2024_Monument_Conf_Programma-2.pdf (дата обращения: 24.11.2024).
- Отрощенко, 1995 — Отрощенко В.В. «Древности степного Причерноморья и Крыма» // ДСПК. 1995. Вып. V. С. 192–195.
- Палагута, Старкова, 2023 — Палагута И.В., Старкова Е.Г. О подходах к исследованию древних орнаментов: организация композиции как показатель культурных изменений // Связи и взаимоотношения культур Циркумпонтийского региона: материалы конференции, посвященной памяти А.Ю. Скакова / Отв. ред. А.Н. Гей. М.: ИА РАН, 2023. С. 93–100.
- Райнхольд, 2018 — Райнхольд С. В новый мир — изображения человека и отражение социальных архетипов в Западной Евразии после неолита // УИВ. 2018. № 1 (58). С. 62–73.
- Рычков, 1979 — Рычков Н.А. К вопросу об антропоморфных стелах рубежа энеолита и эпохи бронзы // Памятники древних культур Северного Причерноморья / Отв. ред. В.Д. Баран. Киев: Наукова думка, 1979. С. 14–20.
- Телегін, 1971 — Телегін Д.Я. Енеолітичні стели і пам'ятки нижньомихайлівського типу // Археологія. 1971. Вип. 4. С. 3–17.
- Тоцев, 2002 — Тоцев Г.Н. О находках и культурной принадлежности крымских стел эпохи энеолита — бронзы // ССПК. 2002. Вип. X. С. 23–31.
- Тураев, 1936 — Тураев Б.А. История Древнего Востока. Т. I, II. Л.: ОГИЗ, 1936. 362 и 322 с.
- Формозов, 1969 — Формозов А.А. Очерки по первобытному искусству. М.: Наука, 1969. 256 с.
- Щепинский, 1963 — Щепинский А.А. Памятники искусства раннего металла в Крыму // СА. 1963. № 3. С. 38–47.
- Энгельс, 1980 — Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. В связи с исследованиями Льюиса Г. Моргана. М.: Политиздат, 1980. 240 с.

- Andersson, 1929 — Andersson J.G. On Symbolism in the prehistoric painted ceramics of China // Bulletin # 1 of the Museum of Far Eastern Antiquities. Stockholm: Museum of Far Eastern Antiquities, 1929. P. 65–69.
- Lhonneux, 2018 — Lhonneux T. Étude sur quelques éléments figuratifs des statues-menhirs et stèles européennes du Néolithique à l'Age du Bronze. Vol. I–III. Université de Liège. Vol. I. 2018. 186 p.
- Margaryan et al., 2020 — Margaryan A., Lawson D.J., Sikora M., Racimo F., Rasmussen S., Moltke I., Cassidy L.M., Jørsboe E., Ingason A., Pedersen M.W., Korneliussen Th., Wilhelmson H., Buś M.M., de Barros Damgaard P., Martiniano R., Renaud G., Bhérrer C., Moreno-Mayar J.V., Fotakis A.K., Allen M., Allmæe R., Molak M., Cappellini E., Scorrano G., McColl H., Buzhilova A., Fox A., Albrechtsen A., Schütz B., Skar B., Arcini C., Falys C., Hedenstierna-Jonson C., Błasiński D., Pezhemsky D., Turner-Walker G., Gestsdóttir H., Lundstrøm I., Gustin I., Mainland I., Potekhina I., Muntoni I.M., Cheng J., Stenderup J., Ma J., Gibson J., Peets J., Gustafsson J., Iversen K.H., Simpson L., Strand L., Loe L., Sikora M., Florek M., Vretemark M., Redknap M., Bajka M., Pushkina T., Søvsø M., Grigoreva N., Christensen T., Kastholm O., Uldum O., Favia P., Holck P., Sten S., Arge S.V., Ellingvåg S., Moiseyev V., Bogdanowicz W., Magnusson Y., Orlando L., Pentz P., Døgsbo Jessen M., Pedersen A., Collard M., Bradley D.G., Jørkov M.L., Arneborg J., Lynnerup N., Price N., Gilbert M.Th.P., Allentoft M.E., Bill J., Sindbæk S.M., Hedeager L., Kristiansen K., Nielsen R., Werge Th., Willerslev E. Population genomics of the Viking world // Nature. 2020. Vol. 585. P. 390–396. <https://www.nature.com/articles/s41586-020-2688-8>
- Mead, 1935 — Mead M. Sex and Temperament in Three Primitive Societies. New York: William Morrow, 1935. 106 p.
- Sevin, 2005 — Sevin V. Hakkâri taşları. Çıplak Savaş Çılgarın Gizemi. Istanbul: YKY, 2005. 146 s.

Problems of Cultural Interpretation and Relative Dating of Anthropomorphic Stelae from the Chalcolithic — Bronze Age

Aleksandr E. Kisly⁷

Several global topics in the study of anthropomorphic stelae have been debated for many years. Based on numerous features and the conditions under which such monuments are discovered, they appear truly unique. In rare cases, they are found in situ. Does this fact carry a cultural significance or reflect certain transformations within societies? The peculiarities of stelae discoveries give rise to various opinions regarding their dating and cultural affiliation. Furthermore, the distribution areas, stylistic stability, and imagery raise questions about convergence, connections, and migrations of the earliest populations of Eurasia. The author suggests that addressing certain patterns of demographic transformations in ancient communities may provide answers to some of these questions.

Keywords: *anthropomorphic stelae, migrations, convergent connections, demo-ecology of ancient societies*

---

⁷ Aleksandr E. Kisly — Institute of Archaeology of Crimea of the RAS, 2 Acad. Vernadsky Ave., Simferopol, Republic of Crimea, 295007, Russian Federation; e-mail: kisly.a@mail.ru; ORCID: 0000-0002-3324-6432.

СТЕЛЫ НАЛЬЧИКСКОЙ ГРОБНИЦЫ (СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ) И ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ ЦЕНТРАЛЬНО-ЕВРОПЕЙСКОГО МЕГАЛИТИЗМА

А.А. Ковалев¹

Статья посвящена проблеме происхождения столбообразных изваяний с геометрической орнаментацией, обнаруженных при раскопках Нальчикской подкурганной гробницы (конец IV тыс. до н.э.), а также в окрестностях г. Нальчика (Северный Кавказ). Хотя в Северном Причерноморье аналогичные геометрические композиции получили широкое распространение в памятниках монументального искусства раннего бронзового века, изваяний такого типа в Восточной Европе не найдено. Ближайшие аналогии представляют «камни со знаками» из долины р. Регниц (Франкония), а также несколько фрагментов стел из центральной части Германии. При этом древнейшие датированные антропоморфные изваяния в Западной Европе имеют подобную геометрическую орнаментацию: это геометризованные стелы из Прованса (тип В), 3800–3400 гг. до н.э., а каменные гробницы с близкими орнаментальными мотивами предположительно отнесены к XXXIV–XXXII вв. до н.э. Пересматривается стратиграфия кургана с орнаментированной гробницей в Дёлауер Хайде (курган 6, могила 7). Высказано предположение, что стелы Нальчикской гробницы имеют центрально-европейское происхождение. Это является еще одним аргументом в пользу западных истоков мегалитического компонента майкопско-новосвободненской культурной общности. С другой стороны, уникальная находка каменных статуй («Бамбергские божки») в той же долине Регница свидетельствует, что на рубеже IV–III тыс. до н.э. имело место и противоположное направление культурного влияния.

Ключевые слова: Северный Кавказ, Центральная Европа, неолит, энеолит, ранний бронзовый век, мегалитическое искусство, орнаментированные гробницы, стелы, дальние культурные контакты

<https://doi.org/10.31600/978-5-6052467-6-3.51-75>

Нальчикская подкурганная гробница (Северный Кавказ)

Стелы, использованные для постройки Нальчикской подкурганной гробницы, занимают особое место в ряду изваяний энеолита — раннего бронзового века Восточной Европы. Это не менее 32 каменных (туфовых) столбов подпрямоугольного или подовального сечения, в большинстве своем имеющие тщательно вытесанный горизонтальный верхний срез (рис. 1, 1; 2, 1–5). Отдельные стелы имеют закругленный верх, несколько изваяний — выступ, как бы имитирующий голову (рис. 1, 3, 4). При этом черты лица ни на одном изваянии не отображены. В верхней части ряда стел прорезями и заглаженной выбивкой нанесены рисунки, составленные из концентрических ромбов, вписанных друг в друга шевронов,

¹ Алексей Анатольевич Ковалев — Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, д. 19, Москва, 117292, Российская Федерация; e-mail: chemurchek@mail.ru; ORCID: 0000-0003-2637-3131.

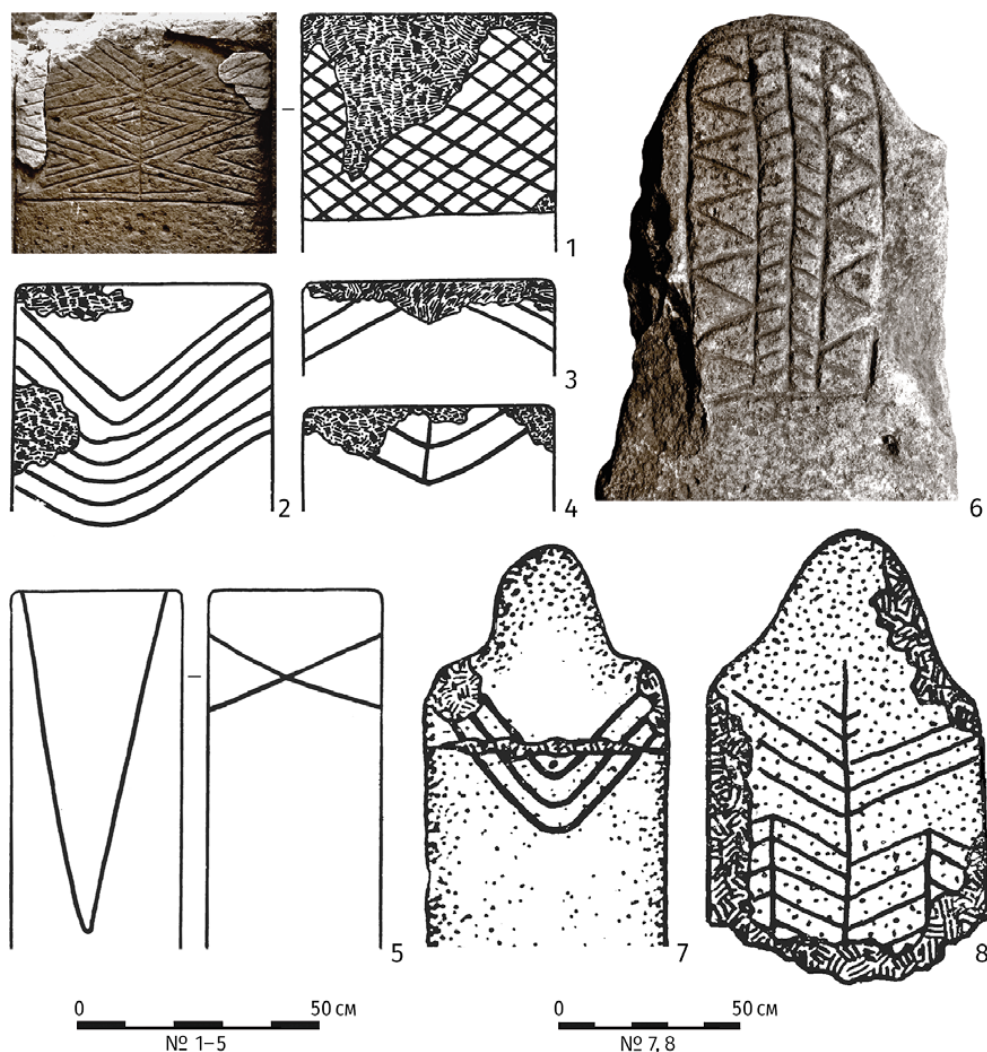

Рис. 1. 1–4 — Нальчикская подкурганная гробница (1 — общий вид с перекрытием; 2 — средняя часть стелы II; 3 — верхняя часть стелы IV; 4 — верхняя часть стелы V (по: Чеченов, 1973)); 5–15 — стелы и фрагменты стел, обнаруженные при раскопках в окрестностях Нальчика (5–8 — насыпь Большого Кишпекского кургана (5, 6 — средние части; 7, 8 — основания); 9–13 — возле с. Лечинкай (верхние части); 14 — насыпь кургана 16 у с. Нартан (целое изваяние); 15 — перекрытие Кишпекской гробницы (целое изваяние, основание отбито) (по: Чеченов, 1984))

Fig. 1. 1–4 — Nalchik Barrow Tomb (1 — general view with ceiling; 2 — middle part of stele II; 3 — upper part of stele IV; 4 — upper part of stele V (after Чеченов, 1973)); 5–15 — stelae and fragments of stelae discovered during excavations in the vicinity of Nalchik (5–8 — embankment of the Great Kishpek Burial mound (5, 6 — middle parts; 7, 8 — basements); 9–13 — near the village of Lechinkai (upper parts); 14 — embankment of burial mound 16 around the village of Nartan (the whole statue); 15 — ceiling of the Kishpek Tomb (the whole statue with broken off base) (after Чеченов, 1984))

Рис. 2. Оформление верхней части стел Нальчикской гробницы: 1 — стела 7; 2 — стела 11; 3 — стела 5; 4 — стела 10; 5 — стела 14; 6 — стела 18; 7 — стела II; 8 — стела 24 (1, 6 — по: *Belinskij et al.*, 2017; 2-5, 7, 8 — по: *Чеченов*, 1973)

Fig. 2. Setting of the upper part of the stelae of the Nalchik Tomb: 1 — stela 7; 2 — stela 11; 3 — stela 5; 4 — stela 10; 5 — stela 14; 6 — stela 18; 7 — stela II; 8 — stela 24 (1, 6 — after *Belinskij et al.*, 2017; 2-5, 7, 8 — after *Чеченов*, 1973)

косой сетки, «елочки», рядов треугольников, косых крестов (рис. 1, 2; 2). Подробные описания, фотографии и чертежи изваяний были включены И.М. Чеченовым в его монографическую работу, посвященную Нальчикской гробнице (Чеченов, 1973. С. 23–34)².

Через несколько лет после завершения раскопок Нальчикского кургана фрагменты подобных стел были обнаружены при раскопках в насыпях и конструкциях курганов эпохи бронзы у с. Лечинкай, Чегем II, Нартан, Кишпек, а также на окружающих эти курганы пахотных полях (Чеченов, 1984. С. 211–220) (рис. 1, 5–15). Вместе с подробными описаниями, несмотря на невысокое качество опубликованных изображений, имеется возможность судить об особенностях этих изваяний. Они имели отчетливое прямоугольное или подовальное сечение (как и у нальчикских изваяний), часть их была снабжена округлым завершением, у некоторых можно проследить выступ и небольшие плечики. На нескольких фрагментах прослежены выбитые и нарезные линии. Два тщательно обработанных столбообразных

² С Нальчикскими стелами меня впервые познакомил сам И.М. Чеченов в 1984 г., когда я, в то время студент кафедры археологии ЛГУ, приехал в Кабардино-Балкарию для сбора материалов к дипломной работе. С искренней теплотой вспоминаю встречу с Исмаилом Магомедовичем (Магомедовичем), чье внимание и доверительное отношение тогда были очень важны для начинающего исследователя. Памяти этого выдающегося ученого, организатора науки и хранителя культурного наследия посвящаю эту статью.

изваяния входили в перекрытие «Кишпекской гробницы» (Кишпекская 2-я группа, 1/1³). На уплощенной «передней» стороне одной из этих стел выбита широкая вертикальная линия, в верхней части пересекающая «выгравированное» несомкнутое кольцо (рис. 1, 15).

Обобщению данных о находках столбообразных изваяний в Кабардино-Балкарии были посвящены особые разделы в статье И.М. Чеченова 1984 г. (Там же. С. 211–220, 243–252). Как было отмечено исследователем, находки стел концентрируются на ограниченной территории — на равнине к северу от Нальчика вплоть до р. Баксан, что может означать размещение здесь древних святилищ, где эти изваяния были установлены группами (Там же. С. 249). Он отметил и более раннюю находку нижней части каменного столба подпрямоугольного сечения с плоскими гранями (в разрезе 19×13 см), вкопанного в землю рядом с погребением эпохи бронзы близ с. Галиат в Северной Осетии (Чеченов, 1984. С. 248; Крупнов, 1938. С. 49–50). Эта стела вполне могла входить в круг вышеописанных статуарных памятников, поскольку найдена всего в 90 км дорожного расстояния от Нальчика.

В 2012 г. германо-российская группа исследователей (С. Хансен, С. Райнхольд, А. Белинский, А. Гасс) при поддержке автора раскопок И.М. Чеченова и сотрудников Национального музея Кабардино-Балкарской Республики произвели новую фиксацию фрагментов стел из Нальчикской гробницы, хранящихся в музее (Belinskij et al., 2017). Сохранившиеся к тому времени фрагменты были идентифицированы, сфотографированы и вновь описаны; новые снимки были смонтированы с прорисовками и фотографиями, выполненными И.М. Чеченовым, для представления лицевых сторон изваяний. Однако в ходе работ не была сделана новая графическая фиксация изваяний и сохранившихся рисунков, при этом сравнение фотографий с прорисовками, опубликованными И.М. Чеченовым в 1973 г., показывает очевидные расхождения. Результаты работы вошли в каталог нальчикских стел, опубликованный в монографии С. Хансена (Hansen, 2025. S. 325–354).

В монографии, посвященной социально-политическим аспектам зарождения и бытования монументальной скульптуры неолита — бронзового века Евразии, Свенд Хансен пишет, что прямые верхние и боковые срезы стел, использованных в конструкции стенок Нальчикской гробницы, появились не изначально, а в результате подработки в ходе строительства, для плотной укладки плит (Ibid. S. 92–95). Судя по тексту, все эти стелы должны были ранее иметь выступ, изображающий голову. Плоская лицевая часть стелы V (рис. 1, 4), по его мнению, появилась в результате зашлифовки изображения лица⁴. То же самое он предполагает еще для четырех стел с «частично оформленной» головой. Неслучайной, по его мнению, была и установка некоторых стел «вверх ногами». «Антропоморфный аспект был намеренно удален из стел, и они были низведены до простого строительного материала. Две стелы, помещенные головой вниз в землю, демонстрируют жестокость этого подхода», — резюмирует исследователь (Ibid. S. 94–95). Этот тезис использован им для подкрепления глобального вывода о феномене «иконоборчества» в III тыс. до н.э.: каменные статуи, по его мнению, при переиспользовании намеренно портили, отламывая голову, а также сбивая обязательное (по его мнению) изображение лица (Ibid. S. 156–161).

3 Здесь и далее при упоминании погребений первоначально указывается номер кургана, затем — номер погребения: Кишпекская 2-я группа, 1/1 соответствует Кишпекская 2-я группа, курган 1, погребение 1.

4 В другом абзаце С. Хансен предлагает считать указанный фрагмент стелы V не верхним, а нижним концом изваяния (Hansen, 2025. S. 92–93).

Не затрагивая иные аспекты аргументации социологической гипотезы С. Хансена, приходится констатировать, что, например, в отношении стел Нальчикской гробницы, его мнение не находит подтверждения и в чем-то противоречит полевым данным. Во-первых, им не приведены свидетельства наличия следов намеренных разломов, забивки или вторичного характера обработки верхней и боковых граней, которые, судя по фотографиям из его же каталога, обрабатывались с одинаковой тщательностью. Во-вторых, полностью сохранено овальное сечение и отсутствовала обтеска по бокам у стел (19, 20, 21 и др.), вставленных в стенки камеры. В-третьих, стелы с выступом или закруглением сверху № 2 (?), 18, 21, 24 (**рис. 2, 6, 8**) были вставлены в стенки гробницы перевернутыми, что вполне можно объяснить выравниванием и уплотнением верхнего края стенки без повреждения изваяний. Таким способом строители как раз бережно обеспечили сохранность первоначального антропоморфного образа при вторичном использовании. В-четвертых, использованные для перекрытия стелы II, IV, V (**рис. 1, 3, 4; 2, 7**), исходя из их параметров, были уложены поперек могилы целиком, включая верхнюю «антропоморфную» часть, и были разбиты только при ограблении могилы. Наконец, в-пятых, при раскопках в насыпях и каменных обкладках курганов у с. Лечинкай и Кишпек были найдены фрагменты стел правильного прямоугольного сечения (**рис. 2, 5, 10, 13**). Именно такие стелы без дополнительной обработки могли повторно служить для строительства стенок гробниц. Здесь же обнаружены верхние части стел без каких-либо изображений, но с уплощенной «передней» гранью и оформленным полукруглым завершением (**рис. 1, 9, 11, 13**). Таким образом, прямой срез верхнего торца и прямоугольное сечение необходимо считать изначальной формой соответствующего изваяния, а отсутствие изображения лица или выступа на месте головы — рассматривать как его отличительную особенность.

Вторичное использование стел при строительстве могильных сооружений дает возможность установить *terminus ante quem*. Обе каменные гробницы (Нальчикская и Кишпекская), с которыми связаны находки стел, по характеру инвентаря отнесены исследователями к кругу поздних памятников майкопско-новосвободненской общности (Чеченов, 1984. С. 224–227; Корневский, 2004. С. 68–69). Усилиями упомянутой выше германо-российской группы исследователей для Нальчикской гробницы была получена радиоуглеродная дата по дереву UGAMS-11279: 4410±25 BP, 3262–2924 calBC (2σ). Для трех позднемайкопских комплексов: Марьинская 3/18, 5/12 и Горячеводский 2, — немецкими исследователями была составлена плавающая дендрошкала, которая при привязке к данным радиоуглеродного датирования с помощью метода *wiggle-matching* дала возможность отнести эти погребения к первой половине XXXIII в. до н.э. (Hansen *et al.*, 2017. S. 25). Таким образом, переиспользование стел имело место в течение последней трети III тыс. до н.э., скорее, в XXXII–XXXI вв. до н.э. Интересно, что погребение из Галиата, в головах которого был вкопан четырехгранный каменный столб, скорее всего, также относится к этому времени, поскольку в его инвентарь входили бронзовые височные колечки (диаметром около 1 см) равномерного сечения с несомкнутыми срезанными концами, аналогичные золотым колечкам из новосвободненской гробницы 5 в кургане 31 Кладов (см.: Крупнов, 1938. С. 50, фото 8; Резепкин, 2012. Рис. 182, 2–5).

Геометрическая орнаментация нальчикских стел в целом соответствует характеру рисунков, найденных при исследовании погребальных памятников раннего — среднего бронзового века степной зоны Восточной Европы. В первую очередь, это орнаментация каменных ящиков, часто относимых к кеми-обинской или позднеямной культуре (Дараган и др., 2021. С. 39–45, табл. 1, рис. 35–43). Большинство из этих рисунков выполнено охрой изнутри ящика, однако есть и случаи

явного переиспользования плит с резной геометрической орнаментацией, например, Березовка, 1/2 (Там же. Рис. 37, 1–3). Аналогичным образом были украшены плиты кромлеха кургана у с. Вербовка (Формозов, 1969. С. 152–159). Однако столбообразные изваяния типа нальчикских в Восточной Европе пока не найдены. Прямые аналогии стелам Нальчикской гробницы были обнаружены гораздо западнее — в Центральной Германии.

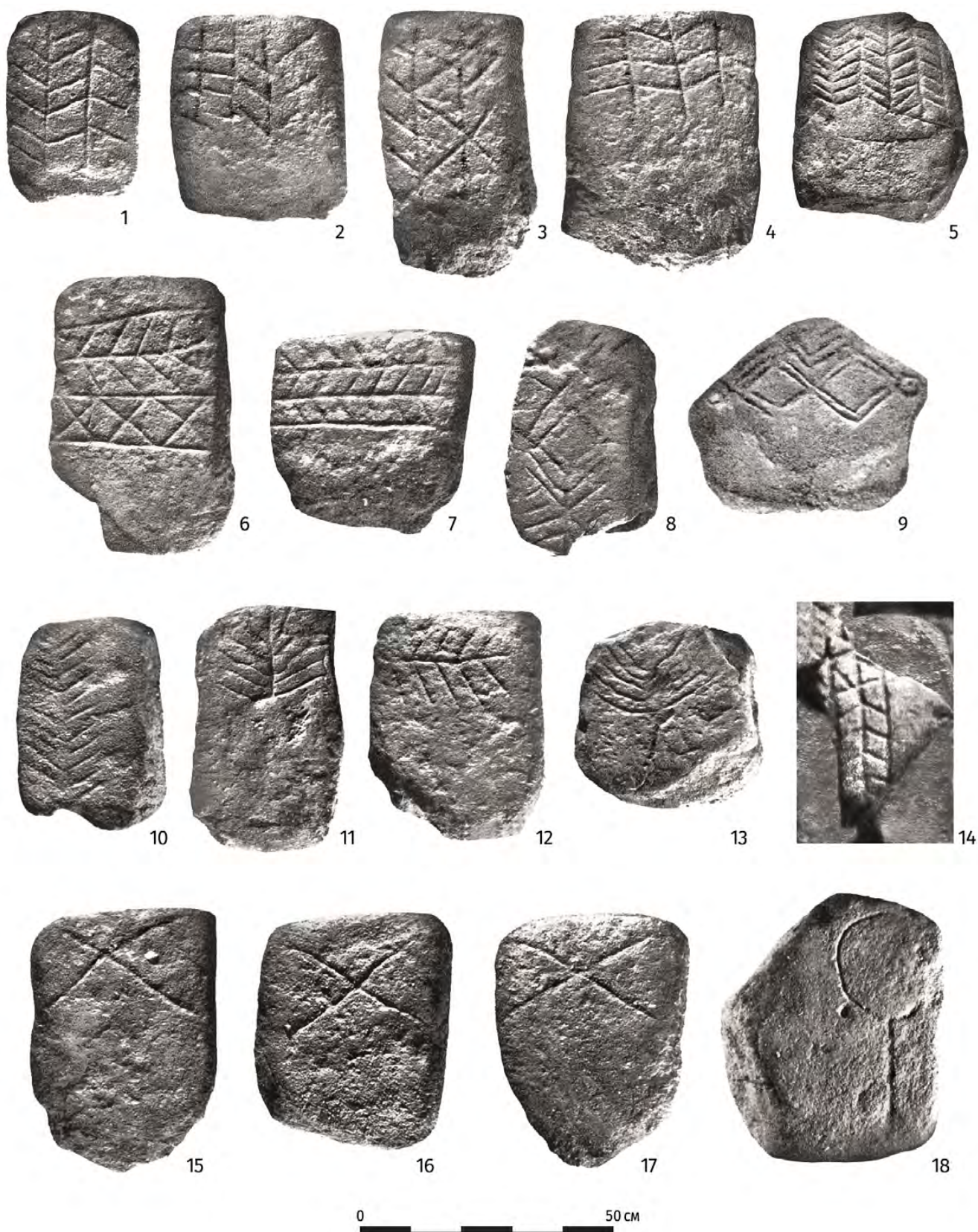
Центрально-европейские мегалитические гробницы и антропоморфные изваяния среднего неолита — энеолита

Орнаментация стенок мегалитических гробниц, антропоморфных изваяний, керамических сосудов и иных артефактов, относящихся к культурам среднего неолита — энеолита Западной Европы (IV–III тыс. до н.э.), характеризуется близким набором изобразительных элементов, что неоднократно отмечалось в специальной литературе (см.: *Schröckel*, 1957. S. 81–123). Исходя из наличия широкого круга аналогий в этом контексте, баварский археолог Мартин Надлер еще в 1992 г. предложил новую датировку и культурную атрибуцию для «камней со знаками» (“Zeichensteine”), во множестве найденных на территории Северной Баварии (Франкония) в конструкциях погребальных памятников позднего бронзового — раннего железного века (*Nadler*, 2011; 2024). Регион распространения этих необычных стел — долина р. Регниц в ее среднем течении, севернее Нюрнберга, между городами Форхайм и Эрланген. Как пишет М. Надлер, на то, что «камни со знаками» могут быть переиспользованными артефактами неолитического происхождения, указывал еще в 1923 г. Пауль Райнеке. Основная часть стел (более 100 экз.) была обнаружена при раскопках поздних могильников у дер. Госберг, Керсбах и в лесу Марк-Фрост. Описания нескольких камней, приведенные в публикациях М. Надлера, содержат упоминания об их «грубой» обработке для придания подпрямоугольных очертаний, о зашлифовке лицевой грани, однако оставляют открытым вопрос, представляют ли они целые изваяния либо лишь верхние части разбитых в древности стел. Однако по соотношению ширины и толщины, горизонтальному верхнему срезу, отсутствию изображений каких-либо черт лица эти камни похожи на блоки из стенок Нальчикской гробницы. На стелах представлены те же изобразительные композиции, что и на нальчикских каменных столбах: «елочка»; ленты елочного орнамента; концентрические ромбы; вписанные друг в друга шевроны; параллельные линии треугольных фестонов; косые кресты; на одном камне выбит круг, от которого вниз отходит вертикальная линия, как на стеле из перекрытия Кишпекской гробницы (рис. 3).

Фрагменты каменных столбов с аналогичными геометрическими орнаментами были обнаружены неподалеку от долины Регница, в радиусе около 200 км, на территориях земель Баден-Вюртемберг, Гессен и Рейнланд-Пфальц (*Vierzig*, 2017. S. 369–371). Самое поразительное сходство с каменными стелами Нальчикской гробницы проявляет фрагмент из Вёльштайна (район Альцай-Вормс, земля Рейнланд-Пфальц, 200 км к западу от Форхайма), найденный вне контекста при спасательных раскопках (*Vierzig*, 2017. S. 371; *Hansen*, 2025. S. 210). Это отбитая верхняя часть хорошо обтесанного каменного столба прямоугольного сечения шириной 60 см и сохранившейся высотой 80 см. Широкие стороны украшены елочным орнаментом, а на узких гранях изображены ряды концентрических ромбов, рассеченные вертикальными линиями. Плоская верхняя грань несколько скруглена (рис. 4, 1).

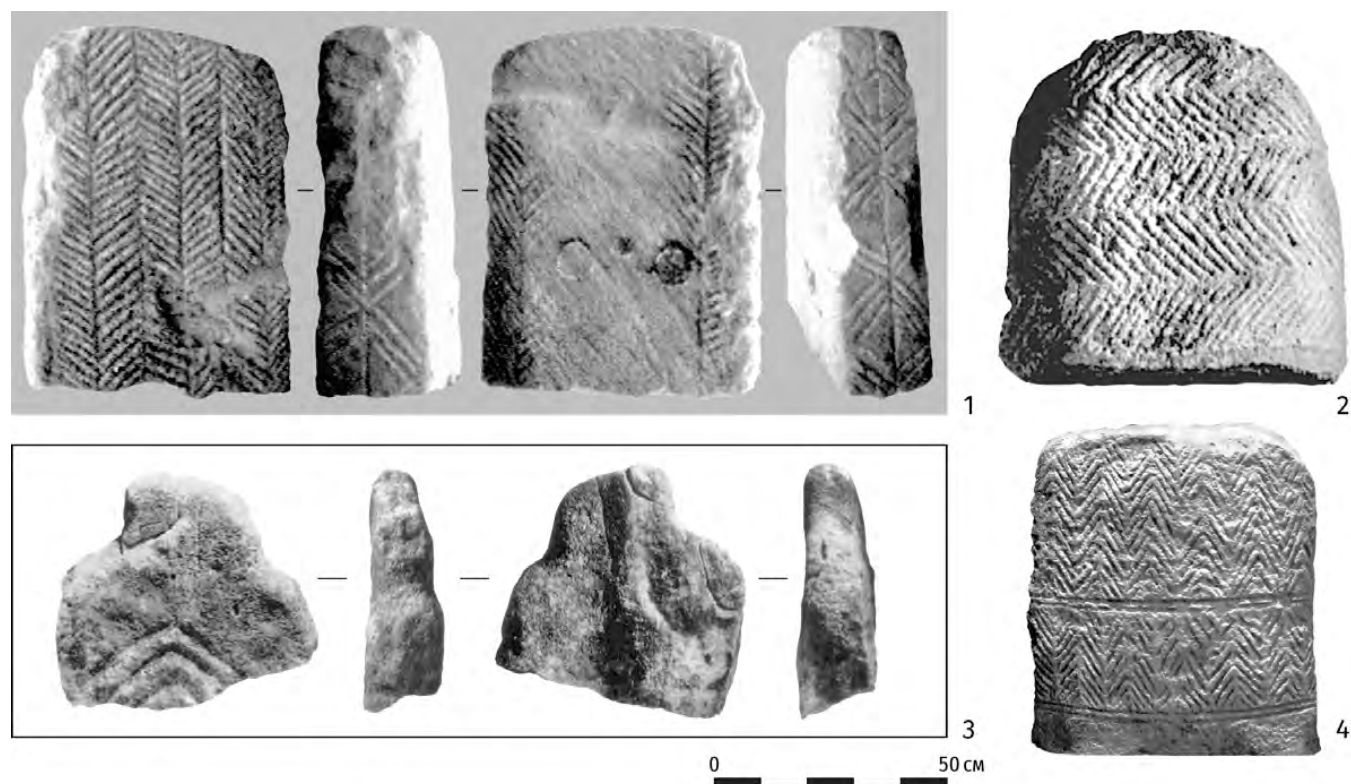
Две других стелы, найденные в земле Гессен, имеют округленное сечение в верхней части, где они украшены горизонтальной «елочкой», и округлое завершение. Это стелы из ЭдERTAля (округ Вальдек-Франкенберг; сохранившаяся высота 151 см)

Рис. 3. «Камни со знаками» ("Zeichensteine") из Франконии: 1-7, 12, 14-17 — Марк-Форст; 8-11, 13, 18 — Госберг (1-8, 10-18 — по: Nadel, 2011; 9 — по: Nadel, 2023)

Fig. 3. "Stones with signs" ("Zeichensteine") from Franconia: 1-7, 12, 14-17 — Mark-Forst; 8-11, 13, 18 — Gosberg (1-8, 10-18 — after Nadel, 2011; 9 — after Nadel, 2023)

Рис. 4. Стелы из Германии (верхние части):

1 — Вёльштайн; 2 — Эленберг 2;
3 — Кильчберг 2; 4 — Эдерталь
(1, 3 — по: Hansen, 2025;
2, 4 — по: Vierzig, 2017)

Fig. 4. Stelae from Germany (upper parts): 1 — Wöllstein; 2 — Ehlenberg 2; 3 — Kilchberg 2; 4 — Edertal (1, 3 — after Hansen, 2025; 2, 4 — after Vierzig, 2017)

(рис. 4, 4) и из Гуксхагена (округ Швальм-Эдер; сохранились два обломка общей длиной 184 см) (рис. 4, 2). Стела из Гуксхагена (Эленберг 2) ниже округленной верхней части имела подквадратное сечение. Около Эленберга ранее был найден еще один обломок столбообразной стелы (верхняя часть, сохранившаяся высота 85 см) прямоугольного сечения со скошенной плоской торцевой гранью, украшенный рядами треугольных фестонов, выполненных высоким рельефом. При раскопках кургана раннего железного века в Кильчберге (округ Тюринген, земля Баден-Вюртемберг) обнаружен обломок верхней части столбообразной стелы с выступом (Кильчберг 2; сохранившаяся высота 48 см) (рис. 4, 3). На одной из уплощенных широких граней изваяния вырезан ряд вписанных друг в друга шевронов. Очевидно сходство с нальчикской стелой II (рис. 2, 7). Как минимум два фрагмента столбообразных изваяний из этих же регионов Германии (Гомаринген, Кильчберг 1) имеют геометрическую орнаментацию, но, очевидно, были подвергнуты «доработке» в позднейшие времена (см.: Vierzig, 2017. S. 367, 369).

Аналогию упомянутым столбовидным изваяниям из Германии, так же как и аниконичным стелам Нальчикской гробницы, представляют стелы, переиспользованные при строительстве гробницы XXVIII–XXVI вв. до н.э. Регуерс-де-Серо в испанской Каталонии (Артеса де Сегре, провинция Лерида) (López et al., 2010). Два обломка стел зафиксированы археологами *in situ* в стенках сооружения, остальные были в древности выброшены грабителями и лежали рядом (рис. 5, 1, 2). Обломки самой крупной из стел («стела В»), как считают исследователи гробницы (López Melcion et al., 2015), свидетельствуют, что она имела высоту не менее 7 м, наибольшую ширину 1,35 м и толщину 0,25–0,3 м (рис. 5, 1). Это прямоугольная плита с закругленным завершением, одна широкая грань которой (передняя?) украшена полосами вертикальной «елочки», а другая — сплошь разделена выпуклыми линиями на прямоугольники. Полосы с косой штриховкой на передней грани пущены и вдоль закругленного верхнего края, а также прослеживаются на узких гранях. Вторая стела («стела А») имела меньшие размеры, но была оформлена так же;

ее верхняя часть, к сожалению, не сохранилась (**рис. 5, 2**). Фрагменты керамики, украшения и кремневые наконечники стрел, входившие в инвентарь гробницы, указывают на ее принадлежность культуре колоколовидных кубков (*López et al.*, 2010. Р. 98–101). Ранее в испанской Каталонии уже обнаруживали обломки аналогичных стел с елочной орнаментацией, из которых два крупных фрагмента, 60 и 70 см шириной (**рис. 5, 3**), найдены недалеко от дольмена Регуерс-де-Серо в Ринере (район Сольсонес, пров. Лерида) (*Ibid.* Р. 112–114).

Неолитическая атрибуция вышеописанных столбообразных стел, с которой теперь согласно большинство специалистов, еще не дает нам возможность сделать вывод о направлении передачи культурной традиции: ведь непосредственно датировать изваяния мы не можем. Уточнить их датировку можно, рассмотрев наиболее ранние датированные комплексы со стелами с аналогичной орнаментацией, а также случаи обнаружения аналогичных петроглифов в датированном контексте памятников того же региона.

Наиболее ранние датированные антропоморфные стелы Западной Европы — это провансальские изваяния типа В (**рис. 5, 4**), по Д’Анна (*D’Anna, Renault*, 2004). Они имеют чаще трапециевидную, реже подпрямоугольную форму. Отдельные экземпляры имеют гладкую поверхность, однако выявленные на многих стелах следы охры говорят о том, что рисунок на них мог наноситься краской. На большинстве стел имеется подтрапециевидное углубленное изображение лица, окруженного рамкой из «волос», переходящих в уложенные на груди схематичные «руки». От рамки отходил вертикальный валик «носа». Рамка украшалась резным орнаментом в виде горизонтальных или вертикальных рядов «елочки», разделенных или не разделенных прямыми линиями, вписанных друг в друга шевронов или ромбов. Чаще всего однообразная орнаментация целиком заполняет рамку.

В двух случаях в контексте неолитических памятников зафиксированы гладкие трапециевидные стелы. При раскопках некрополя Шато-Блан (Вентабрен, деп. Буш-дю-Рон) шесть таких изваяний сопровождали одиночные захоронения позднего периода культуры Шассе, ~3500–3300 гг. до н.э. (см.: *D’Anna et al.*, 2015. Р. 782). Под периметральной насыпью дольмена Юбак (деп. Воклюз), построенного около XXXIII–XXX вв. до н.э., найдены фрагменты двух таких же стел вместе с керамикой периода, предшествующего постройке дольмена (*Bizot, Sauzade*, 2015. Р. 75–76, 151, 192–193).

В конце XIX в. фрагменты орнаментированных стел (**рис. 5, 7–15**) были обнаружены при изысканиях на местонахождении Бастидон (Третс, деп. Воклюз) в контексте артефактов 3900–3600 гг. до н.э.; последующие рекогносцировки и шурфовка привели исследователей к заключению о наличии на этом месте разрушенного могильника с трупосожжениями и, возможно, жилой зоны (*Mourey et al.*, 2020). В 2013 г. две орнаментированные стелы (**рис. 5, 5, 6**) были случайно извлечены из культурного слоя местонахождения Бейсан (Гаргас, деп. Воклюз), относящегося к периоду среднего неолита (культура Шассе, 4000–3600 гг. до н.э.); последующие раскопки показали, что это, скорее всего, было место захоронения кремированных останков (*D’Anna et al.*, 2015; *Bizot et al.*, 2023). В 2022 г. терракотовая фигурка в стиле провансальских стел типа В (**рис. 5, 16**) была обнаружена при раскопках поселения Порт-Мариан-Републик II на территории г. Монпелье (деп. Эро) в слое XI–XXXVII вв. до н.э. (*Galín et al.*, 2024). Поверхность фигурки не имеет заполнения абстрактным геометрическим орнаментом, «рамку» вокруг лица образует геометризованное изображение прически. Поскольку находка сделана за пределами основной территории распространения провансальских стел типа В, остается неясным, имеем ли мы дело с начальной фазой развития этой изобразительной

Рис. 5. 1–3 — стелы из испанской Каталонии (1, 2 — гробница Регуэрс-де-Серо (по: *López Melcion et al.*, 2015); 3 — Ринера (по: *López et al.*, 20104)); 4–15 — провансальские изваяния типа В (4 — Сен, деп. Буш-дю-Рон (по: *D’Anna, Renault*, 2004); 5, 6 — Бейсан, деп. Воклюз (по: *D’Anna et al.*, 2015); 7–15 — Бастидон, деп. Воклюз (по: *D’Anna, Renault*, 2004)); 16 — терракотовая фигурка из слоя поселения Порт-Мариан-Републик II, Монпелье, деп. Эро (по: *Galin et al.*, 2024)

Fig. 5. 1–3 — stelae from Spanish Catalonia (1, 2 — Regüers de Séro Tomb (after: *López Melcion et al.*, 2015); 3 — Rinera (after *López et al.*, 20104)); 4–15 — Provençal sculptures of type B (4 — Seine, dep. Bouches-du-Rhône (after *D’Anna, Renault*, 2004)); 5, 6 — Beyssan, dep. Vaucluse (after *D’Anna et al.*, 2015); 7–15 — Bastidon, dep. Vaucluse (after *D’Anna, Renault*, 2004); 16 — terracotta figurine from the layer of the settlement of Port-Marian-Republique II, Montpellier, dep. Hérault (after *Galin et al.*, 2024)

традиции или региональным вариантом. Однако на ранних стелах из Бейсан волосы также отображены довольно реалистично: они спускаются из-под «головного убора», украшенного рядами шевронов, и не соединяются с «руками», а оканчиваются подобием локонов.

Геометрические композиции, аналогичные орнаментам на вышеприведенных аниконичных стелах из Германии, зафиксированы в рисунках, украшающих изнутри некоторые мегалитические каменные гробницы центральной части Германии. Плиты галерейной гробницы Цюшен I (Лоне, г. Фрицлар, земля Гессен), относящейся к вартбергской культуре, были украшены тщательно выполненным елоч-

ным орнаментом (рис. 6, 1–3), наподобие стелы из Эленберга (рис. 4, 2), найденной неподалеку. На тех же плитах были зафиксированы грубо выбитые рисунки повозок, влекомых парами схематично изображенных быков в виде букраний (рис. 6, 2). Исследования группы ученых под руководством Э. Анати и М. Варела-Гомес, проведенные в 1974 г., привели к выводу о том, что «елочка» перекрывает рисунки быков (Anati, Gomez, 2013. Р. 101–112). Однако эта работа была выполнена на основе визуального наблюдения. Лазерное сканирование и 3D-моделирование плит этой галерейной гробницы были проведены в 2015–2020 гг. немецкими археологами под общим руководством С. Хансена. Применение современных методов фиксации не только выявило новые аспекты рисунков, но и заставило исследователей усомниться в выводах группы Анати: по их мнению, грубые рисунки букраний могут перекрывать изначальные полосы елочного орнамента (Hansen et al., 2022. S. 85). Думаю, что при выполнении тщательно заглаженной сплошной елочной орнаментации иные, более ранние рисунки на плитах должны были быть полностью сбиты, поэтому сохранившиеся гораздо лучше «елочки» букраний и другие грубые рисунки, скорее всего, нанесены на плиты, уже имевшие елочные узоры.

При раскопках гробницы Цюшен I в конце XIX в. был собран погребальный инвентарь, включающий, в частности, две «воротничковые фляги» (Kragenfläschen) (рис. 6, 4, 5). Эти глиняные сосуды специфической формы имели широкое распространение в европейском регионе в среднем неолите вплоть до финала культуры воронковидных кубков; найденные в гробнице неорнаментированные сосуды с округлым туловом представляют достаточно поздний тип, но в целом их бытование должно завершаться в начале позднего неолита (Knöll, 1986. S. 15–16). Также в инвентарь погребения входил сосуд с отверстиями под шейкой (рис. 6, 6), характерный для второй фазы раннего этапа вартбергской культуры, ~3200–3000 гг. до н.э. (Raetz-Fabian, 2001. S. 109, Abb. 3). Учитывая находки «воротничковых фляг», этот сосуд маркирует не самую раннюю стадию использования гробницы. Согласно выводам группы исследователей, принимавших участие в проекте по датированию вартбергской культуры, галерейные гробницы, являющиеся ведущим типом ее погребальных сооружений, начинают строиться не позднее 3400 г. до н.э., и каждая из них долгое время служит местом захоронения (Ibid. S. 108); данные новейших исследований показывают, галерейные гробницы Гессена начинали использоваться в XXXIV–XXXIII вв. до н.э. (Hansen et al., 2022. S. 68). Таким образом, время строительства галерейной гробницы Цюшен I можно определить самое позднее в пределах 3300–3200 гг. до н.э.

Две каменные гробницы с изображениями рядов «елочки» на плитах, исследованные на территории земли Саксония-Анхальт (Niklasson, 1925. S. 81–84, 88–90), содержали погребальный инвентарь, относящийся к культуре Бернбург позднего неолита, а также более ранней культуры Зальцмюнде. Подкурганная двухкамерная гробница (общая длина около 4 м) в Нитлебене близ Халле была раскопана в 1826 г. (рис. 6, 11). На одной из боковых плит передней камеры были зафиксированы изображения «елочки» (рис. 6, 12), на другой — рассеченного прямым крестом кружка и «В»-образной фигуры. Во второй камере обнаружены остатки деревянного помоста, человеческие скелеты и три глиняных сосуда, из которых два сохранились (рис. 6, 13, 15), а в передней камере — фрагменты типичного глиняного «барабана» (рис. 6, 14).

В 1854 г. была раскопана однокамерная подкурганная гробница (длина 2 м, высота 1 м) в Шкопау (округ Мерзебург), стенки которой были составлены из вертикальных плит (рис. 6, 7). На одной из боковых плит высечены две «елочки» и кружок, рассеченный косым крестом. В инвентарь гробницы входили хорошо

Рис. 6. Гробницы с петроглифами (Германия) и их инвентарь: 1-6 — Цюшен I, Гессен (1 — план; 2, 3 — петроглифы; 4-6 — глиняные сосуды (1, 2 — по: *Anati, Gomez, 2013*; 3 — по: *Hansen et al., 2022*; 4, 5 — по: *Knöll, 1982*; 6 — по: *Schröckel, 1966*)); 7-10 — Шкопау, Саксония-Анхальт (7 — виды гробницы; 8-10 — глиняные сосуды (7, 9 — по: *Niklasson, 1925*; 8 — по: *Scheyhing, Schunke, 2014*)); 11-15 — Нитлебен, Саксония-Анхальт (11 — виды гробницы; 12 — плита с изображениями; 13-15 — глиняные сосуды (по: *Niklasson, 1925*))

Fig. 6. Tombs with petroglyphs (Germany) and their inventory: 1-6 — Züschen I, Hesse (1 — plan; 2, 3 — petroglyphs; 4-6 — clay vessels (1, 2 — after *Anati, Gomez, 2013*; 3 — after *Hansen et al., 2022*; 4, 5 — after *Knöll, 1982*; 6 — after *Schröckel, 1966*)); 7-10 — Schkopau, Saxony-Anhalt (7 — views of the tomb; 8-10 — clay vessels (7, 9 — after *Niklasson, 1925*; 8 — after *Scheyhing, Schunke, 2014*)); 11-15 — Nitleben, Saxony-Anhalt (11 — views of the tomb; 12 — slab with images; 13-15 — clay vessels (after *Niklasson, 1925*))

сохранившиеся глиняные сосуды, в том числе два типичных бернбургских кувшины с ручками на плечиках (**рис. 6, 9**), сосуд с ушками наподобие найденного в Нитлебене (**рис. 6, 10**), а также орнаментированный «барабан» (Ibid. S. 88–90, Abb. 86, Taf. XL), который современные исследователи относят к культуре Зальцмюнде (Scheyhing, Schunke, 2014. S. 257, Abb. 1) (шпеньки расположены в нижней части чаши) (**рис. 6, 8**).

Радиоуглеродные даты памятников бернбургской культуры укладываются в период XXXIII–XXX вв. до н.э. (Rinne et al., 2024); культура Зальцмюнде относится к предшествующему периоду (XXXVI–XXXIV вв. до н.э.), что, впрочем, не исключает их сосуществования на стыке среднего и позднего неолита (см.: Schunke, 2014a).

Наиболее известна в отечественной литературе богато орнаментированная гробница, раскопанная в 1750 г. в пригороде г. Лойна под названием Гёлицш (земля Саксония-Анхальт) (Müller, 1994. S. 159–165). Стенки погребальной камеры (размерами в плане 2,4×1,55 м) были покрыты как «елочным» орнаментом, так и рядами вписанных друг в друга шевронов, треугольных фестонов, ромбами. Кроме того, на одной из плит были изображены лук и колчан со стрелами — эта композиция представляет ближайшую аналогию рисунку на стенке новосвободненской гробницы в кургане 24 Клады, что было использовано А.Д. Резепкиным как один из аргументов в пользу центрально-европейского происхождения новосвободненской культуры (Резепкин, 2012. С. 103). Однако инвентарь гробницы, собранный в XVIII в., включал фасетированный каменный топор, кремневый кинжал и сосуд, относящиеся к культуре шнуровой керамики, в связи с чем даже современные немецкие исследователи считают возможным рассматривать гипотезу о противоположной направленности культурного влияния (см.: Schunke, 2014b).

Собранные артефакты, конечно, нельзя заведомо считать остатками основного погребения, это вполне могло быть вторичное захоронение, при котором первоначальный инвентарь мог быть полностью извлечен из гробницы. Для оценки такой возможности можно было бы привлечь данные об изобразительных традициях культуры шнуровой керамики. Если в XVIII — середине XX в. мнение о композиционном сходстве шнуровой орнаментации сосудов и орнаментов гробницы было вполне допустимо, то к началу XXI в. имеется достаточное количество материалов, свидетельствующих о «неприятии» носителями культуры шнуровой керамики традиций мегалитического искусства, а также о более точных соответствиях рисункам Гёлицш в орнаментации керамических сосудов Центральной Германии, относящихся к бернбургской и более ранним культурам.

Традиционное отнесение гробницы Гёлицш к культуре шнуровой керамики повлияло и на последующую интерпретацию знаменитого кургана с каменной гробницей, раскопанного в Дёлауер Хайде близ Халле (курган № 6). Три стенки гробницы в Дёлауер Хайде были составлены из плит, покрытых различной геометрической орнаментацией, выполненной в разной технике (**рис. 7**). Интересно, что рисунки на торцевой юго-западной плите и соседней плите северо-западной стенки, представляющие вертикальные ряды заштрихованных треугольников (**рис. 7, 1, 5**), были затерты краской — светлой глиной. Несомненно, на ряде плит рисунки наносились в разное время, перекрывая друг друга. Это могло происходить при неоднократном использовании гробницы или за ее пределами, поскольку не исключено, что часть плит в ритуальных целях могла быть использована и ранее. Во всяком случае, поверх композиции с заштрихованными треугольниками на торцевой юго-западной плите и полос елочного орнамента на соседней плите юго-восточной стенки были нанесены изображения топоров с подтреугольной рабочей частью (**рис. 7, 1, 3**). На дне гробницы, как и в двух вышеописанных

Рис. 7. Орнаментированные плиты стенок гробницы Дёлауер Хайде, курган № 6, Саксония-Анхальт (1–3, 5–7 — по: Müller, 1994; 4 — по: Behrens, 1958)

Fig. 7. Ornamented wall slabs of the Dölauer Heide tomb, burial mound No. 6, Saxony-Anhalt (1–3, 5–7 — after Müller, 1994; 4 — after Behrens, 1958)

орнаментированных ящиках, были обнаружены остатки деревянного помоста и фрагменты человеческих костей. Инвентарь найден не был.

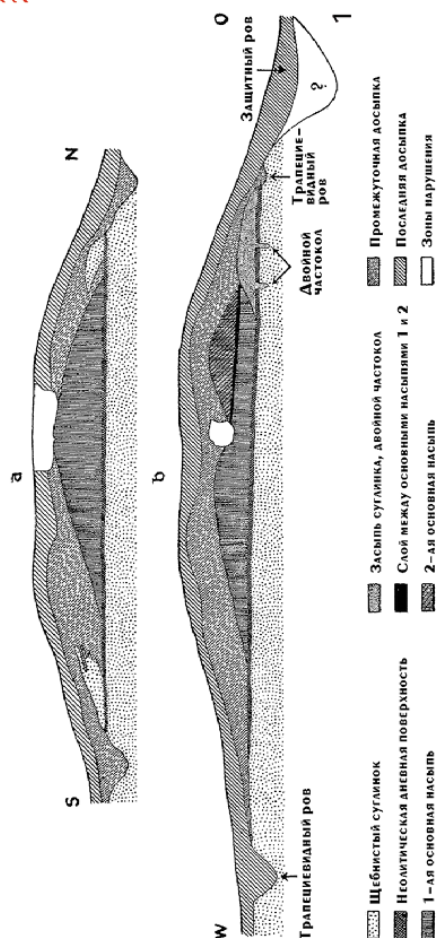
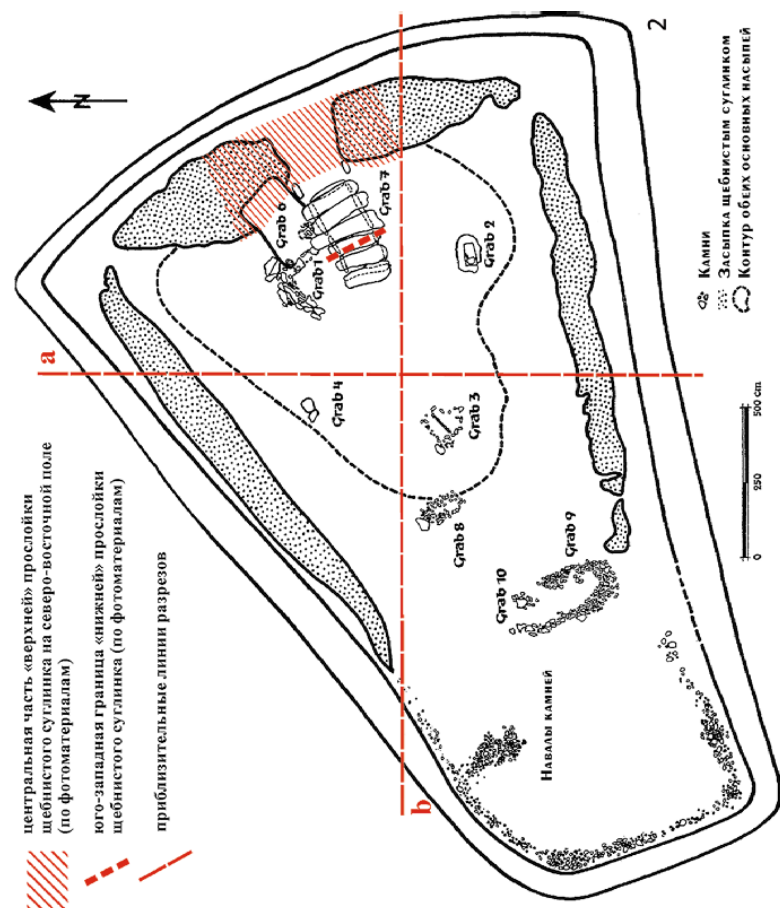
Этот памятник — единственный из числа курганов с орнаментированными гробницами, который был (хотя и частично) исследован с использованием научной методики (далее сведения о раскопках по: Behrens et al., 1956. S. 16–22; Behrens, 1958. S. 215–233). В 1952 г. курган был раскопан со стороны гробницы местным учителем, который впервые увидел орнаментированные каменные плиты. Насколько насыпь кургана была повреждена, в публикациях не сообщается, однако исходя из опубликованных полевых фотографий, можно сделать вывод, что была удалена вся толща земли над гробницей, то есть уже невозможно установить последовательность наслоений над погребальной камерой.

В ходе раскопок, проходивших в 1953–1955 гг. под руководством Германа Беренса, насыпь кургана (получившего индексацию под № 6) была полностью разобрана с сохранением двух бровок, ориентированных по странам света (без учета ориентации кургана по линии ЮЗ–СВ) (рис. 8, 1–3). Фиксировались и дополнительные разрезы. Из чертежей были опубликованы схематичные общий план и разрезы по бровкам (рис. 8, 1, 2), а также некоторые планы погребений, в большинстве своем

Рис. 8. Курган Дёлауер Хайде № 6, Саксония-Анхальт: 1 — разрезы; 2 — общий план; 3, 4 — виды на раскоп с севера на последовательных стадиях зачистки (1, 2 — по: Behrens, 1958, с переводом надписей на русский язык и добавлениями (красным); 3, 4 — по: Behrens, 1956)

Fig. 8. Dölauer Heide burial mound No. 6, Saxony-Anhalt: 1 — sectional drawings; 2 — general plan; 3, 4 — views of the excavation site from the north at successive stages of the cleaning (1, 2 — after Behrens, 1958, with translation of inscriptions into Russian and additions (in red); 3, 4 — after Behrens, 1956)

без разрезов. Как следует из опубликованных материалов, в кургане № 6 прослежены две «основные» невысокие насыпи, возможно, связанные с безынвентарными погребениями. На северо-западную и юго-восточную полы второй из этих насыпей лег материковый выкид из трапециевидной траншеи, прослеженной вокруг всего кургана (щебнистый суглинок). С торцевой северо-восточной стороны аналогичный материковый суглинок был прослежен в бровке «а» на уровне первоначальной дневной поверхности под толщей основной насыпи. Согласно описанию и разрезу по бровке этот слой материкового щебнистого суглинка перекрывал ямки от двойного частокола, устроенного на горизонте. Таким образом, этот слой является древнейшей насыпной структурой кургана и относится к гораздо более раннему времени, чем материковый суглинок, легший на полы двух основных насыпей как выкид из траншеи. Однако Г. Беренс при определении стратиграфического положения гробницы (могила 7) сообщает, что проход к гробнице прорезал вместе с погребенной почвой слой щебнистого суглинка, который являлся выкидом из траншеи, хотя судя по фотографиям зачищенных стенок раскопа на последовательных этапах работ, это был не выкид из траншеи, а именно первичная засыпка частокола (рис. 8, 3, 4). Далее он пишет, что выявленная им траншея, ведущая к гробнице, была заполнена светлым грунтом, слагающим самую позднюю насыпь, которую он связывает с гробницей. Однако на фотографии первого этапа раскопок (рис. 8, 3) ясно видно, что реконструируемая «траншея» заполнена таким же щебнистым суглинком, как и засыпка частокола, эти слои разделить невозможно, что видно на поперечном разрезе.

На фотографии, иллюстрирующей результат следующего этапа раскопок (рис. 8, 4), на котором грунт был извлечен вплоть до северо-восточной стенки гробницы, видно, что засыпка суглинком, бывшая однородной в одном метре к СВ от гробницы, ближе к центру насыпи разделяется на две засыпки темной прослойкой, утолщающейся на ЮЗ (см. на зачищенных стенках с ЮВ от гробницы). Это, несомненно, пола первоначальной насыпи, которая в вышеупомянутом разрезе по бровке также налегала на первичный слой суглинка. В разрезе видно, что нижний слой материкового суглинка прорезан траншеей для установки плит могильного сооружения, а верхний слой выклинивается у его стенки. «Язык» нижнего слоя материкового суглинка прослеживается и на дне гробницы, где он не был снесен для вкапывания плит (рис. 8, 2, 9, 1). Над верхней прослойкой материкового суглинка прослеживается не позднейшая светлая насыпь, а более темная насыпь, названная Беренсом «промежуточной».

Таким образом, можно заключить, что согласно опубликованным данным, сооружение гробницы (могила 7) производилось после засыпки «частокола» и возведения «основных» насыпей. При этом «основная» насыпь и залегающая под ней засыпка частокола была прорезана траншеей с северо-восточного края. Затем проход к гробнице был засыпан слоем материкового суглинка, который выклинивался к стенке гробницы. Такой же слой материкового грунта лег на полы «основных» насыпей с СЗ и ЮВ как выкид из трапециевидной траншеи. Затем была насыпана «промежуточная» насыпь, затем — позднейшая светлая «досыпка». В итоге оказывается, что велика вероятность связывать функционирование каменной гробницы с трапециевидным рвом, окаймляющим курган. По углю, найденному на дне этого рва, получены три радиоуглеродные даты: Bln-53: 4630±100 BP, 3636–3092 calBC (2σ); Bln-64: 4780±100 BP, 3776–3360 calBC (2σ); H209/597: 4970±90 BP, 3966–3630 calBC (2σ), — что соответствует периоду бытования культуры Зальцмюнде (Midgley, 1992. P. 227).

Погребальные сооружения, окруженные трапециевидным рвом, относятся к среднему неолиту Западной Европы — они встречаются на широкой территории от Польши до Британских островов (см.: *Rzepecki*, 2011). Чаще всего они представляли собой площадки, вход на которые осуществлялся с середины основания «трапеции». Поблизости от входа размещались останки погребенных. Но мегалитические погребальные камеры сопровождаются насыпями, окруженными не рвом, а каменными обкладками. Поэтому вывод о связи трапециевидного рва и мегалитической гробницы 7 кажется на первый взгляд спорным.

Однако в ходе раскопок кургана № 6 в Дёлауер Хайде было совершено такое удивительное открытие (*Behrens*, 1958. S. 224–227), которое можно объяснить, только признав раннюю датировку гробницы с рисунками. Дело в том, что в юго-западной части кургана прямо под дерном на вершине насыпи была зафиксирована грунтовая могила 9 (современная поверхность видна на фотографии) (рис. 9, 3). В этой могиле, как сказано в тексте, была установлена деревянная конструкция, перекрытая слоем камней. Камни провалились вниз после разрушения деревянной

Рис. 9. Курган Дёлауер Хайде № 6, Саксония-Анхальт: 1 — край «нижней» прослойки щебнистого суглинка на дне гробницы (могила 7), вид с юго-запада; 2 — трапециевидная траншея и выкид из нее (прослойка щебнистого суглинка) на поле промежуточной насыпи в разрезе по бровке «а», вид с севера; 3 — могила 9, первый этап раскопок, вид с севера; 4 — могила 9, первый этап раскопок, вид с запада; 5 — глиняный сосуд из могилы 9 (по: *Behrens*, 1958)

Fig. 9. Dölauer Heide burial mound No. 6, Saxony-Anhalt: 1 — edge of the “lower” layer of rubble loam at the bottom of the tomb (grave 7), view from the southwest; 2 — trapezoidal trench and throwing out from it (layer of rubble loam) on the field of the intermediate mound in a section along the balk “a”, view from the north; 3 — grave 9, first stage of excavation, view from the north; 4 — grave 9, first stage of excavation, view from the west; 5 — clay vessel from grave 9 (after *Behrens*, 1958)

конструкции (рис. 9, 4). Причем на фотографии, сделанной в начале раскопок, видно, что каменный заклад по краям могильной ямы лежит практически вровень современной поверхности. Могила полностью сохранилась. Могильная яма над просевшей каменной засыпкой оказалась заполненной землей. Как пишет Г. Беренс, это был светлый грунт «последней досыпки», связанной, по его мнению, со строительством орнаментированной гробницы. Из этого Беренс делает вывод о том, что могила прорезала «последнюю досыпку», хотя это как раз показывает, что «последняя досыпка» перекрывала могильную яму. Разрезы и план дна этой могилы не опубликованы, но в тексте публикации указывается, что она прорезает все насыпи кургана и доходит до первоначального древнего горизонта. Таким образом, со всех точек зрения это захоронение должно быть совершено позже строительства гробницы 7. И можно представить, каково же было удивление Г. Беренса, когда он обнаружил под нетронутым каменным закладом могилы 9 совершенно целый классический кувшин средненеолитической культуры Зальцмюнде с бороздками по плечикам, стоявший вертикально у стенки могильной ямы (рис. 9, 5). Другой инвентарь в могиле отсутствовал⁵.

На одновременность сооружения гробницы и трапециевидного рва указывает и планиграфия кургана. Могила 7 расположена строго на середине основания трапеции, там, где по аналогии должен находиться вход в ритуальное пространство (рис. 8, 1). Беренс обращает на это внимание, однако предлагает считать связанной с сооружением рва полуразрушенную при строительстве мегалитической гробницы могилу 6, сдвинутую от центральной оси памятника не менее чем на 1 м. Инвентарь в этой могиле не обнаружен, положение скелета не восстанавливается, с какого уровня была впущена эта могила, также не установлено. Судя по фотографиям, приведенным в первой публикации о раскопках (*Behrens et al.*, 1956. Taf. XIV, 1, 2), эта могила могла предшествовать сооружению второй из основных насыпей кургана. На фотографиях (рис. 8, 3) отчетливо видна каменная обкладка этой второй насыпи (частично учтенная Г. Беренсом как фрагмент мифической «могилы 1»), которая идет поверх места, где залегает «могила 6», доходя до северо-западной стенки гробницы 7.

Ко всему изложенному нужно добавить, что уже в 1956 г. была получена радиоуглеродная дата в Гейдельберге по фрагменту деревянной конструкции из гробницы 7: H253/208: 4520±110 BP, 3516–2916 calBC (2σ) (*Behrens et al.*, 1956. S. 17). Другой фрагмент дерева, переданный на анализ в ту же лабораторию, дал дату примерно на 400 лет позже (*Behrens, Schröter*, 1980. S. 91). В недавней публикации музея Халле упоминается о новом радиоуглеродном датировании найденных в гробнице человеческих костей и фрагмента дерева, которое дало даты в пределах III тыс. до н.э. вплоть до последней его трети (*Schunke*, 2014c. S. 214), однако эти даты остаются не опубликованными⁶.

Орнаментированная гробница в Дёлауер Хайде была соотнесена Беренсом с культурой шнуровой керамики и выдвинута идея о двух этапах развития мегалитических гробниц с рисунками на плитах в Центральной Германии: к первому

5 В публикации 1958 г. Беренс пытается объяснить обнаружение столь раннего артефакта в позднейшем погребении тем, что в бронзовом веке ее строители дошли до культурного слоя, залегающего под курганом, обнаружили и установили в могиле целый сосуд (*Behrens*, 1958. S. 224 ff.).

6 Кости и фрагменты дерева в гробнице могли оказаться и в результате более позднего проникновения: передняя стенка ящика была разбита, отбитый фрагмент был найден на дне могилы, в образовавшийся лаз вполне мог пролезть человек.

этапу он отнес две гробницы с инвентарем бернбургской культуры (а также с «барабаном» культуры Зальцмюнде), а ко второму — две богато орнаментированные гробницы из Гёлицш и Дёлауер Хайде (*Behrens et al.*, 1956. S. 44–47).

Далее в середине 1990-х гг. Детлеф Мюллер представил детальнейший анализ оснований для датировки этого вида памятников (орнаментированные гробницы) в Центральной Германии (*Müller*, 1994. S. 169–183). С одной стороны, он сопоставил орнаменты на каменных плитах с иными проявлениями изобразительных традиций западноевропейского неолита. С другой стороны, не ставя под сомнение стратиграфические наблюдения Г. Беренса, он заключил, что наличие в кургана Дёлауер Хайде № 6 впускной в последнюю насыпь могилы 5, относящейся к культуре шнуровой керамики, означает более глубокую древность гробницы 7. В-третьих, он оспорил основания датировки гробницы Гёлицш по найденным артефактам, указав на большую вероятность вторичного использования сооружения. По мнению Д. Мюллера, орнаментированные гробницы рассматриваемой территории относятся к периоду позднего неолита (бернбургская культура), то есть ранее бытования культуры шнуровой керамики. Эта работа остается последней на сегодняшний день публикацией, включающей серьезный анализ проблемы датирования орнаментированных гробниц Центральной Германии.

Из вышеизложенных сведений по каменным гробницам с геометрической орнаментацией, исследованных в том же регионе, что и местонахождения столбообразных аниконических стел, на мой взгляд, следует, что такие гробницы можно датировать самое позднее последней третью III тыс. до н.э., то есть временем бернбургской культуры. Однако обнаружение «воротничковой фляги» в гробнице Цюшен, «барабана» культуры Зальцмюнде в гробнице Шкопау и стратиграфия кургана Дёлауер Хайде № 6, включая впускное погребение культуры Зальцмюнде, указывают и на более раннюю датировку в пределах XXXV–XXXIII вв. до н.э. Такое же датирование, учитывая еще более раннее появление изваяний с геометрической орнаментацией на юге Франции, необходимо принять и для наиболее ранних аниконических столбообразных изваяний Германии.

Заключение

Таким образом, истоки традиции столбообразных изваяний Нальчикской гробницы необходимо искать в Центральной Европе. Тот же импульс с северо-запада в конце IV тыс. до н.э. мог привести к появлению традиции украшенных геометрическими композициями каменных ящиков и плит-кромlexов, зафиксированных в археологических памятниках Северного Причерноморья раннего бронзового века, а также способствовать формированию «мегалитического» (новосвободненского) компонента майкопско-новосвободненской общности (гробницы, росписи, керамика — см.: *Резепкин*, 2012. С. 101–106).

В дополнение: «Бамбергские божки»

Удивительно, но появляется все больше доказательств того, что передача культурных традиций не была односторонней. Антропоморфные изваяния с «реалистичным» отображением человеческой фигуры, предметами вооружения, посохом и др. появляются в Северном Причерноморье не позднее последних веков IV тыс. до н.э. (*Ковалев, Мунхбаяр*, 2023. С. 160–167). Более ранних антропоморфов такого типа в Западной Европе не обнаружено. Схожие статуарные памятники, происходящие из Южной Франции, Италии, Швейцарии, традиционно датируются временем не ранее рубежа IV–III тыс. до н.э. и вполне могут быть следствием влияния, шедшего из Северного Причерноморья.

Вероятность дошедших до Западной Европы северо-причерноморских влияний заставляет нас обратить особое внимание на еще одну необычную находку из Франконии, из той же долины Регница, где были найдены «камни со знаками», о которых шла речь выше. В 1858 г. три антропоморфных каменных изваяния обнаружены при строительстве сооружений прядильно-ткацкой фабрики на северной окраине Бамберга, в Гауштадте (*Haberstroh*, 2002; *Lohwasser*, 2009). Изваяния представляют собой фигуры с выделенной в виде выступа головой и руками, сложенными на «животе» (**рис. 10, 1–3**). На двух более крупных статуях волнитообразной фигурой изображены брови и нос, на лице одной из них моделированы усы и борода. Оба крупных изваяния имеют изображения пояса, а третье изваяние — гривны. На тыльной стороне обоих крупных изваяний имеется изображение овальной фигуры с поперечными полосами, выполненное хорошо заглаженными глубокими линиями. С этими изваяниями по стилю справедливо сопоставляют небольшую статую, найденную в лесу под Эбрахом, недалеко от Бамберга (**рис. 10, 6**) (*Haberstroh*, 2002. Abb. 10). Гауштадтские изваяния получили в специальной литературе название «Бамбергские божки» (*Bamberger Götzen*).

Для строительства фабрики было выбрано место, где перепад высот обеспечивал надлежащий напор воды для работы турбины, приводящей в движение прядильные и ткацкие машины (**рис. 10, 5**). Для этого необходимо было прокопать канал, направляющий воды левой протоки Регница в ее главное русло. Этот канал проходил у подножия возвышенности, образованной выступом коренной породы. Для обеспечения водосброса было решено спрямить русло протоки, прокопав еще один канал в пойме реки. За строительством наблюдал местный уроженец, инспектор Королевского кабинета естественной истории, натуралист, селекционер, геолог и фольклорист Андреас Хаупт (**рис. 10, 4**), который подробнейшим образом изложил свои наблюдения в вышедшей вскоре монографии (*Haupt*, 1860. S. 52–141). Будучи разносторонне образованным человеком, Хаупт не только обращал внимание на геологические слои и иные природные феномены, открывшиеся при строительных работах, но также зафиксировал обстоятельства находок археологических предметов, во множестве попадавшихся рабочим при раскопках, их форму и материал. Найденные артефакты, по его словам, были в основном переданы в Королевский кабинет. Как сообщается (*Lohwasser*, 2009), до наших дней эта коллекция (за небольшим исключением) не дошла.

При работах на канале водосброса, в пойме, на глубине 7–8 футов (~2,0–2,5 м) рабочие обнаружили большое количество глиняных сосудов и их фрагментов, судя по описанию, относящихся к эпохе Средневековья, бронзовые и железные артефакты, включая железный меч (сохранился в музее). Ниже, на глубине 12–15 футов (~4,0–4,5 м) залегали стволы деревьев, поваленных, видимо, в ходе мощного схода воды. Более 20 стволов лежали кроной вниз по течению реки. Среди этих стволов рабочие обнаружили крупные, хорошей сохранности фрагменты двух (?) лодок-долбленок сложной конструкции, подробное описание которых также приведено в книге Хаупта (одна из лодок, как сообщается, была нагружена каменными блоками).

В 200 м к западу от этих находок, при строительстве турбинного канала и шлюза на высоком берегу реки, на глубине около 12–15 футов (~4,0–4,5 м) были также зафиксированы отдельные поваленные деревья. После завершения основных работ по строительству шлюза и турбинного канала рабочие начали срывать перемычку между каналом и руслом протоки Регница. На глубине 15 футов (~4,5 м) со дна траншеи ими было извлечено каменное антропоморфное изваяние, за ним еще два. Помимо изваяний, была найдена какая-то каменная плита, которую А. Хаупт не смог осмотреть. По договоренности с собственниками земельного участка

Рис. 10. 1–3 — каменные изваяния из Гауштадта, Бамберг, Бавария («Бамбергские божки»); 4 — инспектор Королевского кабинета естественной истории в Бамберге Андреас Хаупт; 5 — вид на сооружения прядельно-ткацкой фабрики в Гауштадте (1962 г.), пунктиром отмечено место находок средневекового материала, стрелкой показано место находки изваяний; 6 — каменное изваяние из Эбраха (1–3, 6 — по: *Haberstroh*, 2002; 4 — по: *Döllner*, 2013; 5 — по: *Oevermann et al.*, 2024)

Fig. 10. 1–3 — stone sculptures from Gaustadt, Bamberg, Bavaria (“Bamberger Götzen”); 4 — Inspector of the Royal Cabinet of Natural History in Bamberg Andreas Haupt; 5 — view on the buildings of the spinning and weaving mill in Gaustadt (1962), the dotted line marks the location of the finds of medieval material, the arrow shows the find location of the sculptures; 6 — stone sculpture from Ebrach (1–3, 6 — after *Haberstroh*, 2002; 4 — after *Döllner*, 2013; 5 — after *Oevermann et al.*, 2024)

все три изваяния были доставлены Хауптом в Королевский кабинет и ныне экспонируются в Историческом музее Бамберга.

Андреас Хаупт, приводя подробнейшее описание найденных статуй, углубляется в проблему их датировки и атрибуции (Ibid. S. 131–141). Он сделал вполне объективный вывод о том, что при обработке поверхности изваяний использовались каменные, а не металлические инструменты. С другой стороны, обстоятельства находки в слое, связанном с мощным наводнением, перекрытым толщей аллювиальных отложений, говорили о его глубокой древности. Это привело Хаупта к выводу об отнесении статуй к каменному веку («Самое древнее свидетельство поклонения богам в Германии»). При этом путем остроумных рассуждений ученый отменил все возможные интерпретации изваяний как изображений известных к тому времени языческих божеств.

Однако выводы А. Хаупта остались «незамеченными». До сегодняшнего дня изваяния рассматриваются в контексте средневековых древностей, в качестве их создателей называются древние славяне, ранние христиане и даже авары или другие раннесредневековые кочевники, поскольку в восточноевропейских степях найдены “Baby, Balbals oder Stein-Babas” (см.: *Haberstroh*, 2002; *Lohwasser*, 2009; *Pleter-ski*, 2017). Эта атрибуция является в первую очередь следствием «смешения» информации о средневековом комплексе, найденном на острове в пойме реки на глубине около 2 м, и об обнаружении статуй в слое еще на два метра глубже и в отдалении на 200 м от этого местонахождения (рис. 10, 6). Очевидно, что не может быть никакой связи между слоем, в котором был найден средневековый материал, и залегающим на два метра глубже слоем с поваленными мощным наводнением деревьями, в котором нашли изваяния. Не исключено, что исследователи недостаточно подробно ознакомились с результатами наблюдений и рассуждениями А. Хаупта. На сегодняшний день, к сожалению, информация о поразительных находках под толщей речных наносов в Бамберге, в том числе поваленных наводнением деревьев, статуях и лодках-долбленках до сих пор не привела к решению о проведении масштабных научных археологических раскопок на прилегающих к промышленным каналам участках. Хотя такие работы могли бы стать хорошим дополнением к проектам «культурно-креативного развития» территории бывшей фабрики, признанной ныне памятником культуры (см.: *Oevermann et al.*, 2024. P. 8–9).

Литература

- Дараган и др., 2021 — Дараган М.Н., Полин С.В., Сквойский Ю.М. Хронологическая последовательность мегалитических погребальных комплексов энеолита в кургане у пгт. Великая Александровка // МАИАСП. 2021. Вып. 13. С. 13–98.
- Ковалев, Мунхбаяр, 2023 — Ковалев А.А., Мунхбаяр Ч. Всемогущество топора: чемурчешские антропоморфы и Керносовский идол // Тропою тысячелетий. Памяти М.А. Дэвлет / Отв. ред.: Г.Г. Король, Е.А. Миклашевич. М.: ИА РАН, 2023. С. 154–170 (Труды САИПИ; вып. XIII).
- Кореневский, 2004 — Кореневский С.Н. Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья. Майкопско-новосвободненская общность. Проблемы внутренней типологии. М.: Наука, 2004. 243 с.
- Крупнов, 1938 — Крупнов Е.И. Погребения эпохи бронзы в Северной Осетии (по материалам Северо-Кавказской экспедиции Государственного Исторического Музея 1935 г.) // Труды ГИМ. 1938. Вып. VIII: Сборник статей по археологии СССР. С. 39–56.
- Резепкин, 2012 — Резепкин А.Д. Новосвободненская культура (на основе материалов могильника «Клады»). СПб.: Нестор-История. 2012. 344 с. (Труды ИИМК РАН; Т. XXXVII).
- Формозов, 1969 — Формозов А.А. Очерки по первобытному искусству. Наскальные изображения и каменные изваяния эпохи камня и бронзы на территории СССР. М.: Наука, 1969. 255 с. (МИА; № 165).
- Чеченов, 1973 — Чеченов И.М. Нальчикская подкурганная гробница (III тыс. до н.э.). Нальчик: Эльбрус, 1973. 66 с.

- Чеченов, 1984 — Чеченов И.М. Вторые курганные группы у селений Кишпек и Черем II // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1979 гг. Т. 1: Памятники эпохи бронзы (III–II тыс. до н.э.). Нальчик: Эльбрус, 1984. С. 164–253.
- Anati, Gomez, 2013 — Anati E., Gomez V.M. The Züschen I Megalithic Monument (Kassel, Hessen) and its Engravings. Animal Traction, Ploughs, Carts and Wagons in Neolithic Europe. Lisbon: Instituto de Arqueologia e Paleociências da Universidade Nova de Lisboa, 2013. 182 p.
- Behrens, 1958 — Behrens H. Ein jungsteinzeitlicher Grabhügel von mehrschichtigen Aufbau in der Dölauer Heide bei Halle (Saale) // Jahresschrift für mitteldeutsche Vorgeschichte. 1958. Bd. 41/42. S. 213–245.
- Behrens, Schröter, 1980 — Behrens H., Schröter E. Siedlungen und Gräber der Trichterbecherkultur und Schnurkeramik bei Halle (Saale): Ergebnisse von Ausgrabungen. Berlin : Deutscher Verlag der Wissenschaften, 1980. 190 S. (Landesmuseum für Vorgeschichte (Halle, Saale); Ver. 34).
- Behrens et al., 1956 — Behrens H., Fasshauer P., Kirchner H. Ein neues innenverziertes Steinkammergrab der Schnurkeramik aus der Dölauer Heide bei Halle (Saale) // Jahresschrift für mitteldeutsche Vorgeschichte. 1956. Bd. 40. S. 13–50.
- Belinskij et al., 2017 — Belinskij A., Hansen S., Reinhold S. The Great Kurgan from Nalčik. A Preliminary Report // Subartu. 2017. Vol. XXXVIII. At the Northern Frontier of Near Eastern Archaeology. P. 13–32.
- Bizot, Sauzade, 2015 — Bizot B., Sauzade G. Le dolmen de l'Ubac à Goult (Vaucluse). Archéologie, environnement et évolution des gestes funéraires dans un contexte stratifié Paris: Société préhistorique française, 2015. 248 p. (Mémoire 61 de la Société Préhistorique Française).
- Bizot et al., 2023 — Bizot B., Barthès P., Bosansky Chr., Cenon-Salvayre C., Lardeaux J.-M., Reggio A., Schmitt A., Thirault E., Binder D., Dubar M., Durrenmath G., Sorin-Mazouni S. Gargas, Beyssan (Vaucluse), précisions sur le contexte funéraire associé aux stèles gravées du Néolithique moyen // Bulletin de la Société préhistorique française. 2023. T. 120, no. 2. P. 161–206.
- D'Anna, Renault, 2004 — D'Anna A., Renault S. Stèles anthropomorphes néolithiques de Provence, catalogue du Musée Calvet d'Avignon. Avignon: Etablissement public Calvet, 2004. 96 p.
- D'Anna et al., 2015 — D'Anna A., Bosansky Chr., Bellot-Gourlet L., Le Bourdonnec F.-X., Guendon J.-L., Reggio A., Renault S. Les stèles gravées néolithiques de Beyssan à Gargas (Vaucluse) // Bulletin de la Société préhistorique française. 2015. T. 112, no. 4. P. 761–788.
- Döllner, 2013 — Döllner G. Dr. Andreas Haupt — der „zweite Schöpfer der Naturforschenden Gesellschaft“ // Berichte der Naturforschenden Gesellschaft Bamberg. 2013. Bd. LXXX (2008–2011). S. 17–36.
- Galin et al., 2024 — Galin W., Caro J., Masson Mourey J. Découverte exceptionnelle d'une figurine anthropomorphe du Néolithique moyen à Montpellier (Hérault) // Bulletin de la Société préhistorique française. 2024. T. 121, no. 4. P. 731–733.
- Haberstroh, 2022 — Haberstroh J. Die Bamberger Götzen — ein Zeugnis vorchristlicher Kultvorstellungen? // Kaiser Heinrich II: 1002–1024. Katalog zur Bayerischen Landesausstellung 2002, Bamberg, 9. Juli bis 20. Oktober 2002. Augsburg: Haus der Bayerischen Geschichte, 2002. S. 127–130.
- Hansen, 2025 — Hansen S. Macht der Steine — Steine der Macht: Menhire, Stelen und Statuen zwischen dem 5. und 3. Jahrtausend v.Chr. Bonn: Dr. Habelt, 2025. IX, 466 S. (Archäologie in Eurasien; Bd. 43).
- Hansen et al., 2022 — Hansen S., Karauçak M., Krumnow J., Scheele K. Dokumentarische Beiträge zum Steinkammergrab von Züschen (Lohne, Stadt Fritzlar, Schwalm-Eder-Kreis) // Fundberichte Hessen Digital. 2022. T. 2. 2021/22. S. 65–151.
- Haupt, 1860 — Haupt A. Beiträge zur Kenntnis des Diluviums und des älteren Alluviums um Bamberg. Regensburg, 1860. 157 S. (Abh. zool.-mineralog.; Ver. 8).
- Knöll, 1981 — Knöll H. Kragenflaschen: ihre Verbreitung und ihre Zeitstellung im europäischen Neolithikum. Neumünster: Wachholtz, 1981. 109 p.
- Knöll, 1986 — Knöll H. Nordhessens Beziehungen zu den Nachbargebieten im Spätneolithikum // Zeitschrift des Vereins für hessische Geschichte und Landeskunde. 1986. Bd. 91. S. 13–20.
- Lohwasser, 2009 — Lohwasser C. Götzen, Becher, Zehnerla: Flussfunde aus Regnitz und Main // Im Fluss der Geschichte / Hrsg. R. Hanemann. Bamberg: Bambergers Lebensader Regnitz, 2009. S. 182–190.
- López et al., 2010 — López J.B., Moya A., Escala Ó., Nieto A. La cista tumulària amb esteles esculpides dels Reguers de Seró (Artesa de Segre, Lleida): una aportació insòlita dins de l'art megalític peninsular i europeu // Tribuna d'arqueologia. 2010. P. 87–125.
- López Melcion et al., 2015 — López Melcion J.B., Moya Garra A., Martínez Rodríguez P. Els Reguers de Seró (Artesa de Segre, Catalogne): Un nouveau mégalithe avec des statues-menhirs anthropomorphes sculptées en réemploi // Statues-menhirs et pierres levées du Néolithique à aujourd'hui: Actes

- du 3e colloque international sur la statuaire mégalithique, Saint-Pons-de-Thomières, du 12 au 16 septembre 2012 / Ed. G. Rodriguez, H. Marchesi. Saint-Pons-de-Thomières: Imprimerie Maraval, 2015. P. 381–396.
- Masson Mourey et al., 2020 — Masson Mourey J., D'Anna A., Reggio A., Bellot-Gurlet L., van Willigen S., Paris C. Les stèles anthropomorphes de La Bastidonne (Trets, Bouches-du-Rhône) et leur contexte du Néolithique moyen // Bulletin de la Société préhistorique française. 2020. T. 117, no. 2. P. 273–302.
- Midgley, 1992 — Midgley M. TRB Culture: the first farmers of North European Plain. Montagnac: Mergoil, 1992. 560 p.
- Müller, 1994 — Müller D. Die Bernburger Kultur Mitteldeutschlands im Spiegel ihrer nichtmegolithischen Kollektivgräber // Jahresschrift für Mitteldeutsche Vorgeschichte. 1994. Bd. 76. S. 75–200.
- Nadler, 2011 — Nadler M. Spätneolithische Stelen und Petroglyphen? Zu einer Neubewertung der sog. Zeichensteingräber in mittleren Regnitztal // Varia neolithica VII. Dechsel, Axt, Beil & Co — Werkzeug, Waffe, Kultgegenstand? Aktuelles aus Neolithforschung / Ed. H.-J. Beier et al. Langenweissbach: Beier & Beran, 2011. S. 183–210.
- Nadler, 2023 — Nadler M. Menhire und Petroglyphen // Steinzeit in Bayern. Das Handbuch in 2 Bänden / Hrsg. Th. Uthmeier, D. Mischka. Darmstadt: Theiss in Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 2023. Bd. 2. S. 938–942.
- Niklasson, 1925 — Niklasson N. Studien über die Walternienburg-Bernburger Kultur 1. Halle: Gebauer-Schwetschke, 1925. 183 S. (Jahresschrift für die Vorgeschichte der sächsisch-thüringischen Länder; Bd. 13).
- Oevermann et al., 2024 — Oevermann H., Wergeland E.S., Hanika S. Industrial Heritage and Pathways for Cultural-Creative Development in Bamberg, Germany // Urban Planning. 2024. Vol. 9. Article 8072. <https://doi.org/10.17645/up.8072>
- Pleterski, 2017 — Pleterski A. Triglaw-Steifiguren aus Bamberg // Fränkische Forschungen. Historische und archäologische Beiträge für Ruprecht Konrad zum siebzigsten Geburtstag / Hrsg. V. Schimpff, H. Stark. Langenweissbach: Beier & Beran, 2017. S. 21–26 (Folia Mediaevalia 1).
- Raetsel-Fabian, 2001 — Raetsel-Fabian D. Der nordwestliche Nachbar: Neue Aspekte zur Wartbergkultur // Die Stellung der endneolithischen Chamer Kultur in ihrem räumlichen und zeitlichen Kontext: Erlangen 26.–28.3.1999 / Hrsg. T.H. Gohlisch, L. Reisch. Erlangen: Institut für Ur- und Frühgeschichte, 2001. S. 107–119 (Kolloquien des Institutes für Ur- und Frühgeschichte Erlangen; Bd. 1).
- Rinne et al., 2024 — Rinne Ch., Kneisel Ju., Hinz M., Furholt M., Kruschke N., Müller J., Raetsel-Fabian D., Rodens M., Sjögren K.-G., Vandkilde H., Wotzka H.-P. Rado.NB [Электронный ресурс]. URL: <https://radonb.ufg.uni-kiel.de> (дата обращения: 09.06.2025).
- Rzepecki, 2011 — Rzepecki S. The roots of megalithism in the TRB culture. Łódź: Instytut Archeologii Uniwersytetu Łódzkiego, 2011. 251 p.
- Scheyhing, Schunke, 2014 — Scheyhing N., Schunke T. Der magische klang — die tontrommeln des 4. Jahrtausends v.Chr. // 3300 BC: mysteriöse Steinzeittote und ihre Welt. Sonderausstellung vom 14.11.2013 bis 18.05.2014 im Landesmuseum für Vorgeschichte Halle / Hrsg. H. Meller. Mainz a. Rhein: Nünnerich-Asmus Verlag, 2014. S. 257–261.
- Schröckel, 1957 — Schröckel W. Westeuropäische Elemente im Neolithikum und in der frühen Bronzezeit Mitteldeutschlands. Tl. I. Text. Leipzig: VEB Bibliographisches Institut, 1957. 143 S.
- Schröckel, 1966 — Schröckel W. Westeuropäische Elemente im Neolithischen Grabbau Mitteldeutschlands und die Galeriegräber Westdeutschlands und Ihre Inventare. Katalog des Mitteldeutschen Gräber mit Westeuropäischen Elementen und der Galeriegräber Westdeutschlands. Bonn: Habelt, 1966. 379 S. (Beiträge zur Ur- und Frühgeschichtlichen Archäologie des Mittelmeer-Kulturräum; Bd. 4-5).
- Schunke, 2014a — Schunke T. Die Salzmünder Kultur — eine außergewöhnliche Steinzeitkultur in Mitteleuropa // 3300 BC: mysteriöse Steinzeittote und ihre Welt. Sonderausstellung vom 14.11.2013 bis 18.05.2014 im Landesmuseum für Vorgeschichte Halle / Hrsg. H. Meller. Mainz a. Rhein: Nünnerich-Asmus Verlag, 2014. S. 246–256.
- Schunke, 2014b — Schunke T. Klady-Göhlitzsch. Vom Kaukasus nach Mitteldeutschland oder umgekehrt? // Ibid. S. 151–155.
- Schunke, 2014c — Schunke T. Bilderflut im Dunkeln — Gabhügel 6 in der Dölauer Heide und die ihnen verzierte Steinkammer // Ibid. S. 143–150.
- Vierzig, 2017 — Vierzig A. Menschen in Stein. Anthropomorphe Stelen des 4. und 3. Jahrtausends v.Chr. zwischen Kaukasus und Atlantik. Bonn: Habelt, 2017. 476 S. (UPA; Bd. 306).

Stelae of the Nalchik Tomb (North Caucasus) and the Pictorial Traditions of Central European Megalithism

Aleksey A. Kovalev⁷

The paper focuses on the problem of the origin of pillar-shaped sculptures with geometric ornamentation discovered during excavations of the Nalchik burial mound tomb (late 4th millennium BC), as well as in the vicinity of Nalchik (North Caucasus). Although similar geometric compositions were widespread in monumental art of the Early Bronze Age in the Northern Black Sea region, stelae of this type have not been found in Eastern Europe. The closest analogies are “Stones with signs” (“Zeichensteine”) from the Regnitz River valley (Franconia) and several fragments of stelae from Central Germany. The oldest dated anthropomorphic sculptures in Western Europe have similar geometric ornamentation, specifically geometrized stelae from Provence (type B), and dated back to 3800–3400 BC. The research also substantiates thesis that stone tombs in central part of Germany, decorated with the same set of geometric elements, can be dated to the period around the 34th–32nd centuries BC. In particular, the stratigraphy of the burial mound with an ornamented tomb in Dölauer Heide (mound 6, grave 7) is revised. The paper suggests that the stelae of the Nalchik tomb are of Central European origin. This is one more argument in favor of the Western origins of the megalithic component of the Maikop-Novosvobodnaya cultural community. On the other hand, the unique find of stone statues (“Bamberger Götzen”) in the same Regnitz valley indicates that the opposite direction of cultural influence also took place at the turn of the 4th–3rd millennia BC. These stone statues, mistaken for medieval idols, are made in the style of anthropomorphic sculptures of the Early Bronze Age of the Northern Black Sea region and are not associated with local traditions.

Keywords: *Northern Caucasus, Central Europe, Neolithic, Eneolithic, Early Bronze Age, megalithic art, ornamented tombs, stelae, distant cultural contacts*

---

⁷ Aleksey A. Kovalev — Institute of Archaeology of the RAS, 19 Dm. Ulyanova St., Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: chemurchek@mail.ru; ORCID: 0000-0003-2637-3131.

ТРАДИЦИИ МОНУМЕНТАЛЬНОЙ СКУЛЬПТУРЫ В САЯНО-АЛТАЕ ОТ ЭПОХИ БРОНЗЫ ДО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ¹

М.Е. Килуновская, Вл.А. Семенов²

С эпохи бронзы и до наших дней в разных частях Евразийского континента существует традиция создания монументальной антропоморфной скульптуры. В Саяно-Алтае она появляется с миграцией индоевропейских народов в раннем бронзовом веке. Прослеживается определенное сходство антропоморфных изваяний ямной культуры и Чемурчека, которые воспроизводят мужскую фигуру. В дальнейшем на территории Южной Сибири, а именно Минусинских котловин, изменяется иконография скульптур, которые демонстрируют некоторое миксантропическое божество, включающее женские, звериные и фантастические черты. Параллельно, но несколько позднее в Центральной Азии (Монголии и Синьцзяне) зарождается традиция, продолжающая возвеличивание образа божественного первопредка в виде оленных камней. Постепенно оленные камни в начале I тыс. до н.э. распространяются на запад вплоть до Южной Европы и существуют до середины I тыс. до н.э. В середине I тыс. н.э. после длительного перерыва вновь появляются ритуальные комплексы, в которых устанавливаются монументальные скульптуры. Это явление связано с тюрками, создавшими одну из самых могущественных кочевнических империй. В их памятниках сохраняются традиции эпохи бронзы, связанные с почитанием воина–пастуха–первопредка, носителя «непреходящей славы», апотропея, защищающего народ от всех бед.

Ключевые слова: Саяно-Алтай, монументальная скульптура, ямная культура, «чемурчекский феномен», окуневские изваяния, оленные камни, древнетюркские статуи

<https://doi.org/10.31600/978-5-6052467-6-3.76-86>

Традиция создания каменной скульптуры на Саяно-Алтае складывается в раннем бронзовом веке и может быть связана с миграцией индоевропейских племен на восток, а именно с носителями ямной культуры. В ямной культуре достаточно широко была распространена практика создания антропоморфных изваяний, наибольшее число которых происходит из Крыма, с северного побережья Азовского и Черного морей, Добруджи и Болгарии (см.: Семенов, 2008. С. 320–321). Эти памятники проникают также вверх по Днепру, Южному Бугу и Днестру. Несомненно, они связаны с погребальными культами, а часть из них использовалась как перекрытие могил. В определенной стилистике они воспроизводят антропоморфную фигуру, обладающую мужскими признаками (лицо, усы, фалы) и атрибутами (оружие, посохи, гривна и др.) (рис. 1, 1) (Щепинский, 1963; Златковская, 1963. С. 79–88; Формозов, 1965; 1969. С. 179).

1 Исследование проведено в рамках выполнения ФНИ ГАН «Особенности смены археологических культур у скотоводов Евразии и земледельцев Кавказа и Центральной Азии в неолите – раннем Средневековье» (FMZF-2025-0008).

2 Марина Евгеньевна Килуновская, Владимир Анатольевич Семенов — Институт истории материальной культуры РАН, Дворцовая наб., д. 18А, Санкт-Петербург, 191181, Российская Федерация; e-mail: kilunmar@mail.ru; ranbov@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-6458-9166; 0000-0002-1487-9277.

Всеми этими чертами обладают скульптурные памятники чемурчекской культуры, распространенной на Алтае (в широком понимании, т.е. Монгольский и Китайский Алтай), в Восточном Казахстане и Синьцзяне. В последнее время памятники этой культуры известны в Туве и Монголии. Впервые эту культуру выделил китайский исследователь Ван Бо в 1996 г., а исследовал и интерпретировал А.А. Ковалев (Ковалев, 2007). Памятники датируются 2600–1700 гг. до н.э. или второй половиной III — началом II тыс. до н.э. Для чемурчекской культуры характерны монументальные погребальные сооружения с захоронениями в каменных ящиках, стенки которых иногда расписаны нанесенным охрой орнаментом. Погребальные сооружения заключались в каменные ограды из плит, на которых зафиксированы изображения животных — быков, коней, а также необычные антропоморфные персонажи в широких «одеяниях», куполообразной формы, с оружием, но при этом без голов. К востоку от могил устанавливались каменные антропоморфные стелы, на некоторых из которых мы видим также выбитые в определенной манере фигуры быков и тех же загадочных антропоморфов.

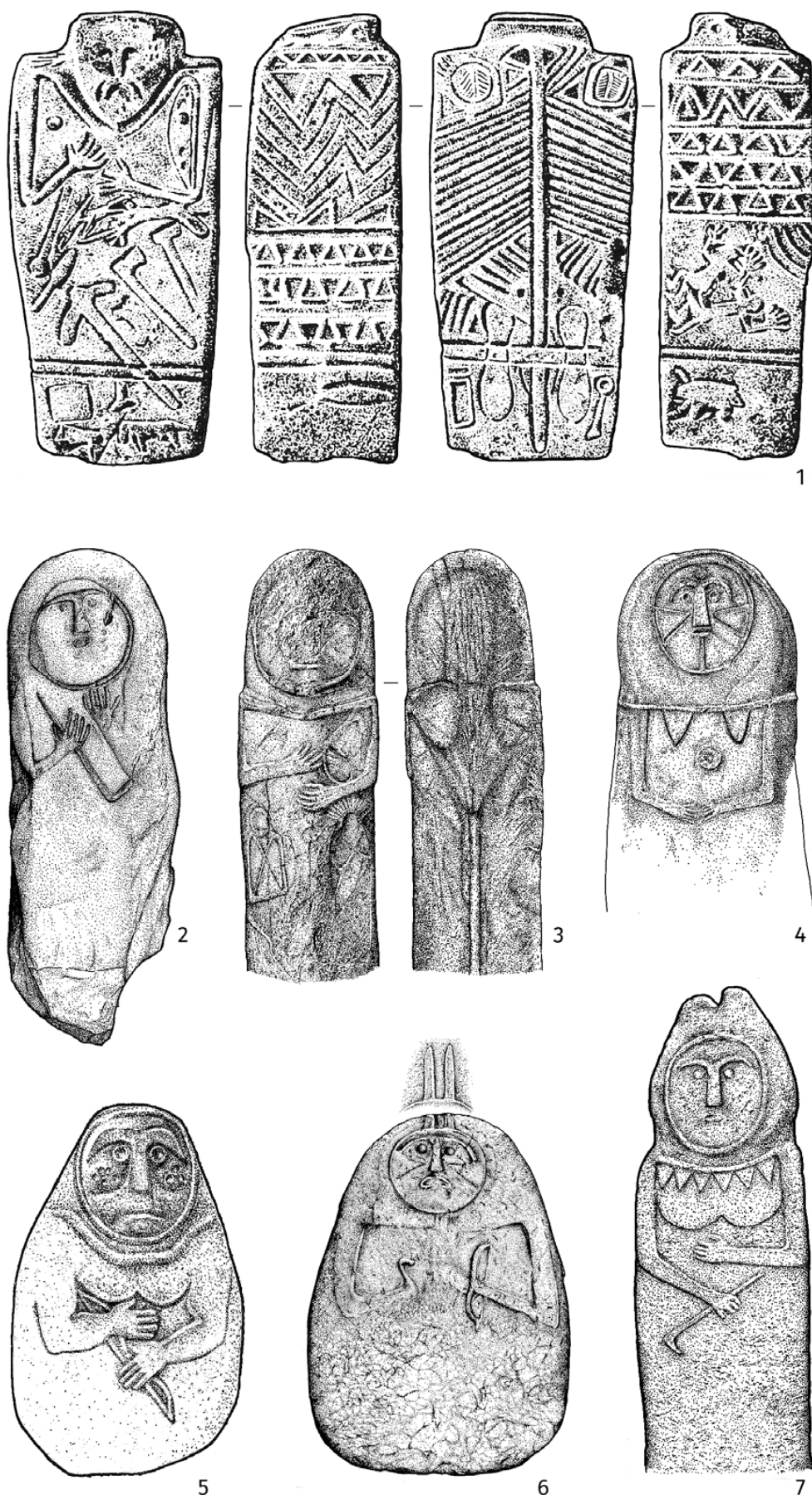
Чемурчекские изваяния объединяют с ямными несколько признаков: уплощенность лица, изображения атрибутов могущества — «посоха», лука, топора, кинжала и т.п., подчеркнутая обнаженность персонажа, частые изображения «гривны» или ожерелья на плечах или на шее (рис. 1, 2–7) (Ковалев, 2012). В то же время чемурчекские статуи характеризуются рядом специфических признаков. В подавляющем большинстве статуи имеют выпуклый абрис лица, верхняя часть абриса часто моделирует линию бровей, непосредственно от которой опускается нос (Т-образные брови). Глаза изображаются выпуклыми дисками или кружками, рот показан валиком по контуру, углы рта опущены. В ряде случаев от гривны спускаются треугольные фестоны; треугольники изображены и на лицах многих персонажей, а также округлый выступ на голове. Эти признаки позволили А.А. Ковалеву сравнить их со статуями Южной Франции и предположить миграцию какой-то определенной группы населения из Франции на Алтай в середине III тыс. до н.э. (Там же. С. 150–156). Эти мигранты были европеоидами и говорили на индоевропейских языках, что позволило их связать с тохарами. Затем «чемурчеки» распространили свое влияние шире — на территорию Саяно-Алтая.

Однако традиция антропоморфной мужской скульптуры возрождается в этом регионе только в предскифскую эпоху. Одновременно прослеживаются отчетливые аналогии между скифскими изваяниями Причерноморья и Приуралья с чемурчекским изобразительным канонам. С одной стороны, человек изображается обнаженным, с другой, у него на голове надет башлык или шлем. Присутствие шейной гривны, предметов вооружения и плети-посоха, ладонь с растопыренными пальцами, слабо выделенная шея или дисковидная голова, вдавленная в плечи; изображение носа-бровей в виде единой биволютной фигуры; отсутствие изображений глаз (только зрачки); дугообразные или подковообразные усы; подчеркнутый нижний контур обнаженной груди, выделение позвоночного столба, лопаток и даже ягодиц. Все эти признаки соответствуют выводам В.С. Ольховского о раннем этапе скифского монументального искусства (см.: Ольховский, Евдокимов, 1994).

Одновременно с «чемурчекским феноменом» в Южной Сибири, а именно в Минусинских котловинах, появляется другой тип статуарных памятников, связанный с окуневской культурой. Для этого времени характерен определенный тип изваяний, распространенных в ограниченном пространстве, которое вписывается в треугольник улус Барбаков — Усть-Есь (250 км) — село Кавказское на р. Туба (150–200 км от первых двух пунктов), образуя площадь ~18 тыс. км (см.: Семенов, 2008. С. 444–445). Окуневское монументальное искусство существовало около 700 лет — с конца

Рис. 1. Изваяния эпохи бронзы:
1 — ямная культура, «Керносовский идол» (Украина); 2–7 — чечмурчекская культура (2 — Каратас 3 № 1; 3 — Алпабулак 1; 4 — Кайнар 1 № 5; 5 — Кокшим № 2; 6 — Ягшийн Ходоо 3; 7 — Акжар) (1 — по: Семенов, 2008; 2–7 — по: Ковалев, 2012)

Fig. 1. Sculpture of the Bronze Age:
1 — Yamnaya culture, "Kernosovsky Idol"; 2–7 — "Chemurchek phenomenon" (2 — Karatas 3 No. 1; 3 — Alpabulak 1; 4 — Kaynar 1 No. 5; 5 — Kokshim No. 2; 6 — Yagshiyin Hodoo 3; 7 — Akdzar) (1 — after Семенов, 2008; 2–7 — after Ковалев, 2012)

III тыс. до н.э. до XIII–XII вв. до н.э. Окуневские изваяния почитаются хакасами по сей день. Они отличаются от чемурчешских и ямных, но в то же время в окуневской культуре в значительной мере присутствует фактор индоевропейского происхождения, особенно на ранних этапах: катакомбные захоронения, использование охры в погребениях, роспись на стенках каменных ящиков и на погребальной керамике (см.: Лазаретов, 2019; Лазаретов, Поляков, 2018; и др.).

Наиболее простые окуневские стелы появились на самых ранних этапах существования этой культуры и выполнены с применением минимальных изобразительных средств: глаза (в одном случае показан третий глаз), рот, горизонтальная линия между ними. Все линии шлифованы и закрашены охрой. Развитие образа (при сохранении его исходной формы) шло путем усложнения. На первом этапе в редких случаях личины не полностью оконтуривались, затем стали появляться дополнительные атрибуты, например, лучистые нимбы у «солнцеголовых» персонажей, широко представленных в наскальном искусстве Центральной Азии (от Тяньшаня до Алтая). Другие изображения приобретают более сложное содержание, включающее образ зверя (быка или коровы) и хищника (Леонтьев и др., 2006. С. 16–25).

При раскопках некрополей довольно большое количество изображений окуневской культуры обнаружено на плитах, составляющих каменные ящики или цисты. Эти факты послужили причиной неутрачиваемой полемики по поводу, все ли эти памятники относятся именно к окуневской культуре или они были созданы в предшествующее время, а затем уже переиспользованы людьми, для которых они не имели значения. Что же касается так называемых стел в погребальных сооружениях, то они сделаны из сравнительно тонких плит, специально взятых из каменоломен для конкретных целей, которые не могут соответствовать объему и назначению каменных обелисков, стоящих на открытых пространствах. Скорее всего, могильные плиты украшали определенными мифологическими сюжетами, а затем преднамеренно раскалывали и помещали в гробницы, что могло являться частью погребального обряда. Любопытно, что на плитах, использовавшихся в погребениях, нередко встречается образ мифологической «роженицы» (Леонтьев и др., 2006. С. 46–47, рис. 20), что хорошо согласуется с идеей смерти/перерождения и обрядами переходного цикла (см.: Семенов, 2008. С. 446–447). К ним же могут относиться наносимые на плиты геометрические рисунки, выполненные охрой, также и на черепах усопших встречается раскраска, напоминающая личины на стелах, в том числе с третьим глазом на лбу. Раскраска черепов, по-видимому, производилась после удаления мягких тканей. Эти черепа вообще до захоронения могли хранить в специальных оссуариях или святилищах. Изучение этих обрядов в конечном итоге сможет пролить свет и на мотивы «порчи» могильных плит с изображениями.

Стелы делятся на два типа по естественной форме камня: массивные плиты с плоской изобразительной поверхностью и округлые в сечении. Стелы-плиты лишены объемной перспективы и выполнены в орнаментально-декоративной манере, как, например, обелиск с р. Аскиз или из улуса Тязмина на р. Бире (рис. 2, 1 — см.: Леонтьев и др., 2006. С. 86, рис. 98). Это четырехгранный каменный блок высотой более 2 м, на одной из плоскостей которого высечено изображение трехглазой личины с тремя полосами, горизонтально пересекающими это изображение, ниже полос показаны ноздри и рот. Подобно Горгоне ее голову окружает лучистый нимб из извилистых змеевидных линий. На груди второе, более схематическое изображение личины, видимо, является украшением, несущим определенную семантическую нагрузку. По целому ряду элементов оно может быть сопоставлено с орнаментацией керамики из могильника Уйбат V, так и с каменной эмблемой,

обнаруженной в одном из погребений могильника Уйбат III. Эта эмблема является очень важным знаком, своего рода индексом окуневских изваяний и как правило она изображается в виде круга с точкой в центре (Там же. С. 57–64, табл. 3).

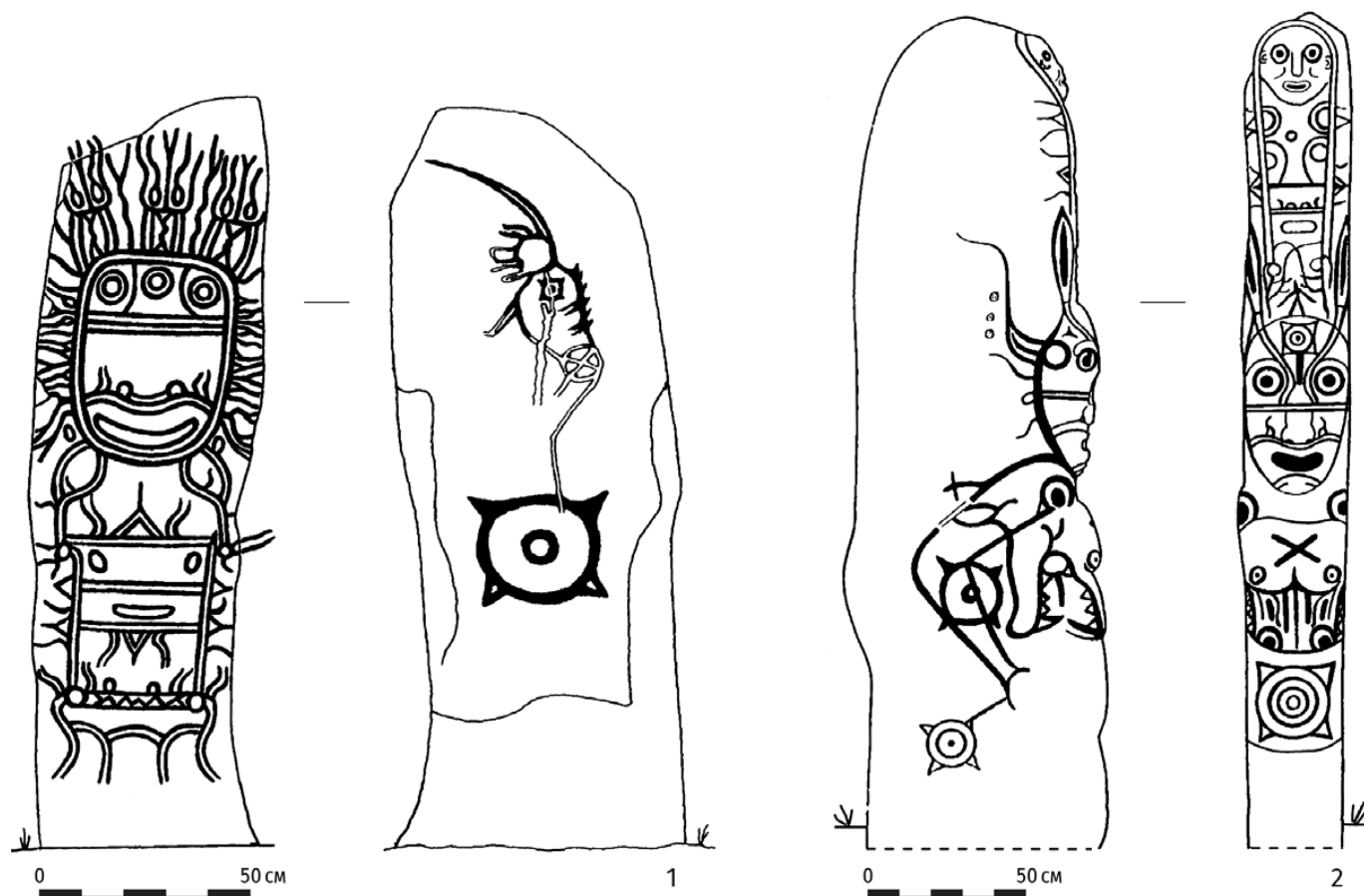
Наиболее ярким памятником из числа объемных изваяний является Ширинская стела (из поселка Ши́ра в Хакасии) (рис. 2, 2 — Там же. С. 87, 143, кат. 103). Она представляет сложное миксантропическое существо с элементами полиэйконии и андрогинности, зашифрованной в зооморфных образах (Семенов, 2008. С. 448–450, рис. 564). Занимающая центральное место на стеле личина снабжена характерными ушами и рогами, позволяющими видеть в ней травоядное животное (скорее, корову, чем быка), органически соединенное с хищником, составляющим часть туловища всего рассматриваемого персонажа. На плечах около рук, определенно связанных с личиной, которые являются также передними лапами хищника, расположены его круглые уши. Выступающие лобные доли с глазами в то же время являются грудью с сосцами, вторую пару которых образуют ноздри хищника. Ниже, перед оскаленной пастью зверя, расположен характерный для данного типа памятников знак — несколько концентрических кругов, обрамленных четырьмя выступающими треугольниками (женский символ?). Этот же знак изображен и на боковых гранях стелы и на лбу между ушами личины. Его уравнивает крест на лбу хищника. Такие же композиции представлены и еще на ряде памятников. Однако главным символом на стелах является личина с бычьими рогами. И этот образ широко распространен в наскальном искусстве всего Саяно-Алтая, в горах Инь-Шань и в Казахстане, хотя здесь не известно изваяний окуневского типа.

Места с наскальными рисунками можно рассматривать как культовые центры — например, Мугур-Саргол в Туве, который хорошо проанализирован М.А. Дэвлет (1980). Это говорит еще и о том, что окуневские изваяния были связаны не только с погребальным культом, но и имели более широкое мифо-ритуальное значение. Л.С. Клейн предлагал видеть в образах личин Бога-Дракона, который нашел затем свое развитие в культах Древнего Китая (Клейн, 2010. С. 390–428).

В окуневском искусстве очень много сложно-компонентных образов, сочетающих в себе черты разных зверей и антропоморфность. Оборотничество, многоипостасность — естественное состояние демонического существа. Лось (или бык) превращается в чудовище, чудовище встает на задние ноги и приобретает какие-то антропоморфные черты. Вместе с тем у него сохраняется бычья голова, корона из солнечных лучей или пернатость — свидетельства нематериальности (бестелесности) духа. Необыкновенная творческая фантазия носителей окуневской культуры свидетельствует о развитой мифологии и мощном духовном потенциале, благодаря которому она (мифология) нашла отражение в пластических и графических образах.

На окуневских изваяниях нет никаких мужских символов, изображения оружия и т.д., они несут совершенно иную семантическую нагрузку и, скорее всего, связаны с культами плодородия и перерождения, которые также имеют свое начало в индоевропейских культурах. Интересна их связь с «чемурчеками» через изображение третьего глаза, на что в свое время обратил внимание Л.С. Клейн (2014. С. 231–232).

В финале бронзового века на широком степном пространстве Евразии распространяются каменные монументы, которые с легкой руки путешественника Н.М. Ядринцева называются «олениными камнями», потому что он увидел на них изображение оленей. Больше всего их найдено в Монголии, затем в Туве, на Алтае, в Казахстане и вплоть до Эльбы, но их нет в Минусинских котловинах, где тради-

Рис. 2. Изваяния окуневской культуры: 1 — улус Тазмин (Хакасия); 2 — озеро Шира (Минусинская котловина) (по: Леонтьев и др., 2006)

Fig. 2. Sculpture of the Okunevo culture: 1 — Ulus Tazmin (Khakasia); 2 — lake Shira (Minusinsk basin) (after Леонтьев и др., 2006)

ция изваяний заканчивается вместе с окуневской культурой. В Монголии их сейчас насчитывается уже больше тысячи. Они связаны с погребальными сооружениями (курганами и херексурами), а также с ритуальными площадками, где устанавливались специально для поклонений. В курганах очень часто встречаются оленные камни, уложенные под каменной насыпью, и в таком случае могут рассматриваться как ритуальные захоронения — кенотафы (Килуновская, Семенов, 2014. С. 36–41; Ковалев и др., 2021. С. 131–143). Различаются несколько типов оленных камней (Килуновская, Семенов, 1998; 1999), но самое главное — в своей основе они антропоморфны и воспроизводят некое антропоморфное божество, связанное с мужским началом.

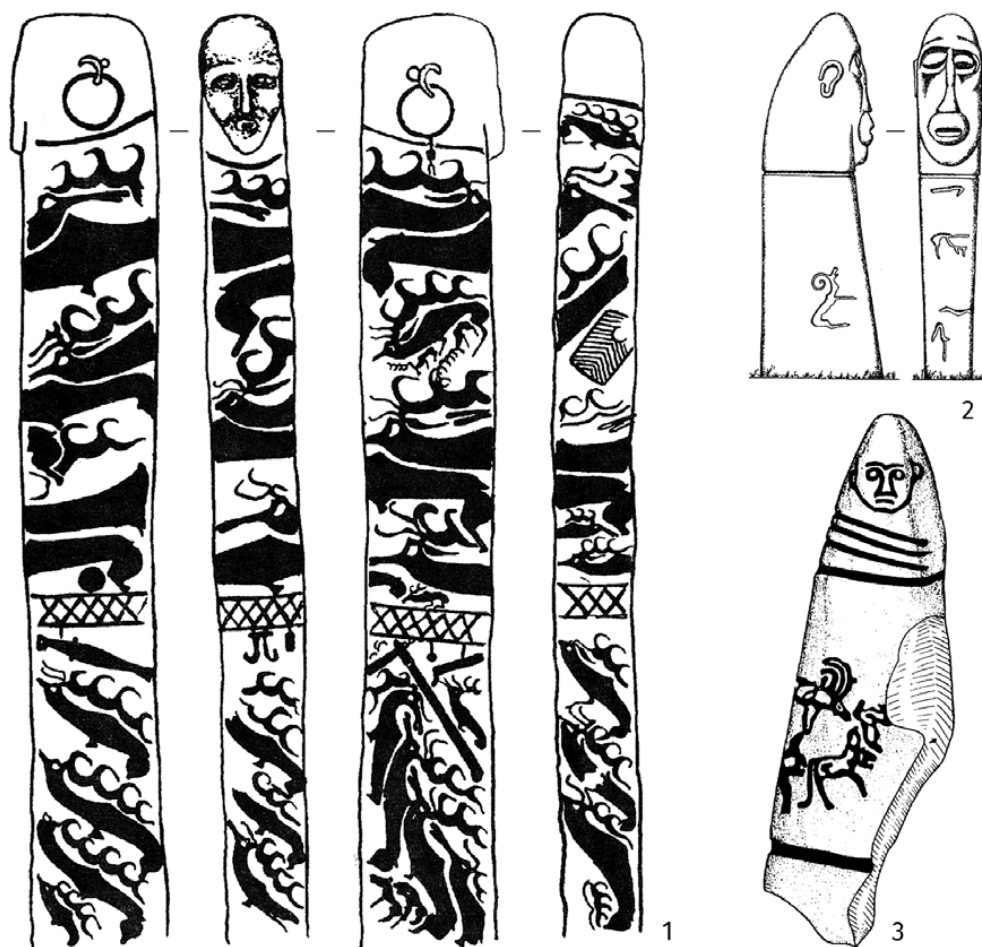
На самых ранних изваяниях мы видим изображение лица (рис. 3), которое затем заменяется символом — тремя косыми полосами. По бокам изображаются круги-серьги, выше — полоса-диадема, ниже — ожерелье из овальных углублений. В средней зоне воспроизводятся животные — олени, кони, свернувшиеся пантеры. Внизу — широкая полоса-пояс, к которому «пририсованы» предметы вооружения — чекан, акинак, оселок, горит или лук. Это идеальная схема. Но чаще всего эти камни имеют всего несколько символов: полоса-пояс и чекан или кинжал, просто круги по бокам, просто линия-пояс. Это говорит о том, что данные памятники были очень важны для местных кочевников, и они понимали их символическую нагрузку «с полуслова». Для них это был некий знак-индекс, который подчеркивал их принадлежность к определенному социальному или культурному сообществу.

Важно отметить, что оленные камни (как в принципе и чечурчечские и окуневские изваяния) появляются в период становления той или иной культурно-исторической общности. Например, оленные камни исчезают в период расцвета

Рис. 3. Антропоморфные оленные камни, скифское время:

1 — Ушкийн Увэр (Монголия);
2 — около поселка Аржан (Тува); 3 — Чарга (Тува)
(1 — по: Волков, 2002; 2, 3 — по: Килуновская, Семенов, 1999)

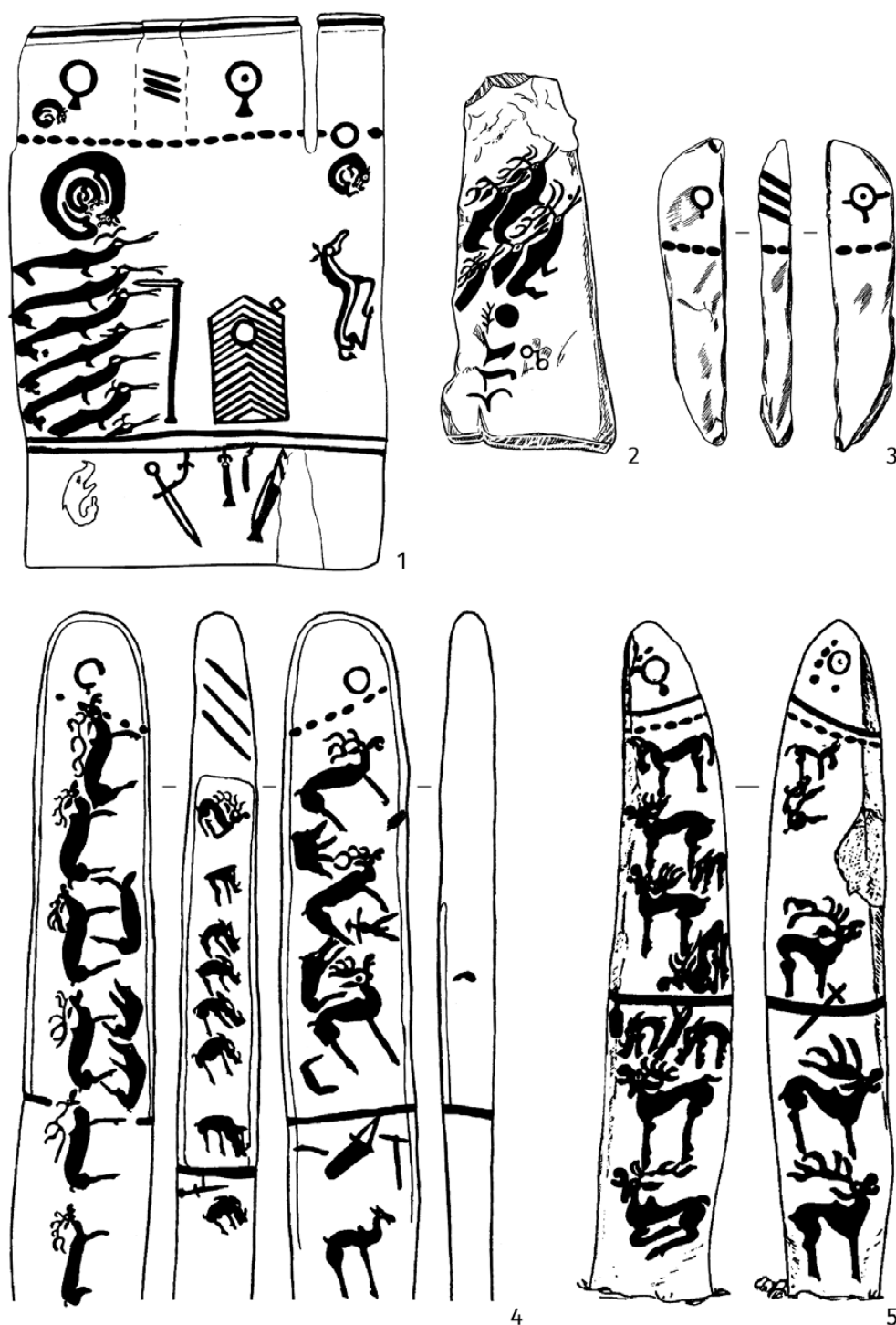
Fig. 3. Antropomorphic deer stones, Scythian time: 1 — Ushkiyn Uvaer (Mongolia); 2 — near the village Arzhan (Tuva); 3 — Charga (Tuva) (1 — after Волков, 2002; 2, 3 — after Килуновская, Семенов, 1999)

скифской культуры в V в. до н.э. Самые ранние камни связаны с культурой херексуров Монголии и оформлены в особом монголо-забайкальском стиле (рис. 4, 1, 2) — сильно стилизованные фигуры оленей, практически потерявших реальный облик и вписанных друг в друга. Это, скорее, орнаментальный мотив. Длинные туловища, горбатые спины, вытянутые птицеподобные морды, большие рога, простирающиеся вдоль спины, и редуцированные ноги. Самым большим святилищем, где сосредоточены оленные камни монголо-забайкальского типа, является Ушкийн-Увэр в Хубсугульском оймаке Монголии (Ковалев и др., 2021. С. 133–135, рис. 2), где более 20 камней были установлены на ритуальных площадках.

В Туве и на Алтае распространен саяно-алтайский тип камней, когда животные изображены в более реалистическом стиле, хотя и с определенной долей стилизации, то есть в аржано-майэмирском стиле — стоящие на кончиках копыт или с подогнутыми ногами (рис. 4, 4, 5). Однако самыми распространенными являются камни без изображения животных — общеевразийский тип, который характеризуется предельной минимализацией деталей (рис. 4, 3). Если первые два типа можно связать с ритуальной практикой, то этот третий связан с погребальными сооружениями раннескифского времени.

Очевидно, оленные камни отражают способ статического моделирования пространства и помещаются всегда в условном центре мифологического мира, вокруг которого разворачивается весь космический универсум. Этим определяется полисемантическая и полифункциональность оленного камня на всех содержательных уровнях. Он может рассматриваться как центр локуса, как меморативный знак в связи с установкой у кургана или некрополя или в поминальных комплексах (в местах жертвоприношений в Монголии из оленных камней сложены стены,

Рис. 4. Оленные камни Тувы.
Монголо-забайкальский тип:
1 — Кош-Пей; 2 — оз. Белое.
Евразийский тип: 3 — Хорум.
Саяно-Алтайский тип: 4 — Уюк-
Аржан, 5 — Первый Туранский
(по: Килуновская, Семенов, 1998)

Fig. 4. Deer stones of Tuva.
Mongol-transbaikalian type:
1 — Kosh-Pei; 2 — Beloe ozero.
Eurasian type: 3 — Khorum.
Sayano-Altai type: 4 — Uyuk,
Arzhan, 5 — Turan 1st stone
(after Килуновская, Семенов, 1998)

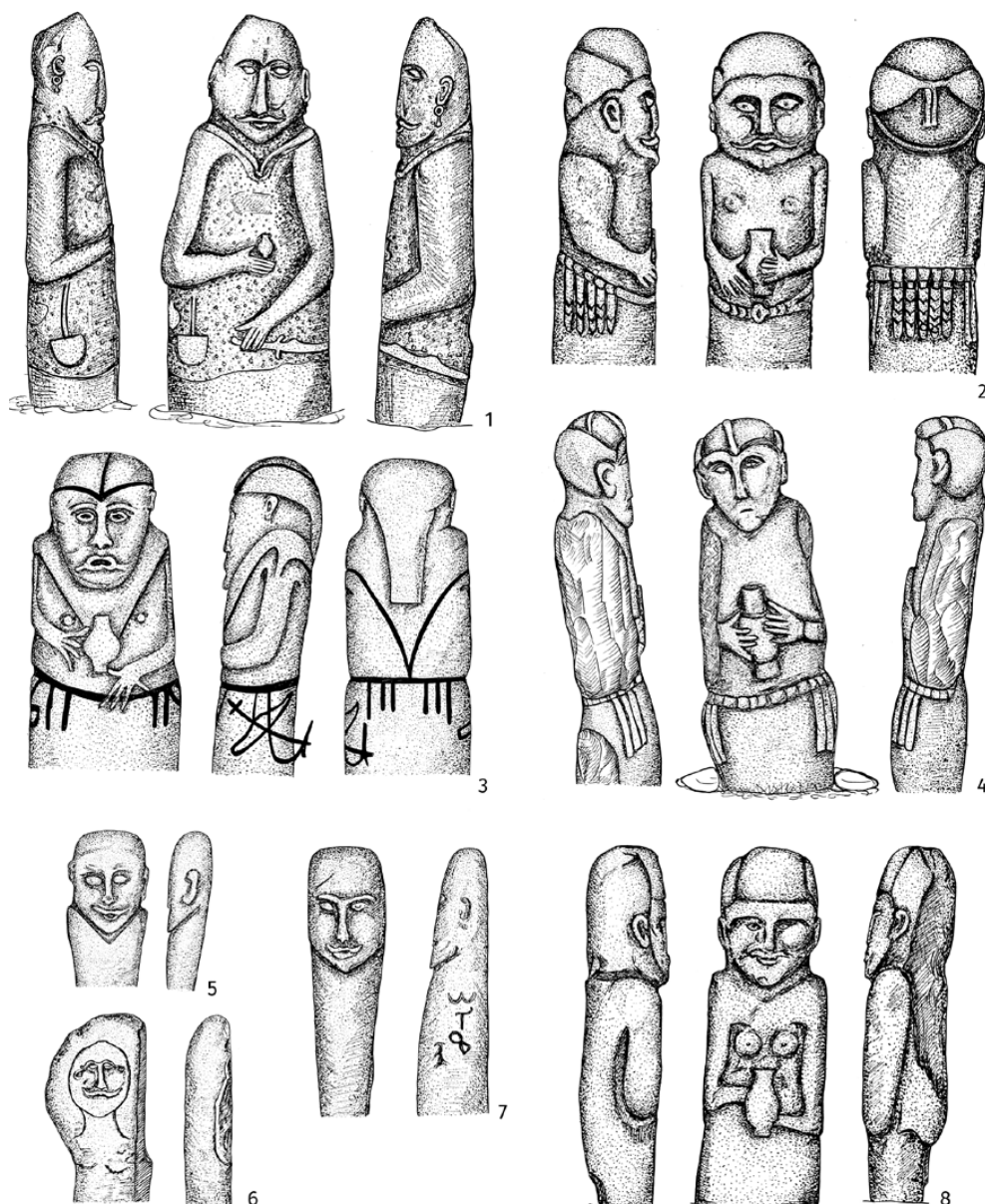
и, в последнюю очередь, как памятник изобразительного искусства, хотя художественные зооморфные и антропоморфные образы, а также предметы вооружения и другие знаки выполнены в определенном стиле и дают ключ к частичному пониманию закодированного в оленном камне текста.

Подобным же образом оценивает Д.С. Раевский скифские каменные изваяния Восточной Европы, которые так же как и оленные камни, являются «наглядным воплощением вертикали с подчеркиванием ее неоднородности, то есть членения на три зоны, каждая из которых обладает специфическими характеристиками и функциями» (Раевский, 1985. С. 142).

Следующий всплеск монументализма в Саяно-Алтайском регионе связан со становлением тюркской культуры VI–IX вв. н.э. Он очень напоминает историю

с чемурчекскими и скифскими изваяниями. Это опять же антропоморфные фигуры (полнофигурные, поясные или только изображающие голову или лицо), воспроизводящие мужчину со всеми атрибутами — прическа или головной убор, брови и нос соединяются, выпученные глаза (миндалевидные, а не круглые как у «чемурчеков»), усы, борода, сложенные на груди и у живота руки, держащие сосуд и оружие (меч или саблю), пояс с подвешенными к нему атрибутами (рис. 5 — Ермоленко, 2004; Килуновская, 2001. С. 36–44). Большая часть тюркских изваяний стояла и стоит в ритуальных комплексах — прямоугольных оградах (причем с востока, как у «чемурчеков»), от которых отходят дорожки вертикально поставленных стел — балбалов (длина дорожек может быть до многих сотен метров).

Многие исследователи видят в этих скульптурах передачу портретного сходства, но эта точка зрения не доказуема (Ермоленко, 2020. С. 232–234). На наш взгляд, усматривать в этих статуях реально похороненных людей нет оснований. Нам представляется, что, как и в предыдущих эпохах, перед нами предстает образ героизированного предка: первопредка – воина – божественного пастыря, носителя «непреходящей славы» (по Я.В. Василькову). Л.С. Клейн предложил версию, что в ка-

Рис. 5. Древнетюркские каменные изваяния Тувы: 1 — ур. Шиви-Кутру; 2 — Кызыльский музей; 3–5, 7, 8 — река Барлык; 6 — урочище Шивилиг (по: Килуновская, 2001)

Fig. 5. Ancient Turk stone statues of Tuva: 1 — confine of Shivi-Kutru; 2 — National museum of Tuva Republic; 3–5, 7, 8 — Barlyk river; 6 — confine of Shivilig (after Килуновская, 2001)

менной скульптуре воплощался образ некоего божества, в котором совмещался культ плодородия и перехода в иной мир (Клейн, 2014).

Ареал стел, антропоморфных изваяний и зачастую менгиров совпадает, по меткому наблюдению Я.В. Василькова, с ареалом обитания скотоводов, в быту которых обычной была практика набегов на стада соседей и отражение их, то есть мало отличается от быта евразийской степи в раннем бронзовом веке (Васильков, 2010). Часто стелы предназначались для увековечивания памяти героев, павших в битвах из-за скота. Напрямую формулировке «непреходящая слава» свидетельствуют названия индийских стел “kirstambha” (Кирстимухха) — «столп славы», часто венчающий стелу гневной личиной апотропея (Там же. С. 70–71).

Это проливает свет на некоторые причины создания каменных изваяний и их установки на возвышенных местах, в степях, как правило, на вершинах курганов или рядом с ними, так как они рассматривались как святилища. Апотропей — охранитель стад и стойбищ. Символ «непреходящей славы», призванный увековечить память удачливого в набегах на соседей скотокрада или отражающего набеги других. В этом контексте не удивительно, что стелы разбивались, им отбивали головы, руки и ноги, бросали в насыпь курганов и т.д. Это были акции возмездия других, в настоящий момент превосходящих силой противников. Все это остается в генетической памяти индоевропейских и других евразийских народов до настоящего времени³.

Литература

- Васильков, 2010 — Васильков Я.В. Индоевропейские поэтические формулы и древнейшая концепция героизма в «Махабхарате» // Поэтика традиции / Под ред. Я.В. Василькова и М.Л. Кислиера; предисл. Ю.А. Клейнера. СПб.: Европейский дом, 2010. С. 68–91.
- Волков, 2002 — Волков В.В. Оленные камни Монголии. М.: Научный мир, 2002. 248 с.
- Дэвлет, 1980 — Дэвлет М.А. Петроглифы Мугур-Саргола. М.: Наука, 1980. 272 с.
- Златковская, 1963 — Златковская Т.Д. К вопросу об этнокультурных связях племен южнорусских степей и Балканского полуострова в эпоху бронзы // СЭ. 1963. № 1. С. 68–79.
- Ермоленко, 2004 — Ермоленко Л.Н. Средневековые каменные изваяния Казахстанских степей. Новосибирск: Изд-во ИАЭ СО РАН, 2004. 132 с.
- Ермоленко, 2020 — Ермоленко Л.Н. Изваяние как объект погребально-поминальной обрядности древних тюрков (проблема портретности) // Вещь в контексте погребального обряда: Материалы междунар. науч. конф. / Отв. ред.: С.А. Яценко, Е.В. Куприянова. М.: РГГУ, 2020. С. 227–237.
- Килуновская, 2001 — Килуновская М.Е. Монументальная скульптура древних тюрков — ареалы, типология, этногенетические связи // Miras. Ашхабад, 2001. № 3. С. 36–44 (на туркм. яз.), 79–88 (на рус. яз.), 123–132 (на англ. яз.).
- Килуновская, Семенов, 1998 — Килуновская М.Е., Семенов Вл.А. Оленные камни Тувы (часть 1 — новые находки, типология и вопросы культурной принадлежности) // АВ. 1998. Вып. 5. С. 143–154.
- Килуновская, Семенов, 1999 — Килуновская М.Е., Семенов Вл.А. Оленные камни Тувы (часть 2. Сюжеты, стиль, семантика) // АВ. 1999. Вып. 6. С. 130–145.
- Килуновская, Семенов, 2014 — Килуновская М.Е., Семенов Вл.А. Оленные камни в погребальном обряде скифских культур Тувы // Древние и средневековые изваяния Центральной Азии / Отв. ред. А.А. Тишкин. Барнаул: АлтГУ, 2014. С. 36–41.
- Килуновская, Семенов, 2018 — Килуновская М.Е., Семенов Вл.А. Антропоморфные элементы на оленных камнях Тувы и Монголии // Записки ИИМК РАН. 2018. № 18. С. 50–59.
- Клейн, 2010 — Клейн Л.С. Время кентавров: Степная прародина греков и ариев. СПб.: Евразия, 2010. 496 с.
- Клейн, 2014 — Клейн Л.С. Кого изображали чемуручские статуи? // РАЕ. 2014. № 4. С. 226–235.
- Ковалев, 2007 — Ковалев А.А. Чемуручский культурный феномен (статья 1999 года) // А.В. Сборник научных трудов в честь 60-летия А.В. Виноградова / Науч. ред. С.В. Хаврин. СПб.: Культ-Информ-Пресс, 2007. С. 25–76.

3 Достаточно вспомнить о недавнем разрушении Бамиана в Центральном Афганистане.

- Ковалев, 2012 — Ковалев А.А. Древнейшие статуи Чемурчека и прилегающих территорий. СПб.: Б.и., 2012. 160 с.
- Ковалев и др., 2021 — Ковалев А.А., Рукавишникова И.В., Эрдэнэбаатар Д. Оленные камни – это памятники кенотафы (по материалам исследований в Монголии и Туве) // Ковалев А.А., Эрдэнэбаатар Д. Оленные камни в ритуале древних кочевников Монголии. Хар Говь. Суртийн Дэнж. СПб.: СПбГМИСР, 2021. С. 131–143.
- Лазаретов, 2019 — Лазаретов И.П. Хронология и периодизация окуневской культуры: современное состояние и перспективы // ТПАИ. 2019. № 4 (28). С. 15–50.
- Лазаретов, Поляков, 2018 — Лазаретов И.П., Поляков А.В. Исследования могильника Уйбат-Чарков и новые данные о раннем этапе развития окуневской культуры // ТПАИ. 2018. № 3 (23). С. 41–69.
- Леонтьев и др., 2006 — Леонтьев Н.В., Капелько В.Ф., Есин Ю.Н. Изваяния и стелы окуневской культуры. Абакан: Хакас. кн. изд-во, 2006. 236 с.
- Ольховский, Евдокимов, 1994 — Ольховский В.С., Евдокимов Г.Л. Скифские изваяния VII–III вв. до н.э. М.: ИА РАН, 1994. 188 с.
- Раевский, 1985 — Раевский Д.С. Модель мира скифской культуры. Проблемы мировоззрения ираноязычных народов евразийских степей I тысячелетия до н.э. М.: Наука, 1985. 256 с.
- Семенов, 2008 — Семенов Вл.А. Первобытное искусство. Каменный век. Бронзовый век. СПб.: Азбука-Классика, 2008. 592 с.
- Формозов, 1965 — Формозов А.А. О древнейших антропоморфных стелах Северного Причерноморья // СЭ. 1965. № 6. С. 177–181.
- Формозов, 1969 — Формозов А.А. Очерки по первобытному искусству. М.: Наука, 1969. 190 с.
- Щепинский, 1963 — Щепинский А.А. Памятники искусства эпохи раннего металла в Крыму // СА. 1963. № 3. С. 38–47.

Traditions of Monumental Sculpture in Sayano-Altai from the Bronze Age to the Middle Ages

Marina E. Kilunovskaya, Vladimir A. Semenov⁴

Tradition of creation of monumental sculpture had existed in the different parts of Eurasia beginning from the Bronze Age until present day. It appears on Sayano-Altai along with the migration of Indo-European peoples in the Early Bronze Age. There is a certain similarity between the sculptures of Yamnaya culture and Chemurchek, which represent the male figure. Afterwards on the territory of Southern Siberia, Minusinsk Basins in particular, the iconography of the sculpture changed, demonstrating a kind of mixantropic deity, in which feminine, bestial and fantastic elements are present. Along with that, though a little later in Central Asia (Mongolia and Xinjiang) a tradition emerged, which continued the aggrandizement of the divine ancestor in the form of deer stones. In the middle of the 1st millennium AD, after a long break, ritual complexes with monumental sculpture reappeared. This phenomenon is associated with ancient Turks, who created one of the most powerful nomadic empire. Their monuments kept the Bronze Age traditions worshipping of the warrior-herdsman-first ancestor, bringer of the “eternal glory”, the apotropeus which protects his people from all troubles.

Keywords: *Sayano-Altai, monumental sculpture, Yamnaya culture, “Chemurchek phenomenon”, Okunevo sculptures, deer stones, ancient Turkic statues*

⁴ Marina E. Kilunovskaya, Vladimir A. Semenov — Institute for the History of Material Culture of the RAS, 18A Dvortsovaya Emb., St. Petersburg, 191186, Russian Federation; e-mail: kilunmar@mail.ru; ranbov@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-6458-9166; 0000-0002-1487-9277.

НОВЫЕ АСПЕКТЫ ПРИ СОПОСТАВЛЕНИИ СТЕЛ-МЕНГИРОВ КРЫМА И САЯНО-АЛТАЯ

Л.С. Марсадолов¹

Каменные стелы, менгиры и изваяния в Крыму и на Алтае с научной точки зрения изучаются более 150 лет. В археологии многих регионов мира проблема ландшафтного окружения культовых объектов, в том числе стел-менгиров, до сих пор остается одной из малоисследованных. Еще менее изучен вопрос о возможных сопоставлениях сакральных памятников соседних и удаленных регионов евразийского пространства. Проведенное в 2011 г. автором исследование скельских менгиров в Крыму позволяет сравнить эти каменные стелы и их ландшафтное окружение с ранее изученными объектами на территории Саяно-Алтая, прежде всего с широко известным Чуйским камнем на Алтае.

Ключевые слова: Крым, Алтай, стелы, менгиры, ландшафтное окружение, ритмичность

<https://doi.org/10.31600/978-5-6052467-6-3.87-98>

Введение

Комплексные исследования Саяно-Алтайской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа в разных регионах Евразии показали, что в древности существовали довольно строгие требования к выбору места для установки каменных стел и изваяний, а также к связям этих объектов с определенными формами горного ландшафта. Сопоставление стел-менгиров из Крыма и Саяно-Алтая указывает на их сходство по ландшафтным, навигационным, метрологическим и другим характеристикам.

Менгиры-стелы и изваяния Крыма и Алтая

Менгиры Крыма. Наиболее известны менгиры в с. Родниковое (быв. с. Скели) в Крыму, изученные в 1907 г. Н.И. Репниковым. Он зафиксировал три огромных камня, которые местное население называло «Текли-Таш» (*крымскотат. Tekli-Tash* — поставленный камень). Первый камень имел высоту 1,5 м, ширину — 1,2 м, толщину — 0,55 м; высота самого крупного второго камня — 2,8 м, ширина — 1,05 м, толщина — 0,7 м; высота третьего камня — 0,85 м, ширина — 0,77 м и толщина — 0,55 м. Около этих менгиров ранее находились каменные ящики, уничтоженные при обработке поля (Репников, 1909. С. 127).

В конце 1970-х гг. эти менгиры исследовал известный крымский археолог А.А. Щепинский, который отнес их к эпохе бронзы². Ныне в Родниковом в вертикальном положении восстановлены четыре менгира.

В 2011 г. скельский комплекс объектов был кратко обследован автором статьи. Самый крупный и высокий менгир ныне находится в центре комплекса (рис. 1, 1).

¹ Леонид Сергеевич Марсадолов — Государственный Эрмитаж; Дворцовая наб, д. 34, Санкт-Петербург, 190000, Российская Федерация; e-mail: marsadolov@hermitage.ru; ORCID: 0000-0002-0480-2225.

² Дата приведена согласно данным на информационном стенде около менгиров.

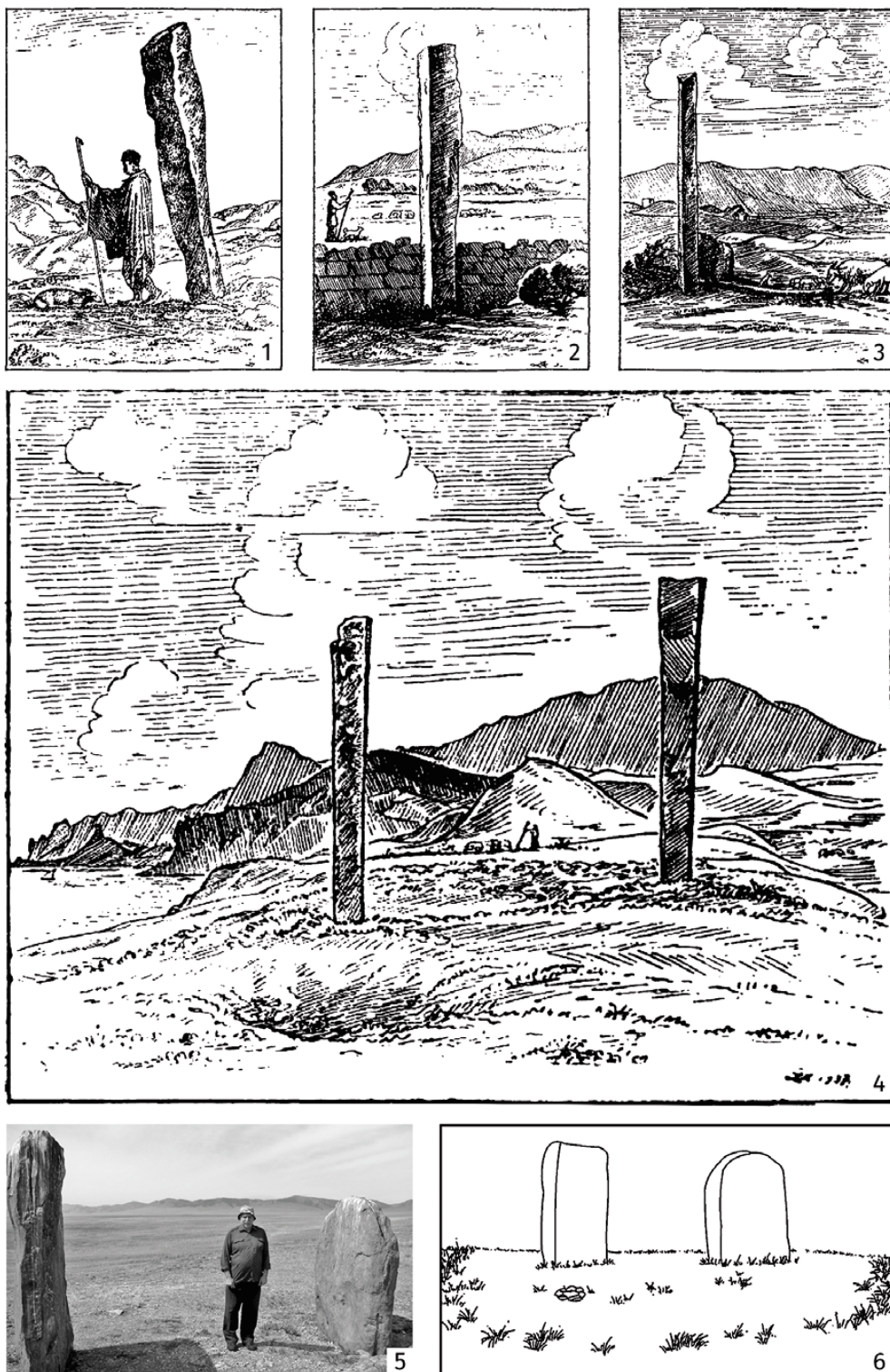
Рис. 1. Скельские менгиры в пос. Родниковое в Крыму: 1 — самый крупный менгир (вид с восточной стороны); 2 — небольшой менгир (вид с восточной стороны); 3 — ориентация линии через менгиры на горные склоны. По материалам Л.С. Марсадолова, 2011 г.

Fig. 1. Skelsky menhirs in the village Rodnikovoe in the Crimea: 1 — largest menhir (east side view); 2 — small menhir (east side view); 3 — line orientation through menhirs on mountain slopes. By materials of Leonid S. Marsadolov, 2011

Два невысоких менгира расположены севернее по линии В–З (рис. 1, 2, 3), а четвертый менгир находится в южной части комплекса.

В 1936 г. Крымская палеоантропологическая экспедиция Института антропологии МГУ под руководством О.Н. Бадера в восточной части горного Крыма изучила несколько менгиров. В 3 км от дер. Козы, влево от дороги в дер. Токлук, был зафиксирован наклоненный каменный «столб-менгир» серого цвета (рис. 2, 1), имевший высоту 2,7 м, ширину вверху около 0,50 м и внизу 0,27 м, толщину 0,18 м. Своими широкими сторонами он ориентирован с севера на юг. На высоте человеческого

Рис. 2. Стелы-менгиры Крыма (1–4) и Хакасии (5, 6): 1 — у дер. Козы; 2 — близ хут. Капсель; 3 — у сов. Архаджессе; 4 — между мысом Меганом и Судаком; 5, 6 — «Врата» в Салбыкской долине, Хакасия. По материалам О.Н. Бадера (1–4) и Л.С. Марсадолова (5, 6) (ссылки на источники иллюстраций — см. в тексте)

Fig. 2. Steles-menhirs of the Crimea (1–4) and Khakassia (5, 6): 1 — at the village Goats; 2 — near farm Capsellas; 3 — state farm Arhadjesse; 4 — between Cape Megane and Sudak; 5, 6 — “Gate” in the Salbyk valley, Khakassia. By materials Otto N. Bader (1–4) and Leonid S. Marsadolov (5, 6) (references to sources of illustrations — see text)

роста на одной из сторон высечен слабо видный четырехконечный крест, возможно, выбитый позднее (см.: Бадер, 1940. С. 161).

В ходе работы этой экспедиции между дер. Токлук и мысом Меганом близ хутора Капсель отмечены два менгира высотой около 2,5 м (рис. 2, 2), около которых обнаружены остатки погребений в каменных ящиках. Недалеко от совхоза Архаджессе находился один менгир примерно той же высоты (рис. 2, 3).

Наиболее интересны два менгира, расположенные всего в нескольких метрах друг от друга (рис. 2, 4), находящиеся между мысом Меганом и Судакком на расстоянии не более 1 км от моря, вблизи дороги. Высота одного из них с отбитым верхним краем — 2,7 м, а второго с расширенной верхней частью — 3 м. Рядом с этими двумя менгирами находились следы нескольких крупных ям, возможно, от вырытых менгиров (Там же. С. 165–166).

Менгиры Алтая. *Святылище Адыр-Кан = Чуйское в Центральном Алтае* расположено на правом берегу р. Чуи. Этот памятник посещали Н.М. Ядринцев, Г.Н. Потанин, В.В. Сапожников, М. Эберт, П.П. Хороших, С.С. Сорокин, Б.Х. Кадиков, В.А. Могильников, Д.Г. Савинов, Л.В. Шапошникова, Е.А. Окладникова, В.Д. Кубарев, А.А. Тишкин и многие другие археологи. Автор этой статьи также неоднократно изучал этот комплекс в 1976, 1980, 1985, 1995, 2003 г. и каждый раз открывал для себя все новые детали и все более глубокие связи между находящимися там объектами и окружающим ландшафтом.

Центром комплекса Адыр-Кан является каменное изваяние в виде схематичной антропоморфной фигуры (рис. 3, 1, 2). Чуйское изваяние стоит в центре межгорной долины, вытянутой с востока на запад и является центром сложного комплекса объектов. С северной стороны находятся близлежащие безлесные горы, с наскальными изображениями, а с южной стороны — р. Чуя и удаленные горные массивы, покрытые лесом. Сейчас изваяние отклонено от вертикального положения в северную сторону (рис. 3, 2, 3). Вероятно, при первоначальной установке этого камня для него долго выбирали место в обширной межгорной долине, так как лицевой частью его ориентировали на точку схода трех природных объектов — покрытую лесом восточную гору, перекрывающую ее, уходящую также на восток северную гору и выступающую вершину третьей, весьма удаленной горы, находящейся точно на востоке, по азимуту около 90° (рис. 3, 4).

Судя по астрономическим расчетам, в дни близкие к равноденствию солнце всходило в точке пересечения трех значимых гор, что могло осознаваться древними кочевниками. Около скалы с рисунками автором были зафиксированы выступающие верхние края подпрямоугольного каменного ящика, возможно, окруженного кольцом из более крупных камней (Марсадолов, 2007).

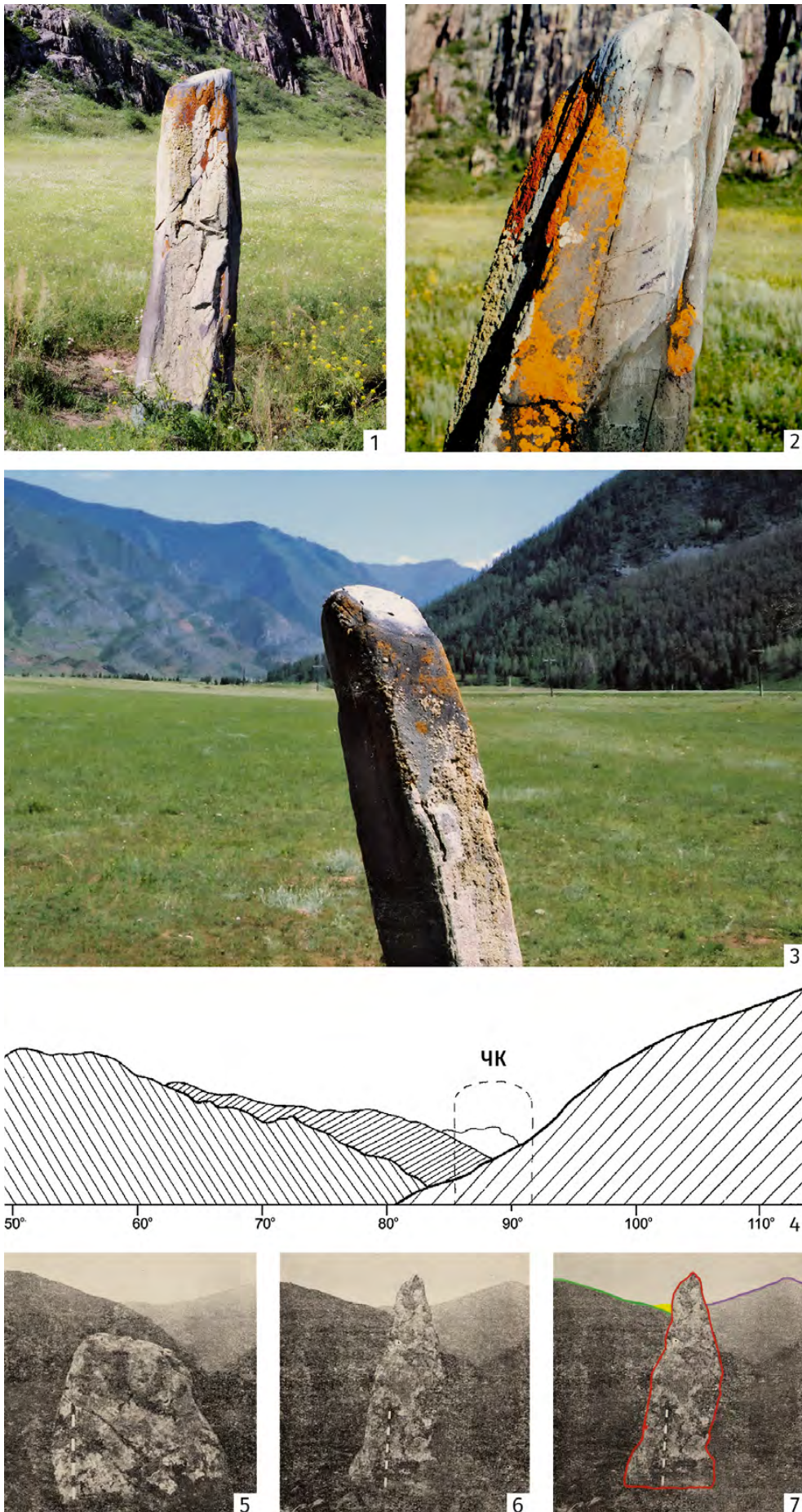
Сравнение менгиров и изваяний Саяно-Алтая и Крыма

Каменные стелы, менгиры, изваяния и окружающий их ландшафт с территории Саяно-Алтая и Крыма можно сравнить по 1) временному, 2) ландшафтному, 3) навигационному и 4) метрологическому аспектам.

Временной аспект. Скельские менгиры в Крыму А.А. Щепинский датировал III — началом II тыс. до н.э., а выбитая личина в верхней части Чуйского изваяния на Алтае также относится к эпохе бронзы (см.: Кубарев, 2009; Марсадолов, 2007).

Ландшафтный и навигационный аспекты являются важной частью для ориентации на местности. В древности ориентирование могло производиться не только по звездам, но и по вертикальным каменным объектам — своеобразным прототипам дорожных указателей (Марсадолов, 2007; 2010). Местонахождения ритуальных мест и менгиров были хорошо знакомы местным проводникам, а также могли

Рис. 3. Чуйский камень (1–4) и скельские менгиры (5–7). Чуйский камень в урочище Адыр-Кан на Алтае и его ориентация в окружающем ландшафте: 1 — общий вид с юга; 2 — верхняя часть каменного изваяния; 3 — направление «взгляда лица» изваяния на место схождения трех горных склонов в восточной части долины (сейчас изваяние слегка наклонено в северную сторону); 4 — восточная часть окружающего ландшафта (отдельные горы переданы разной штриховкой, пунктиром показана первоначальная ориентировка Чуйского камня = ЧК); 5–7 — фотографии скельских менгиров в Крыму, 1907 г. (7 — цветом выделены контуры гор и менгира. — Л.М.).

По материалам экспедиций Л.С. Марсадолова (1–4) и Н.И. Репникова (5–7) (ссылки на источники иллюстраций — см. в тексте)

Fig. 3. Chui Stone (1–4) and Skelsky menhirs (5–7). Chuiy Stone in the tract Adyr-Kan in Altai and its orientation in the surrounding landscape: 1 — general view from the south; 2 — upper part of a stone statue; 3 — direction of “face gaze” sculptures on the place of convergence of three mountain slopes in the eastern parts of the valley (now a statue of slightly inclined to the north side); 4 — eastern part surrounding landscape (individual mountains transferred to different hatching, dotted lines shows the initial orientation Chuiy Stone tiling = ЧК); 5–7 — Photos of Skelsky menhirs in Crimea, 1907 (7— contours are highlighted in color mountains and menhira — Leonid Marsadolov).

By materials of expeditions Leonid S. Marsadolov (1–4) and Nikolay I. Repnikov (5–7) (references to sources figures — see text)

помочь и отдельным путникам в незнакомой местности. Например, зная, что узкая и высокая часть вертикальной плиты обращена на восток даже в ненастную погоду, особенно во время густого тумана, дождя и снегопада, когда не видны окружающие горы, можно легко выбрать направление для дальнейшего пути.

Комплекс объектов в Адыр-Кане на Алтае находится сейчас рядом с Чуйским трактом, а ранее — с кочевой тропой — главным и жизненно необходимым перекрестком путей, соединявшим Алтай с Кузнецкой котловиной, Хакасией, Тувой, Монголией и Китаем.

Скельский комплекс менгиров находится рядом со стратегически важным перевалом — «воротами» в Байдарскую долину, через которые в древности проходил путь от побережья Черного моря через горные перевалы в степные районы Крыма и далее на север — в причерноморские степи и Восточную Европу. Узкой высокой стороной самый большой менгир в Скели, возможно, указывал на север, вдоль восточной горы, мимо большого озера, расположенного в центре долины.

Относительно небольшие горно-степные долины в Скели в Крыму и Адыр-Кане на Алтае окружены склонами нескольких гор (Марсадолов, 2007. С. 165–167, 215; Бадер, 1940. Рис. 6–8). Обычно на Алтае, как и в Крыму, один конец линии ориентирован на наиболее почитаемую горную вершину, а другой — на перевал или западину (рис. 2; 3).

На фотографиях 1907 г. (рис. 3, 5–7) видно, что самый крупный камень и другой невысокий камень в Скели были ориентированы широкой стороной на пересечение двух или трех горных склонов (Репников, 1909. С. 128, рис. 3 и 2). На фотографиях 2011 г. такой закономерности не прослеживается (рис. 1). Вероятно, правильность установки скельских менгиров в древности и в 1970–1980-е гг. может быть проверена с помощью современных естественных методов. Окончание линий для ряда направлений между скельскими менгирами и окружающим их ландшафтом сейчас трудно проследить из-за различных современных построек и разросшихся деревьев (рис. 1).

Метрологический аспект можно выявить как в размерах каменных стел, так и в расстояниях между объектами. В древности основные меры длины определялись антропологическими эталонами — средним ростом человека, длиной руки, стопы и т.д. (см.: Марсадолов, 2001; 2007). Чуйское изваяние на Алтае имеет видимую высоту 2,1 м, ширину 0,6 м и толщину 0,3 м, что при модуле равном 1 ступне (футу), или 0,3 м, составляет 7 – 2 – 1 ступней/футов. В Крыму менгир у дер. Козы имеет высоту 2,7 м, а у двух менгиров между мысом Меганом и Судаком высота составляет 2,7 м и 3 м, что соответствует 9 и 10 ступням.

Предварительно следует отметить близость по форме и, вероятно, по навигационным и сакральным функциям ряда высоких мегалитических стел-менгиров эпохи бронзы из Шотландии, Сибири и Крыма, которые относятся к одному культурно-историческому периоду — к эпохе бронзы (рис. 4).

1200-летние периоды и каменные изваяния Сибири

Огромное значение на природу и общество оказывает многолетний 1200-летний период. К.Н. Леонтьев и Л.Н. Гумилёв обратили внимание на влияние этого периода на становление, расцвет, спад и гибель цивилизаций — римской, византийской и др. (Леонтьев, 1991; Гумилев, 1990).

Следует отметить, что период античности (1200 лет) равен периоду Средневековья. Так, античный период на Западе (в Греции, Италии) начинается в VIII в. до н.э. с постепенного становления городов-государств, а на Востоке — с падения правящей

Рис. 4. Сопоставление мегалитических объектов Южной Сибири, Крыма и Шотландии: 1 — стела в юго-восточном углу ограды кургана могильника Сафроново в Хакасии (высота — около 6 м); 2 — стела из «Кольца Бродгара» в Шотландии (высота — до 5 м); 3 — стела в ограде кургана Барсучий Лог в Хакасии (высота — более 2,5 м); 4 — стела у дер. Козы в Крыму (высота — 2,7 м). По материалам разных авторов, составлено Л.С. Марсадоловым

Fig. 4. Megalithic object of Southern Siberia, Crimea and Scotland: 1 — stele in the southeast corner of the fence burial mound Safronovo in Khakassia (height — about 6 m); 2 — stele from “The Ring of Brodgar” in Scotland (height — up to 5 m); 3 — stele in the fence of the mound Barsuchiy Log in Khakassia (height — more than 2.5 m); 4 — stele at the village Kozu in Crimea (height — 2.7 m). By materials of different authors, compiled by Leonid S. Marsadolov

династии Западной Чжоу в Китае, а заканчивается с расколом Римской империи на Западе и новым объединением Китая на Востоке — в конце IV в. н.э.

Период раннего Средневековья на Западе начинается с общего упадка и миграций в эпоху Великого переселения народов (с IV–V вв. н.э.), а в Китае — с объединения, а затем расцвета в эпоху Тан, когда эта страна в своем развитии опережала остальные державы мира и т.д.

Процесс периодичности в общественных явлениях также можно проследить на примере появления и оформления каменных изваяний — замечательных памятников монументального и сакрального искусства, переживших тысячелетия, изредка сохранившихся в наши дни в первозданном ландшафте степных просторов и горных долин Евразии.

Каждое каменное изваяние — это сложный «закрытый» археологический комплекс, ценный источник разнообразной информации об изображенных на них предметах, украшениях, оружии, знаках, сложных образах животных, а также своеобразные отдельные самостоятельные знаковые и изобразительные системы (рис. 5). Разные по времени каменные изваяния, наряду с важными культовыми функциями, служили в древности твердо зафиксированными точками в пространстве, по которым можно было в степи ориентироваться на местности, как и узнавать время суток. Верхняя часть изваяния уходила в небо, средняя была на уровне людей, а нижняя опущена в землю, в подземный мир. Лицевую часть, как на многих окуневских изваяниях Сибири, так и на оленних камнях, размещали на узкой грани каменных обелисков. Большинство каменных изваяний имеет скошенный верхний край — высокую восточную и низкую западную грани (рис. 5, 3–5). Вероятно, это связано с тем, что солнце, поднимаясь вверх, восходит на востоке и опускается вниз на западе (см.: Марсадолов, 2007; 2010).

В истории Сибири можно выделить не менее 4–5 основных «волн» появления во времени различных по своему облику каменных изваяний, вероятно, разделенных периодами по 1200 лет (рис. 5):

- 1) эпоха бронзы — XXII–XIX вв. до н.э. и ранее (не исключено, что были две «волны» изваяний — в афанасьевское и окуневское время);
- 2) эпоха «раннего железа» — IX–VII вв. до н.э. — оленные камни;
- 3) эпоха раннего Средневековья (древнетюркское время) — VI–IX вв. н.э.;
- 4) эпоха Нового и Новейшего времени — с XVIII в. (скульптуры правителей и выдающихся людей).

В эпоху бронзы основным центром разных по типам каменных изваяний в Сибири была Хакасия, в разы меньше их зафиксировано на Алтае и в Туве (Леонтьев и др., 2006; Кубарев, 2009). Наибольшее число оленних камней раннескифского времени сосредоточено в степях Монголии, но известны они также на Алтае, в Забайкалье, Туве, Казахстане (Волков, 2002; Марсадолов, 2005; 2007; и др.), очень мало — в Хакасии, в Приуралье, в северо-западных районах Китая, в Турции, на Кавказе, в Болгарии и в других горных и степных регионах.

Позднеокуневские изваяния — самые сложные по сакрально-мифологической изобразительности, оленные камни предскифского времени — самые лаконичные и стилизованные, древнетюркские изваяния — реалистичные по облику, но с сакральной подосновой, а памятники и обелиски Новейшего времени — наиболее разнообразны по форме, портретному и мемориальному облику (рис. 5, 1–11).

Не исключено, что каждый из 1200-летних периодов связан с «эпохами великих переселений народов» и с «волнами» появления новых типов изваяний (рис. 5). «Вечные» изваяния из камня встречали в степи новых пришельцев, которые частично свергали их или полностью переделывали в соответствии с их миро-

Рис. 5. Четыре основные «волны» появления каменных изваяний, разделенные периодами по 1200 лет: 1–3 — эпоха бронзы; 4, 5 — оленные камни раннескифского времени; 6–8 — изваяния древнетюркского времени; 9–11 — скульптурные памятники Новейшего времени. Значимые изменения в разные исторические периоды: 12–15 — знаки и символы; А–Г — транспортные средства и оружие. Памятники: 1–3 — Хакасия (1 — Чалгис оба; 2 — Усть-Бюрь; 3 — Тазмин); 4 — Алтай, Адыр-Кан; 5 — Тува, Аржан-1; 6 — Алтай, Курай; 7 — Тува, Чадаан; 8 — Тува, Хендерге; 9 — Ермак (Змеиногорск); 10 — декабристы (Екатеринбург); 11 — В.И. Ленин (Норильск). По материалам разных авторов, составлено Л.С. Марсадоловым

Fig. 5. Four main “waves” of the appearance of stone sculptures, separated by periods of 1200 years: 1–3 — Bronze Age; 4, 5 — Early Scythian deer stones; 6–8 — sculptures EarlyTurkic time; 9–11 — sculptural Modern time monuments. Significant changes in different histories periods: 12–15 — signs and symbols; А–Г — transport means and weapons. Monuments: 1–3— Khakassia (1 — Chalgys both; 2 — Ust-Byur; 3 — Tazmin); 4 — Altai, Adyr-Kan; 5 — Tuva, Arzhan-1; 6 — Altai, Kurai; 7 — Tuva, Chadaan; 8 — Tuva, Henderge; 9 — Ermak (Zmeinogorsk); 10 — Decembrists (Ekaterinburg); 11 — Vladimir I. Lenin (Norilsk). By materials of different authors, compiled by Leonid S. Marsadolov

Дата	Транспорт, оружие	Каменные изваяния Сибири	Знаки и символы
Новое и новейшее время с 18 в.	 Г	 9 10 11	 Ленин Сталин 15
Средневековье 6-9 вв. н.э.	 В	 6 7 8	 14
Античный период 8-7 вв. до н.э.	 Б	 а 4 5	 13
Период бронзы 21-19 вв. до н.э.	 А	 1 2 3 4а	 12

воззрением, воздвигали новые обелиски, как знаки их «гарантии» на проживание в данном регионе, связи с прошлым, с предками и т.п. Археологи неоднократно фиксировали переиспользование более ранних изваяний в последующие эпохи.

«Волны» появления каменных изваяний фиксируют также перемены в мировоззрении, очень важные сдвиги в хозяйственной деятельности, социальной организации, транспортных средствах, оружии и многих других сферах деятельности древних народов (**рис. 5, А–Г**). Пастушеское скотоводство и охота у «окуневцев» в античный период сменяется кочевым скотоводством.

В период Средневековья в Сибири полукочевые народы освоили орошаемое земледелие, а в новейшее время осуществлен переход к развитию крупных отраслей промышленности, особенно в горном деле и энергетике. Окуневские повозки с быками сменяются колесницами, а затем и всадниками на коне в античный период (**рис. 5, А, Б**). Тяжеловооруженный всадник на коне в доспехах (своеобразный легкий «живой танк») древнетюркского и монгольского времени становится малоэффективным перед ружьями, пушками, а затем танками и ракетами в новое и новейшее время (**рис. 5, В, Г**).

В разные культурно-исторические периоды изменяются знаки, символы на изваяниях и наскальных рисунках, их образы и семантическая нагрузка, хотя прослеживается и преемственность между ними. В эпоху бронзы преобладают *знаки-символы* — астрономические, антропоморфные и мифологические, а также *знаки-образы* в виде животных и растений (**рис. 5, 12**).

В античный период в Сибири доминируют *знаки-образы* в виде зверей и животных («звериный стиль»), которые по своему видовому составу были разными у элиты и рядовых кочевников. У правящей верхушки в основном преобладают образы хищных зверей, а у «простых кочевников» — копытных животных. Много в этот период и астрономических знаков, а также символов оружия и растений — лотосов (**рис. 5, 13**).

В период Средневековья у правителей и элиты в целом преобладают *знаки-тамги*, которые в своем развитии происходят от наскальных рисунков предшествующего времени. Известны в это время и различные *знаки-образы*, флаги и эмблемы. В этот период в Сибири наблюдается переход к рунической письменности (**рис. 5, 14**).

Новое и Новейшее время в Сибири — период присоединения к России и бурное развитие во всех сферах культурной жизни. От родовых, семейных знаков-тамг и рун сибирские народы перешли к письменности на основе кириллицы. Местные *знаки-тамги* продолжали бытовать, но постепенно их заменяли на вензеля правящей в России династии, а затем на символы и знаки советского времени (**рис. 5, 15**). В этот период известно наибольшее число политических и религиозных знаков, знаков-образов, символов, гербов и схематичных портретов-знаков правителей и вождей, а также всем хорошо понятных слов-символов («Ленин», «СССР», «КПСС»).

В разные исторические периоды прослеживается как забвение, так и преемственность между символами на изваяниях, наскальных рисунках и на предметах, хотя со временем частично изменялись изобразительные образы, знаки, а также их семантические основы.

Выделенные выше 1200-летние периоды имеют системообразующее значение для истории России и других регионов. Они могут быть рассмотрены и с других точек зрения, но это самостоятельные большие темы научных исследований. В дальнейшем необходимо произвести детальный анализ и сопоставление не только менгиров Крыма и Сибири, но и каменных изваяний различных исторических периодов.

Заключение

При анализе каменных стел-менгиров и окружающего ландшафта можно отметить их следующие особенности. На Саяно-Алтае, как правило, для ритуальных целей выбирали в основном только межгорные долины, в которых на востоке и западе были низкие горы-визирь, а на севере и юге — более высокие горы (Адыр-Кан, Аржан, Саглы, Юстыд, Бийке и др.). Изваяния Алтая узкой лицевой стороной ориентированы на восток (Адыр-Кан, Юстыд), а широкими гранями по направлению С–Ю (Марсадолов, 2007). Стела-менгир в Крыму у дер. Козы также широкими сторонами ориентирована с севера на юг (Бадер, 1940), а самая большая стела-менгир из Скели в Крыму направлена на восток широкой стороной, а узкими сторонами по линии С–Ю³.

Общее между территориально удаленными менгирами Саяно-Алтая и Крыма в том, что они были сооружены в эпоху бронзы из прочных по составу каменных плит-стел и, вероятно, близки по своим ландшафтным, навигационным, метрологическим и сакральным характеристикам.

Литература

- Бадер, 1949 — Бадер О.Н. Материалы к археологической карте восточной части горного Крыма // Труды научно-исследовательского института краеведческой и музейной работы. М.: б.и., 1940. Т. I. С. 150–174.
- Волков, 2002 — Волков В.В. Оленные камни Монголии. М.: Научный мир, 2002. 248 с.
- Гумилев, 1990 — Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. Л.: Гидрометеоиздат, 1990. 528 с.
- Кубарев, 2009 — Кубарев В.Д. Памятники каракольской культуры Алтая. Новосибирск: Изд-во ИАЭ СО РАН, 2009. 264 с.
- Леонтьев, 1991 — Леонтьев К.Н. Византизм и славянство // Россия глазами русского: Чаадаев, Леонтьев, Соловьев / Отв. ред. и авт. вступ. ст. А.Ф. Замалеев; послесл. В.Д. Комарова. СПб.: Наука, 1991. С. 171–297 (Истоки отечественной мысли).
- Леонтьев и др., 2006 — Леонтьев Н.В., Капелько В.Ф., Есин Ю.Н. Изваяния и стелы окуневской культуры. Абакан: Хакаское кн. изд-во, 2006. 236 с.
- Марсадолов, 2000 — Марсадолов Л.С. Ритуальный центр в долине р. Чуи на Алтае // Святилища: археология ритуала и вопросы семантики: Материалы тематич. науч. конф. / Отв. ред. Д.Г. Савинов. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000. С. 206–210.
- Марсадолов, 2001 — Марсадолов Л.С. Меры длины древних кочевников Саяно-Алтая I тыс. до н.э. // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края: Материалы науч.-практ. конф. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2001. Вып. XII. С. 229–232.
- Марсадолов, 2005 — Марсадолов Л.С. «Оленные» камни из посёлка Аржан в Центре Азии // Древности Евразии: от ранней бронзы до раннего средневековья. Памяти В.С. Ольховского / Отв. ред. В.И. Гуляев. М.: ИА РАН, 2005. С. 301–311.
- Марсадолов, 2007 — Марсадолов Л.С. Отчёт об исследовании древних святилищ Алтая в 2003–2005 годах. Материалы Саяно-Алтайской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа. СПб.: Изд-во ГЭ, 2007. Вып. 5. 278 с.
- Марсадолов, 2010 — Марсадолов Л.С. Большой Салбыкский курган в Хакасии. Абакан: Хакаское кн. изд-во, 2010. 128 с.
- Марсадолов, 2014 — Марсадолов Л.С. 1200-летняя периодичность появления «волн» каменных изваяний в Южной Сибири и современные проблемы их изучения // Древние и средневековые изваяния Центральной Азии / Отв. ред. А.А. Тишкин. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2014. С. 68–75 (Алтай на перекрестке времен и смыслов. Вып. 4).
- Репников, 1909 — Репников Н.И. Каменные ящики Байдарской долины // Известия ИАК. СПб.: тип. Гл. управ. уделов, 1909. Вып. 30. С. 127–155.

3 Наблюдения по большому скельскому менгиру нуждаются в дополнительной проверке.

New Aspects in Comparing Stele-Menhirs of Crimea and Sayano-Altai

Leonid S. Marsadolov⁴

Stone steles, menhirs and sculptures in Crimea and Altai scientifically studied more 150 years. In the archeology of many regions of the world, the problem of landscape environment of cult objects, including stele menhirs, is still one of the least investigated. The question of possible comparisons even less studied in the sacred monuments of neighboring and remote regions of the Eurasian space. A study conducted in 2011 by the author of Skelsky menhirs in Crimea (**Fig. 1**) allows us to compare these stone steles and their landscape environment with previously studied objects in the territory of Sayano-Altai, primarily with widely the famous Chui Stone in Altai (**Fig. 3**). Above all it should be noted proximity in form and, probably, in navigation and sacred functions of the series of high megalithic stele-menhirs of the Bronze Age from Scotland, Siberia and Crimea, which belong to the same cultural and historical period – to the Bronze Age (**Fig. 4**). In the history of Siberia, at least 4–5 main “waves” can be distinguished when the of stone sculptures of different appearance were created, probably separated by periods of 1200 years (**Fig. 5**). Geographically distant menhirs of Sayano-Altai and Crimea draw together the fact that they were built in the Bronze Age and made of solid stone stele, plates and are probably close in their composition landscape; navigational, metrological and sacred characteristics.

Keywords: *Crimea, Altai, steles, menhirs, landscape environment, rhythm*

---

⁴ Leonid S. Marsadolov — The State Hermitage Museum, 34 Dvortsovaya Emb., St. Petersburg, 190000, Russian Federation; e-mail: marsadolov@hermitage.ru; ORCID: 0000-0002-0480-2225.

«ИСТОРИЯ» СТЕЛЫ ИЗ БАХЧИ-ЭЛИ (ПРЕДГОРНЫЙ КРЫМ): НАХОДКА И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ¹

М.Т. Кашуба²

Статья посвящена истории находки и изучения стелы эпохи палеометалла, найденной в 1924 г. возле Бахчи-Эли (совр. г. Симферополь) в предгорной части Крыма. Охарактеризованы основные работы, в которых рассматривалась эта стела, приведены существующие точки зрения по семантике изображений. На основе архивных материалов, дневника и полевого отчета Н.Л. Эрнста уточнены обстоятельства раскопок курганов и контекст находки стелы, публикуются план и разрез захоронения, схематичные рисунки сосудов. Поставлен вопрос о многократном и, вероятно, одновременном нанесении «рисунков» на стелу.

Ключевые слова: Предгорный Крым, Бахчи-Эли, стела, история изучения, архивные материалы, многократно нанесенные изображения

<https://doi.org/10.31600/978-5-6052467-6-3.99-112>

Находка стелы и ее изучение в XX веке

Стела обнаружена летом 1924 г. в насыпи одного из курганов (№ 1), входящего в курганный группу, которая тогда находилась близ д. Бахчи-Эли (совр. г. Симферополь). Ее открыватель Н.Л. Эрнст в обзоре археологических работ в Крыму с 1921 по 1930 гг. уделил этой находке несколько скупых строк: он упомянул, где и как найдена стела, кратко ее охарактеризовал (Эрнст, 1931. С. 76, 79). Однако исследователь сразу понял значение этой находки: «Из отдельных, сделанных за эти 10 лет археологических находок предметов, заслуживающих особого научного внимания, надлежит указать на каменную плиту с изображениями человеческих фигур и топоров, найденную в кургане у Симферополя и относящуюся к бронзовому веку» (Там же. С. 76).

Так и произошло: во всех значимых работах, посвященных монументальной скульптуре эпохи палеометалла Северного Причерноморья и Крыма, стела из Бахчи-Эли рассматривалась или как отдельный объект, или были даны прорисовки отдельных изображений.

Впервые стела и изображения на ней стали известны в научной среде, в том числе в европейском научном пространстве, уже в 1926 г. (Tallgren, 1926. Fig. 36B, 6), а через несколько лет в том же ракурсе она была переиздана (Tallgren, 1933. Fig. 35). А.М. Тальгрэн ввел эту находку в научный оборот, он писал, что «благодаря любезности господина Эрнста я могу предоставить здесь репродукцию этого экстраординарного изделия» (Tallgren, 1926. Р. 50). Исследователь опубликовал одну из сторон

1 Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ (проект № 22-18-00065-Продление, <https://rscf.ru/project/22-18-00065/> «Культурно-исторические процессы и палеосреда в позднем бронзовом — раннем железном веке Северо-Западного Причерноморья: междисциплинарный подход») в РГПУ им. А.И. Герцена.

2 Майя Тарасовна Кашуба — Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, наб. Мойки, д. 48/12, Санкт-Петербург, 191186, Российская Федерация; Институт истории материальной культуры РАН, Дворцовая наб., д. 18А, Санкт-Петербург, 191181, Российская Федерация; e-mail: mirra-k@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-8901-8116.

Рис. 1. Стела из Бахчи-Эли (Предгорный Крым), первая публикация лицевой плоскости, фотография (по: Tallgren, 1926. Fig. 36B, 6)

Fig. 1. Stele from Bakhchi-Eli (Foothill Crimea), first publication of the front surface, photograph (after Tallgren, 1926. Fig. 36B, 6)

накопился с полевыми материалами раскопок курганов под Симферополем⁴, опубликовал археологический контекст находки и, как он написал, впервые представил фотографии всех ее сторон (**рис. 2**), правда, без указания автора фотографий⁵.

Что стало известно? «Стела была найдена в небольшом кургане № 1 курганный группы близ дер. Бахчи-Эли (ныне Красная горка), в 3 км от Симферополя. Она лежала на уровне материка в юго-восточной поле кургана, в 6 м от его центра. Размеры этой плиты, сделанной из известняка, 107×70×15 см. Плита перекрывала ориентированную по линии северо-северо-восток — юго-юго-запад яму длиной 70 см, шириной 45 см и глубиной 40 см, где в северном углу стояли два сосуда. Костяк в яме не обнаружен. По предположению А.М. Тальгрена, он, скорее всего, просто разрушился, ибо размеры могилы говорят о погребении ребенка, кости которого легко могли истлеть. Возможно, однако, и то, что перед нами могила-кенотаф... В погребении найден характерный бомбовидный сосуд высотой 10 см, диаметром 12 см, с цилиндрическим горлом и двумя оттянутыми выступами-ручками по бокам. Этот тип сосуда может датироваться только катакомбным временем. Другой сосуд — малохарактерная чашечка высотой 6 см. Малые размеры сосудов в известной мере подтверждают предположение о погребении ребенка в загадочной яме кургана № 1» (Формозов, 1958. С. 138).

Важными оказались наблюдения А.А. Формозова по расположению изображений на плите. Исследователь указал, что «рисунки» покрывают две длинные стороны, две узкие грани и одну торцовую часть, но все сделаны на одной части пли-

той стелы (**рис. 1**) и указал, что с погребением эпохи бронзы она связана вторично — т.е. была переиспользована³.

После 30-летнего перерыва, в конце 1960-х — 1970-х гг., стела из Бахчи-Эли и изображения на ней оказались в фокусе внимания многих исследователей, занимавшихся тогда эпохой бронзы Причерноморского региона и Крыма.

Неоднократно А.А. Формозов обращался к этой стеле: он представил свой анализ и варианты интерпретации изображений на ней (Формозов, 1958. С. 137–139, рис. 1; 1965. С. 179; 1969. С. 167–172, рис. 61; 1970. С. 49–50, рис. 10, 5; 1980. С. 103–109, рис. VII, б). В ряду его работ по рассматриваемому вопросу наиболее ценными являются самая первая публикация и статья 1969 г. Исследователь оз-

3 По известным сейчас данным архивных источников мнение «о взятой с другого места плите и служившей другой цели» было высказано Н.Л. Эрнстом в полевом отчете 1924 г. (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1924. Д. 109. Л. 5). См. также отчет Н.Л. Эрнста в настоящем сборнике.

4 А.А. Формозов мог ознакомиться с архивными материалами в НА ЛОИА АН СССР/ИИМК РАН и в архиве Крымского краеведческого музея / Центрального музея Тавриды (см.: Тоцев, 2002. С. 26 сл., рис. 2; Непомнящий, 2011. С. 84; Колтухов, 2016. С. 36, сн. 1; также статью А.В. Мальгина и А.Е. Кислого в настоящем сборнике).

5 К моменту публикации статьи (Формозов, 1958) автор раскопок Н.Л. Эрнст (1889–1956) был реабилитирован (см.: Непомнящий, 2012).

ты, тогда как другая часть свободна от изображений. На основе этого он заключил, что плиту до половины зарывали в землю, какое-то время она стояла вертикально вкопанной в землю, и то, что она перекрывала яму погребения, — это было не случайно (Там же). Он заключил, что стела ямно-катакомбного времени служила и надгробным памятником, и жертвенником (Там же. С. 139).

Среди изображений на стеле А.А. Формозов отметил: на торце — два ряда чашевидных углублений; на четырех сторонах — топоры и отдельные тамгообразные знаки; на одной стороне — две человеческие фигуры, «одна из них вниз головой с растопыренными пальцами» (Там же).

В последующих работах А.А. Формозов сосредоточился на распознавании изображений и их интерпретации. Вслед за большинством исследователей он отнес Т-образные фигуры к изображениям топоров, композицию из двух человеческих фигур интерпретировал как изображение поединка (при котором «левая фигура — собранная, правая — умерший с безвольно растопыренными пальцами»), а некоторые другие изображения на стеле трактовал как посохи (Формозов, 1969. С. 171–172). В дальнейшем сцену-поединок на стеле из Бахчи-Эли А.А. Формозов отнес к серии известных подобных изображений в причерноморском искусстве бронзового века — некоему эпическому сюжету, связанному с дуалистической космогонией, близнечными культами и поединком (Формозов, 1970. С. 49–50). Однако впоследствии исследователь отказался от идеи относить изображения на стеле из Бахчи-Эли к сюжетам о «сражающихся близнецах» (Формозов, 1980. С. 103–109, рис. VII, б; также ср.: Трифонов, 2014. С. 121–124; о сюжете кулачного поединка см.: Трифонов и др., 2018. С. 34–37).

Значимой стала работа А.А. Щепинского, который опубликовал сосуды из погребения (перекрытого стелой), проделанная им на основе рисунков из полевых материалов автора раскопок Н.Л. Эрнста (Щепинский, 1963. С. 42–44, рис. 4, 13; 5, 9). Он отметил, что «кроме топоров на ней имеются изображения человеческих фигурок и орудий, напоминающих мотыги, посохи и пр. <...> В комплексе все эти изображения носят характер повествования» (Там же. С. 43). А.А. Щепинский указал на стилистическое сходство изображений человека на стелах из Бахчи-Эли и Казанков,

Рис. 2. Стела из Бахчи-Эли (Предгорный Крым), первая публикация в разных ракурсах, фотографии (по: Формозов, 1958. Рис. 1)

Fig. 2. Stele from Bakhchi-Eli (Foothill Crimea), first publication from different angles, photographs (after Формозов, 1958. Рис. 1)

а также привел аналогии среди наскальных рисунков стоянки Таш-Аир I (скальный навес, долина р. Кача, Юго-Западный Крым)⁶. Исследователь связал все эти изображения с выделяемой им кеми-обинской культурой раннего бронзового века (Там же)⁷.

Несомненный интерес в те годы вызвала статья Б.А. Шрамко, который предложил свое прочтение изображений на стеле (*Шрамко*, 1964). С подлинника (в музее) он сделал новую фотографию одной из сторон стелы и распознал там земледельческие орудия (Там же. Рис. 5). Он подчеркнул, что показал «все без исключения рисунки, которые были высечены на поверхности камня, независимо от того, понятны или непонятны изображаемые предметы» (Там же. С. 96). Исследователь дал прорисовку основных изображений земледельческих орудий, которые он связал с прямогрязильными рукояточными ралами с небольшим ползуном: он распознал двух быков с ярмом, мотыги, топоры и кирки (**рис. 3**). Здесь отметим, что в своем видении изображения рала на стеле он был не одинок (ссылки на опубликованную литературу в статье Б.А. Шрамко и реакция А.А. Формозова см.: *Шрамко*, 1964. С. 96–99, сн. 54, 59–61; *Формозов*, 1969. С. 169–172, сн. 61–66). Б.А. Шрамко пришел к заключению, что на стеле «воспроизведена культовая сцена подготовки к пахоте, которая должна была магически способствовать получению хорошего урожая... Человеческие фигуры — это, очевидно, не пахари, а умирающее и воскресающее божество плодородия... У правого рала это божество показано умершим в виде повернутой вниз головой фигуры... У левого рала мы видим уже воскресшего бога...» (*Шрамко*, 1964. С. 99).

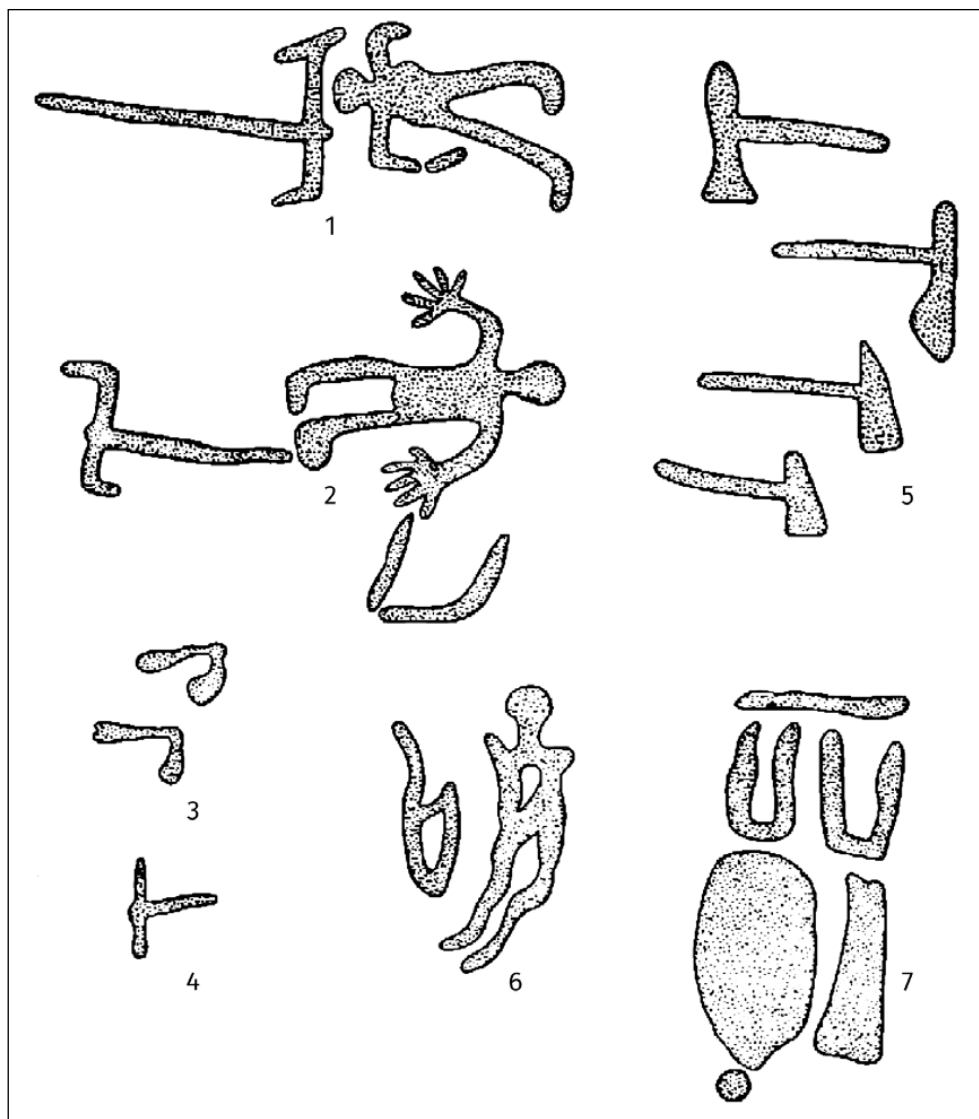
Далее стела из Бахчи-Эли и изображения на ней рассматривались в изданиях, доступных широкому кругу читателей (*Черепанова, Щепинский*, 1966. С. 47–49; *Драчук*, 1971. С. 10 сл.). В своей книге Д.С. Драчук изложил основные представления о стеле и изображениях, а также привел свои соображения по семантике «рисунков» (*Драчук*, 1971. С. 10 сл.). Он всецело поддержал мнение о том, что изображения на стеле — цельное (единое) повествование, посвященное земледелию и связанным с ним культам и ритуалам. По его мнению, мирные скотоводы и земледельцы «кеми-обинцы», основное богатство которых составляли продукты животноводства и земледелия, «оставили памятник, свидетельствующий о характере их занятий, — изображение различных сельскохозяйственных орудий и упряжки быков. Этот единственный пока рассказ о земледелии эпохи бронзы дошел до наших дней на большой известняковой плите...» (Там же. Рис. 2).

В опубликованном Д.Я. Телегиным и Дж. Мэллори каталоге стел из Украины изваяние из Бахчи-Эли характеризуется как неантропоморфная плиточная стела (*Telegin, Mallory*, 1994. P. 27–28, fig. 18). Авторы озвучили известные по литературе интерпретации изображений на плите и отметили, что сочетание углублений и изображений подчеркивает культовый характер плиты (*Ibid.* P. 27). Соответственно, изваяние из Бахчи-Эли не было включено в каталог антропоморфных стел Причерноморья (*Ibid.* P. 99 ff.).

6 В последнее десятилетие в том же регионе (юго-западная часть крымского предгорья) идентифицированы и описаны стилистически близкие Таш-Аир I наскальные рисунки — в гроте Кызык-Кулак-Кая и в Алимовой балке, во втором Алимовском навесе (*Герцен и др.*, 2019. С. 59 сл.; 2021. С. 109–120, рис. 3–11; 13).

7 Согласно современным представлениям — это поздняя культура (см.: *Тощев*, 2011. С. 70 сл.; *Тощев, Кашуба*, 2017). Краткое освещение истории выделения кеми-обинской культуры А.А. Щепинским, а также примеры орнаментации (и росписей) каменных ящиков из курганов энеолита — бронзового века Северного Причерноморья, включая Крым, см.: *Дараган и др.*, 2021. С. 27–28, 39 сл., табл. 1.

Рис. 3. Стела из Бахчи-Эли (Предгорный Крым), отдельные изображения согласно пропискам Б.А. Шрамко: 1 — рало и фигура живого человека; 2 — рало и фигура мертвого человека; 3 — мотыги; 4 — кирка; 5 — топоры; 6 — человек около орудия, напоминающего сложную мотыгу; 7 — быки и ярмо (по: Шрамко, 1964. Рис. 6)

Fig. 3. Stele from Bakhchi-Eli (Foothill Crimea), selected images according to the drawings by Boris A. Shramko: 1 — plough and figure of a living person; 2 — plough and figure of a dead person; 3 — hoes; 4 — pickaxe; 5 — axes; 6 — a person near a tool resembling a complex hoe; 7 — bulls and a yoke (after Шрамко, 1964. Рис. 6)

После нескольких десятилетий «забвения» контекст находки стелы из Бахчи-Эли стал известен лишь в начале XXI в., когда Г.Н. Тощев на основе отчетной документации Н.Л. Эрнста впервые ввел в научный оборот условия ее обнаружения (описание раскопок и (без масштабов) общий план кургана, план и разрез погребения), а также опубликовал полевую фотографию Н.Л. Эрнста 1924 г. — вид комплекса в момент снятия плиты (Тощев, 2002. С. 26–27 сл., рис. 2). Далее на страницах его монографии (и дополненном ее переиздании) по эпохе бронзы Крыма (Тощев, 2007. С. 86 сл.; 2011. С. 95 сл.) вновь публиковались план и разрез погребения (без масштабов), сама стела и часть фотографии ее лицевой плоскости с антропоморфными изображениями (Тощев, 2007. С. 79, рис. 33, 3–5; 2011. С. 331, рис. 33, 3–5). Исследователь не касался характера и семантики «рисунков», а рассмотрел стелу в контексте известной ранней монументальной скульптуры Причерноморья и Крыма (Тощев, 2007. С. 86–93, рис. 39–42; 2011. С. 95–99 сл., 441–442, рис. 40–42, табл. IX). Важным явилось наблюдение Г.Н. Тощева, что «в нижней правой части с лицевой стороны имеется паз, сходящий вверх на «нет» на уровне стопы, на высоте 60 см. Его глубина до 3 см, ширина у основания 10 см. Создается впечатление, что плита могла стыковаться с другой, входить в состав какой-то конструкции» (Тощев, 2002. С. 27).

По условиям находки плиту из Бахчи-Эли Г.Н. Тощев отнес к выделенной группе 1 — элемент погребальной конструкции в составе перекрытия (Тощев, 2007.

С. 88), а весь комплекс с ней по совокупности признаков (характеристики могильной ямы и двух сосудов) — ко времени существования позднеямной культуры (Тоцев, 2002. С. 27). Г.Н. Тоцев указал, что «сосуды с ушками, банки <...> нередко встречаются в ямных погребениях Крыма» (Там же). Тем самым он вернулся к предложенным А.А. Щепинским⁸ аналогиям сосудов из этого комплекса с кеми-обинской керамикой (Щепинский, 1963. С. 42 сл., 46 сл.), что в целом не противоречит также мнению А.А. Формозова о ямно-катакомбном времени этого комплекса (Формозов, 1958. С. 139). Здесь можно добавить, что амфорка с ушками (см. ниже) из погребения Бахчи-Эли имеет близкие аналогии среди сосудов из кенотафов ямной культуры в Крыму: Суворовское, 14/6⁹ (Тоцев, 2011. С. 313, рис. 16, 1 (сосуд справа)), Наташино, 18/2 (Там же. Рис. 16, 5 (сосуд слева)) и др.

В те же годы вышло исследование А.Е. Кислого, который сосредоточился на типологии, хронологии и интерпретации антропоморфных стел Северного Причерноморья, представив широкий круг аналогий из разных областей древнего мира. Хотя специально о стеле из Бахчи-Эли он не писал, но для общего понимания условий ее находки и изображений интерес представляют размышления исследователя о «сакральной» утилизации чужих богов и вероятных причинах переиспользования стел в более позднее время: «поскольку разбить антропоморфы до состояния, когда бы не осталось никаких следов изображения, было слишком трудоемко и нецелесообразно, то изображения просто «прятали»» (Кислый, 2009. С. 241 сл.).

Последнее краткое упоминание о хорошо известной исследователям «бахчи-элинской плите», которая перекрывала небольшое захоронение раннего бронзового века в кургане № 1, имеется в работе С.Г. Колтухова, который проанализировал скифские погребения из раскопанных в 1924 г. курганов в урочище Абдал — Бахчи-Эли (Колтухов, 2016. С. 37).

Стела из Бахчи-Эли под № 48 вошла в каталог каменной скульптуры раннего и среднего бронзового века Северного Причерноморья, где опубликованы ее краткое описание и фотография плоскости с антропоморфными изображениями (Довженко, 2009. С. 144–145).

Выше перечислены основные работы в историографии стелы из Бахчи-Эли.

Как видно, далеко не исчерпаны возможности изучения казалось бы хорошо известного артефакта. Помимо необходимости уточнения обстоятельств раскопок курганов и контекста находки стелы, наиболее важно — решение поставленной еще Н.Л. Эрнстом задачи: правильная (объективная) передача всех без исключения изображений, высеченных на всех поверхностях плиты. Об этом со слов сотрудников, работавших тогда в музее Симферополя и лично знавших Н.Л. Эрнста, упомянул в своей работе Б.А. Шрамко: «Однако, к сожалению, при этом не учитывалось то обстоятельство, что сам Н.Л. Эрнст не считал лишь эту фотографию [речь идет о публикации А.М. Тальгрена. — М.К.] таким вариантом, который единственно правильно передает все изображения на рассматриваемой стороне стелы. Он несколько раз пытался разобраться в рисунках, высеченных на каменной плите, выявил дополнительные детали, при этом сделал несколько разных снимков, негативы которых хранятся в фондах Симферопольского музея...» (Шрамко, 1964. С. 96).

8 А.А. Щепинский одно время указывал, что «...проявления монументального искусства не характерны для ямной, катакомбной или других культур III — начала II тыс. до н.э. и на основании сопровождающего материала связаны с кеми-обинской культурой» (Щепинский, 1975. С. 17).

9 Здесь и далее при упоминании погребений первоначально указывается номер кургана, затем — номер погребения: Суворовское, 14/6 соответствует Суворовское, курган 14, погребение 6.

Обстоятельства раскопок и контекст находки стелы

Обстоятельства раскопок. Раскопкам курганов предшествовала подготовительная работа. 28 марта 1924 г. состоялось Ученое Собрание под председательством заведующего КрымОХРИСом¹⁰ А.И. Полканова, на котором присутствовал и заведующий археологическим отделом Центрального музея Тавриды Н.Л. Эрнст. Три из пяти вопросов повестки дня касались археологии:

«1. Рассмотрение плана археологических раскопок и разведок на 1924 г.; 2. Об археологических раскопках в Керчи; 3. Об археологических разведках в Феодосийском округе» (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1924. Д. 107. Л. 2).

По итогам этого собрания была сформирована Комиссия для выработки плана раскопок в Крыму в рабочем сезоне 1924 г. в составе А.И. Маркевича, П.И. Голландского и Н.Л. Эрнста. В докладе было указано:

«Комиссия считает необходимым, чтобы в течение всего сезона производились раскопки в Херсонесе и в Керчи, о чем тамошние дирекции имеют представить планы раскопок. Желательно, чтобы в Керчи раскапывалось городище на горе Митридат, а в Херсонесе — мегалитические сооружения на территории Гераклейского полуострова. Необходимо по 62 рабочих и 1-му надсмотрщику.

На остальном пространстве Крыма желательны раскопки в следующих местах:

<...>

2. В виду несовершенства раскопок курганов в окрестностях Симферополя, производившихся в 90-х годах, желательно раскопать еще несколько таковых с точными зарисовками и снимками. Желательно вырезание и перевезение в Центральный Музей Тавриды целого скорченного погребения. Наиболее удобны для раскопок курганы, расположенные на холмах к северо-востоку от Симферополя над шоссе в Феодосию. Желательно раскопать шесть курганов, что составит 150 рабочих дней...» (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1924. Д. 107. Л. 8).

На докладе стоит резолюция В.А. Городцова «В Уч[еный] совет¹¹ 19 – 7/V 24 г.¹²» (Там же). К заседанию был подготовлен и «План раскопок Центрального музея Тавриды на сезон 1924 г.», вторым пунктом которого значилось:

«II. В виду того, что курганные погребения ближайших окрестностей Симферополя раскапывались проф. Н.И. Веселовским в 90-х гг. без надлежащих зарисовок и фотографирования, предполагается раскопать несколько архаических курганов у Симферополя. Наиболее удобной представляется группа курганов к С.-В. от города на возвышенности 3-й гряды Крымских гор над шоссе Симферополь-Феодосия, над дер. Авдал. Здесь обследовано около 25-ти курганов, из которых удобными для раскопок признаны №№ 2, 5, 6, 8, 9 (см. прилаг[аемую] карту).

Курган № 2 – высота 1 арш[ин]¹³, окружн[ость] 24 саж.¹⁴

- " - № 5 – высота 1 арш[ин], окружность нарушена овражком.

- " - № 6 – высота 2 арш[ина], окружн[ость] 34 саж.

¹⁰ КрымОХРИС (1920–1927 гг.) — Крымский областной комитет по делам музеев и охране памятников старины, искусства, природы и народного быта.

¹¹ Речь идет о Государственном Ученом совете (ГУС), членом которого состоял В.А. Городцов. ГУС (в 1921–1925 гг. входил в состав Академического центра) — руководящий методический орган Наркомпроса РСФСР, отвечавший за государственную политику в области науки, искусства, образования и социалистического воспитания.

¹² Здесь и далее — первая цифра обозначает номер разделов/подразделов документооборота, далее — дата документа.

¹³ 1 аршин = 0,7112 м.

¹⁴ 1 сажень = 2,1336 м.

- " - № 8 – высота 2 арш[ина], окруж[ость] 32 саж.

- " - № 9 – высота 2 арш[ина], окруж[ость] 35 саж.

Археологический Отдел Центрального Музея Тавриды интересуется в данном случае архаическими погребениями (киммерийскими) со скорченными и окрашенными костяками, и оказывает предпочтение небольшим расплывшимся курганам. Курганы предполагается раскапывать широким разрезом с Ю. на С. поперек всего кургана. Одно из наиболее сохранившихся и характерных скорченных погребений предполагается целиком вырезать и перевезти в Музей.

На раскопку каждого кургана потребуется около 5–6 дней при 3–4 рабочих.

Раскопки предполагаются под руководством» (Там же. Л. 7–7об.).

В тексте не был указан руководитель раскопок, поэтому под текстом за подписью В.А. Городцова написано: «Запросить, кому будет поручено производство раскопок» (Там же. Л. 7об.). Ниже, красным карандашом — приписка В.А. Городцова: «В ответ см. Протокол Ученого совещания КрымОХРИСа» (Там же).

Переписка КрымОХРИСа с Отделом музеев Главнауки о выдаче Открытых листов А.И. Маркевичу, Ю.Ю. Марти и Н.Л. Эрнсту закончилась благополучно. 8 июля 1924 г. Н.Л. Эрнст получил Открытый лист № 55 (рис. 4). Прописанные в Открытом листе условия о том, что не позднее 1 декабря 1924 г. (до окончания срока действия Открытого листа) исследователь обязывается «представить в Отдел по Делах Музеев и охране памятников искусства и старины Главнауки Наркомпроса все добытые раскопками памятники древности, а также отчеты и дневники раскопок» были выполнены неукоснительно. В архивном деле помимо требуемого имеются опись находок, а также ответ V – 10/III 25 г. на запрос, зарегистрированный 4 апреля 1925 г. за № 579 в Музейном отделе Главнауки, подтверждающий передачу описи и наличие добытой раскопками коллекции, хранящейся в Центральном музее Тавриды и обрабатываемой проф. Н.Л. Эрнстом, «руководившим означенными раскопками» (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1924. Д. 109. Л. 40).

Контекст находки стелы. Курган № 1 был раскопан траншеей (шириной 2 м), идущей в меридиональном (С–Ю) направлении. Основное погребение разрушено захоронением средневекового кочевника (Там же. Л. 4об.–5об.). Судя по дневниковым записям, при «разведке других склонов кургана» (прощупывание металлическим прутом)

«в восточном склоне его, к ЮВ от вершины кургана в 6 м (на 110° от N.) обнаруживается на глубине 25–30 см под поверхностью ровная каменная плита. Она расчищается и оказывается лежащей горизонтально и прямоугольной... На ней заметны искусственно высеченные углубления.

Для исследования ее копаются яма кругом ее... Плита <...> лежит наравне с материком.

Плита приподымается и отваливается в сторону. Оказывается, что все четыре ее грани отесаны и носят следы правильных углублений. Нижняя сторона тоже плоская. Под плитой обнаруживается ямка, наполненная черноземом среди желтого лессового материка.

Плита правильно перекрывала ямку. Плита и ямка ориентированы на NO. Начинается выемка земли из ямки...» (Там же. Л. 8об.–9об.).

Из дневниковых записей следует, что в насыпи была сделана прямоугольная врезка размерами 2,1×1,7 м, ориентированная в направлении СВ–ЮЗ¹⁵. Плита лежала

15 Врезка была принята Г.Н. Тощевым за конструкцию (уступ) погребальной ямы (см.: Тощев, 2002. С. 27).

43

Р. С. Ф. С. Р.

Народный Комиссариат
по Просвещению.

ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ НАУЧНЫХ,
НАУЧНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫХ И
МУЗЕЙНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ
(ГЛАВНАУКА)

ОТДЕЛ ПО ДЕЛАМ МУЗЕЕВ
и
ОХРАНЕ ПАМЯТНИКОВ
ИСКУССТВА И СТАРИНЫ.

8 « июля 1924 г.
№ 8411.

Открытый лист

№ 55

Главное Управление Научных, Научно-Художественных и Музейных Учреждений (Главнаука) Наркомпроса по Отделу по делам Музеев и охране памятников искусства и старины, выдавая настоящий Открытый Лист Завед. Археологическ. Отд. Учен. Муз. Тавриды,
профес. Н. Л. Эрнсту на право производства археологических раскопок в пределах Симферопольского округа

просит все органы Советской Власти, Государственные и Общественные учреждения и частных лиц оказывать профес. Н. Л. Эрнсту всемерное содействие, в интересах науки, для успешного выполнения возложенного на него поручения.

Исследователь 6 обязывается не позднее 1-го Декабря 1924 года представить в Отдел по Делах Музеев и охране памятников искусства и старины Главнауки Наркомпроса все добытые раскопками памятники древности, а также отчеты и дневники раскопок. Настоящий Открытый Лист действителен по 1-е Декабря 1924 года.

Заведующий Главным Управлением Научных, Научно-Художественных и Музейных Учреждений: Д. Ф. [подпись]

Заведующий Отделом по Делах Музеев и охране памятников искусства и старины: Н. М. [подпись]

Ученый Секретарь: Живан

Рис. 4. Открытый лист № 55, выданный Н.Л. Эрнсту на право производства археологических раскопок в пределах Симферопольского округа (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1924. Д. 109. Л. 3)

Fig. 4. Permit for archaeological excavations and surveys (No. 55, issued to Nikolay L. Ernst for the right to conduct archaeological excavations within the Simferopol district (Man. Dep. SA IHMC RAS. A.G. 2. In. 1. 1924. F. 109. Sh. 3)

на уровне материка и служила перекрытием прямоугольной ямы размерами 0,70×0,45 м и глубиной (от уровня плиты) 0,40 м, ориентированной в направлении СВ–ЮЗ (рис. 5, 1, 2). В северном углу ямы находились два небольших неорнаментированных сосуда (рис. 5, 3, 4): красновато-желтая амфорка, снабженная двумя ушками с проколами, симметрично расположенными чуть выше линии максимального диаметра тулова (высота — 11 см, диаметр венчика — 7,1 см, максимальный диаметр тулова — 12 см, диаметр дна — 4,3 см), и «низкая чашечка из черноватой глины» (высота — 6 см, диаметр венчика — 8 см, диаметр дна — 3,5 см) (Там же).

В полевых записях Н.Л. Эрнста имеются ясные указания относительно положения стелы в момент ее находки, что подтверждают и сохранившиеся фотографии (см. публикацию отчета Н.Л. Эрнста в настоящем сборнике): плита была уложена вверх плоскостью с изображениями «фигурок человечиков».

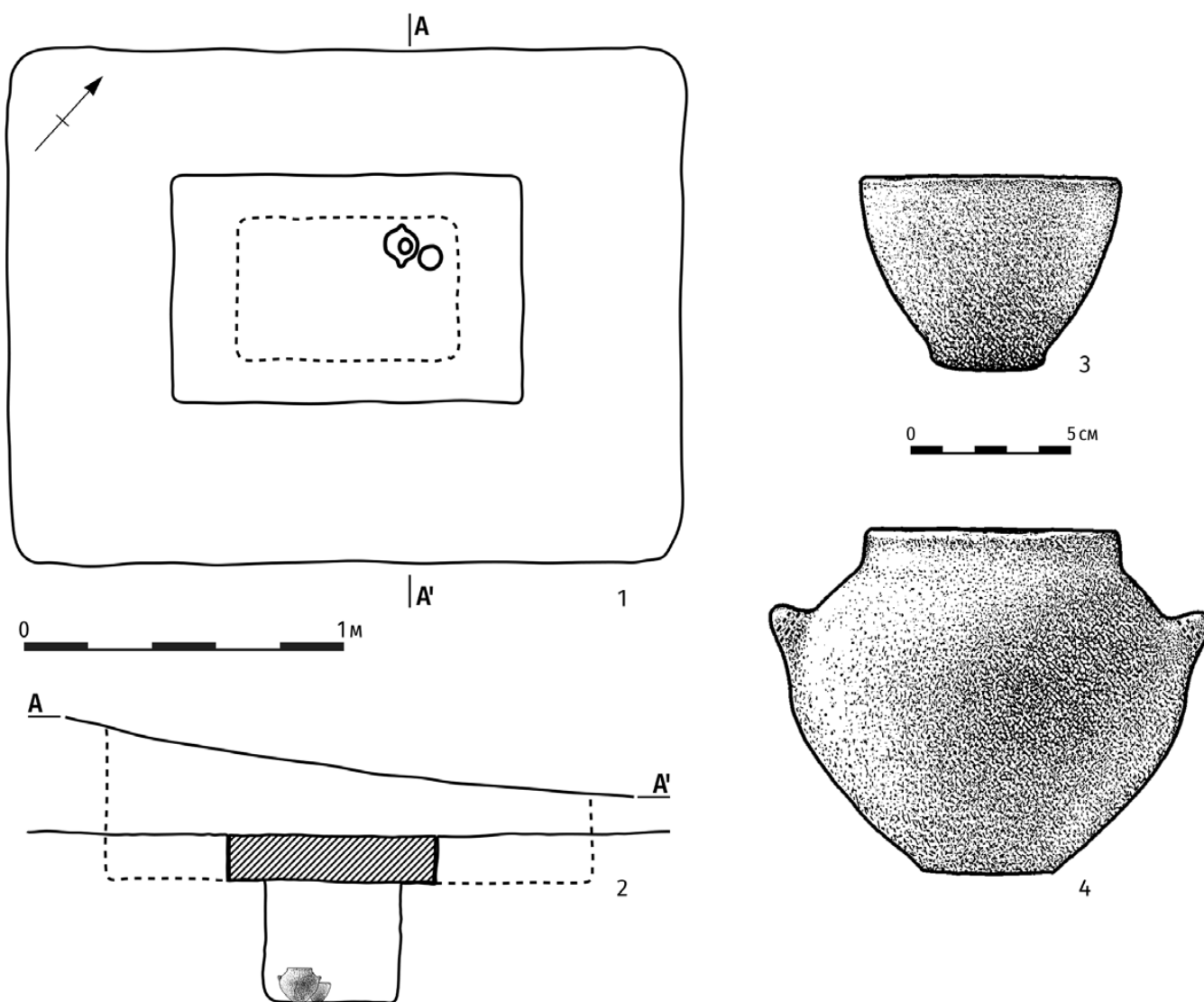
Перспективы изучения

Проблема объективного распознавания всех искусственных изображений на стеле из Бахчи-Эли решалась путем применения метода трехмерного моделирования, фотограмметрическим способом — на основе цифровых фотоснимков высокого разрешения. Первичный ее цифровой образ, подготовленный Ю.М. Свойским и Е.В. Романенко к докладу на Междисциплинарном научном симпозиуме (Монументальность..., 2024. С. 8; *Кашиба, Власов*, 2024), теперь демонстрируется для широкой аудитории в Центральном музее Тавриды (г. Симферополь) — на экспозиции «Прошлое Тавриды», рядом с экспонатом (см.: <https://tavrida-museum.ru/stela-iz-bahchi-eli-k-100-letiyu-obnaruzheniya-ot-nahodki-do-cifrovogo-obraza/>).

Дальнейшее изучение и анализ полученных цифровых данных, как и максимально полная публикация всех имеющихся искусственных изображений на бахчиэлинской стеле представлены в статье Ю.М. Свойского и соавторов в настоящем сборнике.

Обозначим некоторые очевидные положения, вытекающие при изучении этого артефакта традиционными методами археологии (см. выше, со ссылками на предыдущую литературу). Депонирование стелы из Бахчи-Эли с достаточной степенью уверенности можно отнести к началу — первой половине III тыс. до н.э., что соотносится со временем бытования в Крыму сообществ кеми-обинской позднеямной культуры. При депонировании стела была переиспользована в качестве перекрытия простой прямоугольной могильной ямы. И это был последний период функционирования рассматриваемого артефакта. Не исключено, что какие-то изображения на лицевой плоскости (в том числе углубления) могли быть сделаны при депонировании, когда стела находилась в горизонтальном положении. Имеющиеся на остальных плоскостях стелы разного рода другие изображения и углубления позволяют думать о достаточно длительном ее бытовании: самостоятельно, как «чашечного камня» — в вертикальном положении (два ряда чашевидных углублений на верхней грани, изображения на боковых гранях); в составе конструкции (ящик, крепиды) — в горизонтальном положении (изображения на тыльной плоскости, которая могла в таком случае быть верхней; паз на лицевой плоскости). Это все могло происходить, как в начале — первой половине III тыс. до н.э., так и раньше: в конце IV — на рубеже IV/III тыс. до н.э.

Важно отметить, что на первичном этапе работы с бахчиэлинской стелой были распознаны фигуративные и абстрактные изображения, а также разнообразная искусственная обработка (разной формы углубления, пр.) на ее пяти плоскостях, а также выявлены разные техники их нанесения. Эти наблюдения позволили думать о долговременном использовании рассматриваемого артефакта. Идея «дли-

Рис. 5. Бахчи-Эли (Предгорный Крым), курган № 1, погребение со стелой: 1, 2 — план и разрез раскопа и погребения по чертежам Н.Л. Эрнста (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1924. Д. 109. Л. 39); 3, 4 — сосуды, прорисовка-реконструкция формы по схематическим рисункам Н.Л. Эрнста (Там же. Л. 32)

Fig. 5. Bakhchi-Eli (Foothill Crimea), burial mound No. 1, burial with a stele: 1, 2 — plan and section of the excavation and burial according to the drawings by Nikolay L. Ernst (Man. Dep. SA IHMC RAS. A.G. 2. In. 1. 1924. F. 109. Sh. 39); 3, 4 — vessels, drawing-reconstruction of shape based on schematic drawings by Nikolay L. Ernst (Ibid. Sh. 32)

тельного бытования» в разных культурных контекстах отдельных артефактов имеет подтверждение среди известных случаев функционирования в поздней культурной среде древних (старинных) предметов, что зафиксировано в эпоху бронзы — Средневековье и даже в Новейшее время (см.: Кашуба, 2016). Например, «богатую биографию» имеет каменный привязной топор из Шолдэнешть (Средний Днестр), который в раннем бронзовом веке использовался как орудие труда (утилитарная функция), а через несколько столетий: в среде носителей срубной культуры, когда на одной из его сторон была нанесена первая группа из трех знаков, — он стал престижным предметом (знаковая функция) и таковым оставался, потому что на обратной стороне (в диаметрально противоположном положении) было нанесено новое изображение (см.: Kašuba, Kaiser, 2009. 175 ff. Taf. 1–3; 10). Другие находки — на поселении Ходосовка-Диброва (поздний бронзовый век, Среднее Поднепровье) в мастерской по обработке камня и дерева со специализацией на производстве стрел зафиксированы специально подобранные наконечники стрел более раннего времени (мезолит — ранний бронзовый век), использовавшиеся как вторично, так и в обрядовой практике (Лысенко, Разумов, 2006. С. 65 сл., рис. 1, 1, 4, 5).

Изучение бахчиэлинской плиты традиционными методами археологии и наблюдения коллег (см. выше, со ссылками на предыдущую литературу), а также зафиксированные случаи «сокрытия» древних/предшествующих памятников/

обелисков (см.: Довженко, 1979. С. 28 сл.; Кислый, 2009. С. 241 сл.; и др.) и бытования древних предметов в поздних контекстах (Кашуба, 2016; и др.) в дополнении с новыми исследованиями методом трехмерного моделирования позволяют обоснованно полагать, что искусственные изображения многократно и, вероятно, в разные периоды наносились на стелу, которая в эпоху палеометалла могла длительно использоваться населением Крыма (и Северного Причерноморья?) в ритуальных практиках.

Литература и архивные источники

Архивные источники

РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1924. Д. 107: Переписка КрымОХРИСа с Отделом музеев Главнауки о выдаче открытых листов А.И. Маркевичу, Ю.Ю. Марти и Н.Л. Эрнсту. 15 л.

РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1924. Д. 109: Отчет Н.Л. Эрнста – сотрудника Центрального музея Тавриды, о раскопках курганов в окрестностях Симферополя, проводившихся КрымОХРИС и Центральным музеем Тавриды, дневник раскопок. [Приложение: план расположения курганов (22x19), фото раскопок, рисунки (36x23) и опись находок, Открытый лист. Маш., рук., б., тушь]. 43 л.

Литература

Герцен и др., 2019 — Герцен А.Г., Науменко В.Е., Душенко А.А., Ганцев В.К., Михайлов А.М., Набоков А.И. Новые материалы к археологической карте округа Мангупского городища // Ученые записки КФУ им. В.И. Вернадского. Исторические науки. 2019. Т. 5 (71). № 1. С. 52–74.

Герцен и др., 2021 — Герцен А.Г., Душенко А.А., Руев В.Л. Вновь открытые наскальные изображения в Крыму: наскальное панно у с. Красный Мак // Музей. Памятник. Наследие. 2021. № 2 (10). С. 107–122.

Дараган и др., 2021 — Дараган М.Н., Полин С.В., Свойский Ю.М. Хронологическая последовательность мегалитических погребальных комплексов энеолита в кургане у пгт. Великая Александровка // МАИАСП. 2021. Вып. 13. С. 13–98.

Довженко, 1979 — Довженко Н.Д. Поховання з антропоморфними стелами у світлі етнографічних матеріалів // Археологія. 1979. Вип. 32. С. 27–35.

Довженко, 2009 — Довженко Н.Д. Кам'яні статуарні пам'ятки Надчорноморщини періоду ранньої та середньої бронзи. Т. III: Доба бронзи. Кн. 1 / Наук. ред. серії Р.В. Забашта. Київ: Родовід, 2009. 176 с. (Давня скульптура і пластика України).

Драчук, 1971 — Драчук В.С. Шаг в неведомое. Симферополь: Крым, 1971. 100 с. (Археологические памятники Крыма).

Кашуба, 2016 — Кашуба М.Т. Древние вещи в поздних контекстах, или История сосуда из кургана Паркань 97 в Северо-Западном Причерноморье // АВ. 2016. Вып. 22. С. 187–195.

Кашуба, Власов, 2024 — Кашуба М.Т., Власов В.П. Междисциплинарный научный симпозиум «Монументальность и монументальная скульптура эпохи палеометалла и раннего железного века в горно-степном поясе Евразии» // АВ. 2024. Вып. 45. С. 164–167.

Кислый, 2009 — Кислый А.Е. Типология и хронология антропоморфных стел Северного Причерноморья в контексте экономико-демографических исследований // ДБ. 2009. Вып. 13. С. 232–255.

Колтухов, 2016 — Колтухов С.Г. Скифские погребения в урочищах Абдал — Бахчи-Эли // ИАКр. 2016. Вып. III. С. 36–42.

Лысенко, Разумов, 2006 — Лысенко С.Д., Разумов С.Н. Производственный комплекс эпохи поздней бронзы на поселении Ходосовка-Диброва // Производственные центры: источники, «дороги», ареал распространения: Материалы тематич. науч. конф. Санкт-Петербург, 18–21 декабря 2006 г. / Отв. ред. Д.Г. Савинов. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006. С. 65–69.

Монументальность..., 2024 — Монументальность и монументальная скульптура эпохи палеометалла и раннего железного века в горно-степном поясе Евразии. Вып. 1. К 100-летию находки стелы из Бахчи-Эли в Крыму. Программа и аннотации докладов [Электронный ресурс]. URL: https://api.archeo.ru/archeo_media/Document/programma-nauchnogo-simpo/2024_Monument_Conf_Programma-2.pdf (дата обращения: 20.10.2024).

- Непомнящий, 2011 — Непомнящий А.А. К восстановлению географии археологических исследований Н.Л. Эрнста в Крыму // Ученые записки Таврического национал. ун-та им. В.И. Вернадского. Серия: Исторические науки. 2011. Т. 24 (63), № 2 (спецвып.). С. 83–95.
- Непомнящий, 2012 — Непомнящий А.А. Профессор Николай Эрнст: страницы истории крымского краеведения. Киев: Изд. дом «Стилос», 2012. 463 с. (Биобиблиография крымоведения; Вып. 15).
- Тощев, 2002 — Тощев Г.Н. О находках и культурной принадлежности крымских стел эпохи энеолита — бронзы // ССПК. 2002. Вип. X. С. 23–31.
- Тощев, 2007 — Тощев Г.Н. Крым в эпоху бронзы. Запорожье: ЗНУ, 2007. 304 с.
- Тощев, 2011 — Тощев Г. Крым в эпоху бронзы. Таврика в III–II тыс. до н.э. Saarbrücken, 2011. 456 с.
- Тощев, Кашуба, 2017 — Тощев Г.Н., Кашуба М.Т. К 60-летию открытия кургана и культуры раннего бронзового века // АВ. 2017. Вып. 23. С. 336–344.
- Трифонов, 2014 — Трифонов В.А. Дольмен Джугба на Черноморском побережье Кавказа // Записки ИИМК РАН. 2014. № 10. С. 104–131.
- Трифонов и др., 2018 — Трифонов В.А., Шишлина Н.И., Лобода А.Ю., Хвостиков В.А. Крюк с изображением сцены кулачного поединка из дольмена майкопской культуры, станица Царская, Северо-Западный Кавказ // КСИА. 2018. Вып. 251. С. 25–42.
- Формозов, 1958 — Формозов А.А. Материалы к изучению искусства эпохи бронзы юга СССР // СА. 1958. № 2. С. 137–142.
- Формозов, 1965 — Формозов А.А. О древнейших антропоморфных стелах Северного Причерноморья // СЭ. 1965. № 6. С. 177–184.
- Формозов, 1969 — Формозов А.А. Очерки по первобытному искусству. Наскальные изображения и каменные изваяния эпохи камня и бронзы на территории СССР. М.: Наука, 1969. 255 с. (МИА; № 165).
- Формозов, 1970 — Формозов А.А. Эпический сюжет в причерноморском искусстве бронзового века // КСИА. 1970. Вып. 123: Памятники эпохи энеолита и бронзы. С. 48–50.
- Формозов, 1980 — Формозов А.А. Памятники первобытного искусства на территории СССР. Изд. 2-е, доп. и пер. М.: Наука, 1980. 135 с. (Страницы истории нашей Родины).
- Черепанова, Щепинский, 1966 — Черепанова Е.Н., Щепинский А.А. Там, где пройдет Северо-Крымский... Симферополь: Крым, 1966. 95 с.
- Шрамко, 1964 — Шрамко Б.А. Древнейший деревянный плуг из Сергеевского торфяника (В связи с проблемой возникновения пашенного земледелия в Восточной Европе) // СА. 1964. № 4. С. 84–100.
- Щепинский, 1963 — Щепинский А.А. Памятники искусства эпохи раннего металла в Крыму // СА. 1963. № 3. С. 38–47.
- Щепинский, 1975 — Щепинский А.А. Энеолит Крыма: Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06 / Исторические науки (археология). Киев: ИА АН УССР, 1975. 24 с.
- Kašuba, Kaiser, 2009 — Kašuba M., Kaiser E. Ein Rillenhämmer mit geritzten Darstellungen aus Şoldăneşti, Nordwestliches Schwarzmeergebiet // Aes aeterna. Omagiu domnului Tudor Soroceanu, cu ocazia împlinirii a 65 de ani / Hrsg. L. und O. Dietrich u.a. Timişoara, 2009. S. 173–196 (Analele Banatului, s.n. Arheologie – Istorie; Vol. XVII).
- Tallgren, 1926 — Tallgren A.M. La Pontide préscythique après l'introduction des métaux. Helsinki, 1926. 248 p. (ESA; T. II).
- Tallgren, 1933 — Tallgren A.M. Sur les monuments mégalithiques du Caucase occidentale // ESA. 1933. T. IX. P. 1–46.
- Telegin, Mallory, 1994 — Telegin D.Ya., Mallory J.P. The Anthropomorphic Stelae of the Ukraine: The Early Iconography of the Indo-Europeans. Washington, 1994. 134 p. (Journal of Indo-European Studies Monograph Series; No. 11)

“History” of the Stele from Bakhchi-Eli (Foothill Crimea): Discovery and Prospects for Study

Maya T. Kashuba¹⁶

The paper focuses on the history of discovery and study of the stele of the Paleometal Age, found in 1924 around Bakhchi-Eli (modern Simferopol) in the foothills of Crimea. The research characterizes the main works that considered this stele, as well as the existing points of view on the semantics of the images. Based on archival materials, the diary and the field report by Nikolay L. Ernst, the circumstances of the excavations of the burial mounds and the context of the stele's discovery are specified, the plan and sectional view of the burial, schematic drawings of the vessels are published. The article raises the question of the multiple and, probably, different-time creation of “drawings” on the stele.

Keywords: *Foothill Crimea, Bakhchi-Eli, stele, history of study, archival materials, multiple times applied images*

---

¹⁶ Maya T. Kashuba — Herzen State Pedagogical University, 48/12 Moyka Emb., St. Petersburg, 191186, Russian Federation; Institute for the History of Material Culture of the RAS, 18A Dvortsovaya Emb., St. Petersburg, 191181, Russian Federation; e-mail: mirra-k@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-8901-8116.

СТЕЛА ИЗ БАХЧИ-ЭЛИ — ЦИФРОВОЙ ОБРАЗ КАК ИНСТРУМЕНТ ИССЛЕДОВАНИЯ

Ю.М. Свойский¹, Е.В. Романенко², А.Т. Сухорукова³, Д.М. Павлов⁴

Стела эпохи палеометалла, найденная в 1924 г. возле Бахчи-Эли (совр. г. Симферополь) в предгорной части Крыма, до настоящего времени оставалась полноценно не опубликованной. Для выявления и учета изображений на стеле применена методика трехмерного моделирования фотограмметрическим способом с последующей визуализацией рельефа поверхности при помощи математических алгоритмов. Выявлены закономерности модификации граней стелы, что позволяет реконструировать последовательность создания и функционирования стелы.

Ключевые слова: Предгорный Крым, Бахчи-Эли, стела, трехмерное моделирование, фотограмметрия, анализ геометрии, интегральный инвариант, матрица высот, суперимпозиция

<https://doi.org/10.31600/978-5-6052467-6-3.113-138>

Стела из Бахчи-Эли (в литературе также «стела Симферопольского музея», «бахчиэлинская стела»), обнаруженная летом 1924 г. в насыпи кургана № 1 из курганной группы близ дер. Бахчи-Эли (сейчас — в пределах Симферополя), в настоящее время находится в экспозиции Центрального музея Тавриды. Предметом нашего исследования является решение задачи, поставленной еще первооткрывателем стелы Н.Л. Эрнстом, но так и не решенной за сто лет, прошедшие с момента выявления этого памятника, — объективного выявления и воспроизведения изображений, высеченных на стеле. В настоящей работе, не рассматривая семантику этих изображений и археологический контекст стелы, историю ее открытия и изучения⁵, мы сосредоточились исключительно на создании набора пространственных данных и их рендеров, корректно воспроизводящих как саму стелу, так и наблюдаемые на ее гранях изображения.

- 1 Юрий Михайлович Свойский — Лаборатория RSSDA, пр-д Русанова, д. 9, Москва, 129323, Российская Федерация; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Старая Басманная ул., стр. 21/4с3, Москва, 105066, Российская Федерация; e-mail: rutil28@gmail.com; ORCID: 0000-0001-6256-4299.
- 2 Екатерина Васильевна Романенко — Лаборатория RSSDA, пр-д Русанова, д. 9, Москва, 129323, Российская Федерация; e-mail: ekaterina.romanenko@gmail.com; ORCID: 0000-0001-5138-9202.
- 3 Александра Тимофеевна Сухорукова — Лаборатория RSSDA, пр-д Русанова, д. 9, Москва, 129323, Российская Федерация; Государственный академический университет гуманитарных наук, Мароновский пер., д. 26, Москва, 119049, Российская Федерация; e-mail: Dynsini@gmail.com; ORCID: 0009-0004-0759-980X.
- 4 Дмитрий Максимович Павлов — Лаборатория RSSDA, пр-д Русанова, д. 9, Москва, 129323, Российская Федерация; Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, д. 19, Москва, 117292, Российская Федерация; Государственный академический университет гуманитарных наук, Мароновский пер., д. 26, Москва, 119049, Российская Федерация; e-mail: scorpiopcn2013@gmail.com; ORCID: 0009-0003-5117-0827.
- 5 Об этом см. статью М.Т. Кашубы и публикацию отчета Н.Л. Эрнста в настоящем сборнике.

Предыдущее документирование стелы

Первооткрыватель стелы Н.Л. Эрнст вполне осознавал значение своей находки, однако сколько-нибудь полноценно ее так и не опубликовал, ограничившись кратким упоминанием об этом в обзоре археологических работ в Крыму с 1921 по 1930 г. (Эрнст, 1931. С. 76, 79). По-видимому, причина заключалась в том, что ему не удавалось получить изображения хорошего качества, полноценно воспроизводящего рисунки на стеле. По словам Б.А. Шрамко, «...он несколько раз пытался разобратся в рисунках, высеченных на каменной плите, выявил дополнительные детали, при этом сделал несколько разных снимков, негативы которых хранятся в фондах Симферопольского музея...» (см.: Шрамко, 1964. С. 96). Один из этих фотоснимков Н.Л. Эрнст передал финскому исследователю А.М. Тальгрёну, который ввел эту находку в европейский научный оборот в 1926 г. (Tallgren, 1926. Fig. 36B, 6) и вторично опубликовал тот же фотоснимок через некоторое время (Tallgren, 1933. Fig. 35) со ссылкой на Н.Л. Эрнста как на автора фотографий. Фотоснимок представлял лишь одну из сторон стелы и был сильно ретуширован, причем ретушь воспроизводила высеченные фигуры весьма схематично.

Отечественные исследователи впервые обратились к стеле из Бахчи-Эли лишь во второй половине 1950-х гг. В 1958 г., через 34 года после находки стелы А.А. Формозов опубликовал три фотографии, отобразившие все стороны стелы (Формозов, 1958. С. 139, рис. 1). Авторство фотоснимков не было указано, но, по-видимому, они также происходили из фондов Симферопольского музея. Опубликованные А.А. Формозовым фотографии были ретушированы, но ретушь на них, при сходном числе фигур, несколько отличается от фотоснимка, опубликованного А.М. Тальгрёном⁶.

В 1963 г. схематичную прорисовку трех сторон стелы из Бахчи-Эли опубликовал А.А. Щепинский (1963. С. 42, рис. 4, 13). Основой для прорисовки послужили, вероятно, полевые материалы Н.Л. Эрнста и фотоснимки, опубликованные А.А. Формозовым. Однако форма публикации прорисовки в сравнительной таблице не позволила воспроизвести изображения на стеле сколько-нибудь «читаемым» образом.

Далее к изучению стелы обратился Б.А. Шрамко в статье, посвященной древнейшим орудиям для вспашки почвы. Он представил еще одну копию фотоснимка, опубликованного А.М. Тальгрёном в 1926 г., «...заново сделанную нами с подлинника, хранящегося в Симферопольском музее» (Шрамко, 1964. С. 97, рис. 5), но с новой ретушью. Согласно комментарию Б.А. Шрамко к этой фотографии, «...В отличие от ранее опубликованного снимка, здесь показаны все без исключения рисунки, которые были высечены на поверхности камня, независимо от того, понятны или непонятны изображаемые предметы» (Там же). Кроме того, он дал прорисовки нескольких особенно заинтересовавших его фигур, без указания способа, которым были получены эти прорисовки (Там же. С. 98, рис. 6).

В 1969 г. А.А. Формозов еще раз опубликовал ретушированные фотографии стелы из Бахчи-Эли (Формозов, 1969. С. 169, рис. 61), однако вследствие попытки увеличить контрастность изображения, оно стало еще более плохо читаемым. Еще один вариант прорисовки одной из сторон стелы был опубликован им в 1970 г. (Формозов, 1970. С. 49, рис. 10). Последняя прорисовка стелы не слишком высокого качества, также выполненная на основе ранних изданий, была опубликована в 1994 г. в сводке по антропоморфным стелам Украины, подготовленной Д.Я. Телегиным и Дж.П. Мэллори (Telegin, Mallory, 1994. P. 28, fig. 18). Кроме того, Г.Н. Тощев в 2007 г. еще

6 Отметим здесь, что приводимые А.А. Формозовым размеры стелы (107×70×15 см) не точны, стела имеет несколько большие размеры (см. ниже).

раз воспроизвел изображения из работ А.А. Формозова и Б.А. Шрамко (Тоцев, 2007. С. 79, рис. 33, 4, 5).

После этих публикаций интерес к стеле в целом угас и, несмотря на отдельные ее упоминания в различных исследованиях, никакие новые изображения стелы, ее отдельные грани или отдельные рисунки не публиковались.

Несмотря на то, что на протяжении ста лет стела хранилась в Симферопольском музее и, за исключением относительно небольших периодов времени, была доступна для исследователей, последние в основном перепечатывали старые фотографии. Эстампажи, графитовые протирки, микалентные копии изобразительных поверхностей стелы, по-видимому, никем не изготавливались. Как следствие, до настоящего времени геометрически корректные изображения стелы и изображений на ее поверхности так и не были опубликованы. Поэтому исследователи были вынуждены пользоваться не слишком четкими ее фотоснимками и прорисовками, интерпретационными по своей сути. Для решения этой проблемы осенью 2023 г. по инициативе М.Т. Кашубы⁷ сотрудниками «Лаборатории RSSDA» было предпринято цифровое документирование стелы современными техническими методами⁸.

Методика документирования и подготовки данных к анализу

Оцифровка стелы была выполнена методом трехмерного моделирования фотограмметрическим способом⁹, т.е. путем построения трехмерной модели на основе цифровых фотоснимков высокого разрешения (рис. 1). Для документирования стелы из Бахчи-Эли было выполнено 1493 фотоснимка¹⁰. Фотоснимки делались в сыром формате, дальнейшая их цветокоррекция выполнялась по калибровочной мишени. Масштабирование осуществлялось по размерному базису с машинно-распознаваемыми маркерами, что в дальнейшем обеспечило точность масштабирования в пределах 1‰ (погрешность не более 1 мм на 1 м размера объекта).

Цикл фотограмметрической обработки состоял из цветокоррекции с конвертацией в формат JPG, увязки фотоснимков фотограмметрическим алгоритмом в ПО Reality Capture, построения трехмерной модели и ее обрезки. Результатом фотограмметрической обработки стало создание трехмерной полигональной мастер-модели полной детальности, состоящей из 1,062 млрд. полигонов и имеющей исходную дискретность 44 275 полигонов на кв.см (средний размер ребра полигона 0,072 мм). Для дальнейшего изучения поверхности эта модель подверглась ряду преобразований, которые сводились к уменьшению числа полигонов модели и повторному колорированию и текстурированию упрощенных таким образом моделей.

7 Выражаем благодарность М.Т. Кашубе (г. Санкт-Петербург) за помощь и конструктивное обсуждение работы.

8 За помощь при выполнении документирования благодарим директора А.В. Мальгина, заведующую отделом научно-экспозиционной работы М.Р. Мальгину, главного хранителя Н.Б. Майко и коллектив Центрального музея Тавриды (г. Симферополь).

9 В создании цифрового образа стелы из Бахчи-Эли принимали участие Ю.М. Свойский (полевое документирование) и Е.В. Романенко (фотограмметрическая и постфотограмметрическая обработка, формирование матриц высот, выполнение математических преобразований). Анализ геометрии модели, индексацию и анализ фигур выполнили А.Т. Сухорукова и Д.М. Павлов. Технические чертежи и иллюстрации выполнила А.Т. Сухорукова. В обработке материалов принимала участие также П.А. Мосалева (первичная векторизация изображений).

10 Фотосъемка выполнялась цифровой беззеркальной камерой Sony A7RIVA с полнокадровой матрицей с разрешением 42 мпикс, оснащенной объективом Sony SEL50G25 с фокусным расстоянием 50 мм и кольцевым осветителем Godox/Grifon AR-400.

Рис. 1. Стела из Бахчи-Эли.
Общий вид. Растровый рендер
трехмерной полигональной
модели

Fig. 1. Stelae of Bakhchi-Eli.
Overall view. Raster rendering
of a three-dimensional polygonal
model

В результате была получена общая трехмерная полигональная модель стелы, состоящая из 79,4 млн. полигонов, дискретность 3 310 полигонов на кв.см (средний размер ребра полигона 0,264 мм, минимальный размер ребра полигона 0,160 мм), которая была применена для изучения формы стелы и построения ее сечений. Кроме того, на основе мастер-модели были построены частные модели пяти граней стелы, которые в дальнейшем использовались для выявления отдельных фигур. Частные модели формировались с дискретностью (минимальным размером ребра полигона) 0,11 мм (для «широких» граней) и 0,09 мм (для «узких» граней).

Эти модели в дальнейшем стали основой для всех остальных преобразований, целью которых было создание деривативов моделирования, пригодных для визуализации геометрии модели поверхности математическими алгоритмами. Наилучшие результаты дали два вида преобразований моделей граней стелы — обработка трехмерной модели алгоритмом мульти-масштабного интегрального инварианта (**рис. 2**)¹¹ и преобразования трехмерных моделей в матрицы высот с дискретностью (размером ячейки) 0,07 мм (**рис. 3**). Кроме того, была сформирована общая модель стелы пониженной детальности, оптимизированная для трансляции посредством сети Интернет¹².

Терминология и индексация

Сложность наблюдаемых следов последовательной обработки камня, многочисленность и разнообразие искусственных и естественных углублений на поверхности для упрощения описания потребовали создания системы индексации граней (изобразительных поверхностей) стелы и фигур (изображений, как фигуративных так и абстрактных) в пределах каждой грани. Для удобства описания мы обозначаем грани как А (широкая грань с антропоморфными фигурами), В (узкая грань), С (широкая грань без антропоморфных фигур), D (узкая грань), Е (верхняя грань) (**рис. 4**). Внутри каждой грани индексируются фигуры, каждой из которых присваивается уникальный индекс, состоящий из литерного идентификатора грани и порядкового номера. Порядковые номера назначаются по принципу «от простого к сложному» — сначала однозначно распознаваемым фигуративным изображениям, затем абстрактным и сильно поврежденным фигурам. Свежие повреждения камня, связанные с раскопками и транспортировкой — не индексируются.

Исследование геометрии стелы

Геометрия стелы исследовалась несколькими способами. Трехмерная полигональная модель, не подвергавшаяся дополнительным преобразованиям, изучалась посредством эмуляции боковой подсветки. Кроме того, по трехмерной модели были построены вертикальные и горизонтальные сечения (**рис. 4**), позволившие установить и воспроизвести особенности ее геометрии (асимметричность, неравномерность первичной обработки камня) и построить геометрически корректные чертежи. Измерения также выполнялись по трехмерной модели, что позволило существенно уточнить измерения предшественников, выполненные рулеткой.

Рендеры трехмерной модели, преобразованной алгоритмом мульти-масштабного интегрального инварианта, были использованы в качестве геометрически

11 Расчет выполнен по двум сферам с радиусом 5 и 10 мм. Подробнее об алгоритме мульти-масштабного интегрального инварианта (Multi-Scale Integral Invariant, также MSII) см.: Свойский и др., 2024; Mara, 2012.

12 Эта модель и другие материалы документирования стелы доступны по ссылке <https://rssda.su/projects/bakhchieli>.

Рис. 2. Стела из Бахчи-Эли. Грани А и С. Растровый рендер трехмерной полигональной модели, преобразованной алгоритмом мультимасштабного интегрального инварианта

Fig. 2. Stelae of Bakhchi-Eli. Faces A and C. Raster rendering of a three-dimensional polygonal model transformed by the multi-scale integral invariant algorithm

Рис. 3. Стела из Бахчи-Эли. Грани А и С. Растровый рендер матрицы высот, построенной на основе трехмерной полигональной модели

Fig. 3. Stelae of Bakhchi-Eli. Faces A and C. Raster rendering of a height matrix based on a three-dimensional polygonal model

Рис. 4. Стела из Бахчи-Эли. Фасировки и сечения. Растровые рендеры трехмерных полигональных моделей с отключенной фотографической текстурой

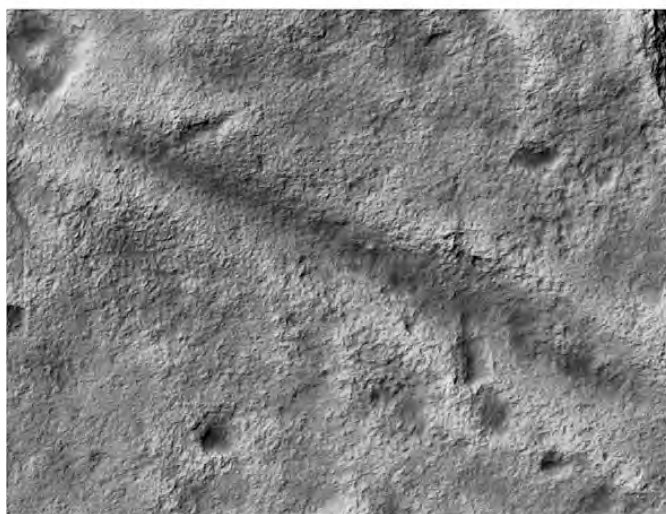
Fig. 4. Stelae of Bakhchi-Eli. Facings and cross sections. Raster renderers of three-dimensional polygonal models with disabled photographic texture

корректной основы для оконтуривания фигур (рис. 2). При этом в первую очередь были оконтурены ясно распознаваемые фигуры, затем векторизовались фигуры более сомнительные. Каждая из последних подвергалась анализу геометрии и сопоставлялась с другими фигурами для установления искусственного или естественного происхождения, при этом для части фигур первоначально предполагаемое искусственное происхождение не нашло подтверждения, соответственно контуры этих фигур были удалены.

Оставшимся фигурам были присвоены уникальные индексы и начат сбор количественных морфометрических данных. Для этого были использованы матрицы высот, построенные по моделям граней стелы. Они оказались наиболее удобным инструментом для анализа техники исполнения фигур посредством профилирования с определением глубины выбивки, шлифовки и сверления. При этом были выявлены эталонные участки применения различных техник (рис. 5), с которыми сопоставлялись сомнительные участки других фигур. Суперимпозиции фигур также исследовались преимущественно по матрицам высот.

Кроме того, к растровым рендерам текстурированных моделей сторон стелы был применен алгоритм декорреляционного растяжения цвета, который, однако, не показал наличия на поверхности следов минеральных красок (охры).

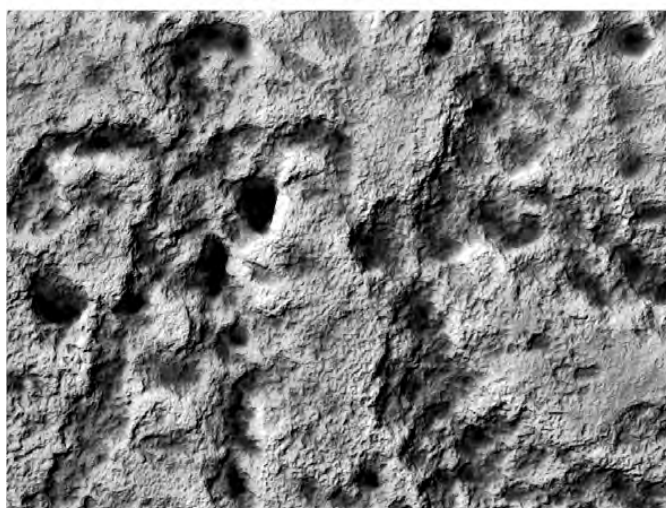
A24

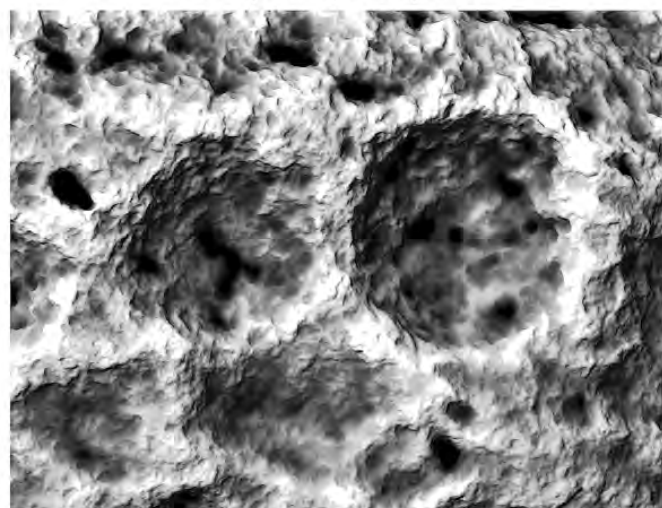
A22

A14 и A15

E11, E12, E14, E15

Геометрия стелы. Стела из Бахчи-Эли представляет собой обработанную каменную плиту высотой 1,106 м, шириной 0,852 м и толщиной до 0,289 м¹³. Объем стелы, вычисленный по трехмерной модели, — 0,192 куб.м, площадь поверхности 2,40 кв.м, приблизительный расчетный вес — не менее 380 кг (при предполагаемом удельном весе камня не менее 2000 кг/куб.м).

При визуальном осмотре стела первоначально производит впечатление предмета, по форме близкого к прямоугольному параллелепипеду с округленными углами, однако в действительности ее форма значительно сложнее. В горизонтальном сечении стела представляет собой асимметричную трапецию, причем эта трапециевидность сохраняется на всю высоту стелы (рис. 4). Предположительно, она обусловлена естественной геометрией исходного материала — боковые поверхности стелы заданы природными трещинами отдельности. Широкие поверхности стелы исходно определены слабо выраженной слоистостью пористого камня и развитыми по слоистости трещинами напластования.

Рис. 5. Стела из Бахчи-Эли.

Примеры отображения различной техники обработки камня на трехмерной модели, обработанной алгоритмом мультимасштабного интегрального инварианта: A24 — шлифовка; A22 — выбивка с шлифовкой; A14, A15 — выбивка; E11, E12, E13, E14 — сверление

Fig. 5. Stelae of Bakhchi-Eli.

Examples of representing various stone shaping techniques on a three-dimensional model processed by a multiscale integral invariant algorithm: A 24 — sanding; A22 — pecking with sanding; A14, A15 — pecking; E11, E12, E13, E14 — drilling

¹³ Измерения выполнены по трехмерной модели методом вычисления размера ограничивающего прямоугольного параллелепипеда.

Особенности обработки камня

Можно предполагать, что материалом для стелы послужила каменная плита, оторванная от скального массива по естественным трещинам и подвергшаяся относительно незначительной обработке, выполненной преимущественно шлифовкой.

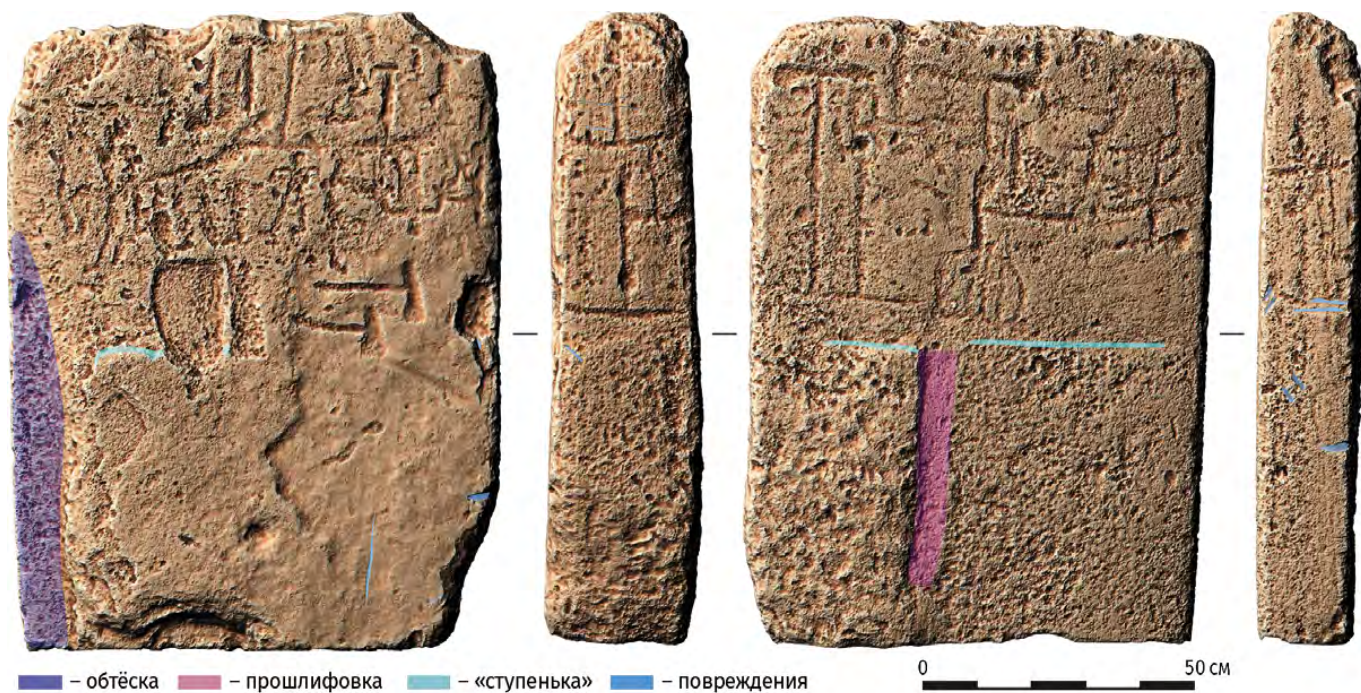
Поверхность стелы обработана неравномерно (рис. 6). Стелу можно условно разделить на две почти равные части: нижнюю, до высоты 51 см, и верхнюю, высотой ~57–59 см. Толщина стелы в верхней части составляет 17–21 см, в нижней — 17–28 см. Между верхней и нижней частями граней А и С наблюдаются выраженные «ступеньки» высотой около 2 см, обусловленные литологией камня. Эти «ступеньки» занимают не всю поверхность нижних частей граней: на грани А — около 80% ширины, в то время как на грани С — не более 40% ширины. На боковых гранях «ступеньки» нет (эти грани образованы поверхностями, секущими слоистость камня).

Еще одним интересным элементом морфологии является уступ, вытесанный и грубо шлифованный в левой нижней части грани А, переходящий в описанную выше «ступеньку». Г.Н. Тощев, лично осмотревший стелу в музее, отметил, что «в нижней правой части с лицевой стороны имеется паз, сходящий вверх на "нет" на уровне стопы, на высоте 60 см. Его глубина до 3 см, ширина у основания 10 см» (Тощев, 2002. С. 27)¹⁴. Он предположил, что «плита могла стыковаться с другой, входить в состав какой-то конструкции» (Там же).

Морфология граней А и С оставляет ощущение незавершенности обработки. Можно предполагать, что создатели стелы первично намеревались изготовить плоскую стелу толщиной ~18–20 см, однако в процессе изготовления оставили это намерение и не стали снимать слои камня в нижней части стелы. Возможным материальным следом этого решения является вышлифованная вертикальная по-

Рис. 6. Стела из Бахчи-Эли.
Следы обработки камня
и повреждений

Fig. 6. Stelae of Bakhchi-Eli.
Traces of stone cutting
and damages

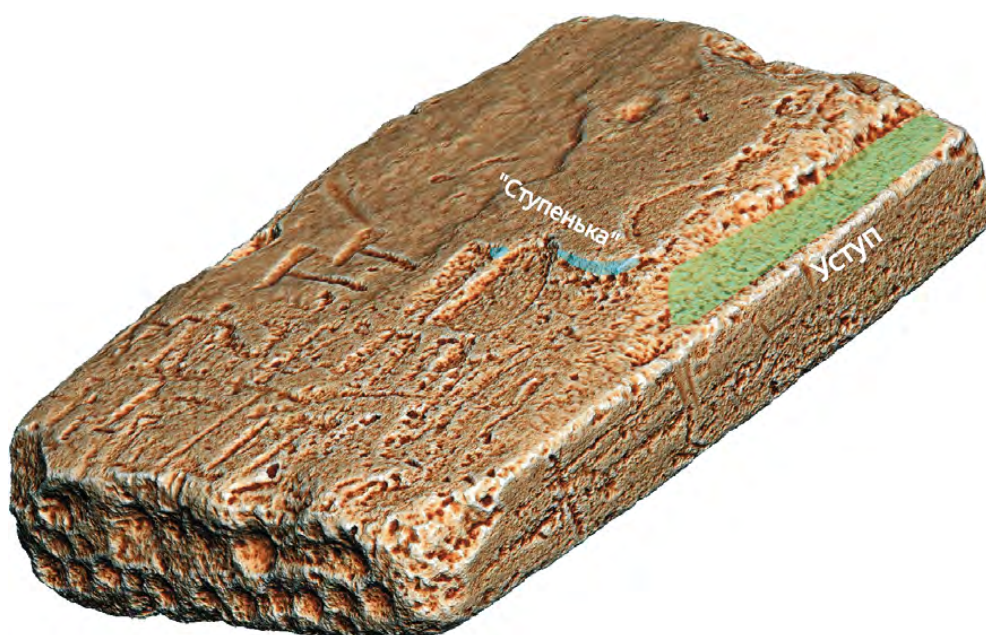
¹⁴ Судя по этому описанию, исследователь наблюдал стелу, лежащей на земле гранью А вверх, и смотрел на нее со стороны грани D. При вертикальном положении стелы «паз» оказывается «слева внизу».

лоса на грани С длиной ~60 см и шириной 4,5–5,0 см, которая может быть интерпретирована как последний этап попыток «срезать» слой камня шлифовкой (рис. 5; 6). Это подтверждается и характером дальнейшей обработки камня — те участки, на которых стела была доведена до регулярной геометрии, достаточно тщательно отшлифованы, в то время как поверхность «ступеньки» в большей степени сохраняет естественную шероховатость (рис. 7).

Изучение поверхности стелы не дает объективных оснований для утверждения, что стела в течение длительного времени находилась вкопанной в землю. Воздействие комплекса процессов физического, химического и биологического выветривания повредило поверхность стелы в примерно равной степени, существенных отличий в поражении стелы в нижней части не наблюдается. Несколько большая шероховатость поверхности в нижних частях граней В, С и D объясняется неравномерностью шлифовки, так как на грани А аналогичной шероховатости в нижней части не наблюдается. Напротив, нижняя часть этой грани выглядит отшлифованной лучше, чем ее верхняя часть. Тем не менее, грань Е (верхняя) несет несомненные следы химического выветривания в виде многочисленных небольших каверн разного размера. Это указывает на то, что стела в течение достаточно длительного времени находилась в вертикальном положении и подвергалась воздействию осадков и продуктов разложения птичьего помета бактериями. Можно предположить, что стела была установлена вертикально непосредственно на поверхности, без существенного заглубления в грунт — примерно так, как она в настоящее время установлена в экспозиции Центрального музея Тавриды. Ни одна из широких граней стелы не имеет выраженной однородной кавернозности, что может указывать на то, что в горизонтальном положении на поверхности стела, если и находилась, то относительно недолго. Тем не менее грань С представляется корродированной в целом несколько сильнее, чем грань А, причем каверны в верхней части сформировались уже после шлифовки изобразительной поверхности. Правый верхний угол грани А в области фигур А7, А17, А18 несет следы затертости, появившейся после нанесения фигур, однако причины этой затертости остаются неясными.

Стела имеет незначительные сколы и повреждения, вероятно, появившиеся при ее перемещении в музей и не связанные с изобразительной деятельностью (следы от тросов глубиной до 3–5 мм на грани D, царапины на грани А) (рис. 5).

Рис. 7. Стела из Бахчи-Эли.
Отдельные элементы
морфологии стелы

Fig. 7. Stelae of Bakhchi-Eli.
Individual elements
of the morphology
of the stelae

Фигуры

Искусственные углубления, выполненные сверлением, выбивкой, шлифовкой, а также выбивкой с последующей шлифовкой, имеются на всех пяти видимых гранях стелы (рис. 5). На грани А фигуры выполнены выбивкой, прошлифовкой, выбивкой с прошлифовкой, сверлением (рис. 8), на гранях В и D — выбивкой (рис. 9), на грани С — сверлением, выбивкой и выбивкой с прошлифовкой (рис. 10), на грани Е — сверлением, выбивкой и выбивкой с прошлифовкой (рис. 9).

Наблюдаемые фигуры можно разделить на две категории: «объективные» (однозначно интерпретируемые фигуры, а также функциональные углубления) и «предполагаемые» (фигуры, с высокой степенью вероятности созданные искусственно, но вследствие плохой сохранности не интерпретируемые) (табл. 1).

Рис. 8. Стела из Бахчи-Эли.
Грань А. Растровый рендер
трехмерной полигональной
модели, преобразованной
алгоритмом мультимасштабного
интегрального инварианта

Fig. 8. Stelae of Bakhchi-Eli.
Facet A. Raster rendering
of a three-dimensional polygonal
model transformed by a multiscale
integral invariant algorithm

Рис. 9. Стела из Бахчи-Эли. Грани В, D, E. Растровые рендеры трехмерных полигональных моделей, преобразованной алгоритмом мультимасштабного интегрального инварианта

Fig. 9. Stelae of Bakhchi-Eli. Facets B, D, E. Raster rendering of a three-dimensional polygonal models transformed by a multiscale integral invariant algorithm

Рис. 10. Стела из Бахчи-Эли.
Грань С. Растровый рендер
трехмерной полигональной
модели, преобразованной
алгоритмом мультимасштабного
интегрального инварианта

Fig. 10. Stelae of Bakhchi-Eli.
Facet C. Raster rendering
of a three-dimensional polygonal
model transformed by a multiscale
integral invariant algorithm

Табл. 1. «Объективные» и «предполагаемые» фигуры на гранях стелы из Бахчи-Эли, выявленные при исследовании трехмерной модели

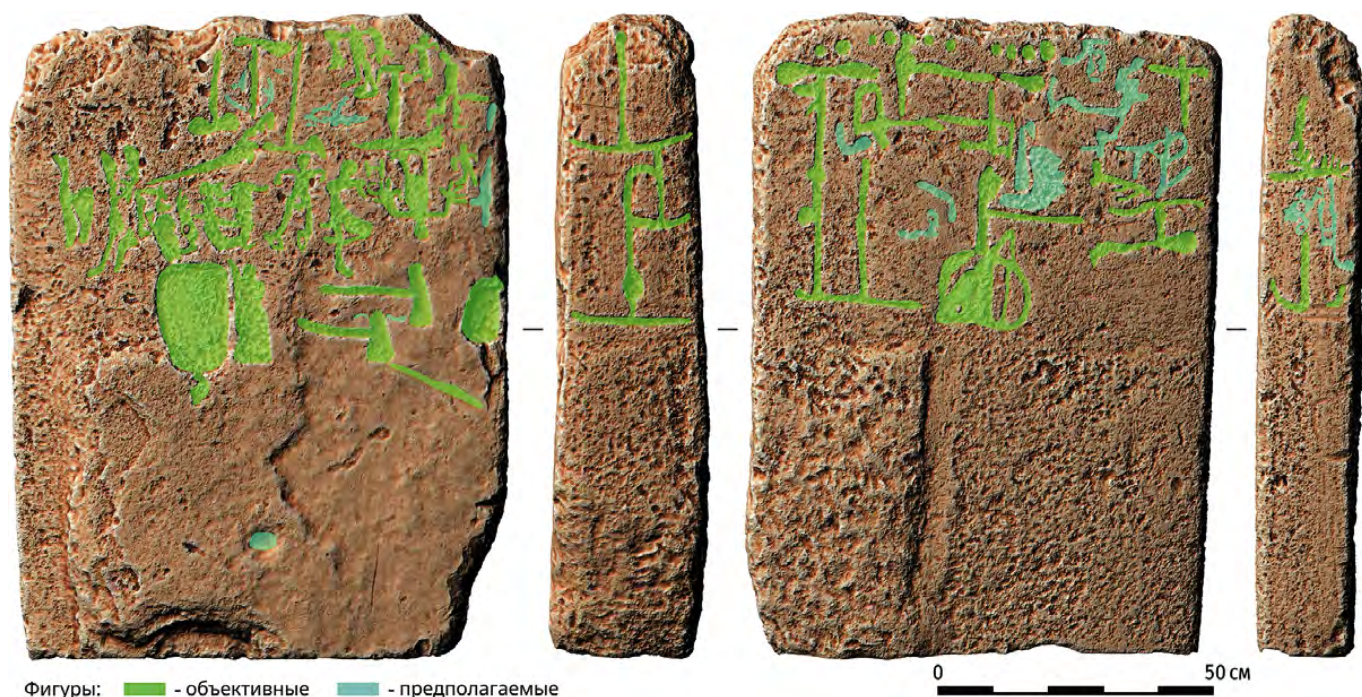
Tab. 1. “Assured” and “assumed” figures on the facets of the Bakhci-Eli stelae revealed during the study of the three-dimensional model

Фигуры / Грань	«Объективные», индекс и количество	«Предполагаемые», индекс и количество
A	A1–A25 (всего 25)	A26–A35 (всего 10)
B	B1 (всего 1)	Нет
C	C1–C2 (всего 2)	C21–C28 (всего 8)
D	D1–D2 (всего 2)	D3–D4 (всего 2)
E	E1–E25 (всего 25)	Нет

В общей сложности на стеле было выявлено 93 фигуры: 73 «объективных» и 20 «предполагаемых» (рис. 11).

Исследование геометрии изображений на гранях стелы позволяет сделать следующие наблюдения.

Рис. 11. Стела из Бахчи-Эли. Грани А, В, С, D. Объективные и предполагаемые фигуры

Fig. 11. Stelae of Bakhchi-Eli. Facets A, B, C, D. Assured and assumed figures

Грань А: широкая, с антропоморфными изображениями (рис. 12). Всего на грани наблюдается 25 «объективных» фигур, несущих какую-либо фигуративную идею. Посредством деления на образные категории их можно разделить на три вида: антропоморфы (A5–A7, A14–A15, A17–A18); предполагаемые изображения орудий (A1–A2, A4, A21–A22, A25); абстракции (A3, A8–A13, A16, A35). Также имеются, предположительно, функциональные углубления — A19, A20, A23, A24 (рис. 12–14).

Изображения на грани А выполнены в совершенно разных техниках: выбивкой (A1, A5, A8–A15, A19, A20, A23, A27–A29); выбивкой с шлифовкой (A3–A4, A6–A7, A18, A21, A22, A31, A35); шлифовкой без признаков выбивки (A16, A24, A30, A33, A34); сверлением — единичное углубление A32 глубиной 8 мм (рис. 6). Варьируется и глубина нанесения изображений, хорошо различимая при изучении матрицы высот. Наиболее глубоко выбиты фигуры: A23 — 26 мм; A20 — 11 мм; A12 — 9 мм; A1 — 8 мм; A3, A17, A22 — 7 мм. Средний диапазон глубин представлен фигурами: A2, A21, A25, A26 — 6 мм; A7, A8, A11, A13–A15, A35 — 5 мм; A4, A9, A19 — 4 мм. Наименьшую глубину имеют фигуры: A5–A6, A10, A28, A31 — 3 мм; A18, A24, A27 — 2 мм; A16, A29, A30, A33, A34 — 1 мм.

Фигуры A16, A17, A25 образуют суперимпозиции: наложение A16 на A25, а также A17 на A25 (рис. 13).

Грань В: узкая (рис. 14). На грани наблюдается одно изображение В1 — сложная фигура, состоящая из трех вертикальных линий и трех горизонтально ориентированных дуг, выпуклостью вниз. Ширина линий до 15 мм, глубина выбивки до 5 мм. Линии и дуги выполнены сплошной выбивкой и в отдельных местах выглядят грубо шлифованными.

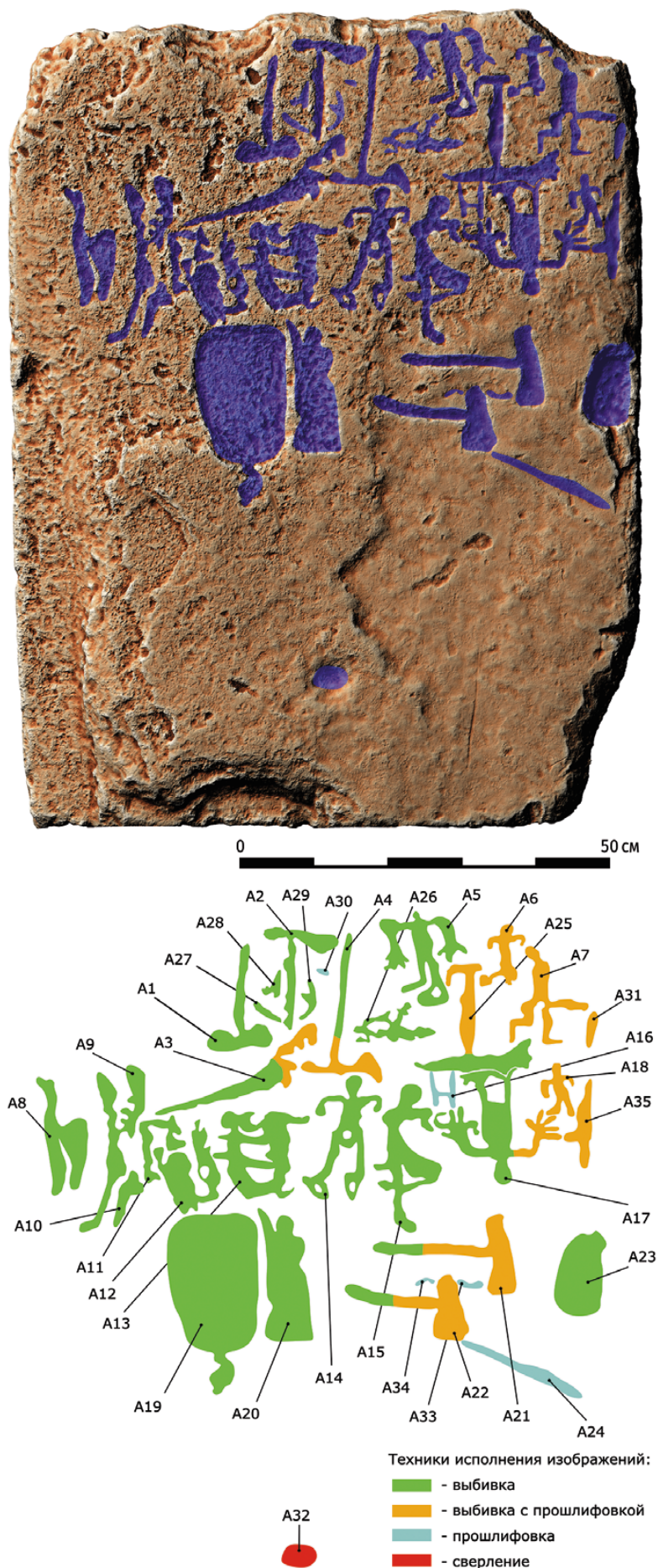
Грань С: широкая, без антропоморфных изображений (рис. 15). На грани наблюдается 28 фигур, подразделяемых на три условные образные категории: чашевидные углубления (C1–C10); предполагаемые изображения орудий или иных реалий (C11, C12, C14, C15, C18); абстракции (C13, C16, C17, C17–C25, C27, C28). В основном фигуры выполнены выбивкой (C1–C8, C12–C13, C15–C16, C18–C23, C25, C26). Наблюдается также выбивка, комбинированная со сверлением (C9, C10, C14, C17, C24, C27) и шлифовкой (C16).

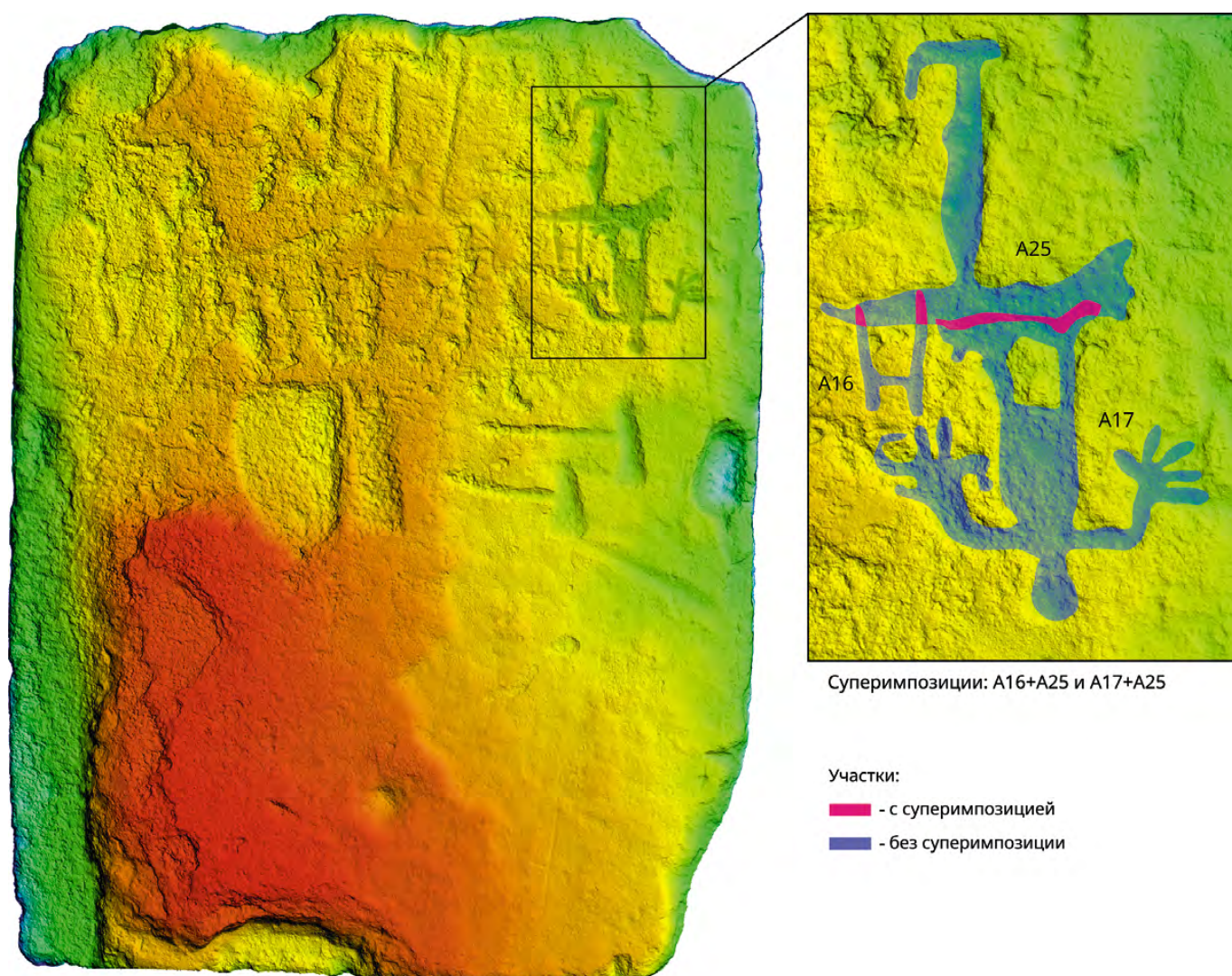
Рис. 12. Стела из Бахчи-Эли.

Грань А. Фигуры и техника их исполнения

Fig. 12. Stelae of Bakhchi-Eli.
Facet A. Figures and techniques of carving

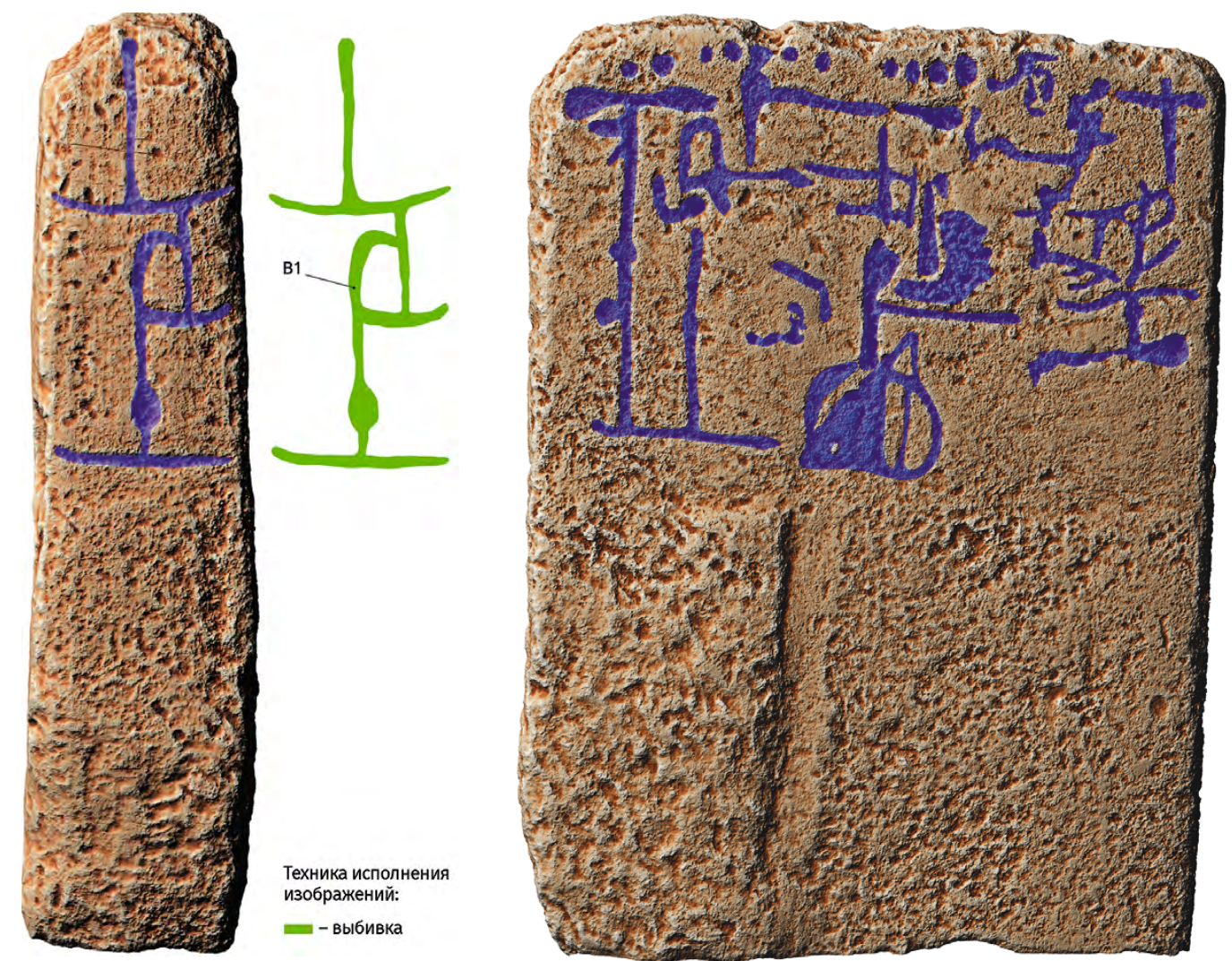
Рис. 13. Стела из Бахчи-Эли.
Грань А. Суперимпозиции фигур
Fig. 13. Stelae of Bakhchi-Eli.
Facet A. Superimpositions
of figures

Диапазон глубины выбивки для фигур грани С: С17 — 10 мм; С9, С14 — 9 мм; С10, С24 — 8 мм; С12, С16 — 7 мм; С2, С4, С7, С26, С27 — 6 мм; С3, С6, С13 — 5 мм; С5, С8, С15, С18, С20–С23 — 4 мм; С1, С11, С19, С25, С28 — 3 мм.

Грань D: узкая (рис. 16). На грани наблюдается четыре фигуры, предположительно представляющие собой изображения орудий, выполненные выбивкой без шлифовки глубиной от 5–6 мм (фигуры D1 и D2) до 3 мм (фигуры D3 и D4).

Грань E: узкая, с чашевидными углублениями (рис. 17). На грани наблюдается 24 плотно прилегающих друг к другу углубления диаметром 30–75 мм и глубиной до 20 мм. Большинство из них (E1–E12, E14–E18, E21, E24) выполнены сверлением с некоторой доработкой шлифованием, определившим их полусферическую форму. Часть углублений (E13, E19, E20, E22, E23) диаметром до 30 мм, менее глубокие, 3–8 мм, выполнены выбивкой без шлифовки и имеют форму, переходную от полусферической к конической. Углубления E21 и E24 объединены выбитой и шлифованной соединительной выемкой, которая обозначена E25 с шириной 20–40 мм и глубиной до 13 мм.

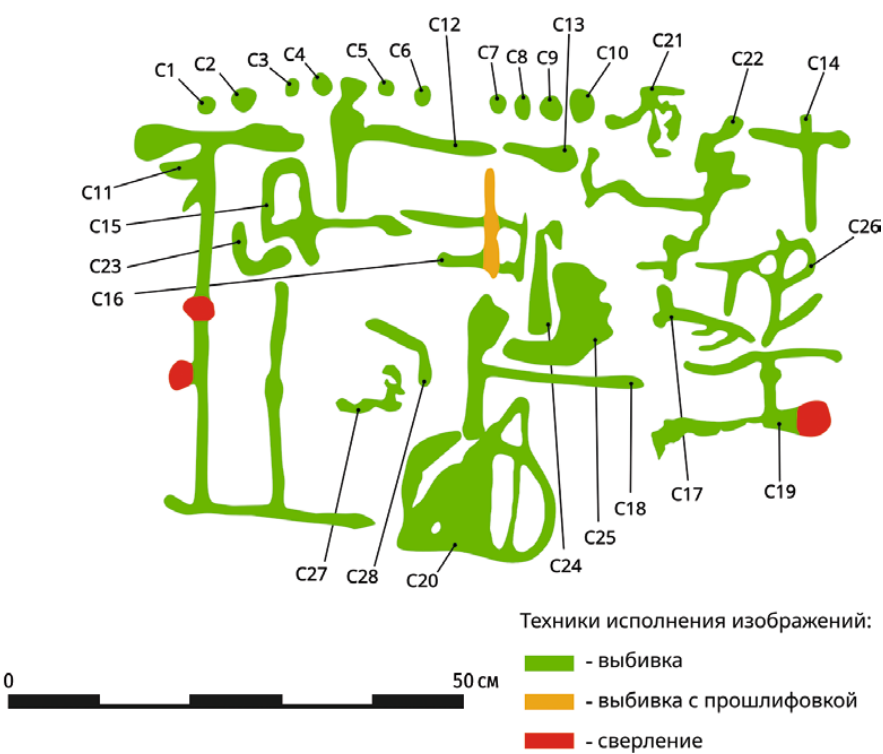

Рис. 14. Стела из Бахчи-Эли.
Грань В. Фигуры и техника
их исполнения

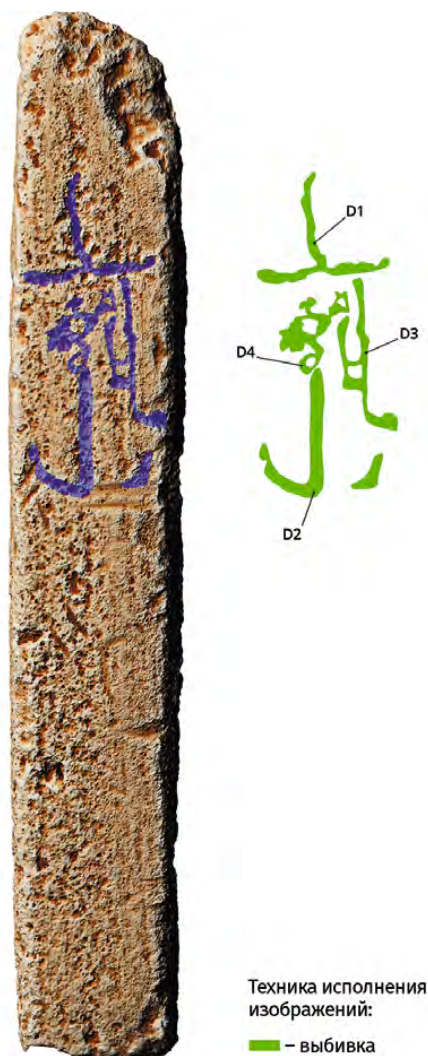
Fig. 14. Stelae of Bakhchi-Eli.
Facet B. Figures and techniques
of carving

Рис. 15. Стела из Бахчи-Эли.
Грань С. Фигуры и техника
их исполнения

Fig. 15. Stelae of Bakhchi-Eli.
Facet C. Figures and techniques
of carving

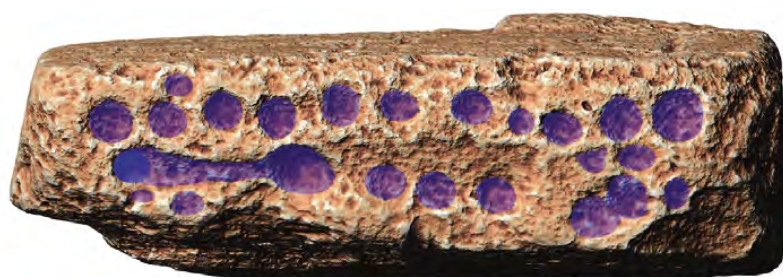

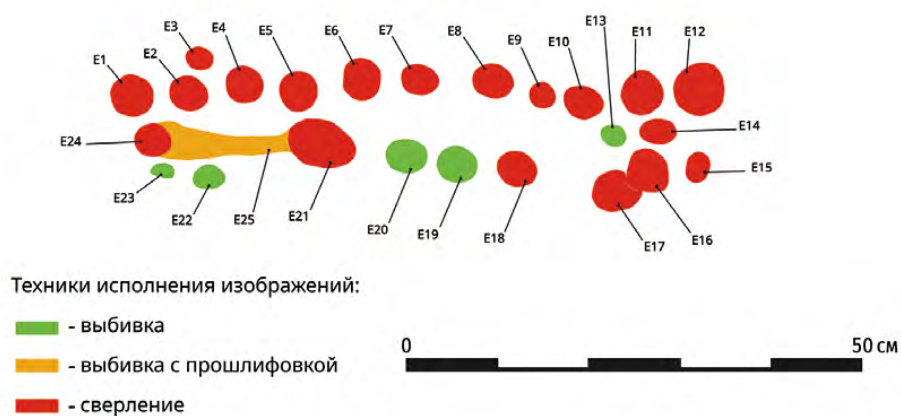
Рис. 16. Стела из Бахчи-Эли.
Грань D. Фигуры и техника
их исполнения

Fig. 16. Stelae of Bakhchi-Eli.
Facet D. Figures and techniques
of carving

Рис. 17. Стела из Бахчи-Эли.
Грань E. Фигуры и техника
их исполнения

Fig. 17. Stelae of Bakhchi-Eli.
Facet E. Figures and techniques
of carving

Суммируя эти наблюдения, мы можем выявить ряд закономерностей. По набору наблюдаемых фигур на стеле из Бахчи-Эли выделяются три комплекса: преимущественно фигуративные изображения и функциональные углубления грани А; фигуративные, но практически недешифрируемые изображения граней В, С, D; чашевидные углубления грани Е (**рис. 18–21**).

Антропоморфные (и «неабстрактные») изображения наблюдаются исключительно на грани А (**рис. 18**). Одновременно только на этой грани наблюдаются три обширных округло-вытянутых углубления (A19, A20, A23), по нашему мнению,

Рис. 18. Стела из Бахчи-Эли.

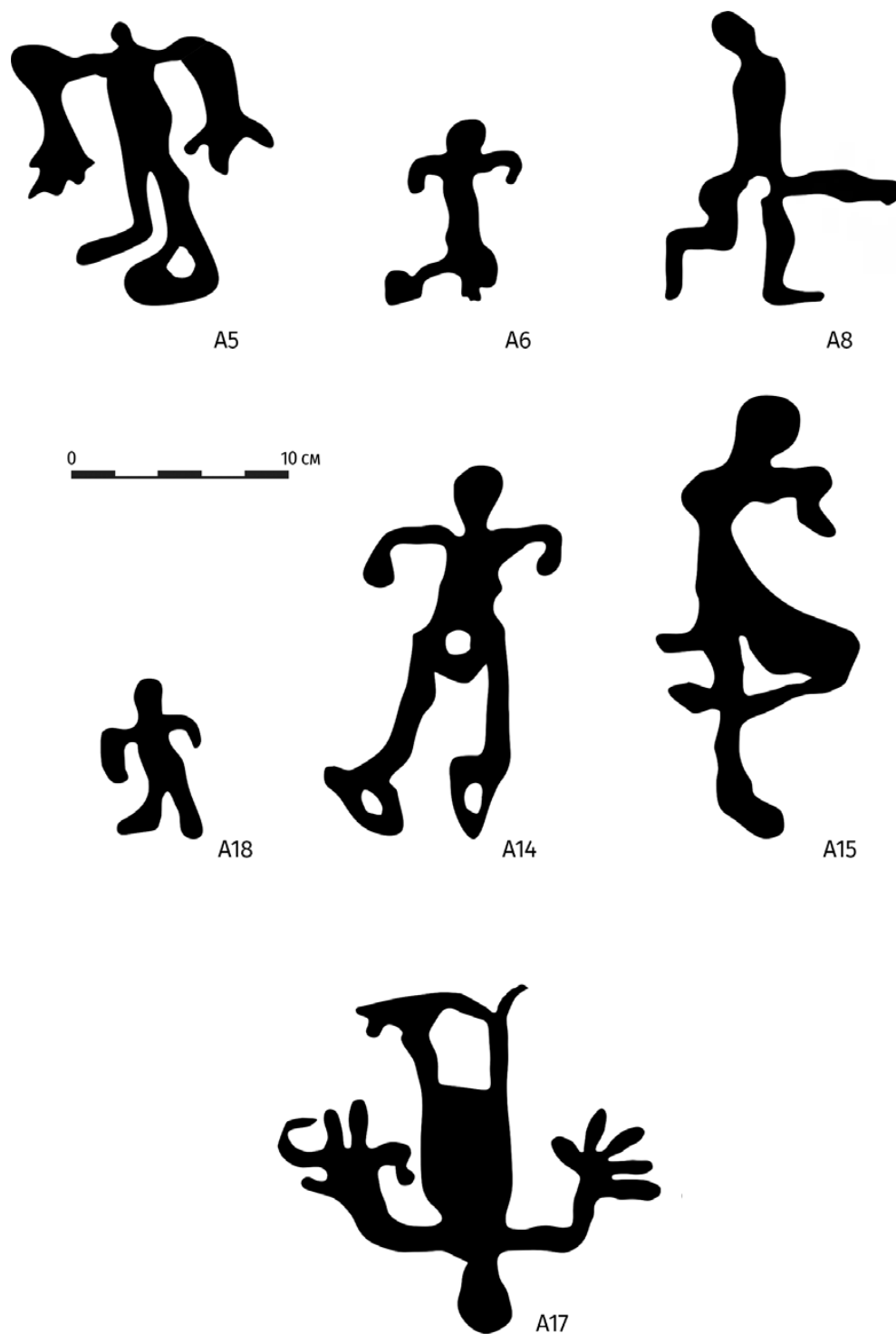
Таблица фигур.

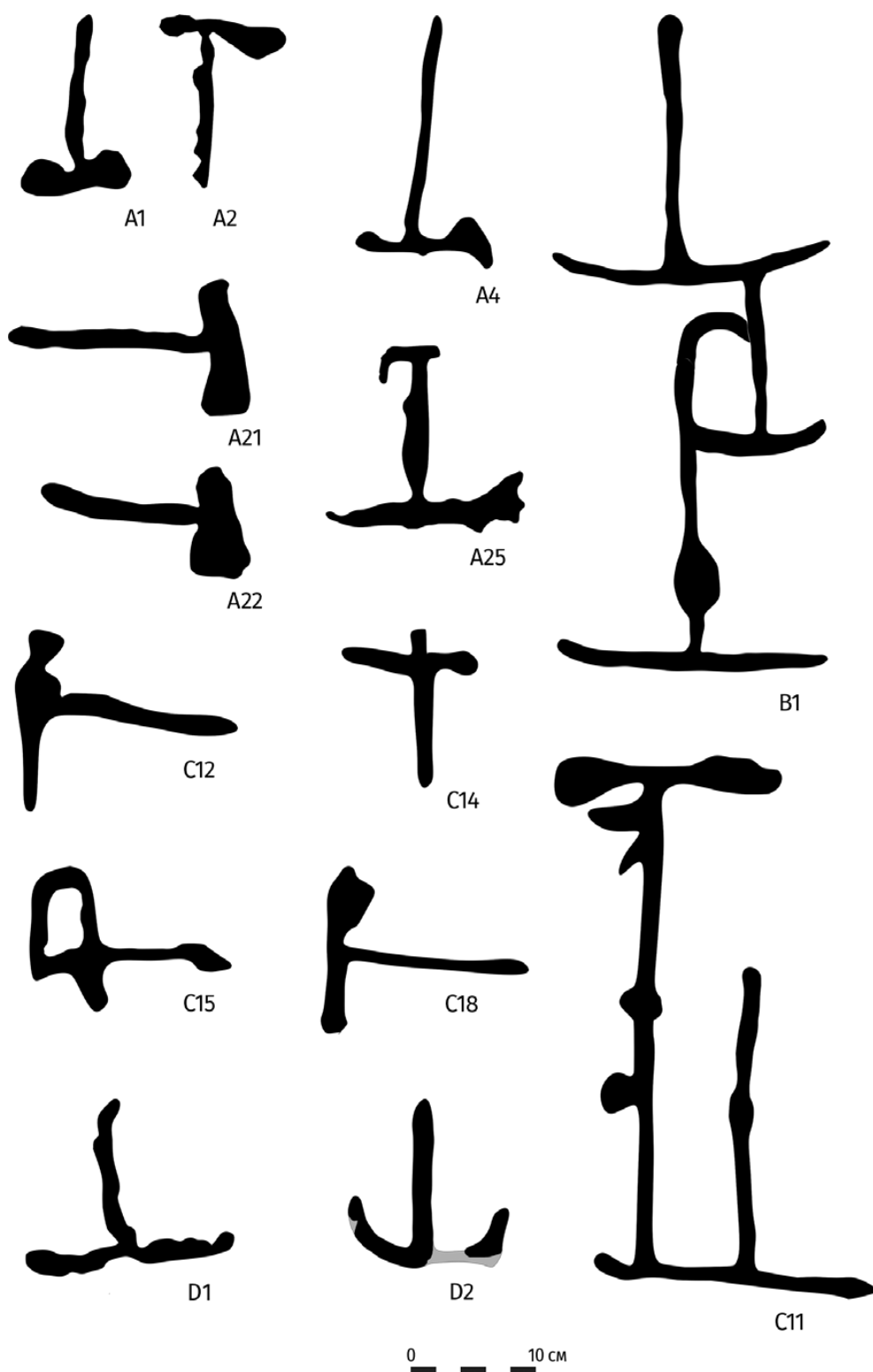
Антропоморфные фигуры

Fig. 18. Stelae of Bakhchi-Eli.

Table of figures.

Anthropomorphic figures

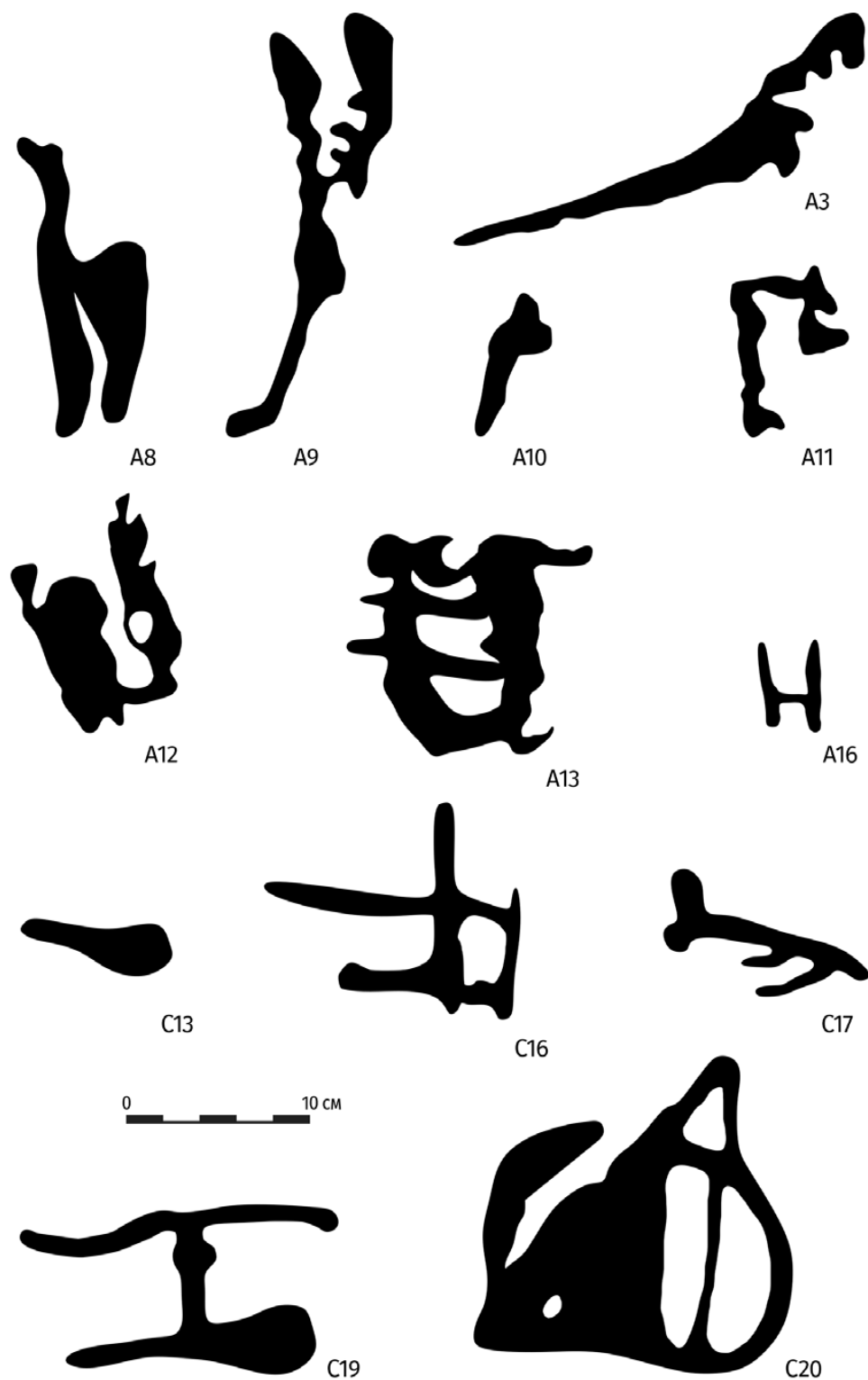
Рис. 19. Стела из Бахчи-Эли. Таблица фигур. Предполагаемые орудия и их комбинации

Fig. 19. Stelae of Bakhchi-Eli. Table of figures. Alleged tools and their combinations

имеющие не фигуративный, а функциональный характер (рис. 21). Вероятно, функциональное назначение и у прошлифованной косой полосы (A24). Суперимпозиции изображений также наблюдаются только на грани А, что может быть признаком нескольких эпизодов нанесения изображений на одном из эпизодов функционирования стелы. В пользу этого свидетельствуют и следы дополнительной прошлифовки (полной или частичной) ряда фигур, не характерные для других граней.

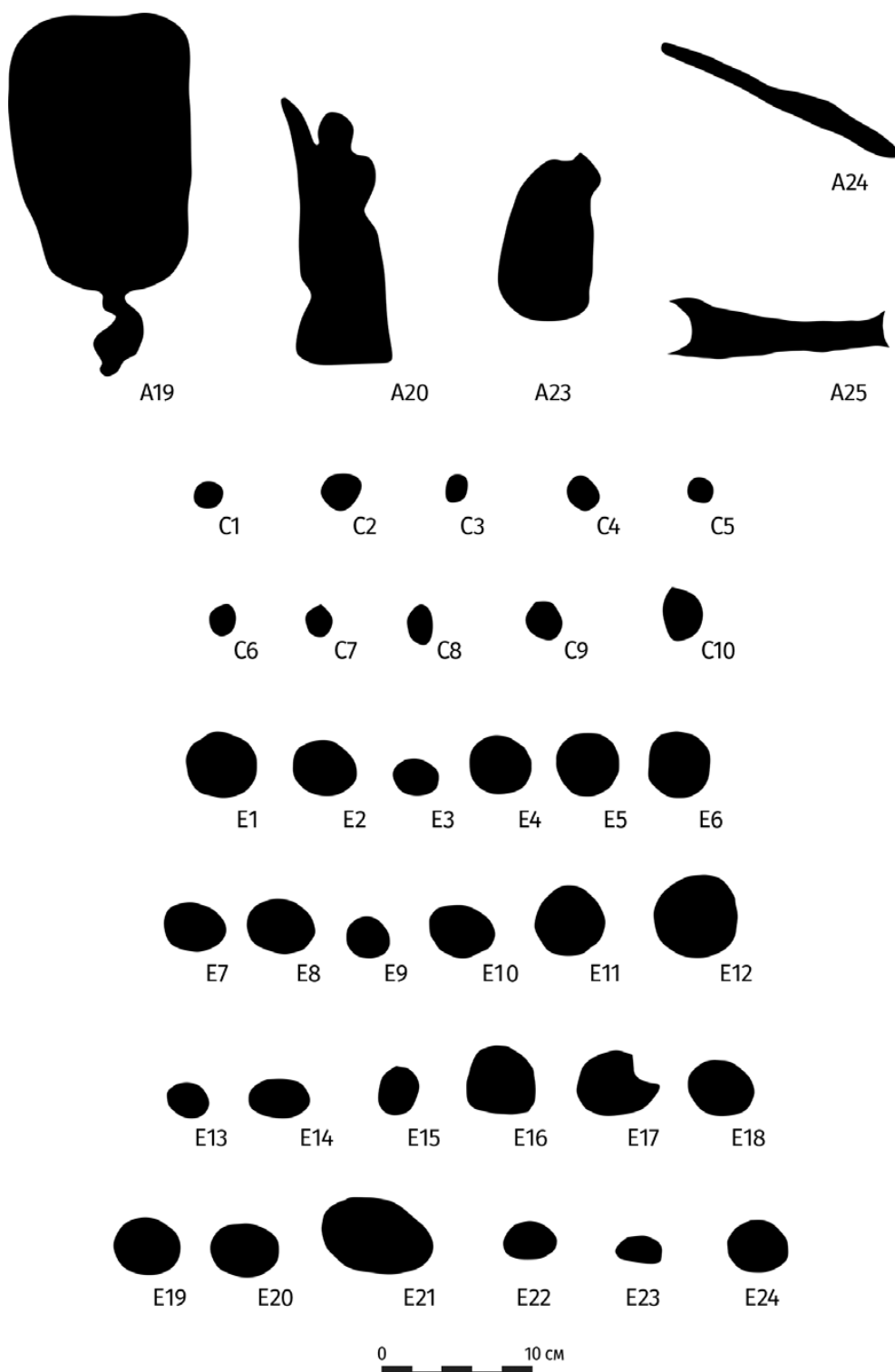
Рис. 20. Стела из Бахчи-Эли.
Таблица фигур. Абстракции

Fig. 20. Stelae of Bakhchi-Eli.
Table of figures. Abstractions

Грани В, С, D, несомненно, образуют единый изобразительный комплекс, объединенный как формой абстрактных фигур, так и техникой их исполнения и, вероятно, выполненный в один короткий период времени.

Чашевидные углубления, наблюдаемые на гранях А, С и Е выполнены в разной технике (рис. 21). На грани Е (верхней) они в большинстве своем (75%) крупные (30–75 мм) и глубокие (до 20 мм), имеют полусферический профиль и выполнены сверлением со шлифовкой. Меньшая доля углублений (25%) имеет меньший диа-

Рис. 21. Стела из Бахчи-Эли.
Таблица фигур.
Функциональные углубления

Fig. 21. Stelae of Bakhchi-Eli.
A table of figures. Functional
depressions

метр (до 30 мм) и глубину (3–8 мм), а также переходный от полусферического к коническому профиль и выполнена сверлением. Углубления грани С имеют глубину 3–9 мм и выполнены выбивкой (в двух случаях доработанной сверлением или, менее вероятно, шлифовкой). Единичное углубление на грани А имеет глубину ~8 мм и, вероятно, выполнено сверлением. Таким образом, близкие по морфологии углубления на разных гранях стелы получены разными способами, что является аргументом в пользу их асинхронности.

Реконструкция этапов функционирования

В реконструкции этапов создания и функционирования стелы из Бахчи-Эли необходимо отталкиваться от положения стелы в момент ее находки. Согласно полемому отчету Н.Л. Эрнста за 1924 г., который публикуется в настоящем сборнике, стела была уложена вверх гранью А (с антропоморфными изображениями).

В течение столетия с момента открытия стелы ее исследователи, за исключением Г.Н. Тощева (Тощев, 2002), уделяли мало внимания форме стелы, что касается ее функционирования, то речь шла о двух, неравнозначных по времени периодах: длительное (?) первоначальное вертикальное положение и единовременная (?) вторичная горизонтальная укладка для перекрытия могилы. Большей частью исследования были сосредоточены на семантике фигур грани А и поиске аналогий для них, при этом изображения на других гранях стелы рассматривались попутно или вовсе не изучались¹⁵.

Традиционно грань А считается «лицевой» — по наличию антропоморфных фигур и предполагаемых изображений орудий (как подтвердилось, в перекрытие могилы плита была уложена именно этой гранью вверх). Однако ряд новых наблюдений указывает на то, что при функционировании стелы могли быть эпизоды, когда грань А лицевой не являлась, а стела была обращена вверх гранью С. На это указывает, например, большая корродированность этой грани и отсутствие на грани А изображений, аналогичных фигурам граней В, С, D. Появление чашевидных углублений на грани С, которые аналогичны наблюдаемым на грани А, также может быть объяснено горизонтальным положением (гранью С вверх) плиты в какой-то эпизод ее функционирования.

По нашему мнению, анализ геометрии стелы, в том числе форм, созданных естественными процессами (прежде всего коррозией), обработкой камня и изобразительной деятельностью, позволяет выделить несколько разных периодов функционирования стелы. По объективным причинам эта реконструкция не слишком надежна, однако представляется более обоснованной, чем построения, выполненные исключительно на изобразительных аналогиях.

Исходя из соотнесения следов первичной обработки, шлифовки, выветривания, положения и состояния отдельных фигур, а также допущения функционального назначения ряда углублений, можно предполагать следующие эпизоды создания и функционирования этого памятника:

1. Изготовление (первичная обработка) плиты в качестве элемента конструкции какого-то сооружения (кромлеха?).
2. Функционирование в качестве элемента сооружения.
3. Извлечение плиты из конструкции, перемещение.
4. Переоформление плиты в стелу. Дополнительная обработка, в том числе шлифовка, практически полностью уничтожившая следы предыдущего этапа выветривания.
5. Установка в вертикальном положении без заглабления в грунт и оформление чашевидных углублений на грани Е сверлением.
6. Нанесение изображений выбивкой (в отдельных случаях с дополнительной шлифовкой) на гранях В, С и D.
7. Функционирование и перерыв в обработке.
8. Укладка (падение?) стелы гранью С вверх, возможно, с перемещением.

¹⁵ Три новые работы А.В. Мальгина и А.Е. Кислого, Ю.В. Кожуховской, А.Е. Кислого и Р.А. Чикина, в которых помимо лицевой рассматриваются и другие грани стелы, публикуются в настоящем сборнике. — *Примеч. отв. ред.*

9. Оформление малых чашевидных углублений в верхней части грани С.

10. Функционирование и перерыв в обработке.

11. Перемещение, укладка гранью А вверх, шлифовка грани А, нанесение изображений и функциональных углублений выбивкой и комбинацией выбивки и шлифовки.

12. Функционирование (?), возможно, с нанесением новых фигур (?).

13. Возведение дополнительной насыпи (?)¹⁶ и сокрытие.

Материалы объективного документирования: трехмерные модели и результаты их преобразования, растровые рендеры, — позволяют по-новому взглянуть на стелу из Бахчи-Эли, рассмотреть в ней то, что раньше оставалось недоступным взгляду исследователя, и на основе изучения геометрии стелы в целом и отдельных участков ее поверхности сделать ряд новых наблюдений и выводов.

Исследование модели стелы показало, что общее число наблюдаемых фигур составляет 93 (т.е. их значительно больше, чем предполагалось ранее), при этом 73 идентифицируются надежно, а еще 20 «предположительных», по-видимому, представляют собой остатки поврежденных коррозией изображений. На неоднократно изученной в XX в. грани А выявляются не два антропоморфных персонажа, а семь. Особенности морфологии некоторых фигур грани А заставляют предположить их функциональный характер. Набор фигур граней В, С, D, ранее практически не привлекавших внимание исследователей, составляет единый синхронный комплекс и также оказывается значительно сложнее, чем предполагалось. Чашевидные углубления граней С и Е обнаруживают некоторое морфологическое сходство, но отличаются по размерам и технике исполнения. Все это в сумме позволяет предположить несколько эпизодов нанесения изображений (возможно, разделенных продолжительными перерывами) и поставить вопрос о длительном функционировании стелы в контексте ритуальных практик населения Крыма в эпоху палеометалла.

Литература

- Свойский и др., 2024 — Свойский Ю.М., Ольховский С.В., Романенко Е.В., Зайцев А.В., Гирич А.П., Глотова А.П. Амфорные клейма. Проблемы документирования, публикации, информатизации // ВДИ. 2024. Т. 84, № 2. С. 465–483.
- Тоцев, 2007 — Тоцев Г.Н. Крым в эпоху бронзы. Запорожье: ЗНУ, 2007. 304 с.
- Формозов, 1958 — Формозов А.А. Материалы к изучению искусства эпохи бронзы юга СССР // СА. 1958. № 2. С. 137–142.
- Формозов, 1969 — Формозов А.А. Очерки по первобытному искусству. Наскальные изображения и каменные изваяния эпохи камня и бронзы на территории СССР. М.: Наука, 1969. 255 с. (МИА; № 165).
- Формозов, 1970 — Формозов А.А. Эпический сюжет в причерноморском искусстве бронзового века // КСИА. 1970. Вып. 123: Памятники эпохи энеолита и бронзы. С. 48–50.
- Шрамко, 1964 — Шрамко Б.А. Древнейший деревянный плуг из Сергеевского торфяника (В связи с проблемой возникновения пашенного земледелия в Восточной Европе) // СА. 1964. № 4. С. 84–100.
- Щепинский, 1963 — Щепинский А.А. Памятники искусства эпохи раннего металла в Крыму // СА. 1963. № 3. С. 38–47.
- Tallgren, 1926 — Tallgren A.M. La Pontide préscythique après l'introduction des métaux. Helsinki, 1926. 248 p. (ESA; Т. II).
- Tallgren, 1933 — Tallgren A.M. Sur les monuments mégalithiques du Caucase occidentale // ESA. 1933. Т. IX. Р. 1–46.
- Mara, 2012 — Mara H. Multi-Scale Integral Invariants for Robust Character Extraction from Irregular Polygon Mesh Data. PhD thesis. Heidelberg, Germany, 2012. 210 p.

16 Курган остался не докопанным — см. отчет Н.Л. Эрнста за 1924 г. в настоящем сборнике.

Stele from Bakhchi-Eli: a Digital Image as a Research Tool

Yuriy M. Svoyskiy¹⁷, Ekaterina V. Romanenko¹⁸,
Aleksandra T. Sukhorukova¹⁹, Dmitri M. Pavlov²⁰

A Paleometall Age stela found in 1924 near Bakhchi-Eli (within the limits of modern Simferopol) in the foothill part of Crimea has not been fully published to this day. To identify and account for images on stela, the technique of three-dimensional photogrammetric modeling was applied, followed by visualization of the surface relief using mathematical algorithms. The patterns of modification of the facets of the stele are revealed, which makes it possible to reconstruct the sequence of creation and functioning of the stele.

Keywords: *Foothill Crimea, Bakhchi-Eli, stela, three-dimensional modeling, photogrammetry, geometry analysis, integral invariant, height matrix, superimposition*

-
- 17 Yuriy M. Svoyskiy — Laboratory RSSDA, 9 Rusanova Pas., Moscow, 129323, Russian Federation; National Research University 'Higher School of Economics', 21/4st3 Old Basmanaya St., Moscow, 105066, Russian Federation; e-mail: rutil28@gmail.com; ORCID: 0000-0001-6256-4299.
- 18 Ekaterina V. Romanenko — Laboratory RSSDA, 9 Rusanova Pas., Moscow, 129323, Russian Federation; e-mail: ekaterina.romanenko@gmail.com; ORCID: 0000-0001-5138-9202.
- 19 Aleksandra T. Sukhorukova — Laboratory RSSDA, 9 Rusanova Pas., Moscow, 129323, Russian Federation; State Academic University for Humanities, 26 Maronovsky Alleyway, Moscow, 119049, Russian Federation; e-mail: Dynsini@gmail.com; ORCID: 0009-0004-0759-980X.
- 20 Dmitri M. Pavlov — Laboratory RSSDA, 9 Rusanova Pas., Moscow, 129323, Russian Federation; Institute of Archaeology of the RAS, 19 Dm. Ulyanova St., Moscow, 117292, Russian Federation; State Academic University for Humanities, 26 Maronovsky Alleyway, Moscow, 119049, Russian Federation; e-mail: scorpioncn2013@gmail.com; ORCID: 0009-0003-5117-0827.

БАХЧИ-ЭЛИ — БЕЙТ-ЭЛЬ: НАИБОЛЕЕ РАННИЕ В ИСТОРИИ СВИДЕТЕЛЬСТВА ПРОТИВОСТОЯНИЯ И ПРИМИРЕНИЯ БРАТЬЕВ И РОДОВ

А.В. Мальгин¹, А.Е. Кислый²

Авторы обращаются к тем изображениям на стеле из Бахчи-Эли, трактовка которых большинству исследователей представляется бесспорной. Подход продуктивен в виду дискуссий о смысле всего пиктографического повествования. Сюжеты противостояния двух героев — классика древнейших эпосов, мифологии, имеющих экономическую подоснову. Вывод достаточно знаменателен. В пиктограмме из Бахчи-Эли впервые в истории края зафиксировано противостояние и примирение местных сообществ разных культур. Культурологическая предыстория данной местности и города Симферополь, образно определенная в XVIII в. как «собирательство, польза», может достигать глубины 5–4 тыс. лет тому назад.

Ключевые слова: Бахчи-Эли, Бейт-Эль, Библия, сюжет соперничества

<https://doi.org/10.31600/978-5-6052467-6-3.139-149>

Стела из Бахчи-Эли — достаточно оригинальный, многоплановый объект археологии, памятник древнего искусства, культуры. Обнаружена она при раскопках кургана в 1924 г. у тогдашней деревни Бахчи-Эли на северо-северо-восточной окраине Симферополя. Рядом с Бахчи-Эли, севернее и выше по склону с начала XX в. возникает новый пригород — Красная горка. Он быстро разрастается и в 1920-х гг. сюда уже прокладывают трамвайную линию. Однако для обозначения места раскопок Н.Л. Эрнст называет более близкий населенный пункт. В наше время старый ойконим «Бахчи-Эли» кроме археологической литературы сохраняется еще в названии местного, практически заброшенного кладбища. Ныне эта территория расположена недалеко от центра города.

В древности какие-то жители данной местности использовали стелу повторно в качестве плиты перекрытия небольшой могилы после повала и переноса ее с места, где она первично была вертикально установлена иными жителями. Могила была детская (или кенотаф), скелет отсутствовал, но в северном углу ямы стояли два сосуда. Сосуд с двумя ушками А.А. Щепинский соотнес с керамикой кеми-обинской культуры (Щепинский, 1963. С. 43), А.А. Формозов — с катакомбной (Формозов, 1969. С. 169). Г.Н. Тоцев счел возможным датировать погребение по форме сосудов и могильной ямы позднейшими временами (Тоцев, 2002. С. 27). Подчеркнем, что практика вторичного использования стел с изображением в эпоху бронзы широко известна.

Соответственно, все, кто так или иначе рассматривал бахчиэлинское погребение, согласны с автором раскопок Н.Л. Эрнстом, что плита по отношению к погребению

1 Андрей Витальевич Мальгин — Центральный Музей Тавриды, ул. Гоголя, д. 14, Симферополь, Республика Крым, 295007, Российская Федерация; e-mail: andmalgin@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-3449-5569.

2 Александр Евгеньевич Кислый — Институт археологии Крыма РАН, пр. Академика Вернадского, д. 2, Симферополь, Республика Крым, 295007, Российская Федерация; e-mail: kisly.a@mail.ru; ORCID: 0000-0002-3324-6432.

вторична, первоначально была установлена вертикально «и являлась памятником какого-то определенного смысла» (Эрнст, 1924). Отметим все же предположение Н.Д. Довженко (1979. С. 32–33) о возможном культовом захоронении ранее поставленных вертикально менгиров (антропоморфных стел) в могилах, на периферии кургана и т.п. для последующего их «обезличивания», снятия образа. Тогда менгир мог быть практически одновременен погребению, т.е. обряд установки и «погребения» выполнялся одним и тем же населением. В любом случае, это лишь предположения, и они достаточно гадательны. Мы не можем точно сказать, что стела имела прямое отношение к погребению. И, вероятно, А.А. Щепинский прав в культурном определении обнаруженного сосуда, но А.А. Формозов верно заметил, что при рассмотрении стелы «спорить по этому вопросу в данной связи не к чему» (Формозов, 1969. С. 168–169).

Обратим внимание на формы сосудов из погребения. Обычно в этой связи ссылаются на «схематическую зарисовку в дневнике» и описание в черновике отчета Н.Л. Эрнста (см: Щепинский, 1963. С. 43; Тоцев, 2002. С. 26). Прорисовка действительно схематична, поэтому вместе с публикуемым снимком погребения в момент его открытия со снятой стелой и стоящими сосудах (рис. 1) даны фрагмент снимка (фотография самих сосудов, обработанная для проявления изображения в тени при помощи программы «эквалайзер тона») и прорисовка Н.Л. Эрнста (рис. 1, 2, 3). Представляется, что на прорисовке сосуда с ушками передана более стройная форма, хотя соотношение размеров высоты и ширины тулова сосуда на рисунке и в описании совпадают. Скорее всего, сосуд имел более выпуклые бока, более суженные дно и шейку, что следует из размеров, приведенных в описании автора раскопок. Второй сосуд на фото виден хуже, но можно полагать, что он ближе не к «чашечке», а к широкогорлой высокой миске, венчик которой гораздо больше по диаметру венчика первого сосуда. В целом, эти формы очень напоминают то, что нам известно из материалов раннего бронзового века, близких к кеми-обинской культуре, в частности, из керамики поселения Глейки II. Конечно, аналогии можно найти и в ямной культуре (см.: Тоцев, 2002. С. 27), и в катакомбной. Но откуда у нас уверенность, что эти аналогии не есть производное от стиля Кеми-Обы и т.п.?

Стоит отметить, что существуют разные интерпретации и прочтение смыслов изображений на стеле (см.: Формозов, 1969. С. 169–172). Поэтому авторы настоящей статьи *ab initio* исходят из преимущественно очевидных для всех позиций. Во-первых, достаточно красноречиво для получения первичной информации само место обнаружения стелы, его географические особенности. Во-вторых, рассмотрим первоначально такие интерпретации изображений на стеле из Бахчи-Эли, которые так или иначе разделяет большинство исследователей.

Географически место обнаружения стелы представляет собой великолепную крымскую предгорную холмистую равнину. Совсем рядом выступают отроги Крымских гор, и невдалеке — крымская степь. Если в горах, в степи или в прибрежных зонах локусы древних культур могли быть в чем-то однообразными на протяжении какого-то времени, то здесь все условия способствовали пересечению путей и культур. По определению В.А. Анучина, на таких географически разнообразных территориях историческое развитие шло быстрее, противоречия здесь возникали активнее и разрешались быстрее (Анучин, 1982. С. 34–35). Понятно, что выбор места расположения Симферополя в XVIII в. был отчасти административно волюнтаристским. Исходя из концепта морских цивилизаций и столиц, а также учитывая стремление России к морям, более привлекательными могли казаться Севастополь или Феодосия. К тому же история знала несколько иных крымских центров. Но тот факт, что вековые перипетии никуда не переместили крымский административ-

Рис. 1. Расчистка погребения со стелой, 1924 г.: 1 — стела перевернута. Фото из архива Центрального музея Тавриды (КР-9005-2. Neg-1510-2); 2 — увеличенное изображение сосудов из могилы; 3 — прорисовка сосудов (по: Щепинский, 1963. С. 43, рис. 5, 9)

Fig. 1. Clearing of the burial with a stele, 1924: 1 — the stele is inverted. Photo from Archive of the Central Museum of Taurida (КР-9005-2. Neg-1510-2); 2 — enlarged image of vessels from the grave; 3 — drawing of vessels (after Щепинский, 1963. С. 43, рис. 5, 9)

ный и культурный центр, а его имя прочитывается как «город-собиратель, город пользы», ныне полноценно свидетельствует, что волонтаризм был осмысленным и оправданным.

Если говорить о конкретной местности расположения исследованного кургана, то вероятнее всего он находился значительно северо-восточнее слияния самой крупной реки полуострова Салгира и его притока Малого Салгира, и примерно в 0,5–1 км восточнее слияния Малого Салгира и Боурчи-Абдалки (рис. 2). В разные эпохи здесь и в окрестностях обитали и сталкивались носители разных культур. Н.Л. Эрнст пишет, что в данной группе курганов можно было увидеть до 30 насыпей. В раннем бронзовом веке в этой местности обнаружены памятники ямной

Рис. 2. Раскопки кургана у с. Бахчи-Эли экспедицией Н.Л. Эрнста, 1924 г. Фото из архива Центрального музея Тавриды (КП-9004-8. Нег-1513-8)

Fig. 2. Mound excavation near the village Bakhchi-Eli by expedition Nikolay L. Ernst, 1924. Photo from the Archive of the Central Museum of Taurida (КП-9004-8. Neg-1513-8)

и кеми-обинской археологических культур, в среднем бронзовом веке — памятники катакомбной и бабинской культур и т.д. Вероятнее всего, что наиболее длительное время приходится на сосуществование местных локальных сообществ культур раннего бронзового века. В свое время А.А. Щепинский полагал, что кеми-обинская культура могла предшествовать на каких-то территориях ямной культуре и бытовать до середины II тыс. до н.э. (см.: *Щепинский*, 1985. С. 336). Согласно принятой ныне корректировке абсолютных и относительных дат, такое заключение остается историографическим фактом, однако, как известно, высказаны предположения, что «ямники» и «кемиобинцы» составляли один этнос, а различия продиктованы лишь статусностью погребенных по разному обряду — выделялись знать или служители культа (см.: *Генинг*, 1987; *Тоцев*, 2007. С. 85). Но подобное выделение никак не исключает того, что статусность определилась первоначально иноэтничным происхождением. Таких примеров в истории много. В конечном итоге для последующих наших выводов поиск «этнической аффилиации» не так важен.

Обширная, плодородная территория у слияния Салгира, Малого Салгира и Боурчи привлекала как оседлое население, так и степняков. Особенно удобно здесь было устраивать временные и зимние сезонные стойбища. По мнению специалистов, исследовавших кочевнические типы хозяйства, кочевники всегда, как только появлялась возможность, оседали на землю (см.: *Марков*, 1976; *Бунятян*, 1985. С. 41; *История Древнего...*, 1988. С. 225). Не сложно представить ситуацию, когда местные жители, преимущественно земледельцы, расположившиеся поселениями на берегах рек, периодически вынуждены были терпеть пришельцев. Из Библии мы знаем случаи, когда оседлые племена просили пришельцев поскорее покинуть стойбища у их города или селения. Однако смешения родов, умыкание невест и каких-то припасов оседлого населения также были обычным делом. А баранта («хищение» скота) с периода перехода к присваивающему хозяйству и далее до традиционного уклада, особенно среди скотоводческих сообществ, оставалась значимым и приемлемым (законным) способом регуляции экономических отношений (см.: *Кислый*, 2019. С. 22–23). Один из авторов настоящей статьи, исследуя обычаи подобные баранте, в реальной жизни дважды сталкивался с аналогичными действиями в отношении переселен-

цев: «У вас что-то есть, а у нас такого нет, мы вправе взять ваше без спроса, но вы вправе защищаться». Это классические примеры «баранты», дошедшие до 1960–1970 гг. Представляется, что в эпоху бронзы в пределах центральной части Крыма подобные события были регулярными, а в долинах Салгира и его притоков, в предгорье — неизбежными (Там же. С. 22–23). Археологи на такие очевидные экономические факторы трансформаций («развития») древнего населения меньше обращают внимание, описывая в большей мере достижения производящего хозяйства.

Название крымско-татарской деревни Бахчи-Эли как будто вобрало в себя многовековой смысл народной, этнографической топографической философии. Буквальный перевод топонима с крымско-татарского — «край садов». Однако есть нюансы. Иль — «страна, край», а близкое по звучанию эль — уже «народ» (*Суперанская и др.*, 1995. С. 59), хотя, возможно, также «люди, община», поселение одной общины. То есть, получаем «деревня-сад», «сообщество-сад». Об образности слова «эль», его смысловых объединительных возможностях говорит то, что термин «вечный эль тюркского народа» впервые появился в памятниках древнетюркской (орхонской) письменности VII–VIII вв. То есть, этим словом обозначили территориально-политический организм, освященный Богом этнический рай. Распадается такой рай, предварительно заметим, в результате соперничества родов, в том числе и при делении на более оседлое (западная часть каганата) и более кочевническое население (см.: *Хакимов*, 2021).

Если в образе «город-сад» для современного человека проглядывается paradise, то «деревня-сад» уступает ему лишь по причине нашей ограниченности communal conveniences. Для традиционного общества раем был прежде всего какой-то природный локус, родовое место обитания. Не очень большая даже в древности речка этой долины Боурча (Богурча) также в своем названии несет признак земледельческого труда и достатка: богъча — ячменная каша (*караимск.*), богдай — пшеница, богъурчак — колобок (*крымскотат.*) (*Усеинов*, 1994; *Фахра*, б/г; *Караимско-русско-польский словарь*, 1974). Отметим, что А.В. Суперанская и соавторы гидроним Боурча отнесли к этимологически непрозрачным названиям географических объектов (*Суперанская и др.*, 1995. С. 61–62).

Наши социологические обследования, проведенные в марте 2024 г., показали, что территория у слияния Малого Салгира и Боурчи по-прежнему содержит все признаки слияния разных «миров». Из них ощутимо выделяются два основных. Первый — местные одноэтажные домики давно проживающих там людей, часто еще с уличными туалетами, сливами канализации в реку, мусором на берегах (**рис. 3**). Второй — застройка состоятельными, красивыми домами или усадьбами, иногда с фонтанами и зелеными лужайками, в целом, в «западном» стиле. Среди давних местных жителей нами проведен опрос³ с элементами организации фокус-группы, где опрашиваемым предлагалось быть условно экспертами. Главные вопросы («экспертные» оценки ситуаций): об отношении к новым застройкам, благоустройстве мест, о знании памятников археологии местности. Краткие результаты: 1) новые постройки не украшают местность, берег реки со стороны застройки либо загорожен новыми заборами, либо замусорен. Обращено внимание, что на берегу, в реке разбросаны пакеты аккуратно упакованного мусора; 2) жители с увлечением рассказывали о пещере Чокурча, о своих археологических «исследованиях» края. Они гордились своей землей.

3 В опросе принимали участие в качестве интервьюеров: А.Е. Кислый (руководитель), П.А. Попова (корреспондент издания ForPost), А.А. Ковпак, Р.Ш. Акперов, А.М. Масабаева.

Рис. 3. Современный вид участка р. Малый Салгир вблизи (южнее) слияния с Боурчой.

Фото А.Е. Кислого, май 2024 г.

Fig. 3. Modern view of the Maly Salgir River section near (south of) the confluence with Bourchoy.

Photo by Aleksandr E. Kisly, May 2024

Таким образом, местность в силу своей природно-географической, геоантропогенной специфики имела и имеет значительную конфликтогенную нагрузку. Местное население всегда искало и будет искать способы и реальные методы смягчения конфликтогенных влияний на среду и на их устоявшийся способ жизнедеятельности. При этом очевидное собственное негативное влияние на среду обитания оправдывается как необходимое и незначительное.

Перейдем к общим смыслам, просматриваемым при интерпретации изображений на стеле из Бахчи-Эли. Прежде всего, все исследователи наблюдают какие-то орудия и две мужские фигуры, находившиеся в противостоянии. В орудиях исследователи различают топоры, а интерпретация их как сельскохозяйственных орудий (прямогрязильные рала, по Б.А. Шрамко (1964. С. 96–98)) не нашла подтверждения (см.: *Формозов*, 1969. С. 170–171).

Сцена противостояния «прочитывается» сравнительно легко и настолько, насколько это в целом возможно в подобных случаях наскальной пиктографии. Фигура справа от зрителя достаточно красноречива. Человек лежит в расслабленной позе, руки безвольно раскинуты, пальцы растопырены, оружие выпало из рук. Заметим, что знаковые элементы на стелах художники этого времени умели передавать точно (*Кислый*, 2009. С. 243). Поза «вниз головой» — классика жанра при изображении пораженного/убитого. Победитель (правая фигура) направляется налево от убитого в сторону какой-то большей по размеру фигуры.

Если рассматривать все имеющиеся выбитые на стелах Северного Причерноморья изображения, то наиболее устойчивые (в разных вариациях) сюжеты представляют определенное социальное соперничество — воинское, гендерное, экономическое и т.д. Это и классические два волка (керносовская стела) (*Кислый*, 2022. С. 67–69), и воинская атрибутика, и танцы или кулачные бои двух персонажей, и знаки победителей (от поднятых вверх пальцев до изображения сцен соития), и, наконец, изображение трансформации гендерных ролей на одной стеле, в одной фигуре. В изображениях на стелах можно находить множество свидетельств успешного развития производящего хозяйства. Но стелы создавались не для историков-археологов, а для своего социума, рода и своего потомства. А в таких случаях

изображается то, что наиболее важно в конкретных условиях — борьба за жизнь, производство и воспроизводство жизни в наиболее широком понимании. Подчеркнем много раз обозначенное — производящее хозяйство — переход к нему не был удивительным открытием, как совсем недавно еще писали социологи в учебниках. Это было испытанием для всех жителей ойкумены, при означенном переходе продолжительность жизни не растет, а падает (Кислый, 2005. С. 116–119, 123).

В схожих сюжетах разных народов мира трудности переходов и противостояния передаются не только как борьба с иноплеменниками, но очень часто как сражение одноплеменников. Эпический сюжет противостояния, борьбы за наследство, земли и др. достаточно распространен. Более чем очевидно, он мог касаться плодородных земель в древней долине слияния главной водной артерии Крыма Салгира и притоков — Малого Салгира и Боурчи. Кроме изображения победителя и побежденного есть еще одна деталь, свидетельствующая об эпичности изображенных событий. Это изображения на стеле оружия — топоров в положении боевом и перевернутом. Если даже часть предметов не оружие, а земледельческие орудия, в частности пахоты, это не имеет принципиального значения.

Эпичность, образная знаковость орудий, постановленных иконографически с чередованием: прямо и в перевернутом виде, — в таких случаях однозначно важна. В первобытном искусстве чередование элементов (в орнаментальных композициях; в ритмике песен, танцев; повторяющихся действиях обрядов; в культовых действиях, связанных с циклами жизни) всегда несло значимую нагрузку, хотя, естественно, со временем смысл повторяемости мог теряться. Но объяснение зафиксированного приобретало значение основы для мифов, особенно в тех случаях, где события переплетались с природными циклами-явлениями или экономическими потребностями — делёж добычи, урожая, земли. К примеру, ритмическое культовое качание на качелях означало возможность возрождения природы, охотничьих угодий и т.п. (см.: Алексеенко, 1974. С. 32), календарные чередующиеся помесячные знаки превращались в орнамент на сосудах (Владимировка, Подонье — срубная культура; Лепесовка, Войсковое, Каменка и др., Поднепровье — черняховская культура) (Кривцова-Гракова, 1955. С. 88; Рыбаков, 1987. С. 167–175). В случае изображения топоров на стеле из Бахчи-Эли в разной позиции, они буквально повторяют сюжеты сочетания Т-образных знаков на сосудах эпохи бронзы в той культуре, где знаковая, орнаментальная письменность оказалась востребованной — в срубной культуре (Цимиданов, 2010. С. 124). И это также эпическая «запись», вероятно календарная, связанная с умиранием и возрождением природы.

Поскольку сюжет на бахчиэлинской стеле уникально-знаковый, местность, где выполнена древним художником сама стела, для многих периодов крымской преистории и истории была определяющей в культурогенезе — подобно многим иным значимым природно-антропологическим зонам ойкумены, то в комплексе мы можем реконструировать более важные события, чем обычное противостояние двух персонажей. Не будем отрицать ни сюжеты культовой пахоты, ни противостояния родов или убийства при сражении за землю или стада одного из братьев. Посмотрим на данную нам древнейшей историей края и археологией первой половины прошлого века находку с точки зрения мировой истории и экономики первобытного и традиционного общества.

А.А. Щепинский, представляя известные в 1960-х гг. памятники первобытного искусства Крыма, писал о стеле: «Кроме топоров... имеются изображения человеческих фигурок и орудий, напоминающих мотыги, посохи и пр. На верхней грани — чашевидные углубления, указывающие на ее ритуальный характер. В комплексе все эти изображения носят характер повествования. Стилистически

человеческие фигурки на плите из Бахчи-Эли перекликаются с такими же фигурками из Казанков» (Щепинский, 1963. С. 43). Итак, «сюжет, повествование», но немного в более широком значении для истории, чем можно было видеть в середине прошлого века.

Обратимся к важному историческому источнику, передавшему многие особенности древних обществ, и как бы во многих случаях суммирующему значимые в воспроизводстве жизни, в культуре людей события. Это книги Ветхого Завета Библии. Б.А. Тураев и А.В. Мень считали, что ранние условно «протоисторические» пассажи Ветхого Завета могут относиться к XIX–XVII вв. до н.э. (Тураев, 1936. С. 162–163; Мень, 1991. С. 120). Некоторые моменты, отраженные в Библии⁴, неоценимы для нас, археологов, к примеру, поведение воинов в походах, возведение в каких-то случаях жертвенников и разрушение их, запрещение изображений, запрещение холмов (насыпей) и разрешение жертвенников из нетесаного камня (Исх. 20: 24–25), какие сосуды должны быть с привязываемой крышкой, наконец, разрушение чужих святынь и указание на главную ценность в договоре с Яхве, потомство, т.д. Важно, что книги Ветхого Завета, как исторический источник, передают состояние общества времени дальнейшего перехода к производящему хозяйству, кочевания и периодического оседания на землю, контактов с оседлым населением, ожидания особых благ от Яхве даже при занятии земель, Края «где ты не трудился <...> и вы осели там; виноградники и оливы, что вы не садили, вы ели» (Нав. 24: 13).

Бейт-Эль («дом Бога») — место, где Яхве подтверждает свое обещание Земли Обетованной одному из двух братьев, находящихся также в противостоянии. «И возненавидел Исав Якова из-за благословения, что отец благословил его» (Быт. 27: 41). Исав — первородный сын родителей, но женится на иностранках (оседлые племена), что вызывает к нему некоторую неприязнь даже родителей (Быт. 27: 46; Быт. 28: 8). Исав вынашивает замысел убить брата. Но Яков по наущению матери и по благословению отца идет искать себе жену среди скотоводов-родственников по материнской линии. Солнце садилось, Яков усыпает в местности Луз, подложив «камень той местности» себе под голову. Приснилась ему лестница с земли до неба, по ней сходили ангелы, и с лестницы сам Яхве пообещал Якову, что даст землю, на которой тот лежит, ему и потомкам его навечно. Более того: «и будет потомство твое, как пыль земная» многочисленно (Быт. 28: 14), что было самым знаковым обещанием со времен Авраама (Быт. 15: 5). Рано утром испуганный Яков («какое страшное это место», «Господь здесь побывал», это «врата небесные») «поднялся и взял камень, что был в головах, и поставил его как памятник, и вылил елей на верх его» (Быт. 28: 16–19). Место переименовал — Бейт-Эл: «Этот камень, что я поставил как памятник будет домом Божьим» (Быт. 28: 22). Будущее потомство Якова — 12 сыновей. В конце истории братья мирятся.

Две повести, переданные древнейшими источниками: Библией и пиктограммой на стеле Бахчи-Эли, — сближает очень многое, от общего до частных. Это — общая историко-демографическая и экономическая канва времен развития производящего хозяйства; далее — противостояние близких, родственников или соседей, борьба за ресурс — землю. И еще — понимание своей Земли Обетованной, где может находиться Бог и где надо установить памятник, а установка памятника и возлияние на нем — поиск примирения и Завета.

Различные элементы эпоса о патриархах и, в частности, рассказ о Якове указывают на глубокую древность предания, которое возникло за много столетий до записи в письменной форме. Фактически, мы находим фиксацию очень распро-

4 Ссылки на тексты Библии даются по несинодальному переводу (Библия..., 1988).

страненных у разных народов случаев экономического соперничества и примирения. Есть еще несколько любопытных деталей, отмеченных некоторыми комментаторами. Во-первых, несмотря на предпочтения, отданные Якову, Исав выглядит более морально. Он человек природы, более бесхитростный, просит голодный «красного», т.е. чечевичной похлебки и даже не сильно вначале переживает о благословении имуществом. Затем, согласен взять в жены соплеменницу и т.д. Яков обманывает дважды (*Винченцо*, 2023). А далее обманывает Якова его тесть Лаван. Затем Яков дабы получить стада, снова ссылается на новое Божье послание, полученное снова во сне: «Я Бог Бет-Элу, что ты умастил там памятник, и Мне сложил там обет <...> выйди с этой земли и вернись в землю своего рождения» (Быт. 31: 11–13). Далее, его вторая жена Рахиль, когда Леван пошел стричь овец, «украдала домашних божков, что отец имел» и убежала с мужем тайно. Лаван догнал караван Якова. Тот определил: «у кого найдешь своих богов, не будет он жить». Но Рахиль села на них и сказала, что не может встать, у нее «обычное женское» (Быт. 31: 32–35). Такой подробный пересказ ситуаций необходим был потому, что Библия в этом случае⁵, как и во многих иных, выполняет удивительную роль исторического источника — показывает, как работали нормы (подчеркнем это слово и отметим, что они исследуются современными независимыми правоведами) баранты. Все другие объяснения ученых или богословов перед факторами экономически сложных отношений тех обществ вторичны. То есть, убийство или временное поражение (?), зафиксированное на бахчиэлинской стеле, не есть какой-то местный случай у населения степей и предгорьев древнего Крыма.

Можем ли мы в изображениях на стеле из Бахчи-Эли найти свидетельство о примирении? Обратим в этой связи внимание на нижний, как бы заключительный ряд в повествовании фронтальной поверхности. Большое пятно в нижней части стелы, слева, вероятно, это изображение камня-жертвенника с характерным сужением книзу; малое пятно рядом — фигура женщины, совершающей возлияние (адорация?): правая рука поднята к стеле, левая опущена (?). Над стелой в среднем ряду — два сосуда для возлияний. Справа от адоранта — финальная иконографическая сцена «примирение» — два топора не в боевом, но и не в «побежденном» состоянии лежат рядом. Особую по размерам и трактовке фигуру слева в среднем ряду надо трактовать как божество (женское?). На верхней горизонтальной поверхности плиты находим в двух рядах 7 (?) и 10–12 (?) лунок для возлияний от двух родов, которые выполнялись не все одновременно.

Авторы далеки от упрощенных этнических параллелей. В первобытном обществе приблизительно такое число сыновей было традиционным. По сути, в стеле из Бахчи-Эли находим самое раннее, зафиксированное в связи с особыми условиями первобытной экономики, быта и демографических трансформаций свидетельство оседания на землю, раздела угодий разных, возможно, близких по родству племен. Исходя из тех данных, что имеем о социумах, их сложной жизнедеятельности того времени, древний мастер «пред лицом» своего божества и в связи с противостоянием, а затем — с примирением — на священном месте Края Обетованного поставил памятник. На нем примирившимися родами совершались возлияния. Наиболее естественно, судя по имеющимся археологическим материалам, этот факт древнейшей истории края можно соотносить с ямной и кеминской культурами, существовавшими какое-то время в Крыму фактически

5 Заметим, что бытование традиционных норм вовсе не исключало в иных случаях (возможно, семейные отношения) совпадения с законами Хаммурапи, о чем писал еще Б.А. Тураев (1936. С. 113).

параллельно. Естественно, кочевники, как более маскулинизированное население, искали жен среди оседлых народов или же соплеменников. Соответственно, напомним одну деталь из библейского сюжета. Яков поставил камень-жертвенник (названный «Место Яхве») по дороге на родину предков, в Харран, куда направлялся в поисках невесты. Есть огромная вероятность, подкреплённая как очевидными фактами, так и некоторыми вероятными реконструкциями, что событие, случившееся на месте совр. Симферополя примерно в начале — первой половине III тыс. до н.э., и событие, описанное в известном пассаже Ветхого Завета, очень близки по своему историческому смыслу.

Нет ничего удивительного в том, что Симферополь, его округа и в древности, и вплоть до современности несли известный потенциал «Места Бога», поиска примирения, потенциал «города-собираателя и пользы». В таком случае было бы уместно территорию у слияния Салгира и Малого Салгира отметить специальным стилизованным знаком, включающим изображения сцен на бахчиэлинской стеле. Имеется ли опыт обращения к археологическим находкам и изображениям столь глубокой древности для демонстрации преемственности с современным городом? Такие примеры известны и самый красивый из них — принятие в 1978 г. хеттского изображения (олень и быки в солнечном диске, ранний бронзовый век), обнаруженного при раскопках Аладжахёюка, в качестве официальной эмблемы современной Анкары.

Литература и архивные источники

Архивные источники

Эрнст, 1924 — Эрнст Н.Л. Отчет об археологических раскопках курганов в окрестностях г. Симферополя, производившихся Кымохрисом и Центральным музеем Тавриды летом 1924 г. под руководством завед. археолог. отделом музея проф. Н.Л. Эрнста // Архив Центрального музея Тавриды. Ф. 12. Оп. 3.

Литература

- Алексеев, 1974 — Алексеев Е.А. Обряд и фольклор у кетов // Фольклор и этнография. Обряды и обрядовый фольклор / Отв. ред. Б.Н. Путилов. Л.: Наука, 1974. С. 27–33.
- Анучин, 1982 — Анучин В.А. Географический фактор в развитии общества. М.: Мысль, 1982. 334 с.
- Біблія..., 1988 — Біблія або книги Святого писма Старого і Нового заповіту. Із мови давньоєврейської й грецької на українську дослівно наново перекладена. М.: Вид-во Московського патріархату, 1988. 1530 с.
- Бунятян, 1985 — Бунятян Е.П. Методика социальных реконструкций в археологии. На материале скифских могильников IV–III вв. до н.э. Киев: Наукова думка, 1985. 142 с.
- Винченцо, 2023 — Винченцо А. Иаков и Исав: от конфликта к исцелению раненых отношений / La Civiltà Cattolica. 18.08.2023 [Электронный ресурс]. URL: <https://laciviltacattolica.ru/2023/08/18/> (дата обращения: 10.12.2024).
- Генинг, 1987 — Генинг В.В. К вопросу о «кеми-обинских» погребениях Степного Поднепровья // Актуальные проблемы историко-археологических исследований, Киев, октябрь 1987 г.: Тезисы докладов / Отв. ред. В.В. Максимов. Киев: Наукова думка, 1987. С. 37–38.
- Довженко, 1979 — Довженко Н.Д. Поховання з антропоморфними стелами у світлі етнографічних матеріалів // Археологія. 1979. Вип. 32. С. 27–35.
- История Древнего..., 1988 — История Древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. Ч. 2. Передняя Азия. Египет / Под ред. Г.М. Бонгард-Левина. М.: Наука, 1988. 624 с.
- Караимско-руско-польский словарь, 1974 — Караимско-руско-польский словарь / Ред: Н.А. Баскаков, А. Зайончковский, С.М. Шапшал. М.: Русский язык, 1974. 688 с.
- Кислый, 2005 — Кислый О. Демографічний вимір історії. Київ: Арістей, 2005. 238 с.
- Кислый, 2009 — Кислый А.Е. Типология и хронология антропоморфных стел Северного Причерноморья в контексте экономико-демографических исследований // ДБ. 2009. Т. 13. С. 233–245.
- Кислый, 2019 — Кислый А.Е. Эгалитарность и неравенство. Научные теории и племена эпохи бронзы Северного Причерноморья // ИАКр. 2019. Вып. X. С. 9–36.

- Кислый, 2022 — Кислый А.Е. Каменская культура Восточного Крыма: Древность и современность. Ростов-на-Дону: Медиаграф, 2022. 192 с.
- Кривцова-Гракова, 1955 — Кривцова-Гракова О.А. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. М.: Изд-во АН СССР, 1955. 164 с. (МИА; Вып. 46).
- Марков, 1976 — Марков Г.Е. Кочевники Азии. М.: Изд-во МГУ, 1976. 340 с.
- Мень, 1991 — Мень А.В. История религии: в поисках Пути, Истины и Жизни. В 7 т. Т. 2: Магизм и единобожие. М.: Слово, 1991. 462 с.
- Рыбаков, 1987 — Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. М.: Наука, 1987. 784 с.
- Суперанская и др., 1995 — Суперанская А.В., Исаева З.Г., Исакова Ж.Ф. Введение в топонимию Крыма. М.: Московский лицей, 1995. Ч. I. 216 с.
- Тоцев, 2002 — Тоцев Г.Н. О находках и культурной принадлежности крымских стел эпохи энеолита — бронзы // ССПК. 2002. Вип. X. С. 23–31.
- Тоцев, 2007 — Тоцев Г.Н. Крым в эпоху бронзы. Запорожье: Запорожский нац. ун-т, 2007. 304 с.
- Тураев, 1936 — Тураев Б.А. История Древнего Востока. Л.: ОГИЗ, 1936. Т. I. 362 с.
- Усеинов, 1994 — Усеинов С.М. Крымско-татарско-русский словарь. Тернополь: Диалог, 1994. 388 с.
- Фахра, б/г — Фахра И. Русско-крымскотатарский, крымскотатарско-русский словарь необходимых слов. Симферополь: Оджак, б/г. 200 с.
- Формозов, 1969 — Формозов А.А. Очерки по первобытному искусству. М.: Наука, 1969. 256 с.
- Хакимов, 2021 — Хакимов Р. «Причиной падения государства тюрок стал отход от принципа справедливости» / Татар-информ. 27.10.2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.tatar-inform.ru/news/rafael-xakimov-pricinoi-padeniya-gosudarstva-tyurkov-stal-otxod-ot-principa-spravedlivost-5841112> (дата обращения: 20.01.2025).
- Цимиданов, 2010 — Цимиданов В.В. Орнаментация керамики срубной культуры: социальный и половозрастной аспект // АА. 2010. № 21. С. 120–139.
- Шрамко, 1964 — Шрамко Б.А. Древний деревянный плуг из Сергеевского торфяника (В связи с проблемой возникновения пашенного земледелия в Восточной Европе) // СА. 1964. № 4. С. 84–100.
- Щепинский, 1963 — Щепинский А.А. Памятники искусства эпохи раннего металла в Крыму // СА. 1963. № 3. С. 38–47.
- Щепинский, 1985 — Щепинский А.А. Кеми-обинская культура // Археология Украинской ССР. В 3 т. Т. 1. Первобытная археология / Отв. ред. Д.Я. Телегин. Киев: Наукова думка, 1985. С. 331–336.

Bakhchi-Eli — Beit-El: The Earliest Historical Evidence of Conflict and Reconciliation between Brothers and Clans

Andrey V. Malgin⁶, Aleksandr E. Kisly⁷

The authors begin by examining the images on the stele from Bakhchi-Eli that most researchers consider to be unequivocal in their interpretation. This approach is particularly valuable given the ongoing debates regarding the overall meaning of the pictographic narrative. The plot of two heroes in opposition is a classic motif in ancient epics and mythology, often rooted in economic foundations. The study's conclusion is especially significant: the pictogram from Bakhchi-Eli represents the earliest recorded instance of cultural conflict and reconciliation in the region's history. Furthermore, the cultural-historical background of this area, including Simferopol, which was defined in the 18th century as a place of “gathering and benefit,” may extend as far back as the 5th–4th millennia years ago.

Keywords: *Bakhchi-Eli, Beit-El, The Old Testament, plot of rivalry*

6 Andrey V. Malgin — Central Museum of Tavrida, 14 Gogol St., Simferopol, Republic of Crimea, 295007, Russian Federation; e-mail: andmalgin@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-3449-5569.

7 Aleksandr E. Kisly — Institute of Archaeology of Crimea of the RAS, 2 Acad. Vernadsky Ave., Simferopol, Republic of Crimea, 295007, Russian Federation; e-mail: kisly.a@mail.ru; ORCID: 0000-0002-3324-6432.

ИКОНОГРАФИЯ СТЕЛЫ ИЗ БАХЧИ-ЭЛИ: КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ¹

Ю.В. Кожуховская²

Статья посвящена когнитивному анализу иконографии стелы из Бахчи-Эли с применением структурно-семиотического подхода. С целью установления особенностей абстрактного мышления в преисторический период выявляется ряд фреймов и когнитивных метафор. Области-источники, следующие из характеристик изображения, подтверждают преобладание пространственно-образного типа мышления и свидетельствуют о реализации широкого спектра областей-целей метафор, из чего следует многослойность семантики изображения.

Ключевые слова: Крым, эпоха бронзы, Бахчи-Эли, иконография, семиотика, когнитивная метафора

<https://doi.org/10.31600/978-5-6052467-6-3.150-156>

С развитием когнитивного направления в настоящее время в фокусе исследовательского внимания оказывается изучение мыслительных процессов человека в многообразии контекстов его жизнедеятельности, охватывающей разные исторические периоды. Объектом изучения все чаще становится материальная культура, способная высветить познавательную деятельность человека и его мировосприятие с применением методов когнитивистики, в том числе когнитивной семантики, что особенно актуально для дописьменного периода. Так, проведена реконструкция концептуального инструментария, которым владели создатели статуи «Человеколев» (Löwenmensch), созданной тридцать две тысячи лет назад, в основе которого выделена метонимия (Kövecses, 2024). Настоящее исследование посвящено анализу иконографии стелы из д. Бахчи-Эли (г. Симферополь), найденной в 1924 г. Н.Л. Эрнстом (курган 1), как предполагается, во вторичном использовании. Целью статьи является выявление когнитивных структур в основе иконографии стелы, свидетельствующих об особенностях мышления ее создателей.

Термин “homo symbolicus” Э. Кассирера предполагает, что миф, религия, язык и искусство составляют основу цивилизации (Cassirer, 1955). Из них «искусство», в значении изобразительного искусства, характеризуется материальным выражением и является важнейшим свидетельством, на основании которого можно судить об архаических процессах концептуализации.

Плита из Бахчи-Эли с двух сторон (лицевой, тыльной) и на боковой грани покрыта вырезанными на каменной поверхности идеограммами, а также имеет

1 Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ (проект № 22-18-00065-Продление, <https://rscf.ru/project/22-18-00065/> «Культурно-исторические процессы и палеосреда в позднем бронзовом — раннем железном веке Северо-Западного Причерноморья: междисциплинарный подход») в РГПУ им. А.И. Герцена.

2 Юлия Витальевна Кожуховская — Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, наб. Мойки, д. 48/12, 191186, Санкт-Петербург, Российская Федерация; Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, пр. Академика Вернадского, д. 4, Симферополь, 295007, Российская Федерация; e-mail: jv-k@mail.ru; ORCID: 0000-0002-6057-5821.

другие следы обработки; лунки с третьей перпендикулярной им стороны, в частности, свидетельствуют о ритуальном назначении плиты (см.: *Щепинский*, 1963) в один из периодов ее функционирования, что может обуславливать соответствующую интерпретацию синхронных лункам идеограмм. Время создания иконографии бахчи-элинской стелы относится к периоду до возникновения письменности. Плиту принято атрибутировать эпохой бронзы (см.: *Формозов*, 1958; *Щепинский*, 1963), которая относится к этапу «мифопоэтического мышления», характеризующегося общностью сюжетных схем и символики (Мифы народов мира, 1991). Кроме того, мышление древнего человека времени создания иконографии стелы в разных терминсистемах определяется как мифологическое, прелогическое, архаическое и характеризуется пространственно-образным характером (*Меркулов*, 2005).

Вместе с тем, отдельные элементы иконографии могут являться отражением реалий: природных, социокультурных, хозяйственных и т.д. Мышление человека во многом обуславливается главенствующей формой социальной организации, и в первобытном обществе такой формой была родовая община, что не могло не отразиться на результатах жизнедеятельности сообщества. Что касается доисторического искусства, считается, что оно воплощает ценности и идеи, коллективно разделяемые всеми членами общества (*Herva, Ikäheimo*, 2002. Р. 97) — это отличает его от индивидуалистического характера современного искусства. Человек был частью окружающего его мира, который в равной степени становился частью человека (*Нью*, 1999. Р. 3), как тождество микрокосма и макрокосма.

Семантика иконографии наскальных и других изображений по своей природе имплицитна и множественна (*Munn*, 1973; *Lewis-Williams*, 2001). Относительно ее интерпретации существует две точки зрения. Так, исследуя наскальное искусство, одни исследователи предлагают «читать» его также как текст (*Hesjedal*, 1994; *Tilley*, 1991; 1999; *Goldhahn*, 2002). С другой стороны, приводится контраргумент, основанный на ином по сравнению с текстом восприятии визуального изображения, который находится в «трехмерном» (three-dimensional) отношении с наблюдателем (*Goldhahn*, 2002. Р. 31).

Для стелы из Бахчи-Эли было предложено множество интерпретаций. Стела семантически многослойна: нереалистичность (рабочие инструменты по размерам соответствуют фигурам людей), схематизм, знаковость — свидетельствуют о символическом характере изображений. Идеограммы представлены человеческими фигурами, рабочими инструментами и, по мнению Б.А. Шрамко (1964), животными. Виды идеограмм соответствуют иконографии антропоморфных стел и известных наскальных росписей Северного Причерноморья и Крыма эпохи палеометалла.

В настоящей статье анализ проводится с точки зрения структурно-семиотического (*Леви-Строс*, 1994) и когнитивного подходов, позволяющих выявить основные когнитивные структуры, которыми оперировали создатели изображения. Мышление человека имеет метафорический характер и направлено на оперирование понятиями материального мира (*Fauconnier, Turner*, 2002; *Lakoff, Johnson*, 1999; *Pinker*, 2008). Процесс концептуализации абстрактных понятий отражается в структуре когнитивной метафоры через две семантические области: область-источник и область-цель, где искомому абстрактному понятию соответствует область-цель, а область-источник составляют предметные понятия, на которых основывается концептуализация. Такая взаимосвязь между областью-источником и областью-целью формировалась на заре существования человечества. При этом отношение устанавливалось только между теми понятиями, связь которых человек может наблюдать в вещном мире (*Козырева, Гуцин*, 2022; *Borg*, 2001).

Архаическое мышление, как известно, категоризирует мир в терминах бинарных (семиотических) оппозиций (Мифы народов мира, 1991; *Дивьян*, 1974). Его пространственно-образный характер исходит, в частности, из «категориальной классификации прототипов», таких как свой/чужой и пр. (*Меркулов*, 2005). Одной из важнейших пространственных категорий является дихотомия впереди/позади. То, что находится впереди, относится к видимой части мира, известной человеку и поэтому оценивается позитивно, а позади — напротив, невидимо и представляет опасность (*Новикова, Шама*, 1996). С точки зрения когнитивного подхода, в области-источнике находится фрейм «зрение» или «видение», через который происходит перенос значения в область-цель «знание». Следует когнитивная метафора «знание — это видение».

В случае иконографии стелы из Бахчи-Эли реализация пары антиномий «впереди-позади» обосновывается направлением расположения человеческих фигур. В центральной части изображения, представленного на лицевой стороне плиты, предстает шагающая антропоморфная фигура. Позади нее — изображение перевернутой антропоморфной фигуры. Особенность изображения позволяет выделить фрейм «численность/исчисление», который может предполагать не только парность, в случае изображения двух персонажей, а метафору «два — это множество», когда нужно символически передать, что речь идет о племени.

Вместе с тем, с точки зрения мифопоэтических бинарных оппозиций, в данном случае фиксируется противопоставление прямого и перевернутого положения. В исследованиях эта фигура интерпретируется как умерший человек (см.: *Формозов*, 1958). Метафора «смерть — это перевернутое положение / положение наоборот», исходящая из противопоставления по всем признакам этого мира и загробного. Метафора реализуется в случае, если в иконографии плиты разворачивается действие, как в случае причинения смерти. В этом случае множественное изображение предполагает не множественность персонажей, а изменение состояния одного персонажа во времени, т.е. здесь заложена идея движения, что отражается в метафоре «жизнь — это путешествие / продвижение вперед».

Доисторическое искусство чаще всего изображает животных или человеческие фигуры как метафоры, в том числе божеств и духов (*Malone*, 2008. Р. 82). И область-цель в данном случае может содержать не только «умирание», а божество или фольклорного персонажа, принадлежащего к загробному миру. В таком случае, если «смерть — это мир наоборот», а «иномирие — это перевернутый мир», то персонаж ходит не по небу «своего мира», а по земле нижнего мира. Его отличительная черта, по сравнению с изображением первой фигуры, — выделенные пальцы рук, в то время как любое отклонение от нормы — отличительный признак персонажа из мифопоэтического иномирия.

Из классификации фольклорных мотивов известен сюжет, когда «у персонажа острые ногти или руки-ножи, которыми он убивает людей» (L9D) (*Березкин, Дувакин*, 2025), т.е. реализуется фрейм «опасность». Следует когнитивная метафора «опасность — это гипертрофированное изображение», когда ее источник или предмет, представляющий опасность, увеличивается в размерах (образ-схема увеличение/уменьшение).

Графическое увеличение пальцев рук не является уникальной чертой и находит аналогии в изображениях, высеченных на антропоморфных стелах Северного Причерноморья. Их акцентирование отражается и на наскальных изображениях в Крыму. В публикации наскального панно у с. Красный Мак авторы интерпретируют «антропоморфное изображение с поднятыми руками» во второй композиции как сцену «устрашения или совершения ритуала» (см.: *Герцен и др.*, 2021).

Третий вариант происходит из изображения предметов, окружающих антропоморфные фигуры. Б.А. Шрамко (1964) определял среди них два рала, а также молотки, кирку, мотыги и ярмо. Все эти рабочие инструменты предполагают мастерство, работу руками, в таком случае реализуется метафора «мастерство — это гипертрофированное изображение рук», и обосновывается опрокинутость фигуры: кузнец — известный образ, связанный с потусторонним миром, в частности с нечистой силой. Такие же характеристики могли переноситься на тех, кто был связан не только с работой по металлу, но и с любыми другими материалами и инструментами. Мастер — значимая фигура социума, с сакральной точки зрения — медиатор в «окультуривании» окружающего пространства (метафора «культура — это преобразование окружающего мира с помощью орудий труда»). Бог-демиург часто является именно кузнецом, но известен и герой-демиург: первый творит мироздание, второй — знакомит человечество с орудиями труда. При этом герой-демиург, в том числе в индоевропейской мифологии, имеет брата-близнеца (например, Прометей и Эпиметей), который выступает его антагонистом.

В иконографии стел Крыма выделяют несколько типов двоичности. Во-первых, это зеркальная парность, подобная той, что изображена на антропоморфных стелах Ак-Чокрак, Верхоречье и Казанки; при этом они имеют аналогии и за пределами Крыма (Джубга на Черноморском побережье Кавказа). Среди основных гипотез интерпретации подобной парности выделяют «ритуальный поединок, танец или приветствие» (Трифонов, 2014. С. 118), при этом близнецы типологически соответствуют мифологическим Ашвинам и не антагонистичны друг другу. Изображение из Бахчи-Эли, напротив, представляет подчеркнутую антагонистичность, которая легла в основу одной из известных интерпретаций, исходящей из фундаментальной для человеческого сознания мифопоэтической дихотомии свой/чужой. Реализуется фрейм «вражда» и когнитивная метафора «вражда — это полярность / несхожесть», «вражда — это перевернутое положение».

Другая особенность иконографии — парность не только антропоморфных фигур, но и отдельных изображенных предметов, в том числе на тыльной стороне бахчи-элинской плиты. При этом они могут противопоставляться друг другу, располагаясь в прямом и перевернутом виде, или же не быть противопоставленными. В связи с этим в иконографии плиты фиксируется еще одна пространственная категория: дихотомия «право/лево». Правое — доброе, связано с мужской символикой, кроме того, с точки зрения мастера — именно правая рука является рабочей. Здесь можно отметить «не рабочее» расположение топоров на лицевой стороне плиты третьей строки, в то время как с тыльной стороны во втором ряду рабочие инструменты — в том же положении, однако направлены в противоположную сторону.

Вместе с тем, такое расположение может являться идентификатором направления прочтения иконографии плиты. Если в нашей культуре общепринятой является система письма слева направо, то в других системах направление письма варьируется и может происходить справа налево, сверху вниз и т.д. Так, в отдельных древних системах письма, например, в древнеегипетской иероглифике, направление чтения зависело от того, в какую сторону развернуты идеограммы. Если применить данную методику к плите из Бахчи-Эли, то второй ряд идеограмм будет «читаться» слева направо, а в отношении первого и третьего ряда возможны два варианта. В случае стандартного «прочтения» слева — лежащие топоры должны выполнять сакральную роль, возможно, непригодного для работы предмета, или располагающегося в нижнем мире. Однако в данном случае возможен и бустрофедон, когда первый ряд будет читаться справа налево, второй — слева направо, а третий — вновь справа налево.

Однако возможен иной принцип в основе расположения знаков. Мифопоэтическое мышление исходит из четырехчастности горизонтальной структуры мира по направлениям света и трех- (иногда двух-) частности вертикальной оси мира или *Axis Mundi*. Лицевая сторона плиты наиболее полно отражает этот принцип, подобно мирозданию, в котором все связано между собой. Из аналогий в иконографии Северного Причерноморья наиболее наглядным примером вертикальной стратификации являются опоясанные антропоморфные стелы, где пояс делит изображение на две части вертикальной оси. С точки зрения когнитивистики, деление основано на известной когнитивной метафоре: добро — это верх, а зло — это низ, а мифопоэтическое сознание делит эту дихотомию на верхний и нижний миры.

Кроме того, в подобных изображениях возможно не просто разделение на верхний и нижний миры, а полная иллюстрация трехчастной картины мира. Крымские аналогии представлены, например, в наскальной росписи Таш-Аир, где в центре иконографии, состоящей из трех рядов, изображено дерево — один из символов, связывающих все три мира оси, а под корнями дерева — змея — хтонический символ, относящийся к нижнему миру. Если применить схему трехчастности к иконографии Бахчи-Эли, то человеческие фигуры располагаются во втором ряду — в среднем мире, ниже — два молота и два быка, если следовать интерпретации Б.А. Шрамко (1964), при этом бык является символом земли, а в верхнем ряду располагаются исключительно орудия труда, что было бы уместно в случае космогонического сюжета и реализации фрейма «преобразование мира». С другой стороны, топор часто фиксируется в иконографии Крыма и Северного Причерноморья в целом, как например, изображенный за поясом антропоморфных стел, и может выявлять связь с социальной системой, что отражается в фольклорных сюжетах с участием топора. Такое этнокультурное представление выражается в метафоре «власть — это молот».

Таким образом, выявленные когнитивные метафоры свидетельствуют о развитой концептуальной системе, которой оперировал человек эпохи бронзы. Область-источник в большинстве случаев моделируется как характеристиками горизонтальной (лево/право, впереди/позади), так и вертикальной (верх/низ) структуры космоса, но и отклонением от нормы: прямое/перевернутое положение, увеличение/уменьшение. В области-источнике также могут располагаться орудия труда, т.е. значимые (как и в случае с пространственными категориями) для древнего человека объекты окружающего мира, влияющие на качество его жизнедеятельности. Семантика изображения, в свою очередь, зависит от реализации области-цели, для которой наиболее актуальны устоявшиеся ассоциации. В области-источнике могут располагаться этические (как в случае с устоявшимся коррелятом добро-верх), социальные и другие концепты.

Литература

- Березкин, Дувакин, 2025 — Березкин Ю.Е., Дувакин Е.Н. Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам. Аналитический каталог. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin> (дата обращения: 10.01.2025).
- Герцен и др., 2021 — Герцен А.Г., Душенко А.А., Руев В.Л. Наскальное панно у с. Красный Мак в Крыму // МАИЭТ. 2021. № 26. С. 5–21.
- Козырева, Гуцин, 2022 — Козырева О.А., Гуцин И.А. Метафора и соотношение семантики и прагматики у Аристотеля // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 70. С. 110–118.
- Леви-Строс, 1994 — Леви-Строс К. Первобытное мышление. М.: Республика, 1994. 384 с.
- Меркулов, 2005 — Меркулов И.П. Когнитивные способности. М.: ИФ РАН, 2005. 182 с.

- Мифы народов мира, 1991 — Мифы народов мира. Энциклопедия: В 2-х т. / Гл. ред. С.А. Токарев. М.: Советская энциклопедия, 1991. [Электронный ресурс]. URL: https://archive.org/details/Myths_of_the_Peoples_of_the_World_Encyclopedia_Electronic_publication_Tokarev_and_others_2008 (дата обращения: 10.01.2025).
- Новикова, Шама, 1996 — Новикова М.А., Шама И.Н. Символика в художественном тексте. Символика пространства (на материале «Вечеров на хуторе близ Диканьки» Н.В. Гоголя и их английских переводов). Запорожье: Верже, 1996. 172 с.
- Трифонов, 2014 — Трифонов В.А. Дольмен Джубга на Черноморском побережье Кавказа // Записки ИИМК РАН. 2014. № 10. С. 104–131.
- Цивьян, 1974 — Цивьян Т.В. К семантике пространственных элементов в волшебной сказке (на материале албанской сказки) // Типологические исследования по фольклору. Сборник памяти В.Я. Проппа / Сост.: Е.М. Мелетинский, С.Ю. Неклюдов. М.: Наука, 1974. С. 191–213.
- Формозов, 1958 — Формозов А.А. Материалы к изучению искусства эпохи бронзы юга СССР // СА. 1958. № 2. С. 137–142.
- Шрамко, 1964 — Шрамко Б.А. Древний деревянный плуг из Сергеевского торфяника (В связи с проблемой возникновения пашенного земледелия в Восточной Европе) // СА. 1964. № 4. С. 84–100.
- Щепинский, 1963 — Щепинский А.А. Памятники искусства эпохи раннего металла в Крыму // СА. 1963. № 3. С. 38–47.
- Borg, 2001 — Borg E. An Expedition Abroad: Metaphor, Thought, and Reporting // Midwest Studies in Philosophy. 2001. Vol. 25. P. 227–248.
- Cassirer, 1955 — Cassirer E. The Philosophy of Symbolic Forms. Vol. 1: Language. New York: Yale University Press, 1955. 342 p.
- Goldhahn, 2002 — Goldhahn J. Roaring Rocks: An Audio-Visual Perspective on Hunter-Gatherer Engravings in Northern Sweden and Scandinavia // Norwegian Archaeological Review. 2002. Vol. 35. No. 1. P. 29–61. <https://doi.org/10.1080/002936502760123103>
- Fauconnier, Turner, 2002 — Fauconnier G., Turner M. The way we think: Conceptual blending and the mind's hidden complexities. New York: Basic Books, 2002. 464 p.
- Herva, Ikäheimo, 2002 — Herva V. P., Ikäheimo J. Defusing Dualism: Mind, Materiality and Prehistoric Art // Norwegian Archaeological Review. 2002. Vol. 35. No. 2. P. 95–108. <https://doi.org/10.1080/002936502762389729>
- Hesjedal, 1994 — Hesjedal A. The hunters' rock art in Northern Norway. Problems of chronology and interpretation // Norwegian Archaeology Review. 1994. No. 27. P. 1–14.
- Kövecses, 2024 — Kövecses Z. Figurative Construal in Prehistory: The Case of lion-man // Cultural Linguistics and (Re)conceptualized Tradition. Cultural Linguistics / Eds. J. Baranyiné Kóczy, V. Szelid. Singapore: Springer, 2024. https://doi.org/10.1007/978-981-97-6325-2_2
- Lakoff, Johnson, 1999 — Lakoff G., Johnson M. Philosophy in the flesh: The embodied mind and its challenges to the western thought. New York: Basic Books, 1999. 640 p.
- Lewis-Williams, 2001 — Lewis-Williams J.D. Monolithism and polysemy: Scylla and Charybdis in rock art research // Theoretical Perspectives in Rock Art Research / Ed. K. Helskog. Oslo: Novus Forlag, 2001. P. 23–39.
- Malone, 2008 — Malone C. Metaphor and Maltese Art: Explorations in the Temple Period // Journal of Mediterranean Archaeology. 2008. Vol. 21. No. 1. P. 81–109. <https://doi.org/10.1558/jmea.v21i1.81>
- Munn, 1973 — Munn N.D. Walbiri Iconography. Graphic Representation and Cultural Symbolism in a Central Australian Society. Ithaca and London: Cornell University Press, 1973. 234 p.
- Nye, 1999 — Nye D.E. Technologies of landscape // Technologies of Landscape: From Reaping to Recycling / Ed. D.E. Nye. Amherst: University of Massachusetts Press, 1999. P. 3–17.
- Pinker, 2008 — Pinker S. The stuff of thought: Language as a window into human nature. New York: Penguin Books, 2008. 499 p.
- Tilley, 1991 — Tilley Ch. Material Culture and Text. The Art of Ambiguity. London and New York: Routledge, 1991. 205 p.
- Tilley, 1999 — Tilley Ch. Metaphor and Material Culture. London: Blackwell, 1999. 316 p.

Iconography of the Stele from Bakhchi-Eli: Cognitive Aspect

Yulia V. Kozhukhovskaya³

The article focuses on cognitive analysis of the iconography of the stele from Bakhchi-Eli using the structural-semiotic approach. To set features of abstract thinking in the pre-historic period, the study identifies a number of frames and cognitive metaphors. The source-domains that follow from the characteristics of the image confirm the prevailing spatial-figurative type of thinking and indicate the realization of a wide range of target-domains of metaphors that imply the multi-layered semantics of the iconography.

Keywords: *Crimea, Bronze Age, Bakhchi-Eli, iconography, semiotics, cognitive metaphor*

---

3 Yulia V. Kozhukhovskaya — Herzen State Pedagogical University, 48/12 Moyka Emb., St. Petersburg, 191186, Russian Federation; V.I. Vernadsky Crimean Federal University, 4 Acad. Vernadsky Ave., Simferopol, 295007, Russian Federation; e-mail: jv-k@mail.ru; ORCID: 0000-0002-6057-5821.

МОРФОЛОГИЧЕСКИЙ И ИКОНОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ИЗОБРАЖЕНИЙ НА СТЕЛЕ ИЗ БАХЧИ-ЭЛИ

А.Е. Кислый, Р.А. Чикин¹

Стела из Бахчи-Эли — уникальный памятник энеолита — эпохи бронзы. Он также уникально сложен в смысле его познания. По условиям обнаружения его можно сравнить со стелами антропоморфного облика этого же периода. Большинство исследовательских вопросов датировки, культурной принадлежности остаются в области предположений. Однако бахчиэлинская стела имеет богатую пиктографическую фабулу. К ее пониманию авторы подходят с применением методологии психолингвистики. В конечном итоге это позволяет увидеть в памятнике цельный объект древней культуры, представить новую, наиболее полную версию прочтения пиктограммы.

Ключевые слова: Крым, стела из Бахчи-Эли, пиктограммы, методология, наррация, психолингвистика

<https://doi.org/10.31600/978-5-6052467-6-3.157-170>

Вопрос методологии интерпретации изображений, пиктограмм, орнограмм на памятниках эпохи энеолита — бронзы евразийской степи и лесостепи практически не разработан. Между тем, возможности «прочтения» конкретных мотивов/знаков изобразительного искусства бронзового века неоднократно и разными исследователями показаны и предпринимались достаточно успешно в случаях, когда изображения были реалистичны, увязаны в понимаемый сюжет (повествование), а смысл был подкреплён определенным уровнем знаний об исследуемом обществе, его культуре, в т.ч. экономике. То есть, предпринимаемые методы анализа в таких случаях были в целом исследователям понятны — они находятся в русле приемов историко-археологического, искусствоведческого познания.

При анализе сложных повествовательных изображений имеется необходимость дополнительного методологического обоснования реконструкций образов и смыслов. В качестве примера можно привести достаточно успешное изучение сложных древнейших изображений человека в первобытном искусстве, а также знаков-узоров керамики Триполья и др. В этих и подобных случаях исследователи отказываются от излишней интерпретации, понимания-расшифровки образов или даже вероятно видимых сюжетных линий (см.: Абрамова, 2010; Палагута, Старкова, 2023). Более того, в исследовании орнаментальных мотивов, «изобразительных текстов», в обсуждении вопросов интерпретации таковых, формируется и набирает популярность методология исключительно технически-декоративного анализа (см.: Палагута, 2012. С. 204).

В связи с затронутыми проблемами показательной выглядит находка, отметившая в 2024 г. свой столетний юбилей, — стела из Бахчи-Эли, обнаруженная в качестве перекрытия могилы во время раскопок Н.Л. Эрнстом курганов в Симферопольском районе. Несмотря на все современные достижения археологии эпохи

---

¹ Александр Евгеньевич Кислый, Роман Алексеевич Чикин — Институт археологии Крыма РАН, пр. Академика Вернадского, д. 2, Симферополь, Республика Крым, 295007, Российская Федерация; e-mail: kisly.a@mail.ru, roman.chikin.011@mail.ru; ORCID: 0000-0002-3324-6432.

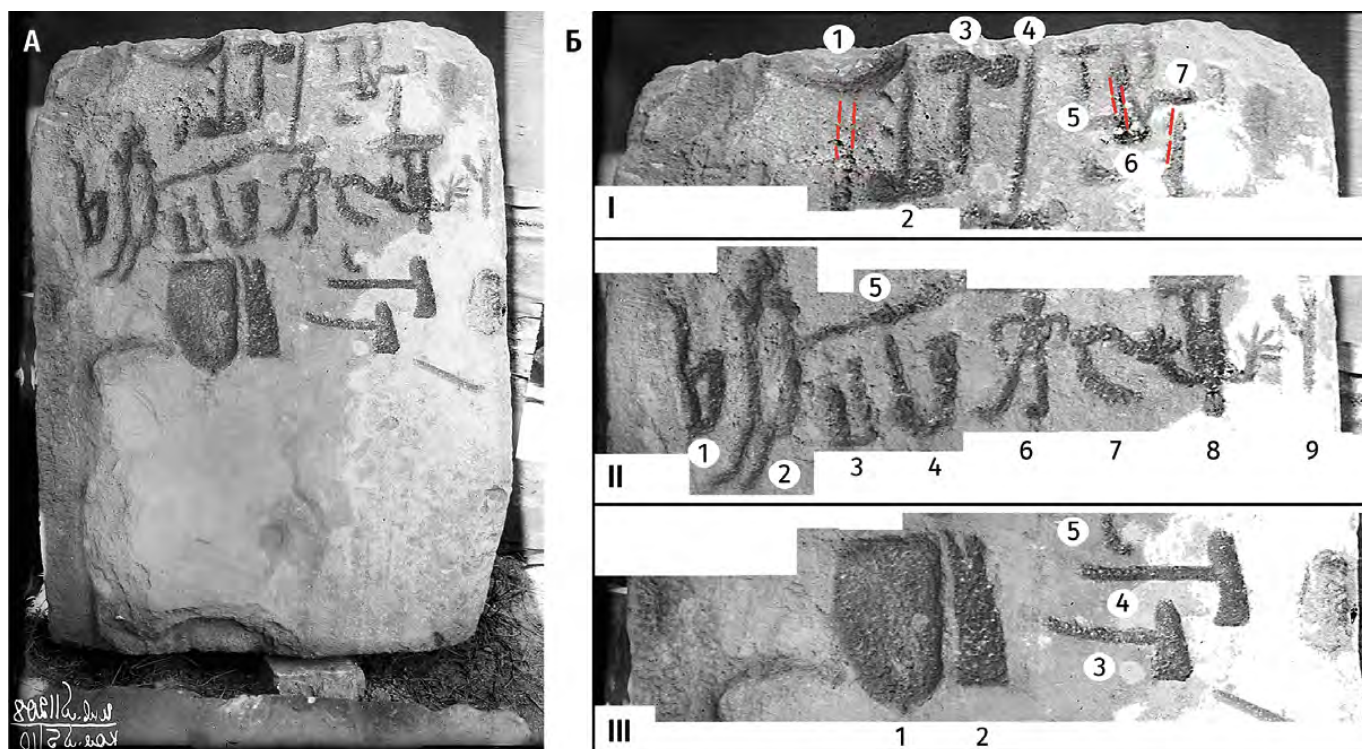
бронзы Крыма, по-прежнему отсутствуют однозначные решения по соотношению столь яркого памятника и конкретной археологической культуры, более-менее точной его датировки, пониманию обрядового смысла или же случайности положения стелы в качестве перекрытия в могилу. Проблематична также интерпретация инвентаря — двух сосудов из погребения.

К анализу изображений на стеле обращались многие известные исследователи, дополняя свои рассуждения так или иначе детализированными прорисовками изображений, чем в публикациях предшественников: А.М. Тальгрэн, А.А. Щепинский, А.А. Формозов, Б.А. Шрамко, В.С. Драчук, Г.Н. Тощев (*Talgren*, 1926; *Щепинский*, 1963; *Формозов*, 1958; *Шрамко*, 1964; *Драчук*, 1971; *Тощев*, 2007).

Как правило, у выше перечисленных авторов интерпретация изображений проведена на основе определения предметов-орудий в руках персонажей или рядом с ними. Но развернутые попытки анализа, исходя из взаимосвязи идеограмм в пиктограмме, к однозначному успеху не привели. Очевидно проблема, с которой сталкиваются исследователи, шире задач изучения искусства эпохи бронзы. Отсюда, в работах, посвященных первобытному искусству, все чаще встречаются иные, более конкретизированные подходы. Например, З.А. Абрамова так описывает принятую ею методику: «...анализ предметов проводится лишь на уровне дефиниции (что изображено), без возможной интерпретации (зачем, с какой целью, что это могло бы означать в глазах первобытного человека), т.е. сделана попытка объективного определения произведения, согласно его сюжету» (*Абрамова*, 2010. С. 9).

Обратимся к изучению бахчиэлинской стелы в составе музейной экспозиции Центрального музея Тавриды *ad vivo* (рис. 1). Основная цель исследования — отойти от стремления увидеть в идеограммах четкие образы, имеющие аналогии среди археологически известных предметов материальной культуры, или даже от вероятностных сюжетов. Трактовка последних вызывает немало сомнений у разных исследователей. Выбранный нами методологический подход позволяет решить несколько задач. Первая — абстрагироваться от иконографии и смысла отдельных изображений. Первоначально сделаем упор на комплексную морфологию. Вторая задача — рассмотрение частных и вероятных интерпретаций. Поиски возможных аналогий — необходимая в исследовании задача, однако в нашем случае наименее значимая.

Под морфологическим анализом мы подразумеваем, в первую очередь, изучение такой формы нанесенных изображений, которая доступна на уровне знаков письма или языка, мышления, сознания. Под иконографическим — особенности передачи изображений, их взаимосвязь друг с другом, поиск смыслов и значений, количества в едином, прочитываемом контексте. Таким образом, вначале мы предлагаем немного выйти за рамки традиционных искусствоведческих, археологических или этнографических подходов к анализу пиктограмм или просто изображений первобытных культур. При этом будут использованы достижения современной психолингвистики. Соглашаясь с большинством археологов-исследователей в вопросе смысловой связанности, «повествовательности» бахчиэлинской пиктограммы, обратимся к концепту лингвистического объективизма, возможности использования лингвистических моделей для анализа общественных явлений, культурных феноменов с использованием принципов структурализма (*Якобсон*, 1983; *Льюиз*, 2001. С. 253–254). Также важно иметь в виду достижения психолингвистики в теории восприятия текста. Отметим, что, несмотря на критику «буржуазного» вневременного метода лингвистики Фердинанда де Соссюра (*Будагов и др.*, 1954. С. 13–14), его идеи важны и сегодня, для решения поставленных нами задач — особенно. Он один из первых исследовал язык как форму, а не субстанцию.

Рис. 1. Лицевая (передняя) плоскость стелы из Бахчи-Эли (А) и изображения на ней (Б). Фото из архива Центрального музея Тавриды (КП-9005-11. Neg-1510-11), сделанное после находки стелы

Fig. 1. The face (front) plane a stele from Bakhchi-Eli (A) and images on it (B). Photo from Archive of the Central Museum of Taurida (KP-9005-11. Neg-1510-11), taken after discovering the stele

Для иллюстрации нашего подхода, обратим внимание на известную фразу, предложенную в 1920-е гг. акад. Л.В. Щербой, внесшим значительный вклад в теорию фонемы и в психолингвистику. Его искусственная фраза, в которой все корневые морфемы были заменены на несуществующие и бессмысленные сочетания звуков, иллюстрирует, что общий контекст озвученного или написанного может быть понятен, исходя исключительно из морфологии слов: «Глокая куздра штеко будланула бокра и куздрычит бокренка». Какое-то существо женского рода, что-то сделало с другим существом и проделывает иное действие с детенышем (Успенский, 1971. С. 200–202). Таким образом, морфологические признаки позволяют получить определенное представление о содержании этого предложения.

Важное слагаемое анализа — структура «текста». Как правило, структура подразумевает вводную часть, основную и заключительную. И, если в лингвистике текст есть результат, то в психолингвистике — это процесс, обеспечивающий «внутреннюю связанность» (Барина, Нестерова, 2021). Аналогично, к примеру, komponуются сюжеты мифов и преданий. В процессе сложения мифа, нарративной его жизни происходит неизбежное, исторически живое ответвление в сюжетных линиях, проявляются оппозиционные наррации. Подобное случалось и с пиктограммами, «открытыми» наскальными рисунками, вероятно, и с бахчиэлинскими. При этом жизненность (в пределах либо одной семьи, рода, племени, либо цивилизации) и цельность созданного обеспечивается канвой схожести образов вводной и заключительной части, общей узнаваемостью смыслов в рамках определенной культуры (при всей характерной аморфности общего повествования). Наконец, заключительная часть, как правило, несет признаки дидактичности, транслирует смыслы в сжатом виде. Иначе нарратив оказывается ситуативно значимым, но невостребованным в конкретных условиях жизнедеятельности. Психолингвистический процесс не получает ожидаемой значимости. Известная библейская наррация о жизни Якова выглядит одной из наиболее цельных и важных, несмотря на боковые линии сюжета потому, что отмеченные в начале особенности личности героя

находят в конце оправдание и смысл высшего уровня для конкретной этнической культуры, даже цивилизации, он — Израиль.

Аналогичным образом, обратимся к психолингвистическому «прочтению» внешнего смысла идеограмм-знаков на стеле из Бахчи-Эли. Для подкрепления принципиальной возможности такой методики сделаем еще несколько акцентов. Заметим, что подходы З.А. Абрамовой (искусствоведческий) и Л.В. Щербы (лингво-морфологический) сходны не как исследовательское абстрагирование, а как исследование/поиск наличия смысла, недоступного пока (или вовсе) исследователю. Многие ли исследователи высказывали мнения о повествовательности или сюжетности пиктограмм на бахчиэлинской стеле? Начиная от Н.Л. Эрнста, включая А.М. Тальгрена, А.А. Формозова, Б.А. Шрамко и др., все писали об этом, что для нас очень важно. Хотя при трактовке их мнения расходятся очень значительно — от реконструкций в рамках земледельческого культа умирания и воскрешения природы (Шрамко, 1964. С. 96–99) до противоборства кланов скотоводов. Отметим мнение А.А. Щепинского: «В комплексе все эти изображения носят характер повествования» (Щепинский, 1963. С. 43).

В рамках морфологического анализа, рассматривая лицевую (переднюю) сторону стелы, видим, что нанесенные изображения можно условно разделить на три ряда знаков: верхний, средний и нижний (**рис. 1/Б**). Структурно эти три ряда можно прочесть как: заглавие или вводную часть (без особой вариативности образов); наиболее широко повествовательным по стилю выглядит средний ряд; нижний, заключительный ряд — самый короткий.

В верхней части обозримого пространства лицевой (передней) части стелы представлен ряд из семи (шести?) чередующихся Т-образных символов: прямо стоящих и в перевернутом виде (**рис. 1/Б, I, 1–7**). Возможно, идеограмма отображает конкретное орудие или несколько конкретных орудий. Каких именно, для нас не важно — *de facto* логично законченный смысл или смыслы объединены «внутренней связанностью и цельностью», по И.А. Новикову (Баринова, Нестерова, 2021). Морфологический подход позволяет определить их оппозиционность, противопоставление, верх-низ, стоящее-опрокинутое. В иконографии первобытного общества добавляется — мертвое-живое. Поскольку в этом ряду иных изображений нет, ряд приобретает формальный вид орнамента, вероятно наносившегося на стелу в разных условиях, в разное время и, возможно, разными исполнителями. Тем более что стела после изображения основных крупных знаков была вертикально установлена (вкопана). Линия, по которую стела оказалась заглублена в землю (однако не сразу), видна на фото, публикуемом из архива Центрального музея Тавриды, но сделанном во время раскопок после опрокидывания ее тыльной стороной кверху из положения *in situ* над могилой. Заметим, что верхняя часть снимка просто испорчена — это неровный черный край (**рис. 2**). Возможно, знаки наносились справа налево. Справа они меньшего размера.

Разновременность нанесения знаков авторами, иногда в неудобном (и/или разном) положении рук, при разном освещении, во время обрядов в разном психо-эмоциональном состоянии и пр. согласовывается с формальной логикой сотворения мифа. Вместе с тем, орнаментоподобный ряд Т-образных знаков подразумевает ритмичность. Она, прежде всего, проявляется в четком чередовании постановки знаков — прямо и перевернуто. Социолингвистическое значение этих знаков в будущем отдельном исследовании может быть изучено специалистами в области палеолингвистических дискурсов в двух аспектах: синхроническом (в статике) и диахроническом (в динамике), однако наша задача несколько иная.

Рис. 2. Стела на месте раскопок после опрокидывания ее тыльной (обратной) стороной вверх из положения *in situ* над могилой. В правом нижнем углу — изображение верхних частей топориков и др. Фото из архива Центрального музея Тавриды (КП-9005-2. Neg-1510-2)

Fig. 2. The stele at excavation site after tipping it rear side (back) upwards from the *in situ* position over the grave. In lower right corner is an image of the upper parts of axes and others. Photo from archive of the Central Museum of Taurida (KP-9005-2. Neg-1510-2)

По этнографическим данным среди первобытных и традиционных сообществ широко известна практика использования ритма в культовых целях: танец, музыка, песнопения, рисунок и т.п. В орнаментации керамических сосудов эпохи бронзы чередование символов — распространенный прием. Рассматривая подобные мотивы не с точки зрения дизайнерской, художественной и не вдаваясь в предположения о конкретных семантических свойствах нанесенных изображений, можно полагать, что ритмический сюжет, наносимый на сосуды эпохи бронзы степей Северного Причерноморья и даже Евразии (как правило, под венчиком, в верхней его части), нашел «психолингвистическое» и социолингвистическое выражение также на рассматриваемом культовом объекте. О социолингвистике мы можем в случае с сосудами и исследуемой стелой говорить еще и потому, что не будет возражений против отнесения какого-то условного для нас ряда находок сосудов эпохи бронзы к определенному культурно-временному пространству, к одной или нескольким археологическим культурам. Разграничение изображений на зоны:

верхнюю, среднюю, иногда также нижнюю, — широко распространенный прием украшения сосудов как скотоводческих, так и земледельческих культур энеолита — эпохи бронзы. Вместе с тем, развитие орнаментально-знакового протописьма в срубной культуре получило среди прочих культур эпохи бронзы особое значение (Отрощенко, Формозов, 1988). Поэтому в орнаментации сосудов срубного времени как абстракцию среди прочих образцов орнограмм находим аналогичные Т-образные изображения, иногда напоминающие меандр, именно в верхней части сосудов (рис. 3, 1–3). Причем, распространены они зачастую в погребениях — так или иначе, в контекстах, тесно связанных с культовыми практиками (Цимиданов, 2010. С. 124; Кривцова-Гракова, 1954. Рис. 18). Таким образом, согласно нашему условно морфологическому прочтению пиктограмм из Бахчи-Эли верхний ряд идеограмм можно рассматривать, как «вступление» в изображенный далее сюжет.

Во втором ряду (рис. 1/Б, II) весьма четко прочитываются три антропоморфные сущности (рис. 1/Б, II, 2, 6, 8) и несколько знаков, расположенных между ними. Две правые антропоморфные фигуры воспринимаются по морфологическим признакам, т.е. структурно по значимым «внутренним частям» (NB! можно сказать, «по речевому звучанию»), так же как и вышеупомянутые орудия (Т-образные изображения): прямо и перевернуто расположенные (рис. 1/Б, II, 6, 8).

В последующем изложении еще в большей мере используем опыт Л.В. Щербы — уберем смыслы среднего ряда пиктограммы и оставим образные «морфемы» изображений. Итак, есть какие-то «куздры» — антропоморфные фигуры, потенциально живые сущности. Но «куздры» не одинаковы: наиболее близки две правые. Но и они находятся в абсолютно противоположном состоянии, «прямо» и «перевернуто», или: «куздр будлатор» и «куздр будланутый», — в состоянии жизни и смерти. Далее, «будлатор ораднуто штехаает» от «будланутого» в сторону «куздры» наибольшей по размеру — третья фигура слева (рис. 1/Б, II, 2). Отметим, голова этой фигуры заходит в пространство верхней линии повествования, а ноги — в пространство нижней линии. Морфология «куздры»-большой «говорит»: эта антропоморфная сущность по своей отстраненной позе и, главное, по сравнимым размерам выделяется, она и в социолингвистике абсолютно значима.

В третьем ряду находим четыре изображения. Крайние слева (рис. 1/Б, III, 1, 2) разноформатные, сложно определимы. Их пока не касаемся. Но два предмета справа определенно и точно аналогичны по форме (рис. 1/Б, III, 3, 4). Они сходны с Т-образными предметами начала повести. Но, как и положено для образования социальной значимости мифа, дидактического завершения повествования, эти знаковые (узнаваемые) предметы находим не в статическом, а в диахроническом, измененном аспекте. Логически это поясняется тем, что нижний уровень — это заключительная часть представленного сюжета, здесь противостояние заканчивается, что показывают снова возникшие, знакомые «зрителю» Т-образные изображения. Но теперь прежде декларируемое состояние жизнь-смерть завершилось, сущности рядом, в горизонтальной позиции, функциональной своей боевой частью в одном направлении.

Их две. Нам даже не важно, что для большинства археологов-специалистов — это боевые топоры. Важна морфа «два». Морфологически в центральном ряду пиктограммы «два» — это «будлатор» и «будланутый». Есть еще «два»: U-образные по форме предметы в среднем же ряду пиктограммы (рис. 1/Б, II, 3, 4). К ним направляется «куздр будлатор» после завершения «будлайства». На обратной (тыльной) стороне стелы среди разных знаков, в том числе вертикально стоящих, Т-образных, находим два горизонтально лежащих орудия, вероятно, топорика (рис. 4/А).

Рис. 3. Некоторые аналогии знакам на стеле из Бахчи-Эли: 1–3 — ритмическое чередование прямостоящих и перевернутых знаков, срубная культура (по: Цимиданов, 2010. С. 124; Кривцова-Гракова, 1954. Рис. 18); 4, 5 — образы змей и сосудов, трипольская культура (4 — Тимково (по: Телегин, 1994. С. 73–74); 5 — Слободка-Западная (по Патокова и др., 1989. С. 16, рис. 5)); 6–13 — образы культовых сосудов-вместилищ (6 — культура шаровидных амфор, Суемцы (по: Черныш и др., 1982. С. 319); 7 — трипольская культура, Офатинць/Выхватинцы (по: Мовша, 1991. С. 47); 8–12 — катакомбная культура: Нижнее Поднепровье, Предкавказье, Северский Донец (по: Братченко, 2007. С. 13, 106, рис. 2; 3); 13 — каменная культура, Каменка (по: Кислый, 2007. С. 117, рис. 1))

Fig. 3. Some signs analogies on the stele from Bakhchi-Eli: 1–3 — rhythmic alternation of upright and inverted signs, Srubna culture (after Цимиданов, 2010. С. 124; Кривцова-Гракова, 1954. Рис. 18); 4, 5 — images of snakes and vessels, Trypillian culture (4 — Timkovo (after Телегин, 1994. С. 73–74); 5 — Slobodka-Zapadnaya (after Патокова и др., 1989. С. 16, рис. 5)); 6–13 — images of cult receptacles (6 — Globular Amphorae culture, Suemtsy (after Черныш и др., 1982. С. 319); 7 — Trypillian culture, Ofatintsi/Vykhvatintsi (after Мовша, 1991. С. 47); 8–12 — Catacomb culture: Lower Dnieper region, Pre-Caucasus, Seversky Donets (after Братченко, 2007. С. 13, 106, рис. 2; 3); 13 — Kamenskaya culture, Kamenska (after Кислый, 2007. С. 117, рис. 1))

На этом можно закончить психолингвистический и социолингвистический анализы. Они достаточно красноречивы. Подчеркнем, что изображение орудий на условно обратной (тыльной) стороне стелы и на ее боковых гранях (**рис. 4**) расположены выше нами отмеченной линии, до которой в древности стела была установлена в грунт. Эти изображения («противостояние топоров», а также их расположение «рядом» в горизонтальном положении в средней части композиции на лицевой (передней) и обратной (тыльной) сторонах стелы) не противоречат основному сюжету, естественно, с допустимыми мифотворческими вариациями.

Если перейти к предположительной части прочтения пиктограммы, то в связи с изложенным выше в большой фигуре (социально знаковой) среднего ряда лицевой (передней) стороны можно увидеть какое-то женское божество (**рис. 1/Б, П, 2**). Победивший в сцене противостояния обращен в сторону этой, третьей фигуры. Кроме размеров она отличается и по характеру пластики. Различая ее антропоморфизм, можно отметить более широкие бедра, вероятно, немного выраженные груди, что и позволяет предположить женскую ипостась. О половом символизме при трактовке изображения может говорить ее левостороннее (женское) расположение по отношению к иным фигурам (мужским), рядом со знаком змеи (?). Знак выбит на самом левом краю средней строки (**рис. 1/Б, П, 1**). В литературе на многих примерах освещен вопрос о существовании ряда признаков, подчеркивающих половой символизм в первобытном искусстве, где прослежена взаимосвязь «левого», змеино-го с женской сущностью, в противопоставление «правому», мужскому (Кон, 1988. С. 177; Кислый, 2013. С. 123–124).

Иконография «женщина и змея» (в разных вариантах, включая сюжет «статуарная или сидящая поза женщины, рядом — змея») распространен во многих, порой не связанных ни географически, ни хронологически мировых культурах. Среди материалов традиционных культур преимущественно скотоводческого облика найти аналогии будет сложно, ибо там существовал запрет на реалистические изображения. Возможно, наиболее вероятные связи могли быть с Триполем или с иными северо-причерноморскими культурами, испытывавшими особое влияние трипольской, земледельческой. Так, в Северо-Западном Крыму обнаружена статуэтка серезлиевского типа у с. Заозерное (см.: Попова, 2016). В литературе специально подчеркивается особый стиль серезлиевских статуэток, однако не исключается, что «антропоморфная пластика возникла у степного курганного населения под влиянием Триполья» (Бурдо, 2018. С. 110).

На сосудах Триполья из разных частей ареала этой культуры иконография «змея прямостоящая» и женская фигура (иногда в соседнем «картуше») — явление частое: Майданецкое, Тальянки, Жванец, Бэдраджий Вець/Старые Бедражы, Ханкэуць/Ханкауцы, Бернашивка, Валя Лупулуй и др. Причем, имеются изображения змей подобно бахчиэлинской, т.е. в виде крючка. Обратим внимание на схожие сюжеты двух трипольских сосудов — из Слободки-Западной и Тимково (**рис. 3, 4, 5**). Д.Я. Телегин, описывая сосуды, обращает внимание на изображения, где статуарные женские фигуры показаны в присутствии змеевидных существ. Три линиями переданы согнутые в локтях руки (Телегин, 1994. С. 73–74). U-образные знаки на головах женщин исследователь трактует, как «шапки-короны», «змейки, образующие головной убор или прическу» (Там же). Наиболее четко двойные U-образные знаки видны на сосуде из Тимково: в них сверху устремляются потоки дождя (**рис. 3, 4**).

Если рассматривать иконографию изображения сосудов на керамике энеолита — эпохи бронзы, то в разных культурах имеются изображения сегментовидных, мешкообразных или подпрямоугольных емкостей: а) с прочерченной верхней линией края сосуда; б) емкостей такой же конфигурации без верхней линии, т.е. как

бы условно открытых. Чаще всего открытые свисающие емкости ассоциируются с облаками, женской грудью, к примеру, в культуре шаровидных амфор: Вольнь, Суемцы (Черныш, Массон, 1982. С. 319, табл. ХСVIII, 9); в Триполье: Дуруитоаря Ноуэ/Новые Дуруиторы (Палагута, 1998. С. 6, рис. 1, 10), могильник Офатинць/Выхватинцы (Черныш и др., 1982. С. 311, табл. ХС, 12) и др. (рис. 3, 6, 7). Если это подпрямоугольные емкости, то они с более устойчивым дном (Ковтун, 2016. Табл. 189, 8). Встречаются U-образные рисунки открытых сосудов также на керамике катакомбной и каменной культур. С.Н. Братченко сделал выборку катакомбной посуды с такими изображениями-овами (Братченко, 2007). Одна часть изображений передает положение сосудов устьем вверх (рис. 3, 11–13), другая — устьем вниз (рис. 3, 8–10). С.Н. Братченко писал, что между овами, что устьем вниз (рис. 3, 9, 10), расположены в орнаментальной композиции поля, растения и т.п. (Там же. С. 106). Возможно, образ поля передают также ромбические фигуры (в росписи и скульптурном исполнении) на некоторых бинокулярных сосудах трипольской культуры, располагаясь между четырьмя чашами (Энциклопедия..., 2004. С. 17, рис. 3; 160, рис. 1; 214, рис. 4). Можно предположить, что такие овы также обозначали сосуды, но в состоянии дарения небесной влаги земле. На керамике каменной культуры Крыма есть овы как устьем вверх, так и вниз (Кислый, 2007. С. 117, рис. 1). При этом в одном случае первые, вероятно, наполнены влагой и сверху закрыты крышками (рис. 3, 13). Такой элемент, как крышка над сосудах, возможно, присутствует и на бахчиэлинской стеле (рис. 1/Б, II, 5).

U-образные знаки на сосудах тимковской серии трипольской культуры размещены в верхней части фигуры, они иногда как бы заменяют или закрывают лицо. Но, если согласиться с исследователями, увидевшими поднятые вверх руки фигур (или одна поднята к голове, вторая упирается в бок — рис. 3, 5), если видеть окончание линий дождя, украшенных змеиными головками, устремляющихся сверху к двум сосудам (рис. 3, 4), то определяется четкая логическая линия взаимосвязей. Образ женщины с сосудом на голове, женщин, вызывающих дождь и т.п. в Триполье один из главных, только реализуется он в разных локусах трипольской культуры по-разному. Статуэтки, изображающие женщину с сосудом на голове, очень красноречивы, их форма в целом биконическая (Лука Врублевская). Одновременно известны трипольские сосуды биконической формы с витиеватыми змеиными узорами, которые специалисты связывают с антропоморфизмом женской фигуры (Видейко, 2014. С. 55). Очертания женских фигур, их одеяния в росписи сосудов, в графике на кости и в камне (обряд вызывания дождя и др.) также биконические — Брынзень III, Жванець (Мовша, 1991. С. 47), Бильче Злоте-Вертеба, Усатово. Биконическими выглядят в большинстве случаев загадочные бинокулярные сосуды. Некоторые из них со змеиными росписями. Сохранившаяся иконография «биконичность — верх-низ — лево-право — оппозиционная бинарность» помогает найти линию, выводящую к образу «два сосуда для даров», но разных, знаменующих добро и зло. Они могли «возноситься» над головой. Их парафраз — бинокулярные сосуды: лево-право, верх-низ.

Образ двух сосудов в мифологии достаточно востребован, но как бы тематически размыт именно этой востребованностью. В Ригведе в гимне «К Небу и Земле» «между двумя чашами мироздания, имеющими счастливое рождение, божественными, движется, как положено, чистый бог Сурья» (РГ. I. 160, 1)². Рядом — «радостно

2 Здесь и далее тексты приводятся по изданию: Ригведа. [В 3 т.]. Мандалы I–IV / Пер. Т.Я. Елизаренковой; отв. ред. П.А. Гринцер. М.: Наука, 1989. 768 с. (Литературные памятники).

прославляемые, близкие Ночь и Ушас, прекрасно убранные, <...> пусть усядутся вместе на жертвенную солому» (РГ. I. 142, 7). Ушас побеждает Ночь, она — подательница даров мироздания. Два сосуда даров найдут отражение в иконографии этого персонажа, но более поздней. В древнегреческой мифологии Эос держит в руках два сосуда. Она, как и Ушас, имеет сложные, двойственные отношения с другими богами, некоторые ей мстят (Индра, разбивая ее колесницу, в одном случае, Афродита — в другом). Ее значимость и условное равенство с богами-мужчинами подчеркивается тем, что богиня рассвета появляется на колеснице о двух лошадях. В мифологии латышей Усиньш — мужская ипостась, аналогичная Эос, Авроре, Ушас и др. Он также покровитель пары лошадей (отец двух сыновей, ему жертвуют «по два куса денег, два куса хлеба»), посылаемых и «в ночное», и на дневные работы. Здесь видится связь с близничными мифами (Blažek, 2012). Конечно, образ двух сосудов передает как дихотомию мироздания, верх-низа, света-тьмы, так и понятия о добре и зле, а значит и о разных дарах от богов. Зевс также черпает дары из двух сосудов, посылая смертным либо кару, либо милость.

Вполне возможно, что в случае с изображениями на сосудах трипольской культуры из Слободки-Западной и Тимково передана традиция вознесения над головой как раз таких двух сосудов. На рисунках видно, как в эти два сосуда устремляются потоки дождя — дары богов. Далее — изогнутые, крючкообразные изображения змей на сосудах, особенно из Тимково, подобны конфигурации бахчиэлинской змеи.

Итак, обращаясь к изображению на бахчиэлинской стеле в среднем ряду двух объектов U-образного очертания (рис. 1/Б, II, 3, 4), логично предположить, что в данном сюжете изображены сосуды для культовых возлияний, вероятно, двух разных, противоборствующих перед богами родов. Здесь и символика добра-зла, смерти-жизни, и возрождения. Относительно последней трактовки бахчиэлинской пиктограммы, однако немного в узком смысле (умирание и воскресение божества плодородия), очевидно, был прав Б.А. Шрамко (1964. С. 99). Прав был также А.А. Щепинский, увидевший культурный аналог двум фигурам из Бахчи-Эли в парных изображениях танцующих (противоборствующих в сюжетах близничной мифологии) на известной тогда стеле из Казанок (Щепинский, 1963. С. 42–43).

К сосудам на исследуемой стеле стремится живой победитель, рядом — фигура женского божества, побежденный — за его спиной, в прошлом. В одном из погребений майкопской культуры могильника Панагия 7 (курган 2, погребение 3)³ помимо характерных больших сосудов обнаружены небольшие спаренные сосудики такого же профиля, но явно культового назначения, возможно, связанные с мифологией противостояния, смерти и воскрешения. Подобные миниатюрные сосудики известны и в Триполье (поселение Розсохуватка). Тема двухступенчатого воскрешения при помощи мертвой и живой воды из разных сосудов, которые герой добывает, преодолевая опасности, широко известна в фольклоре. Известны также примеры мифологического воскрешения героя (в том числе двух братьев третьим) при вываривании в сосуде (см.: Пищенко, Цыганова, 2021. С. 111–112).

Учитывая вышеизложенное, в нижнем ряду на стеле из Бахчи-Эли пиктографически показано продолжение действия — непосредственно акт возлияния на жертвенник (могильный камень?) с целью примирения и воскрешения⁴. Культо-

3 Предварительное сообщение В.Н. Корневского и А.В. Суркова на семинаре «Археологические исследования памятников эпохи ранней и средней бронзы на юге России за период 2014–2024 гг.», 26–27 марта 2025 г., Краснодар.

4 См. в этом сборнике статью А.В. Мальгина и А.Е. Кислого.

вое возлияние на верхнюю плоскость стелы поднятой рукой проводится каким-то персонажем (женщина?) в длинном до пят одеянии (рис. 1/Б, III, 2). Переданные в иконографии очертания прямостоящей стелы, над которой совершается обряд, вполне логичны — она немного сужается книзу (рис. 1/Б, III, 1).

Высеченные на верхней грани углубления-лунки традиционно связывают с культовыми возлияниями, жертвоприношениями или сжиганиями благовоний (Драчук, 1971. С. 12–13; Формозов, 1958. С. 138). Их очевидно разновременное устройство и разновременное сжигание благовоний, к примеру, в честь рождения новых членов рода (что находило бы аналог с экономикой расширенного воспроизведения жизни, многочисленного потомства в соответствующих сообществах), дополнительно подчеркивает разновременность также основных изображений. Возможно, присутствовала попытка придать стеле антропоморфные черты. Спускающиеся от верхней грани перпендикулярно «поясу» длинные линии можно трактовать, как своеобразные, скрытые изображения опущенных по бокам рук (рис. 4). Однако отсутствие других признаков, характерных для антропоморфных изваяний Северного Причерноморья бронзового века, заставляет сильно усомниться в подобной интерпретации изображений на боковых гранях.

Заметим, что в связи с устоявшейся практикой реконструкций трех миров в разных первобытных мифологических системах можно подобное также предположить в трех строках бахчиэлинской стелы. Верхняя строка стелы — ввод

Рис. 4. Изображения на тыльной (обратной), боковых и верхней плоскостях стелы из Бахчи-Эли. Фото из архива Центрального музея Тавриды (КП-9005-4. Neg-1510-4), сделанное после находки стелы

Fig. 4. Images on the rear (back), sides and upper planes of the stele from Bakhchi-Eli. Photo from archive of the Central Museum of Taurida (КП-9005-4. Neg-1510-4), taken after discovering the stele

в повествование, а также верхний, мужской мир в образах противостояния. Средний мир — реальная жизнь, рассказ о противостоянии. Действие разворачивается справа налево, как и в первой строке. Фигура поверженного имеет ступни, и они обращены влево, влево направлен какой-то предмет в его руке. Идущий также обращен влево, наиболее четко это видно по ступням его ног. Далее сосуды наклонены влево к фигуре женщины, которая обращена также влево. Строку оканчивает изображение змеи влево. Нижняя строка — примирение в мужском мире, и проводимое женщиной жертвоприношение с надеждой на потомство.

В заключение нашего комплексного археолингвистического исследования следует подчеркнуть, что характер нанесенных изображений на разных гранях памятника имеет морфологическое и стилистическое отличие. Этот эффект, как уже отмечено, мы связываем с процессом и генезисом мифотворчества, а также с реалиями выполнения во времени изображений на бахчиэлинской стеле. Вместе с тем, наш анализ — единственный из представленных в специальной литературе, который объединяет в единое логически целое изображения на всех гранях памятника. Изображения на боковых гранях и на тыльной (оборотной) стороне стелы психолнгвистически выглядят как более поздние реплики основной темы с повторением образов противостояния и примирения (Т-образные знаки в разных вариациях, в т.ч. находящиеся в горизонтальном положении, рядом на тыльной (оборотной) стороне плиты). Повторы-реплики, вариативные наррации часто встречаются, как известно, в антропогонической мифологии. В целом, психолнгвистика и первобытное искусство — новое большое направление дальнейших исследований.

Литература

- Абрамова, 2010 — Абрамова З.А. Древнейший образ человека: Каталог по материалам палеолитического искусства Европы. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2010. 304 с.
- Баринова, Нестерова, 2021 — Баринова А.И., Нестерова Н.М. Основы психолнгвистической теории текста в трудах Л.В. Сахарного и А.И. Новикова // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики. 2021. № 2. С. 19–28.
- Братченко, 2007 — Братченко С.Н. Катакомбне «бароко» з овалами та петлями у системі орнаменталії // МДАСУ. 2007. № 8. С. 103–109.
- Будагов, 1954 — Будагов Р.А. Из истории языкознания (Соссюр и соссюрианство). Материалы к курсам языкознания / Под общей ред. В.А. Звегинцева. М.: Изд-во МГУ, 1954. 32 с.
- Бурдо, 2018 — Бурдо Н. Антропоморфная пластика курганных погребений раннего бронзового века в Буго-Днепровском междуречье и Поднепровье // *Tyragetia*, s.n. 2018. Vol. XII [XXVII], nr. 1. С. 97–114.
- Відейко, 2014 — Відейко М. Світ Трипілья. Давні хлібороби між Карпатами і Дніпром. Київ: Laurus, 2014. 64 с.
- Драчук, 1971 — Драчук В.С. Шаг в неведомое. Симферополь: Крым, 1971. 100 с. (Археологические памятники Крыма).
- Енциклопедія..., 2004 — Енциклопедія Трипільської цивілізації в 2 т. / голова редкол. Л.М. Новохатько. Т. 1, кн. 1 / Н.Б. Бурдо [та ін.]; гол. ред. М.Ю. Відейко. Київ: Укрполіграфмедіа, 2004. 704 с.
- Кислий, 2007 — Кислий О.Е. Ідеологічні погляди та мистецтво населення кам'янської культури Східного Криму і суміжних регіонів // МДАСУ. 2007. № 8. С. 176–184.
- Кислый, 2013 — Кислый А.Е. Система начал, трансформаций и завершения истории. Аннигиляция человека, истории, культуры. Киев: Скиф, 2013. 372 с.
- Ковтун, 2016 — Ковтун И.В. Андроновский орнамент (морфология и мифология). Казань: Казанская недвижимость, 2016. 547 с.
- Кон, 1988 — Кон И.С. Ребенок и общество. М.: Наука, 1982. 270 с.

- Кривцова-Гракова, 1955 — Кривцова-Гракова О.А. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. М.: Изд-во АН СССР, 1955. 164 с. (МИА; Вып. 46).
- Льюиз, 2001 — Льюиз Д. Общая семантика // Семиотика: Антология / Сост. Ю.С. Степанов. Изд. 2-е. М.: Академический Проект, 2001. С. 253–284.
- Мовша, 1991 — Мовша Т.Г. Антропоморфные сюжеты на керамике культур трипольско-кукутенской общности // Духовная культура древних обществ на территории Украины / Отв. ред. В.Ф. Геннинг. Киев: Наукова думка, 1991. С. 37–47.
- Отрощенко, Формозов, 1988 — Отрощенко В.В., Формозов А.А. К проблеме письменности у племен Северного Причерноморья в эпоху раннего металла // *Studia Praehistorica*. Sofia, 1988. Т. 9. С. 147–178.
- Палагута, 1998 — Палагута И.В. К проблеме связей Триполья-Кукутени с культурами энеолита степной зоны Северного Причерноморья // РА. 1998. № 1. С. 5–15.
- Палагута, 2012 — Палагута И.В. Мир искусства древних земледельцев Европы (культуры балкано-карпатского круга в VII–III тыс. до н.э.). СПб.: Алетейя, 2012. 336 с.
- Палагута, Старкова, 2023 — Палагута И.В., Старкова Е.Г. О подходах к исследованию древних орнаментов: организация композиции как показатель культурных изменений // Связи и взаимоотношения культур Циркумпонтийского региона: материалы конференции, посвященной памяти А.Ю. Скакова / Отв. ред. А.Н. Гей. М.: ИА РАН, 2023. С. 93–100.
- Патокова и др., 1989 — Патокова Э.Ф., Петренко В.Г., Бурдо Н.Б., Полищук Л.Ю. Памятники трипольской культуры в Северо-Западном Причерноморье. Киев: Наукова думка, 1989. 144 с.
- Пищенко, Цыганова, 2021 — Пищенко С.В., Цыганова И.В. Сосуд в мифологической традиции: атрибут бога и актер инициации героя // Общество: история, философия, культура. 2021. № 11. С. 108–113.
- Попова, 2016 — Попова Е.А. Антропоморфная статуэтка из кургана эпохи бронзы некрополя у поселка Заозерное в Северо-Западном Крыму // Исторический журнал: научные исследования. 2016. № 6. С. 703–709.
- Телегин, 1994 — Телегин Д.Я. Образ змееликой богини в Триполье // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н.э. — V в. н.э.): Материалы междунар. археол. конф., 10–14 октября 1994 г. / Отв. ред.: Е.В. Яровой, М.Т. Кашуба. Тирасполь: Типар, 1994. С. 73–74.
- Успенский, 1971 — Успенский Л.В. Слово о словах. Л.: Детская литература, 1971. 231 с.
- Формозов, 1958 — Формозов А.А. Материалы к изучению искусства эпохи бронзы юга СССР // СА. 1958. № 2. С. 137–142.
- Цимиданов, 2010 — Цимиданов В.В. Орнаментация керамики срубной культуры: социальный и половозрастной аспект // АА. 2010. № 21. С. 120–139.
- Черныш, Массон, 1982 — Черныш Е.К., Массон В.М. Энеолит Правобережной Украины и Молдавии // Энеолит СССР / Отв. ред.: В.М. Массон, Н.Я. Мерперт. М.: Наука, 1982. С. 165–320 (Археология СССР).
- Шрамко, 1964 — Шрамко Б.А. Древний деревянный плуг из Сергеевского торфяника (В связи с проблемой возникновения пашенного земледелия в Восточной Европе) // СА. 1964. № 4. С. 84–100.
- Щепинский, 1963 — Щепинский А.А. Памятники искусства раннего металла в Крыму // СА. 1963. № 3. С. 38–47.
- Якобсон, 1983 — Якобсон Р. В поисках сущности языка / Пер. с англ. В.А. Виноградова, А.Н. Жиринского // Семиотика / Сост., вступ. статья и общ. ред. Ю.С. Степанова; под ред. Н.Н. Попова. М.: Радуга, 1983. С. 102–117.
- Blažek, 2012 — Blažek V. Latvian *Ūsiņš* 'bee-god and patron of horses' // *Baltistica*. 2012. Vol. XLVII (2). P. 359–366.
- Tallgren, 1926 — Tallgren A.M. La Pontide préscythique après l'introduction des métaux. Helsinki, 1926. 248 p. (ESA. T. II).

Morphological and Iconographic Analysis of the Images on the Stele from Bakhchi-Eli

Aleksandr E. Kisly, Roman A. Chikin⁵

The stele from Bakhchi-Eli is a unique monument of the Eneolithic — Bronze Age. However, it is also unique complex in terms of its study. Based on the conditions of its discovery, it can be compared to anthropomorphic stelae from the same period. In such cases, most of the essential research questions (dating, cultural attribution) remain speculative. However, the Bakhchi-Eli stele features a rich pictographic narrative. The authors approach its interpretation using psycholinguistic methodology. Ultimately, this allows for the recognition of the monument as an integral object of ancient culture.

Keywords: *Crimea, Bakhchi-Eli stele, pictograms, methodology, narration, psycholinguistics*

---

5 Aleksandr E. Kisly, Roman A. Chikin — Institute of Archaeology of Crimea of the RAS, 2 Acad. Vernadsky Ave., Simferopol, Crimea Republic, 295007, Russian Federation; e-mail: kisly.a@mail.ru, roman.chikin.011@mail.ru; ORCID: 0000-0002-3324-6432.

СТЕЛЫ И МЕНГИРЫ КАК ЭЛЕМЕНТ МОГИЛЬНИКОВ ИЗ КАМЕННЫХ ЯЩИКОВ КИЗИЛ-КОБИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ГОРНОМ КРЫМУ

В.А. Тихомиров¹

Среди памятников Горного Крыма раннего железного века монументальностью и «мегалитическим характером» отличаются могильники из каменных ящиков кизил-кобинской культуры. История их изучения насчитывает более 100 лет. Системные раскопки таких могильников с последующей публикацией их результатов были начаты Н.И. Репниковым в начале XX в. На сегодняшний день число исследованных памятников многократно возросло, однако лишь на единичных обнаружены стелы или менгиры. Это явление требует своего осмысления. Работа посвящена краткому обобщению известных материалов, а также попытке установить закономерность или спорадичность установки стел и менгиров на могильниках из каменных ящиков кизил-кобинской культуры.

Ключевые слова: Горный Крым, ранний железный век, кизил-кобинская культура, могильники, курганы, каменные ящики, менгиры, стелы

<https://doi.org/10.31600/978-5-6052467-6-3.171-183>

О наличии стел и менгиров в горной части Крыма в форме предположения поведала еще М.А. Сосногорова в работе 1875 г. Она писала о группе «дольменов», количеством около 40, которая была обнаружена на территории мыса Ай-Тодор: «очень многие совершенно разрушены. Огромные камни, которые могли служить менгирами, лежат здесь опрокинутыми и наверное нельзя сказать точно ли это были менгиры или эти глыбы попали сюда случайно». Сообщала она не только о гипотетических менгирах, но и о настоящих, сохранившихся до настоящего времени, например «Скельских менгирах» в Байдарской долине (Сосногорова, 1875. С. 273).

Ю.Д. Филимонов, описывая «дольмены» Байдарской долины, писал, что «по углам ограды дольмена встречаются большие камни, до 1,5 аршина вышины и толщины» (Филимонов, 1879. С. 223). Речь идет о камнях, видимо установленных вертикально, более 1 м высотой. Их назначение в качестве менгиров является гипотетическим.

Рассмотрим эти материалы, но прежде остановимся на терминологии. В настоящей работе для описания древних каменных объектов (стелы или менгиры) использована терминология, которая также применялась исследователями, впервые их обнаружившими и описавшими. Так, «менгир» — это отдельно стоящий вертикальный камень без изображений и надписей (Брей, Трамп, 1990. С. 155; Буров, 2006а. С. 149; Матюшин, 1996. С. 136; Darvill, 2008. Р. 277; Kipfer, 2021. Р. 845). Близкое определение давал и В.С. Ольховский: «менгир — это грубо обработанный каменный блок удлиненных пропорций без выраженных иконографических особенностей, не несущий антропоморфных или иных изображений» (Ольховский, 2005. С. 16). Термин «стела» подразумевает наличие на камне изображений, резьбы или надписей (Брей, Трамп, 1990. С. 232; Буров, 2006б. С. 252; Darvill, 2008. Р. 434; Kipfer, 2021. Р. 1306–1307).

¹ Виталий Александрович Тихомиров — Институт археологии Крыма РАН, пр. Академика Вернадского, д. 2, Симферополь, Республика Крым, 295007, Российская Федерация; e-mail: tihomirov.va1985@gmail.com; ORCID: 0009-0008-9290-1020.

Моги́льники из каменных ящиков, стелы и менгиры Горного Крыма

К давно известным и довольно монументальным памятникам принадлежит **Алуштинский кромлех** («Курган с кромлехом Томалах-Ташлар», «Кромлех Трахтенберга»), расположенный вблизи г. Алушта (**рис. 1, 4; 2**). Первое научное исследование кургана, сопровождаемое небольшими раскопками, проводилось В.Ф. Миллером в 1886 г. Памятник он описывал как невысокий курган, около 9 аршин в диаметре, укрепленный в основании кольцом из огромных, поставленных на ребро 29 камней. Исследователь также писал о некоем камне «в виде столба» высотой в 1,4 м (Миллер, 1888. С. 126). Видимо, об этом же камне, уставленном вертикально, позднее сообщил и Е.В. Веймарн (Веймарн, 1947. С. 39–40). Датировка кромлеха вызывает затруднение из-за отсутствия достаточных и достоверных археологических материалов. А.А. Щепинский датировал обнаруженную В.Ф. Миллером лепную керамику III–II тыс. до н.э., а возраст самого кромлеха определял в 4,5–5 тыс. лет (Щепинский, 1993б). Единственный определимый материал был получен Е.В. Веймарном, который расчистил «раскоп» В.Ф. Миллера и обнаружил глазчатую бусину, а также стеклянную подвеску пирамидальной формы (Веймарн, 1947. С. 40). Согласно определению сотрудника отдела археологии раннего железного века ИА Крыма РАН А.В. Лысенко, они относятся к типу 54в бус из полихромного стекла и типу 112 бус из монохромного стекла, по Е.М. Алексеевой, и характерны для IV–III вв. до н.э. (Алексеева, 1975. С. 65; 1978. С. 69)². Если допустить, что данные находки связаны с сооружением либо функционированием кромлеха, то в таком случае его, скорее, следует относить к раннему железному веку, чем к эпохе бронзы.

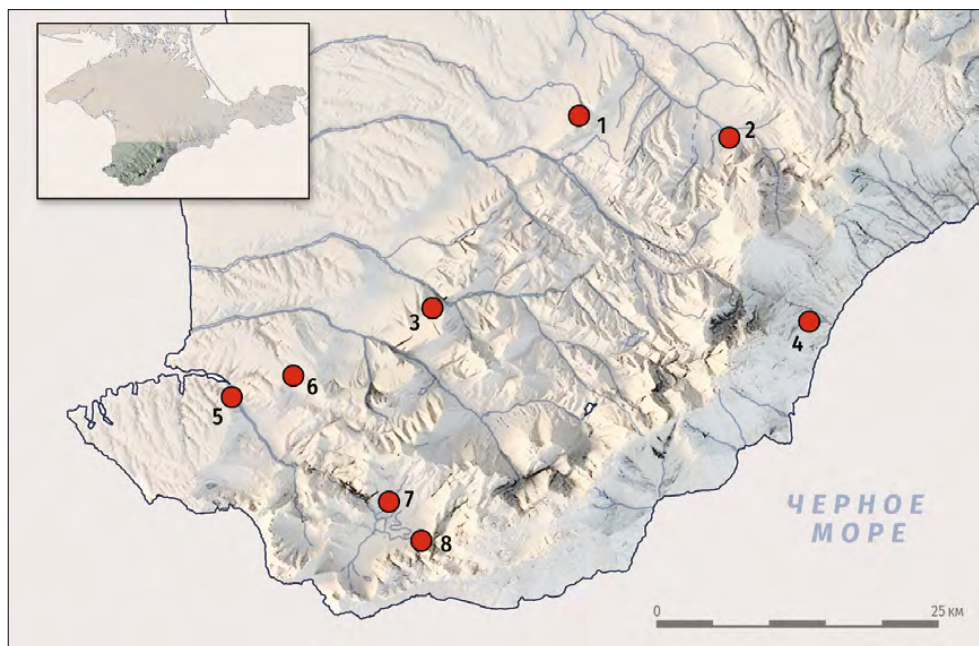
Черкес-Керменский могильник («Моги́льник «2-й кордон», «моги́льник у с. Крепкое») расположен в окрестностях г. Севастополь, на землях Балаклавского муниципального округа (**рис. 1, 6**). В 1930–1932 гг. археологической экспедицией Музея антропологии и этнографии АН СССР были проведены раскопки Черкес-Керменского могильника из каменных ящиков, под руководством С.А. Семёнова-Зусера. Всего было исследовано 27 ящиков, отнесенных А.М. Лесковым к среднему этапу (VI–V вв. до н.э.) таврской культуры (Лесков, 1965. С. 67). Часть ящиков этого могильника принадлежит к более раннему времени. Планировка могильника преимущественно линейная — каменные ящики расположены в ряд и заключены в ограды из плит, вкопанных в землю. Каждый такой ряд ящиков с оградой был назван «грядой» и получил особое буквенное обозначение. У С.А. Семёнова-Зусера было интересное наблюдение о конструктивной особенности могильника: по углам оград каменных ящиков, преимущественно в северной части, зафиксированы большие, вытянутые вверх, «камни вроде менгиров», высотой 1 м и более (см.: Семёнов-Зусер, 1940. С. 148).

Алимовский могильник расположен вблизи с. Баштановка Бахчисарайского района (**рис. 1, 3**). А.А. Щепинским над верховьями Алимовой балки, на плато выявлено четыре могильника³ из каменных ящиков раннего железного века. В 1955 г. на Первом Алимовском могильнике им было исследовано восемь частично разрушенных каменных ящиков⁴. Автор раскопок датировал памятник VI–V вв. до н.э. К моменту раскопок на современной дневной поверхности были видны только верхние грани их боковых плит. Какими-либо надземными сооружениями они

² Выражаю признательность А.В. Лысенко за предоставленную информацию.

³ Возможно, что речь идет о четырех группах каменных ящиков одного могильника.

⁴ На стенках некоторых каменных ящиков Первого Алимовского могильника обнаружены резные геометрические рисунки и знаки.

Рис. 1. Карта Юго-Западной части Крыма с обозначением основных памятников, упоминаемых в тексте: 1 — могильник Таш-Джарган; 2 — Аянский могильник; 3 — Алимовский могильник; 4 — Алуштинский кромлех; 5 — могильник Уч-Баш; 6 — Черкес-Керменский могильник; 7 — могильник Уркуста I; 8 — Скельские менгиры

Fig. 1. Map of the South-West Crimea with the main monuments mentioned in the text: 1 — Tash-Jargan burial ground; 2 — Ayan burial ground; 3 — Alimov burial ground; 4 — Alushta cromlech; 5 — Uch-Bash burial ground; 6 — Cherkes-Kermen burial ground; 7 — Urkusta I burial ground; 8 — Skelsky menhirs

не сопровождалось. Но в засыпи каменного ящика № 2, около его СВ стенки зафиксирована вертикальная «погрудная антропоморфная стела» (рис. 3, 1).

Стела представляет собой относительно небольшой ($0,75 \times 0,15 \times 0,15$ м) уплощенный камень, на одной из продольных граней которого небольшим полукруглым, слегка подработанным уступом выделена голова (рис. 3, 1, 2). О материале стелы ничего не известно, но выяснено, что стенки каменных ящиков состояли из необработанных плит местного эоценового известняка (Щепинский, 1993а. С. 30–32). По мнению А.А. Щепинского, подобные антропоморфные «примитивы» характерны для населения Горного Крыма в раннем железном веке (Щепинский, 1993а. С. 32; 1966. С. 136–137). В самом ящике № 2, под разрушенным скелетом обнаружен слой золы мощностью 12 см, насыщенной фрагментами лепной посуды, пещины, костями домашних животных. На дне всех изученных ящиков лежали перемешанные и сильно измельченные кости людей. Исходя из количества черепов, зубов и других костей, число погребенных в одном каменном ящике могло быть от одного до пяти человек.

В данном случае обстоятельства обнаружения (в засыпи ящика) и сама форма изваяния могут свидетельствовать, скорее, о вторичности использования изваяния более раннего времени. Возможно, что в раннем железном веке было использовано антропоморфное изваяние раннего бронзового века. Если судить по опубликованному изображению, то была использована верхняя часть антропоморфного изваяния, нижняя часть которого отсутствовала. Дополнительным аргументом, что это был именно фрагмент, может являться его размер, так как при такой ширине изваяния (0,75 м) сложно представить, как его можно было вертикально установить (рис. 3, 1, 2). В качестве аналогии этому изваянию можно привести антропоморфную стелу из с. Верхоречье. Она также имеет уплощенную форму и выделенную в форме полукруга голову в верхней части (рис. 3, 3), но есть и отличия: на ней представлены изображения лица, рук и масса других деталей, а материалом для нее служил диорит (Черняков, 2005. Рис. 1). Кроме того, среди каменных ящиков Четвертого Алимовского могильника найдена относительно большая ($1,6 \times 0,65 \times 0,2$ м), уплощенная, «менгироподобная» известняковая плита с выгравированным на ней рисунком (рис. 4, 2). Сюжет рисунка неясен (Щепинский, 1993а. С. 33).

Рис. 2. Алуштинский кромлех.
Фото автора, 2022 г.

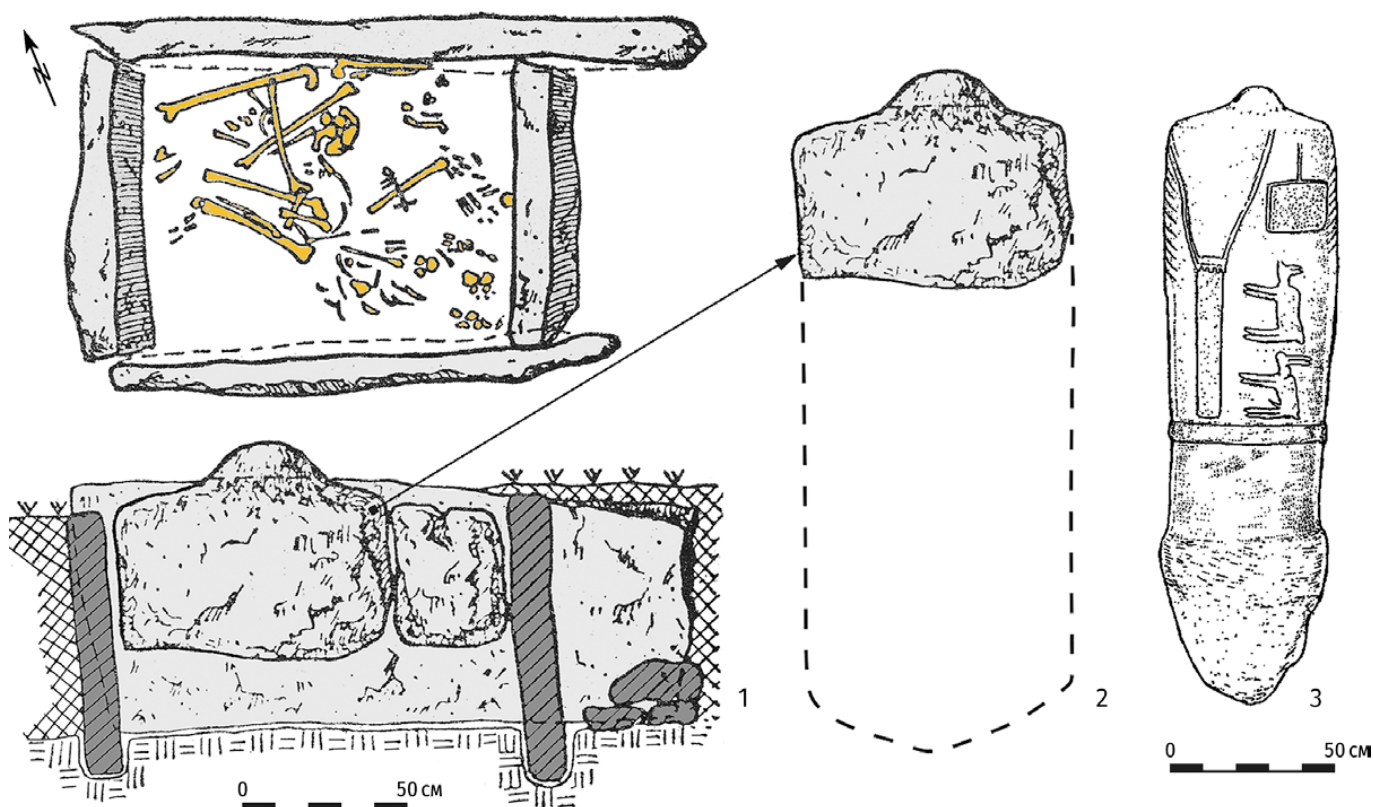
Fig. 2. The Alushta cromlech.
Photo by the author, 2022

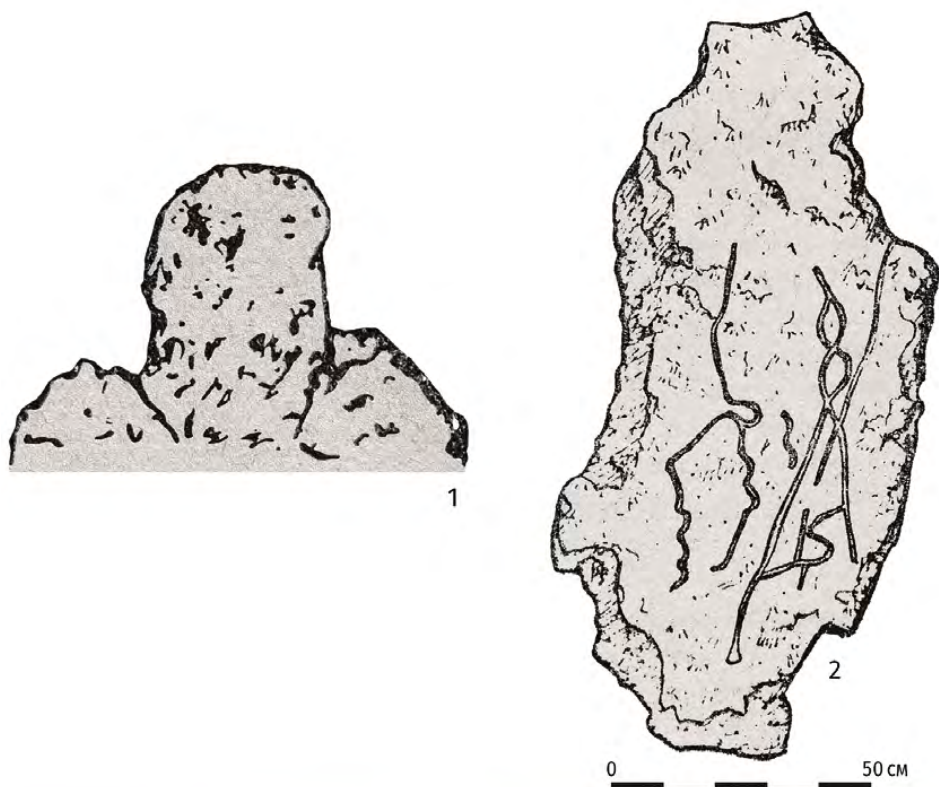
Рис. 3. 1, 2 — Первый Алимовский могильник (1 — план и разрез каменного ящика с антропоморфной стелой (по: Щепинский, 1993а); 2 — фрагмент антропоморфной стелы с реконструкцией ее нижней части; 3 — стела из Верхоречья, обратная сторона (по: Черняков, 2005)

Fig. 3. 1, 2 — the First Alimov burial ground (1 — plan and section of a stone cist with an anthropomorphic stela (after Щепинский, 1993а); 2 — fragment of an anthropomorphic stela with reconstruction of its lower part; 3 — stela from Verkhorechye, reverse side (after Черняков, 2005)

На основе этих данных в своей работе А.А. Щепинский сделал вывод, что в раннем железном веке в Крыму у местного населения существовал обычай устанавливать над погребениями примитивные антропоморфные надгробия в виде укороченного бюста. Они являлись составной частью могильной ограды (на таких могильниках как Уч-Баш, Таш-Джарган, Петрово и др.), а с V–IV вв. до н.э. устанавливались около каменных ящиков с коллективными захоронениями (Там же. С. 32).

Рис. 4. 1 — антропоморфная стела, могильник Таш-Джарган (по: Щепинский, 1966); 2 — «менгироподобная» плита, Четвертый Алимовский могильник (по: Щепинский, 1993а); 3, 4 — могильник Уркуста I (3 — менгир (по: Лесков, 1965); 4 — А.М. Лесков с коллегой на фоне менгира (по: Лесков *та ин.*, 2019))

Fig. 4. 1 — anthropomorphic stele, Tash-Jargan burial ground (after Щепинский, 1966); 2 — “menhir-like” slab, Fourth Alimov burial ground (after Щепинский, 1993а); 3, 4 — Urkusta I burial ground (3 — menhir (after Лесков, 1965); 4 — Alexander M. Leskov and his colleague no the background of a menhir (after Лесков *та ин.*, 2019))

Могильник Таш-Джарган. Памятник расположен в окрестностях г. Симферополь, к ЮВ от с. Чистенькое (рис. 1, 1). На территории могильника из каменных ящиков в урочище Таш-Джарган, исследованного А.А. Щепинским в 1950-х гг., особо выделяется его западный участок, который, по мнению автора раскопок, предположительно принадлежал варварской «знати». На нем отмечено 12 погребальных сооружений, представляющих собой небольшие, диаметром 4,5–9,0 м кромлехи, либо прямоугольные ограды, сделанные из крупных необработанных камней, установленных в один ряд в небольшие ровики. В пределах одной из таких оград, под

слоем камней в неглубокой могильной яме зафиксированы три скелета. Найденный инвентарь в виде фрагментов лепных сосудов, раковин каури, бронзовых колец, браслетов, пронизей и булавок позволяет датировать погребения VII–VI вв. до н.э. (Щепинский, 1966. С. 137).

В северной части кромлеха обнаружено большое, возвышающееся над другими камнями схематическое изображение верхней части человеческого туловища. Оно представляет собой слегка обработанный плоский камень размерами 1,0×0,9×0,25×0,30 м. Легкой обработкой выделены голова, шея, плечи (рис. 4, 1). Рядом с «надгробием», с его внешней северной стороны найдены около полутора десятков фрагментов лепных сосудов.

По мнению А.А. Щепинского, подобные камни, имевшие вид антропоморфных надгробий, устанавливались в головах или ногах наиболее влиятельных и почитаемых погребенных лиц в знак обожествления умершего. С этой же целью у надгробий совершались некие религиозные обряды, чем объясняется наличие у их основания обломков лепных сосудов. А сами ограды могли символизировать собой жилища душ умерших. Вся же конструкция в целом могла представлять собой примитивный храм с изваянием божества (Там же. С. 37). Данное «надгробие» при условии, что его форма является рукотворной, можно отнести к категории антропоморфных стел.

Могильник Уркуста I. В 1956–1957 гг. отрядом под руководством А.М. Лескова Крымской первобытной экспедиции ИА АН УССР (начальник экспедиции — С.Н. Бибилов) был исследован могильник из каменных ящиков Уркуста I (Лесков, 1957. Л. 1; Лесков та ин., 2019. С. 5). Памятник расположен в Байдарской долине вблизи с. Передовое (до 1945 г. — с. Уркуста) (рис. 1, 7). В результате работ была раскопана одна из насыпей-гряд, перекрывавшая девять каменных ящиков, окруженных оградой четырехугольной формы. Археологический материал датирован IV–III вв. до н.э.

В ЮВ части ограды ящика № 4 найден упавший менгир (высотой 1,4 м), основание которого сохранилось *in situ* (рис. 4, 3, 4). Показательно, что менгир находился в ограде ящика № 4, так как согласно реконструкции А.М. Лескова возведение каменной гряды и строительство последующих ящиков шло в обе стороны от центрального ящика № 4. То есть этот ящик был первым по времени строительства погребальным сооружением в данной гряде. Сам ящик среди остальных комплексов выделялся значительными размерами, отдельной оградой и наличием менгира, служившего «памятником» (то есть «монументом». — В.Т.) (Лесков, 1960. С. 75; 1965. С. 82; 1957. Л. 2, 8). Очевидна особая «значимость» ящика № 4, отмеченного менгиром. Высказано предположение о том, что каждая такая гряда из ящиков могла использоваться для захоронений представителями отдельного рода. А менгир, установленный у ящика № 4, свидетельствовал о высоком социальном статусе человека, первым в нем погребенного (Лесков, Кравченко, 2007. С. 20).

Могильник Уч-Баш. Памятник находится недалеко от одноименного городища, в месте впадения р. Черной в Севастопольскую бухту (рис. 1, 5). Материалы раскопок могильника Уч-Баш фактически остались неопубликованными, а его датировка вызывает споры среди исследователей. А.М. Лесков относил его к раннему этапу таврской культуры⁵ (IX–VIII вв. до н.э.) и считал синхронным одноименному поселению (Лесков, 1965. С. 50–51). По мнению Э.А. Кравченко, могильник Уч-Баш

5 Исследователь таврскую культуру соотносил с кизил-кобинской культурой (Лесков, 1965. С. 12, 191–192).

не связан с одноименным поселением и относится к VI–IV(III) вв. до н.э. (Кравченко, 2011. С. 104, 240).

Раскопки могильника проведены в 1953–1954 гг. силами отряда Е.Н. Жеребцова Гераклейской археологической экспедиции Херсонесского музея под руководством С.Ф. Стржелецкого. Было исследовано 10 каменных ящиков, заключенных в каменные ограды. Е.Н. Жеребцов особо отметил одну из особенностей памятника — в центральных частях ограды ящиков, с южных сторон (в изголовьях погребенных) установлены массивные, широкие, толстые плиты, сильно отличающиеся по размерам от остальных камней оград. Как правило, они на 20–30 см возвышаются над плитами ящиков, а их верхняя часть имеет округлое очертание (Сессия..., 1955. С. 189–190; Сапулкина, 2022. С. 145).

Аянский могильник. В 2023 г. экспедицией ИА Крыма РАН под руководством автора статьи был исследован Аянский могильник, расположенный между отрогами нижнего плато г. Чатыр-Даг и верховьем р. Салгир вблизи с. Заречное (рис. 1, 2). Могильник представляет собой каменную гряду длиной 40 м и шириной до 10 м, заключающую в себе погребальные сооружения в виде каменных ящиков. Их точное количество на сегодняшний день установить невозможно. Длинной осью гряда ориентирована по линии ЮЗ–СВ. Археологический материал относится к VI–V вв. до н.э. (Тихомиров, 2024).

Раскопками открыты две каменные крепиды, удерживавшие каменную насыпь вокруг каменного ящика № 2. Крепиды состоят из ряда массивных камней, уложенных плашмя, реже вертикально, на уровень древней поверхности. В составе юго-восточной крепиды своими крупными размерами выделяется один из входящих в нее камней, расположенный в 2 м к ЮВ от каменного ящика № 2 (рис. 5, 1). Его высота — 1,2 м, от уровня материковой поверхности он возвышался на 0,8 м. Нижняя его часть, в отличие от всех остальных камней этой конструкции, углублена в материковый слой на 0,4 м (рис. 5, 2). При этом его верхняя часть обломана, и можно предположить, что изначальная его высота была около 1,5 м или больше.

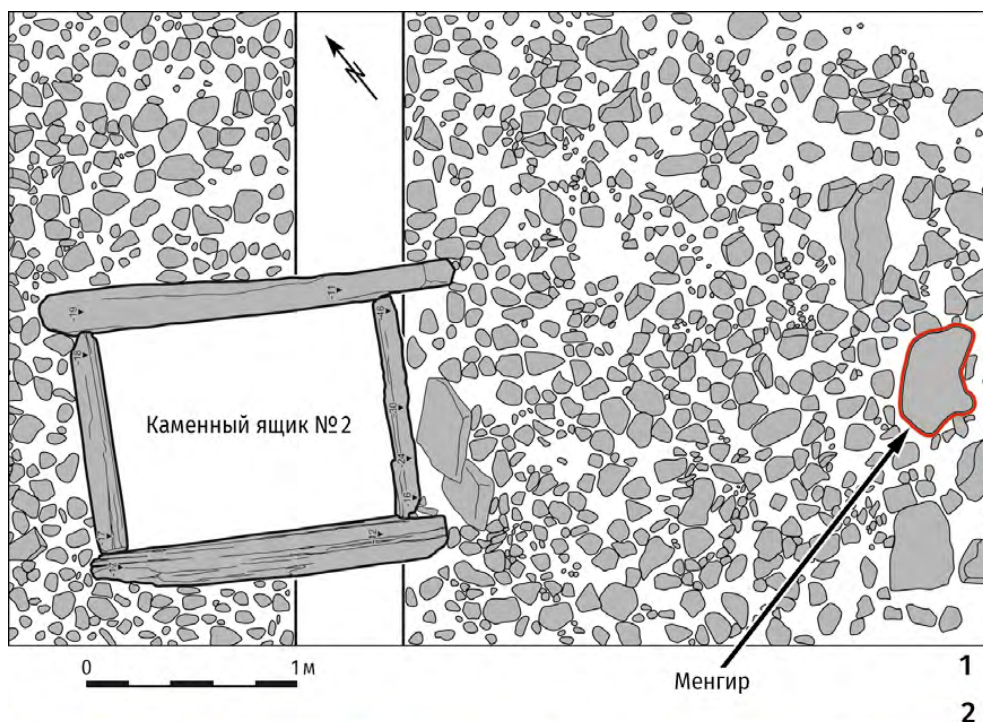
В связи с темой настоящей работы нелишним будет вспомнить и о **Скельских менгирах** («Текли-Таш» (крымскотат. Tekli-Tash — поставленный камень)). Это самый известный памятник такого типа на территории Крымского полуострова⁶. Скельские менгиры находятся в с. Родниковое (до 1945 г. — с. Скеля), Байдарской долины (рис. 1, 8). Они представляют собой группу компактно расположенных, установленных вертикально камней. Сегодня можно увидеть четыре менгира различной величины. Наиболее крупный из них имеет высоту 2,8 м, а его вес определяется примерно в 6 тонн.

Одним из первых менгиры, «имеющие подобие истуканов», и расположенное рядом с ними «древнее кладбище» у с. Скеля упоминает известный крымский краевед В.Х. Кондараки. Им было записано предание местных жителей о том, что они были сброшены с яйлы каким-то озлобленным пророком. При описании могил «древнего кладбища» легко угадываются каменные ящики. В двух из них, подвергшихся расчистке, В.Х. Кондараки нашел много человеческих костей очень плохой сохранности (Кондараки, 1868. С. 292; 1875. С. 62–64). Сообщает о менгирах и расположенных в 50 шагах от них «дольменах» и М.А. Сосногорова (Сосногорова, 1875. С. 273; 1880. С. 155–156).

6 В настоящей работе не учитывается «менгир в балке Богаз-Сала» (он же известен как «менгир Беянского», «Бахчисарайский менгир», «менгир Лагутина-Беянского»). Он явно выделяется из общей массы таких памятников своими размерами, однако его рукотворное происхождение требует доказательств. В любом случае, данный объект вряд ли имеет отношение к могильникам из каменных ящиков.

Рис. 5. Аянский могильник:
1 — фрагмент плана раскопа
с обозначением менгира;
2 — менгир. Фото автора, 2023 г.

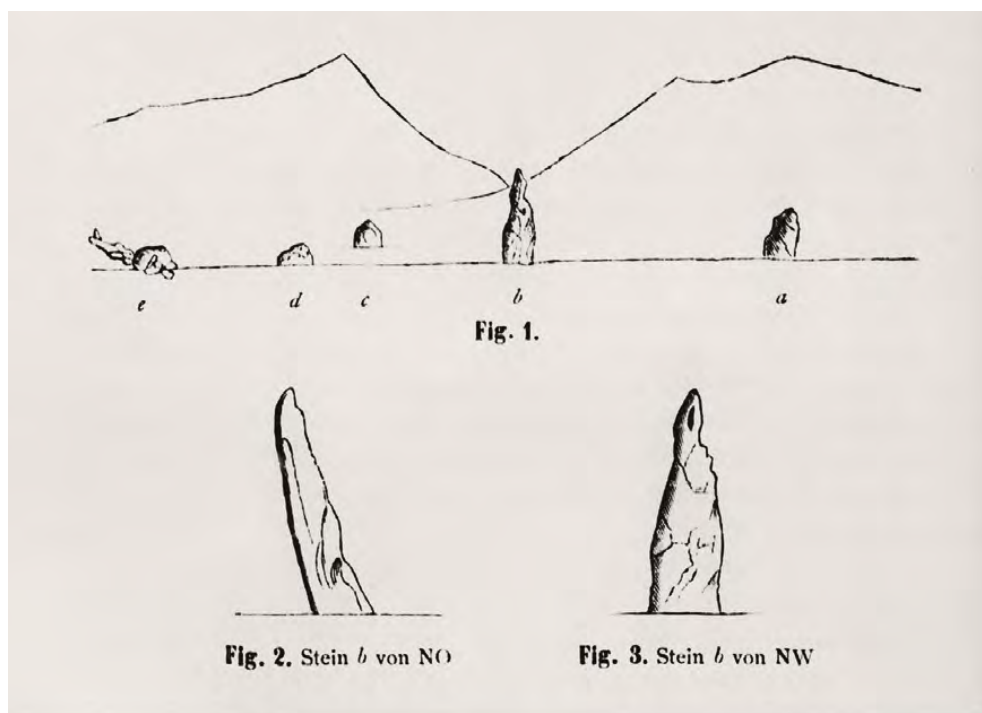
Fig. 5. The Ayan burial ground:
1 — fragment of the excavation
plan with the menhir marking;
2 — menhir. Photo by the author,
2023

В начале XX в. менгиры осмотрел Н.И. Репников, который кратко их описал — указал местное название, привел размеры и сделал фотографии (рис. 6, 2). Также он сообщил о наличии ранее рядом с менгирами каменных ящиков, которые были уничтожены при обработке поля (Репников, 1909б. С. 127).

В.П. Кёшпен, обследовавший менгиры в 1870-х гг., о ящиках, расположенных в их непосредственной близости, ничего не сообщил. Однако он привел детальное

Рис. 6. Скульские менгиры в конце XIX — начале XX в.: 1 — схема расположения и виды с северо-востока и северо-запада на самый крупный камень, конец XIX в. (по: *Körpen*, 1874); 2 — фотографии, начало XX в. (по: *Репников*, 19096)

Fig. 6. The Skelsky menhirs in the late 19th — early 20th centuries: 1 — scheme of the location and views from the north-east and north-west of the largest stone, late 19th century (after *Körpen*, 1874); 2 — photos, early 20th century (after *Репников*, 19096)

1

2

описание менгиров и упомянул о наличии каменных ящиков в 250–300 шагах на запад от менгиров. Камни «а, b и с, напротив, несомненно, показывают, что они рукотворны и также грубо вырезаны; но только b полностью и характерной формы; у а и с верхние части, по-видимому, отбиты»⁷ (*Körpen*, 1874. S. 523–524) (**рис. 6, 1**). Не ограничившись одним лишь описанием этих памятников, В.П. Кёппен осуществил и раскопки каменного ящика в Байдарской долине у с. Бююк-Мускомия (совр. с. Широкое). В работе 1927 г. Н.И. Репников высказал предположение о принадлежности этих менгиров к погребальным сооружениям тавров (*Репников*, 1927. С. 139). Позднее А.А. Щепинский также сообщает о группе таврских каменных ящиков вблизи Скульских менгиров (*Щепинский*, 2002. С. 66).

Какая-либо ясность по датировке Скульских менгиров на сегодняшний день отсутствует. А.А. Щепинский, обследовавший эти объекты, отрицал их связь с культурой тавров. По его мнению, они могут датироваться III — началом II тыс. до н.э. (*Щепинский*, 1978). Подтверждением этой даты он считал наличие неподалеку от менгиров раскопанного ранее кургана с типичным кеми-обинским захоронением. Видимо, имеются ввиду раскопки небольших курганных насыпей, расположенных вблизи менгиров, которые были исследованы Н.И. Репниковым в начале XX в. (*Репников*, 1909а. С. 119–122). Из четырех насыпей, раскопанных в 1907 г., две относились к раннему бронзовому веку (*Тоцев*, 2007. С. 10). В частности, в кургане № 1 раскрыто погребение, совершенное в каменном ящике, все стенки которого были расписаны в «елочку» черной краской. Это захоронение, как и остальные, расположенные неподалеку три кургана, были включены А.А. Щепинским в свод памятников выделенной им кеми-обинской культуры (*Щепинский*, 2002. С. 66). Позднее в 1926 г. Н.И. Репниковым там же были исследованы еще два распаханых кургана. В них обнаружены разоренные погребения без выразительного инвентаря, совершенные в «каменных гробницах» (*Репников*, 1940. С. 16). До сих пор эти объекты остаются едва ли не единственными памятниками эпохи бронзы, исследованными в Байдарской долине.

Л.С. Марсадолов сравнил Скульские менгиры и их ландшафтное окружение с объектами, расположенными на территории Саяно-Алтая, прежде всего с широко известным Чуйским камнем на Алтае⁸. По его мнению, самый большой менгир и менгиры меньших размеров «использованы для показа направлений движения Солнца от точки восхода в день летнего солнцестояния на СВ до средней высокой точки в дни равноденствия на востоке, прохода через юг и постепенного захода солнца зимой и в дни равноденствия на западе» (*Марсадолов*, 2013).

Таким образом, разные авторы сообщают о располагавшемся в прошлом в непосредственной близости к Скульским менгирам могильнике из каменных ящиков. С большой долей вероятности на основании аналогичных могильников Байдарской долины, подвергавшихся раскопкам, можно допустить, что могильник относится к раннему железному веку. Если это так, то весьма вероятно, что и упомянутые менгиры могут быть с ним связаны, а также датироваться тем же периодом. В дальнейшем это предположение смогут подтвердить или опровергнуть лишь раскопки данного объекта и достоверный археологический материал.

Говоря же о менгирах, можно упомянуть и о памятниках, располагавшихся **вблизи г. Судак**. Впервые они были описаны П.С. Палласом во время его путешествия по Крыму в 1794 г. Описывая расположенное в том же районе очень древнее

7 Перевод с немецкого языка — В.А. Тихомиров.

8 См. также статью С.Л. Марсадолова в настоящем сборнике. — *Прим. отв. ред.*

кладбище (видимо, каменные ящики), он сообщил, что некоторые из них «имели прежде на южных концах более высокий камень» (Паллас, 1881. С. 202–203). Позднее эти менгиры описывают или упоминают Д.М. Струков, В.Д. Смирнов, О.Н. Бадер (см.: Майко, Джанов, 2015. С. 156–158). В 1948 г. они были обследованы Судакским отрядом Тавро-скифской экспедиции (Пятышева, 1948. Л. 16–17). Здесь известны два одиночных и две группы из двух менгиров. До сегодняшнего дня они не сохранились. Эти памятники в связи с их соседством с каменными ящиками исследователи также относят к таврам (см.: Майко, Джанов, 2015. С. 156–158).

Вблизи исчезнувшего с. Свободное на территории Белогорского района (до 1945 г. — с. Молбай), в 150 м к востоку от источника Тепречиккан-Чокрак, находится камень длиной около 2 м и шириной около 0,4 м. Камень, лежащий горизонтально, имеет вытянутую конусообразную форму, напоминающую менгир. Данный камень расположен в 800 м к югу от известного могильника из каменных ящиков, упоминаемого А.А. Щепинским (Щепинский, 1973. С. 355).

Обсуждение

В результате проведенного обзора можно сделать некоторые предварительные выводы. В абсолютном большинстве случаев обнаруженные каменные объекты не имеют никаких изображений, резьбу или «надписи». Связи с этим в их отношении наиболее верным будет применение термина «менгир». Достоверно датировать возведение менгиров традиционными археологическими методами сложно. Это удастся сделать в тех случаях, когда они являются элементом погребального комплекса, например, входят в состав ограды каменных ящиков. Тогда их датировка возможна на основании погребального инвентаря. Однако во многих случаях зафиксировано соседство менгиров с могильниками из каменных ящиков. Это может опосредованно свидетельствовать об их синхронности и, таким образом, о возведении их в начале раннего железного века. Могильники, где обнаружены менгиры, датируются в хронологических пределах IX/VIII–IV/III вв. до н.э. Большая их часть расположена в юго-западной части Крыма (рис. 1).

В составе могильников из каменных ящиков при их раскопках широкой площадью в ряде случаев обнаруживаются камни, видимо выполнявшие роль менгиров. Они, как правило, имели вытянутую форму и высоту 1,0–1,6 м. Наиболее крупный (Скельский) менгир имеет высоту 2,8 м. На могильнике Уркуста-I менгир зафиксирован в ЮВ части ограды ящика, на Аянском могильнике — в крепиде к ЮВ от ящика, на могильнике Уч-Баш — с южных сторон ограды ящиков, на могильнике близи г. Судак — в южной части «гробниц» отмечены более высокие камни. На Черкес-Керменском могильнике «камни вроде менгиров» зафиксированы преимущественно в северной части оград ящиков. В северной части кромлеха на могильнике Таш-Джарган находилось антропоморфное изваяние. Какая-либо четкая закономерность или системность в их расположении пока не обнаруживается. Возможно, это удастся установить в дальнейшем, по мере накопления материалов и исследования новых памятников. Большая часть менгиров зафиксирована в южных частях оград ящиков. Древнее население, использовавшее эти могильники, можно соотнести с кизил-кобинской культурой и историческими таврами.

Все известные к настоящему моменту менгиры не образуют какую-либо однородную стилистически или морфологически группу — они различаются как по размерам, так и по форме. Выделение отдельных типов и видов пока не представляется целесообразным. Антропоморфные стелы обнаружены лишь в двух случаях. Причем в одном случае был использован вторично фрагмент антропоморфной стелы эпохи бронзы (Алимовский могильник). Видимо, редкость их обнаружения

не является случайностью, а свидетельствует о том, что такого рода памятники не были характерны для населения Горного Крыма в раннем железном веке. Семантика таких менгиров, скорее всего, может быть связана с символическим отражением (без индивидуальных черт) облика предков.

Литература и архивные источники

Архивные источники

- Веймарн, 1947 — Веймарн Е.В. Отчет о работах Бахчисарайского горного отряда Тавро-скифской экспедиции в 1947 г. // НОА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 137. 69 л.
- Лесков, 1957 — Лесков А.М. Отчет Таврской группы Крымской первобытной экспедиции ИА АН УССР за 1956–1957 гг. // НА ИАКР РАН Ф. П-1. Оп. 1. Д. 3. 8 с.
- Пятышева, 1948 — Пятышева Н.В. Отчет о работах Судакского отряда ТСЭ // НА ИАКР РАН. Ф. 1. Оп. 1. 1948. Д. 16. 25 с.
- Репников, 1940 — Репников Н.И. Материалы к археологической карте юго-западного нагорья Крыма // РО НА ИИМК РАН. Оп. 1. Ф. 10. 1940. Д. 9, 10.

Литература

- Алексеева, 1975 — Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья. М.: Наука, 1975. 94 с. (САИ; Вып. Г1-12/1).
- Алексеева, 1978 — Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья. М.: Наука, 1978. 104 с. (САИ; Вып. Г1-12/2).
- Буров, 2006а — Буров Г.М. Менгир // Буров Г.М. Энциклопедия крымских древностей: Археологический словарь Крыма. Киев: Стило, 2006. С. 149.
- Буров, 2006б — Буров Г.М. Стела // Там же. С. 252.
- Кондараки, 1868 — Кондараки В. Байдарская долина в Таврическом полуострове // ЗООИД. 1868. Т. 7. С. 287–297.
- Кондараки, 1875 — Кондараки В. Универсальное описание Крыма: в 17 ч. Часть 15. С.-Петербург: тип. Веллинга, 1875. 235 с.
- Кравченко, 2011 — Кравченко Е.А. Кизил-кобинська культура у Західному Криму. Київ; Луцьк: ІА НАН України, 2011. 272 с.
- Лесков, 1965 — Лесков А.М. Горный Крым в I тысячелетии до нашей эры. Киев: Наукова думка, 1965. 198 с.
- Лесков, 1960 — Лесков А.М. Раскопки каменных ящиков в Байдарской долине в Крыму // КСИА УССР. 1960. Вып. 10. С. 70–77.
- Лесков, Кравченко, 2007 — Лесков О.М., Кравченко Е.А. Гряда А могильника кизил-кобинської культури Уркуста I у Південно-Західному Криму // Археологія. 2007. № 4. С. 11–21.
- Лесков та ін., 2019 — Лесков О.М., Кравченко Е.А., Гошко Т.Ю. Могильник білозерської культури біля с. Широке. Львів; Винники: Історико-краєзнавчий музей; Майдан, 2019. 206 с.
- Майко, Джанов, 2015 — Майко В.В., Джанов А.В. Археологические памятники Судакского региона Республики Крым. Симферополь: Ариал, 2015. 448 с.
- Марсадолов, 2013 — Марсадолов Л.С. Стелы-менгиры в сакральном ландшафте Алтая и Крыма: особенное и общее // Полевые исследования в Верхнем Приобье, Прииртышье и на Алтае. 2011–2012 гг.: археология, этнография, устная история: Материалы VIII Междунар. науч.-практ. конф., Барнаул, 18–19 апреля 2013 года / Под ред. М.А. Демина, Т.К. Щегловой. Барнаул: Алтайская гос. пед. академия, 2013. Вып. 8. С. 78–84.
- Миллер, 1888 — Миллер В.Ф. Археологические разведки в окрестностях Алушты // Древности / Под ред. А.В. Орешникова. М., 1888. С. 118–138 (Труды МАО; Т. 12).
- Ольховский, 2005 — Ольховский В.С. Монументальная скульптура населения западной части евразийских степей эпохи раннего железа. М.: Наука, 2005. 299 с.
- Паллас, 1881 — Путешествие по Крыму академика Палласа в 1793 и 1794 годах // ЗООИД. 1881. Т. 12. С. 62–208.
- Репников, 1990а — Репников Н.И. Разведки и раскопки на южном берегу Крыма и в Байдарской долине // Известия ИАК. 1909. Вып. 30. С. 99–126.
- Репников, 1909б — Репников Н.И. Каменные ящики Байдарской долины // Там же. С. 127–155.
- Репников, 1927 — Репников Н.И. Предполагаемые древности тавров // ИТОИАЭ. 1927. Т. 1 (58). С. 137–140.
- Сарапулкина, 2022 — Сарапулкина Т.В. Кизил-кобинская культура и тавры в исследованиях С.Ф. Стржелецкого // ХС. 2022. Вып. XXIII. С. 140–148.

- Семенов-Зусер, 1940 — Семенов-Зусер С.А. Таврские мегалиты (Из материалов Крымской археологической экспедиции Академии наук СССР) // Наукові записки Харківського педагогічного інституту. 1940. Т. 5. С. 115–161.
- Сессия..., 1955 — Сессия отделения исторических наук и пленум института истории материальной культуры, института этнографии, посвященные итогам археологических и этнографических исследований 1953 г. III. Секция раннего железа // ВДИ. 1955. № 1. С. 182–195.
- Сосногорова, 1875 — Сосногорова М.А. Мегалитические памятники в Крыму // Русский Вестник. 1875. Т. 118, № 7. С. 266–287.
- Сосногорова, 1880 — Сосногорова М.А. Путеводитель по Крыму. Одесса: тип. Л. Нитче, 1880. 435 с.
- Тихомиров, 2024 — Тихомиров В.А. Раскопки Аянского могильника из каменных ящиков // ИАКр. 2024. № 22. С. 185–188.
- Тоцев, 2007 — Тоцев Г.Н. Крым в эпоху бронзы. Запорожье: ЗНУ, 2007. 304 с.
- Филимонов, 1879 — Филимонов Ю.Д. О доисторической культуре в Крыму // Известия имп. Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, состоящем при императорском Московском университете. Т. 35, ч. 1. Вып. 2: Антропологическая выставка 1879 года. Т. 3. ч. 1. М., 1879. С. 223.
- Черняков, 2005 — Черняков И.Т. Стела бронзової доби з Верхоріччя // Археологія. 2005. № 1. С. 37–47.
- Щепинский, 1966 — Щепинский А.А. Во тьме веков. Археология Крыма. Симферополь: Крым, 1966. 156 с.
- Щепинский, 1973 — Щепинский А.А. Северо-Крымская экспедиция // АО 1972 года / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1973. С. 354–355.
- Щепинский, 1978 — Щепинский А.А. Менгиры Байдарской долины // Крымская правда. 1978. № 255.
- Щепинский, 1993а — Щепинский А.А. О наскальных изображениях и тамгообразных знаках горного Крыма // ДСПК. 1993. Вып. 4. С. 25–46.
- Щепинский, 1993б — Щепинский А.А. Кромлех Трахтенберга // Таврические ведомости. 1993б. № 21.
- Щепинский, 2002 — Щепинский А.А. Памятники Кеми-Обинской культуры (Свод археологических источников), 1983. Запорожье, 2002. 340 с.
- Darvill, 2008 — Darvill T. The Concise Oxford Dictionary of Archaeology. 2nd ed. New York: Oxford University Press, 2008. 545 p.
- Kipfer, 2021 — Kipfer B.A. Encyclopedic Dictionary of Archaeology. 2nd ed. Springer Nature Switzerland, 2021. 1716 p.
- Köppen, 1874 — Köppen W. Streifzüge in der Krim. I. Im Baidâr-Thale // Russische Revue. 1874. Bd. V. S. 501–560.

Steles and Menhirs as Elements of Burial Grounds from Stone Cists of the Kizil-Koba Culture in the Mountainous Crimea

Vitaliy A. Tikhomirov⁹

Among the mass of monuments of the Mountainous Crimea of the Early Iron Age, burial grounds from stone cists of the Kizil-Koba culture are distinguished by their special monumentality and «megalithic character». The history of their study goes back more than a hundred years. Systematic excavations of monuments of this type, with the subsequent publication of their results, were initiated by N.I. Repnikov in the early 20th century. To date, the number of monuments studied has increased many times, but only a few of them have steles or menhirs found. This phenomenon needs to be understood. The work is devoted to a brief generalization of known materials on this topic, as well as an attempt to establish a pattern or sporadicity of the installation of steles and menhirs on burial grounds from stone cists.

Keywords: *Mountainous Crimea, Kizil-Koba culture, Early Iron Age, burial grounds, mounds, stone cists, menhirs, steles*

⁹ Vitaly A. Tikhomirov — Institute of Archaeology of Crimea of the a RAS,
2 Acad. Vernadsky Ave., Simferopol, Crimea Republic, 295007, Russian Federation;
e-mail: tikhomirov.va1985@gmail.com; ORCID: 0009-0008-9290-1020.

ВОИНСКИЕ СТЕЛЫ ИЗ ПОЗДНЕСКИФСКОГО НЕКРОПОЛЯ ЗАВЕТНОЕ (АЛМА-КЕРМЕН): ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫЙ ИСТОЧНИК И АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ

А.А. Волошинов¹, В.В. Масыкин²

Каменная скульптура является ярким феноменом в культуре варварского населения Крыма в римское время. Среди воинских стел первых веков н.э. выделяется группа изваяний с детализированными и реалистичными изображениями атрибутов. Рассматриваемые изваяния найдены в ходе археологических исследований некрополя Заветное. Изображенные атрибуты представлены питьевыми рогами и предметами вооружения — дротиками или копьями и мечами. Сопоставление изображений с археологическими находками позволяет предположить, что рассмотренные изваяния связаны с воинской субкультурой варварских социумов Юго-Западного Крыма, а изображенные предметы отражают реалии своего времени.

Ключевые слова: Юго-Западный Крым, римское время, могильник Заветное, стелы, оружие

<https://doi.org/10.31600/978-5-6052467-6-3.184-196>

Каменная скульптура является ярким феноменом в культуре варварского населения Крыма в римское время (Волошинов, 2008). В первые века н.э. эта группа памятников получила новый импульс развития, связанный с греческим и римским влиянием, и представлена, в том числе, рельефами с изображением всадников. Такие памятники выполнены с использованием хорошо известных в античном мире иконографических схем. На рельефах представлены предметы вооружения, однако определить их типологическую принадлежность не представляется возможным в связи с небольшими размерами, предельной схематичностью изображений или их неудовлетворительной сохранностью. С другой стороны, в варварской скульптуре римского времени получили развитие антропоморфные изваяния, продолжающие традиции скифской скульптуры VII–III вв. до н.э.

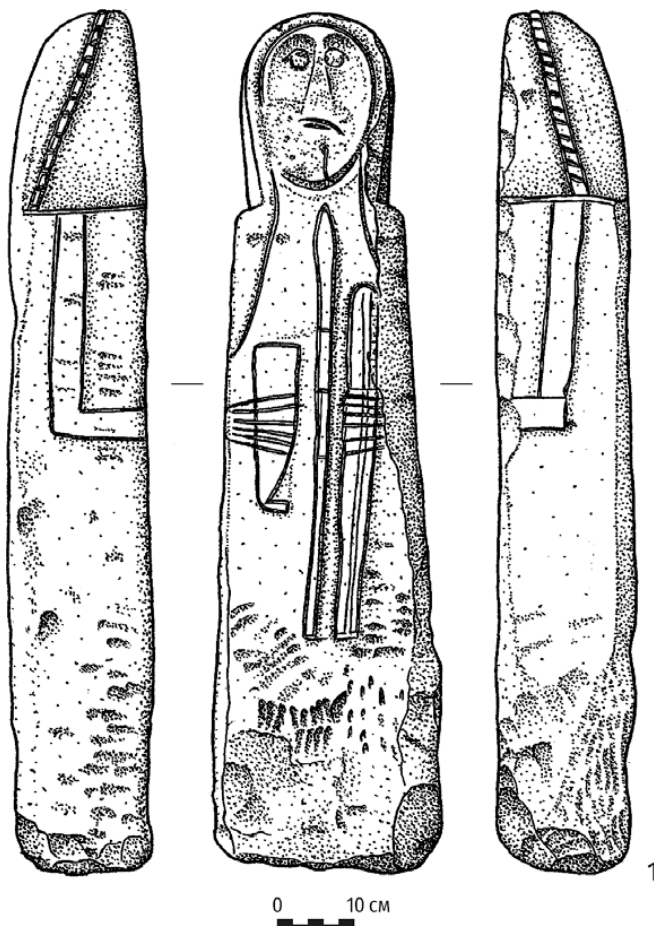
Среди воинских стел первых веков н.э. выделяется группа изваяний с детализированными и реалистичными изображениями атрибутов. Рассматриваемые изваяния найдены в ходе археологических исследований некрополя Заветное (Волошинов, 2015) (рис. 1, 1, 3, 4).

Памятник расположен в окрестностях с. Заветное Бахчисарайского района, на левом берегу р. Альма (рис. 1, 2). Раскопки позднескифского некрополя велись в 1950–1980-х гг. Н.А. Богдановой, в 2004–2006 гг. — Ю.П. Зайцевым, что позволило исследовать 339 могил I–III вв. н.э. (см.: Смекалова и др., 2015. С. 56–59).

Могильник связан с городищем Алма-Кермен, расположенным в 0,25 км к СВ, на вершине холма. Городище исследовалось в 1954 г. Н.А. Богдановой, в 1959–1967 гг. — Т.Н. Высотской. По результатам раскопок в 2004–2009 гг. Ю.П. Зайцев

1 Алексей Александрович Волошинов — Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, д. 19, Москва, 117292, Российская Федерация; e-mail: voloshinov-alexs@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-3081-9853.

2 Вячеслав Вадимович Масыкин — Институт археологии Крыма РАН, пр. Академика Вернадского, д. 2, Симферополь, Республика Крым, 295007, Российская Федерация; e-mail: masjakin@mail.ru; ORCID: 0009-0001-8488-6608.

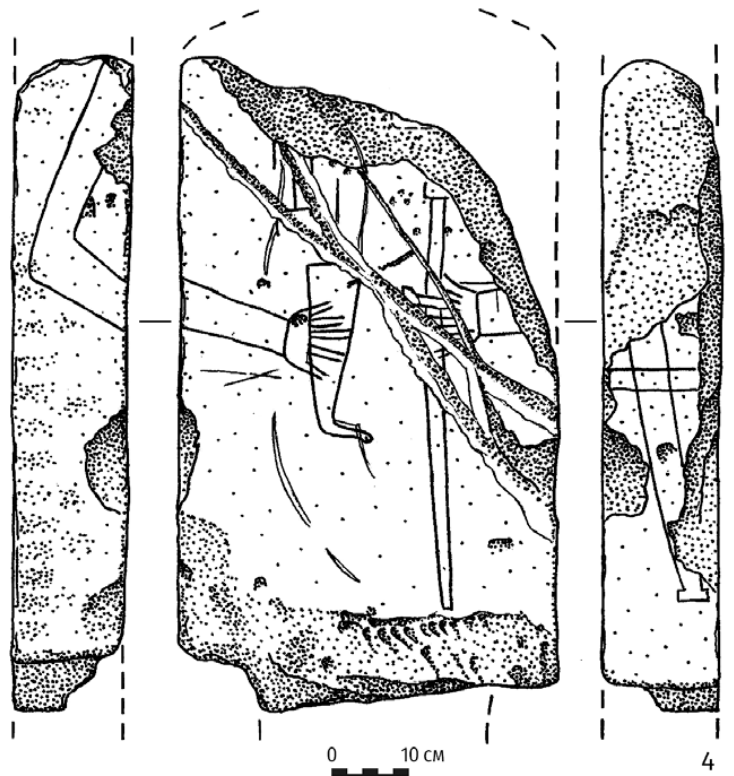
2

Рис. 1. 1, 3, 4 — каменные изваяния из некрополя Заветное; 2 — карта Крыма с обозначением местоположения некрополей Заветное и Скалистое III

Fig. 1. 1, 3, 4 — stone sculptures from the Zavetnoye necropolis; 2 — map of Crimea with the locations of the Zavetnoye and Skalistoye III necropolises marked

3

4

выделил несколько хронологических этапов (горизонтов) жизни поселения, два из них связаны с существованием позднескифского поселения (горизонты «D», «E»), а три (горизонты «A», «B», «C») — с присутствием на городище римского гарнизона.

Воинские стелы, найденные на некрополе, относятся к статуарным рельефам (№ 3) (**рис. 1, 3**), антропоморфным столбам (№ 1) (**рис. 1, 1**) и антропоморфным плитам (№ 4) (**рис. 1, 4**). Изготовлены из мшанкового известняка.

Изображенные атрибуты представлены питьевыми рогами (№ 1, 3, 4) (**рис. 1, 1, 3, 4**) и предметами вооружения — дротиками или копьями (№ 1, 3) (**рис. 1, 1, 3**) и мечами (№ 1, 4) (**рис. 1, 1, 4**).

В этой связи необходимо рассмотреть вопрос о соответствии изображенных предметов археологическим находкам (**рис. 1–6**).

Мечи

На стеле № 4 изображен длинный меч с узким клинком, коротким перекрестием и удлиненной рукоятью, завершающейся навершием (**рис. 1, 4; 2, 1**). На левой боковой грани памятника в наклонном положении изображены ножны меча с прямоугольной бутеролью. Мечам с перекрестием посвящены работы А.С. Скрипкина и С.И. Безуглова (*Скрипкин, 2000; Безуглов, 2000; 2017*), рассмотревших находки из комплексов Нижнего Дона, Поволжья, Средней Азии (**рис. 3, 1**). Как убедительно показали исследователи, происхождение мечей этого типа связано с традицией ханьского Китая. Чаще всего мечи с перекрестиями находят без наверший. Находки с навершиями встречаются редко. Они представлены в иконографических источниках и археологических комплексах. Такими мечами вооружены персонажи, изображенные на костяной пластине, найденной в кургане № 2 Орлатского могильника возле Самарканда (*Пугаченкова, 1989. Рис. 71; Ilyasov, Rusanov, 1997/1998*) (**рис. 5**). Ножны мечей имеют такое же окончание, как и на стеле № 1 из Заветного (**рис. 4, 1**).

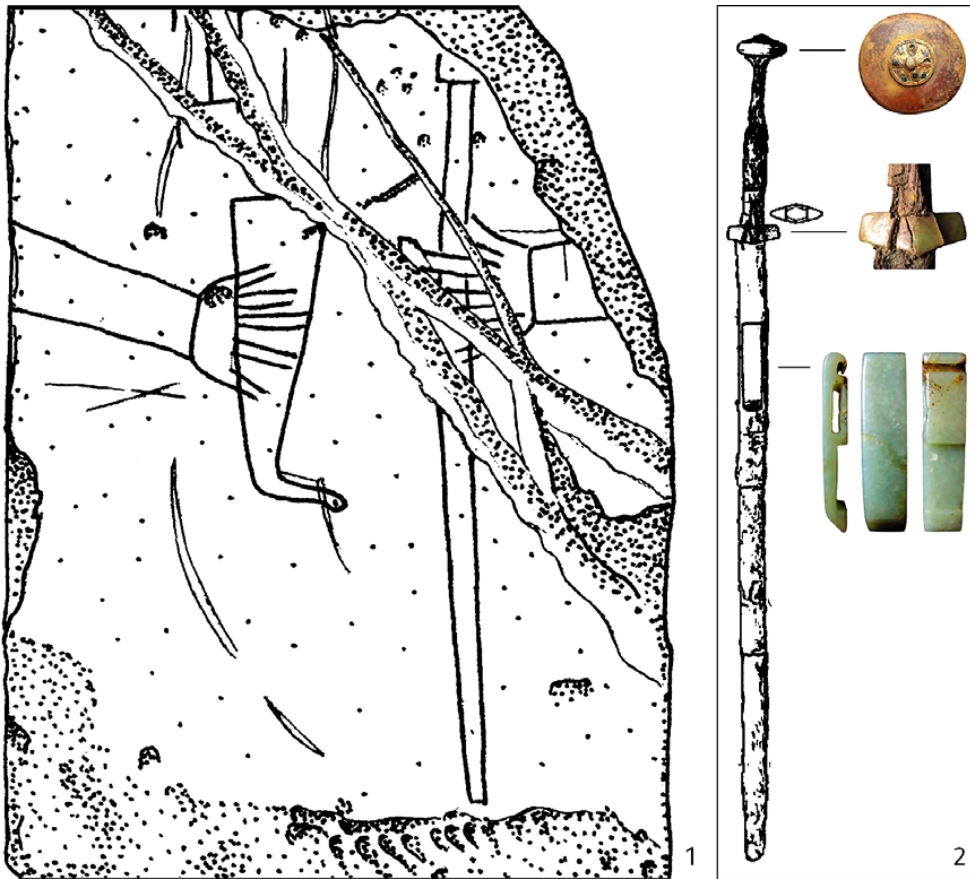
Близкой археологической аналогией рассматриваемому изображению на заветнинской стеле является меч из позднесарматского всаднического погребения в кургане у ст. Камышевской на Нижнем Дону (**рис. 2, 2**). Важно отметить, что вместе с мечом найдена китайская нефритовая скоба от ножен (*Безуглов, 2017. Рис. 9, 1–6*).

Еще один близкий меч (**рис. 2, 3**) происходит из погребения фракийского аристократа, служившего офицером в римской армии, второй половины I — начала II в. н.э. в кургане Рошава Драгана (Болгария) (*Буюклиев, 1995. С. 38–41, рис. 2, 1–3; Симоненко, 2015. С. 77–78, рис. 22, цв. вст. 2*). В этом случае с ним также найдена китайская нефритовая скоба.

Два меча рассматриваемого типа, но без наверший, обнаружены в погребениях второй половины I в. н.э. в Юго-Западном Крыму. Важно отметить, что один из них найден в некрополе Заветное (**рис. 3, 2**) (*Волошинов, Масыкин, 2007. Рис. 8, II*), второй экземпляр — в Усть-Альминском могильнике (**рис. 3, 3**) (*Пуздровский, 2015. Рис. 8, 1*).

На стеле № 1 представлен меч с коротким перекрестием, слабо выраженным навершием на конце рукояти, в ножнах с горизонтальной прямоугольной бутеролью. По центру ножен и рукояти проходит вертикальная полоса (**рис. 4, 1**).

В иконографии наиболее близкий меч с таким же оформлением ножен изображен у персонажа на золотой гривне или диадеме из Кобяковского кургана № 10 конца I — начала II в. н.э. (**рис. 4, 2**) (*Прохорова, Гугуев, 1992, рис. 5; 6; Трейстер, 2010. С. 522*). Аналогичные ножны изображены на надгробии первого архонта Херсонеса Газурия первой половины II в. н.э. (**рис. 4, 3**) (*Античная скульптура Херсонеса, 1976. С. 100, № 316; Трейстер, 2010. С. 522; Масыкин, 2021. С. 157, рис. 1, 4, 5*) и некоторых боеспорских надгробиях (**рис. 4, 4, 5**) (*Трейстер, 2010. С. 522, рис. 9, 5, 6*). Почти во всех

Рис. 2. 1 — стела № 4 из некрополя Заветное; 2 — меч и детали из погребения у станицы Камышевской; 3 — меч с деталями, шлем, умбон щита, золотой венок из кургана Рошава Драгана (ссылки на источники иллюстраций — см. в тексте)

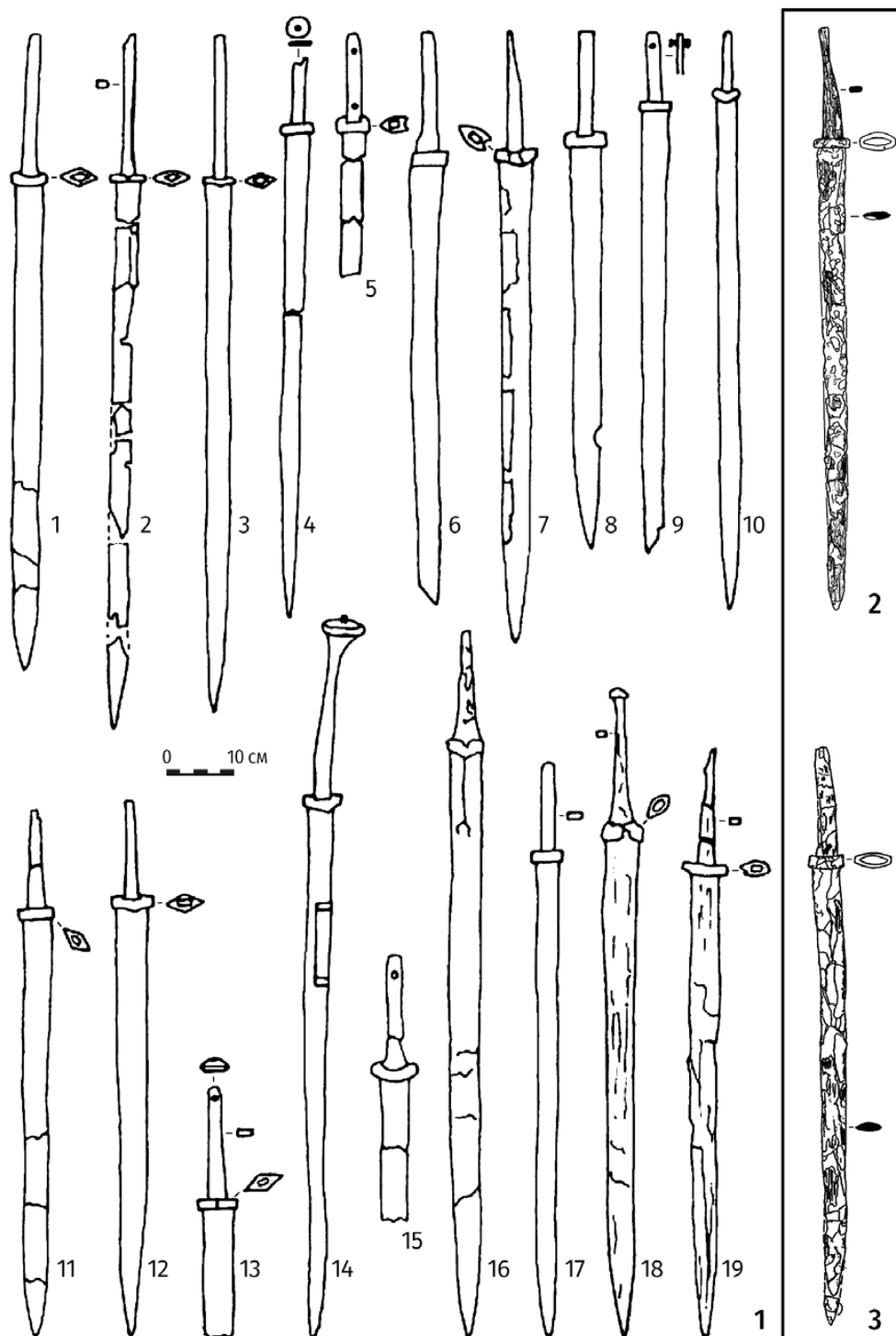
Fig. 2. 1 — stela No. 4 from the Zavetnoye necropolis; 2 — sword and parts from a burial near the village of Kamyshevskaya; 3 — sword with parts, helmet, shield boss, and golden wreath from the Roshava Dragan burial mound (references to sources of illustrations — see text)

Рис. 3. 1 — мечи из сарматских погребений; 2 — меч из некрополя Заветное; 3 — меч из Усть-Альминского некрополя (ссылки на источники иллюстраций — см. в тексте)

Fig. 3. 1 — swords from Sarmatian burials; 2 — sword from the Zavetnoye necropolis; 3 — sword from the Ust-Alma necropolis (references to sources of illustrations — see text)

случаях на ножнах видна вертикальная скоба для подвешивания меча. М.Ю. Трейстер в качестве аналогий ножнам с вертикальными каннелюрами приводит находки мечей из могильника Лебедевка в Западном Казахстане и из некрополя Пантикапея (находка 1842 г.) (Там же. С. 522). В последнем случае известно лишь описание ножен (Ростовцев, 1918. С. 53).

Таким образом, учитывая иконографические и археологические аналогии, можно предположить, что на стелах из Заветного изображены мечи азиатского типа, распространившегося в Северном Причерноморье под влиянием ханьских образцов, в связи с передвижением кочевников через Среднюю Азию на запад (Безуглов, 2017. С. 99).

Рис. 4. 1 — стела № 1 из некрополя Заветное; 2 — гривна из Кобяковского кургана и деталь; 3 — деталь надгробия первого архонта Херсонеса Газурия; 4, 5 — детали боспорских надгробий (ссылки на источники иллюстраций — см. в тексте)

Fig. 4. 1 — stele No. 1 from the Zavetnoye necropolis; 2 — grivna from the Kobyakovsky burial mound and part; 3 — part of the tombstone of the first archon of Chersonesos, Gazuriy; 4, 5 — details of Bosphoran tombstones (references to sources of illustrations — see text)

Копья или дротики

На стеле № 1 из Заветного изображено копье или дротик с листовидным наконечником (рис. 1, 1). Подобные наконечники нейтральны в хронологическом и культурном отношении. На изваянии № 3 сохранилось изображение только древка (рис. 1, 3).

Рога для питья

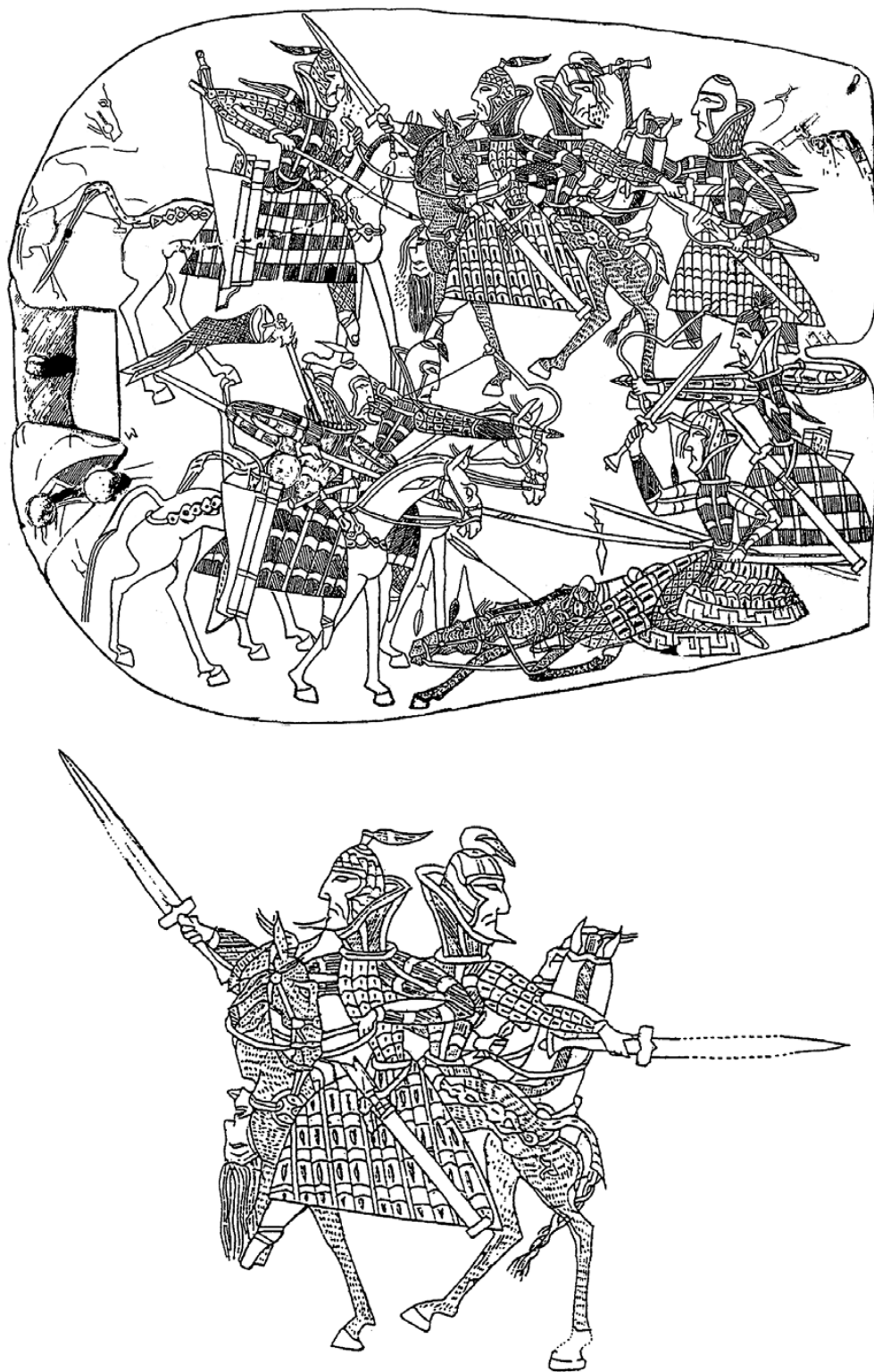
Не меньший интерес представляют изображенные на стелах (№ 1, 3, 4) питьевые рога, имеющие одинаковую форму (рис. 1, 1, 3, 4; 6, 1–6). Тулово сосудов конической формы, узкое доньшко загнуто под углом 80–85°. Окончание доньшка оформлено в виде округлого утолщения с гравированным точечным углублением по центру.

Поскольку мечи, изображенные на изваяниях, находят соответствующие аналогии в погребальном инвентаре, то логично предположить, что и «ритоны» имели свои реальные прототипы. Специфическое окончание доньшка в виде окружности с углублением в центре убеждает в том, что сосуды, изображенные на антропоморфных стелах Заветного, не имеют отношения к изделиям из металла.

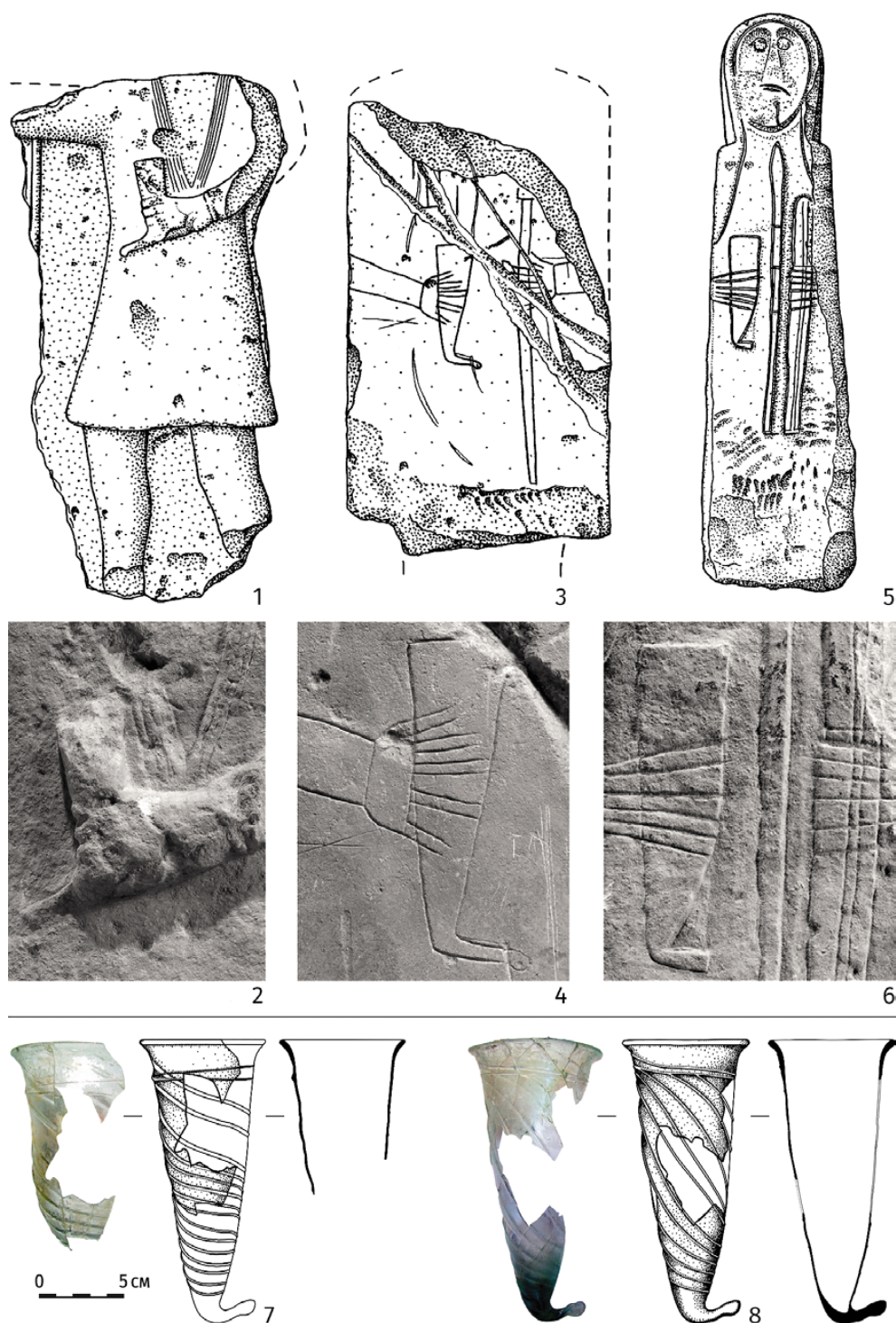
В римское время в погребальном инвентаре варварских захоронений встречаются стеклянные питьевые рога. Два сосуда, имеющих очень близкую форму

Рис. 5. Костяная пластина из Орлатского могильника и деталь (ссылки на источник иллюстрации — см. в тексте)

Fig. 5. Bone plate from the Orlat burial ground and a detail (references to source of illustration — see text)

Рис. 6. 1–6 — стелы № 1, 3, 4 из некрополя Заветное и детали; 7, 8 — стеклянные питьевые рога из некрополей Брянское (7), Скалистое III (8) (ссылки на источники иллюстраций — см. в тексте)

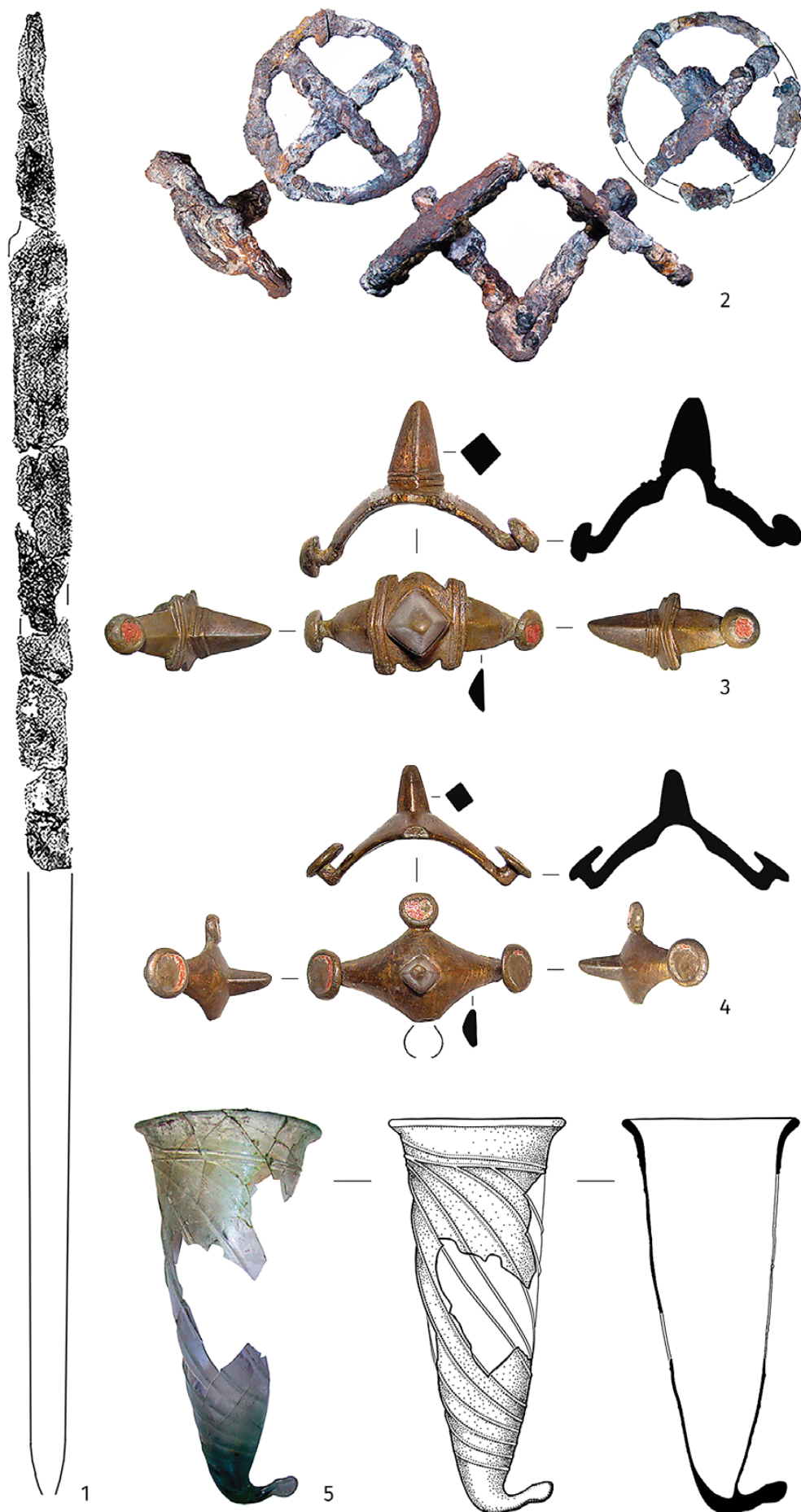
Fig. 6. 1–6 — steles No. 1, 3, 4 from the Zavetnoe necropolis and details; 7, 8 — glass drinking horns from the Bryanskoye (7), Skalistoe III (8) necropolises (references to sources of illustrations — see text)

изображениям на заветнинских стелах № 3 и № 4, обнаружены в Юго-Западном Крыму. Один из них найден в подбойной могиле № 28-Л могильника Скалистое III (рис. 6, 8; 7, 5), расположенного всего в 6 км от некрополя Заветное (Богданова и др., 1976, С. 135–136, рис. 11; Волошинов, Масыкин, 2023. Рис. 6; 7). Погребение воина-всадника сопровождалось длинным мечом без навершия и перекрестия, удилами, бронзовыми шпорами, относящимися к кругу варварских выемчатых эмалей (рис. 7) (Волошинов, Масыкин, 2023). Погребение может быть отнесено к выделенному С.И. Безугловым культурно-хронологическому горизонту «всаднических» комплексов конца II — первой половины III в. н.э., к финальной его стадии (Безуглов, 2000).

Рис. 7. 1–5 — погребальный инвентарь из могилы 28А некрополя Скалистое III (ссылки на источник иллюстрации — см. в тексте)

Fig. 7. 1–5 — burial inventory of grave 28A of the Skalistoe III necropolis (references to source of illustration — see text)

Второй аналогичный питьевой рог (**рис. 6, 7**) был найден на территории могильника римского времени у с. Брянское в долине р. Альмы, расположенного в 13 км от некрополя Скалистое III (*Волошинов, Масыкин, 2023. Рис. 16*). Он обнаружен вне погребального сооружения, при просмотре отвалов, оставленных грабителями.

Оба сосуда декорированы диагональным рифлением, зона под венчиком украшена горизонтальной наплавленной нитью того же цвета, что и сам рог. Исследование химического состава показало, что сосуды изготовлены из «римского» зелено-голубого стекла, имеющего сиро-палестинское происхождение (*Румянцева, Трифонов, 2021. С. 57–60, табл. 1, рис. 1, 1*).

Присутствие в захоронении из могильника Скалистое III атрибутов воина-всадника, наряду с таким редким и престижным предметом, как римский стеклянный рог для питья, указывают на высокий социальный статус погребенного. В этом отношении представляется интересным сравнить роль находок таких сосудов в погребениях других регионов Барбарикума.

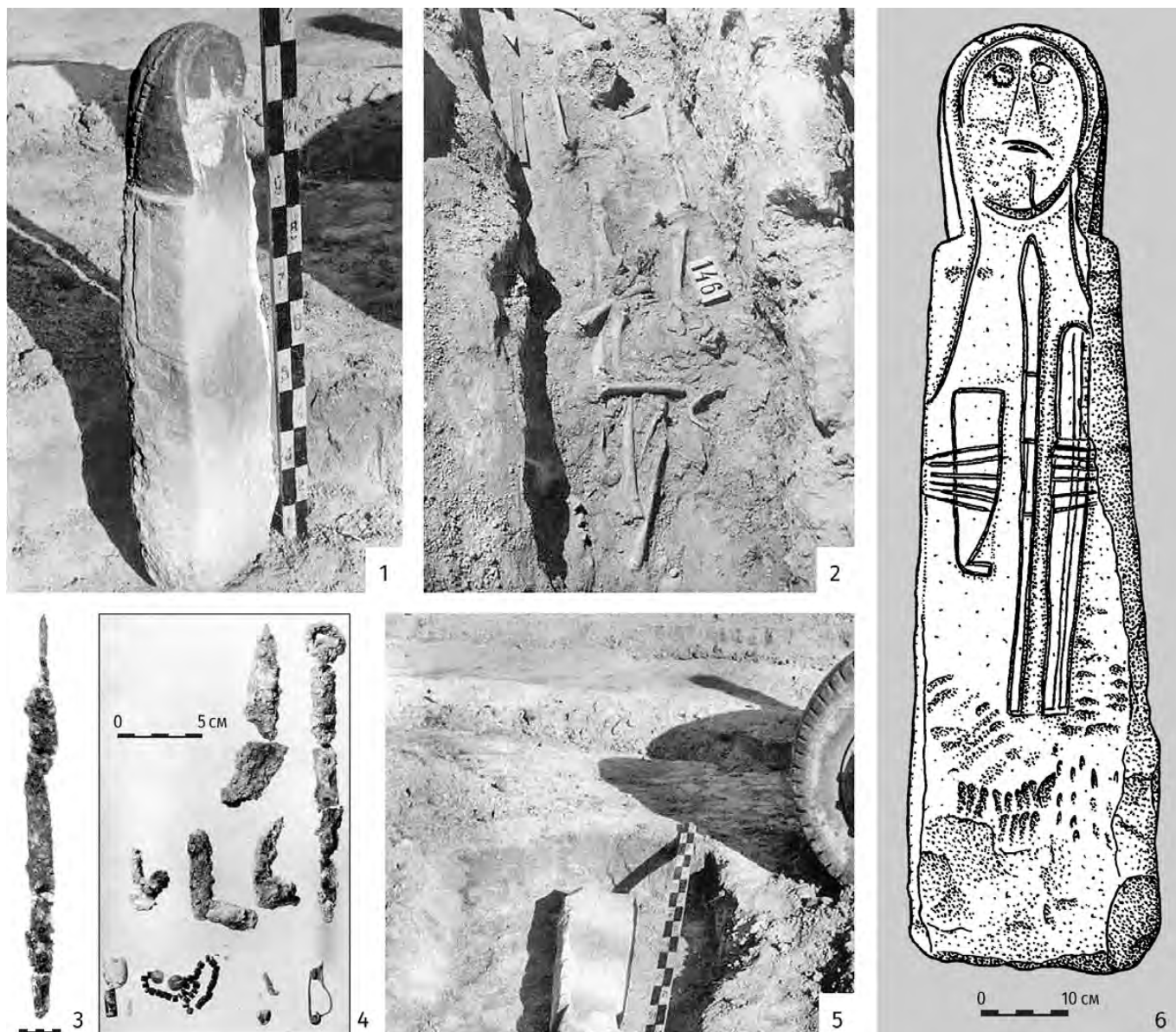
Стеклянные рога для питья, как тип сосудов, появляются с III в. н.э. и встречаются, главным образом, в ареале германских культур Западной и Северной Европы и в центрально-европейском Барбарикуме. Подобные сосуды производились в римских мастерских и отражали вкусы германцев (*Evison, 1975; Stawiarska, 1999. S. 117–118*). Находки таких престижных сосудов в захоронениях рассматриваются как признак высокого социального статуса погребенных. Так, например, в могильнике Химлинггойе на о. Зеландия стеклянные рога найдены в трех привилегированных погребениях, а сам могильник относится к расположенному здесь политическому центру (*Grane, 2007. P. 173–178*).

Таким образом, рассмотренные атрибуты находят соответствия в археологическом материале.

Важно отметить, что стела № 1 с изображением меча, копья и питьевого рога (**рис. 1, 1**) найдена в 1,5 м от воинского погребения № 146, в котором обнаружены железный «широколезвийный», «обоюдоострый» меч без перекрестия, с остатками деревянных ножен и заклепками от деревянной рукояти, а также предмет с кольцевидным навершием, который Н.А. Богданова называет то ножом, то кинжалом (**рис. 8**) (*Богданова, 1958. С. 34–35; 1989. С. 57–59; Волошинов, 2015. С. 252, рис. 4, 3; 4, 4*). По бронзовой фибуле погребение может быть датировано I–II вв. н.э.

Все три стелы из Заветного с изображениями питьевого рога сочетаются с оружием — мечами и копьями или дротиками. Подобная ситуация фиксируется и на некоторых изваяниях из других некрополей, а питьевые рога являются еще и атрибутом всадников. Яркую археологическую иллюстрацию этого явления представляет собой погребение воина-всадника из некрополя Скалистое III. Причем, включение питьевого рога в состав погребального инвентаря воинского погребения имело особое значение, так как в момент помещения сосуда в могилу он не мог содержать жидкость внутри, т.е. имел исключительно ритуальное значение. Сосуд был положен между бедренными костями, слева от меча, повторяя расположение атрибутов на заветнинских стелах № 1 и № 4.

Указанные наблюдения позволяют предположить, что рассмотренные изваяния связаны с воинской субкультурой варварских социумов Юго-Западного Крыма, а изображенные предметы отражают реалии своего времени.

Рис. 8. 1–5 — могила 154 некрополя Заветное. Фото из отчета Н.А. Богдановой; 6 — стела № 1 (ссылки на источник иллюстрации — см. в тексте)

Fig. 8. 1–5 — grave 154 from the Zavetnoye necropolis. Photo from the field report by N.A. Bogdanova; 6 — stele No. 1 (references to source of illustration — see text)

Литература и архивные источники

Архивные источники

Богданова, 1958 — Богданова Н.А. Отчет о раскопках могильника первых веков н.э. в районе с. Заветное в 1958 г. // НА ГБУ Республики Крым «Бахчисарайский историко-культурный и археологический музей-заповедник». Ф. № 2, Оп. № 6, Д. № 7. 15 л.

Литература

- Античная скульптура Херсонеса, 1976 — Античная скульптура Херсонеса. Каталог / Сост. А.П. Иванова, А.П. Чубова, Л.Г. Колесникова [и др.]; общ. ред. С.Н. Бибикова. Киев: Мистецтво, 1976. 342 с.
- Безуглов, 2000 — Безуглов С.И. Позднесарматские мечи (по материалам Подонья) // Сарматы и их соседи на Дону / Отв. ред. Ю.К. Гугуев. Ростов-на-Дону: Терра, 2000. С. 169–193 (Материалы и исследования по археологии Дона; Вып. 1).
- Безуглов, 2017 — Безуглов С.И. Позднесарматский курган у станицы Камышевской на Дону // Вестник Танаиса. 2017. Вып. 4. С. 84–127.
- Богданова и др., 1976 — Богданова Н.А., Гущина И.И., Лобода И.И. Могильник Скалистое III в Юго-Западном Крыму (I–III вв.) // СА. 1976. № 4. С. 121–152.
- Богданова, 1989 — Богданова Н.А. Могильник первых веков нашей эры у с. Заветное // Археологические исследования на юге Восточной Европы / Отв. ред. М.П. Абрамова. М.: ГИМ, 1989. С. 17–70 (Труды ГИМ; Вып. 70).
- Буюклиев, 1995 — Буюклиев Хр. К вопросу о фракийско-сарматских отношениях в I — начале II века н.э. // РА. 1995. № 1. С. 37–46.
- Волошинов, 2008 — Волошинов А.А. Скифская и позднескифская скульптура в Крыму // Бахчисарайский историко-археологический сборник. 2008. Вып. 3. С. 45–81.
- Волошинов, 2015 — Волошинов А.А. Надгробная и votивная скульптура городища Алма-Кермен и Заветнинского могильника // ИАКр. 2015. Вып. II. С. 270–294.
- Волошинов, Масякин, 2007 — Волошинов А.А., Масякин В.В. Погребения с оружием из некрополя римского времени у с. Заветное в Юго-Западном Крыму (раскопки 2005–2006 гг.) // Древняя Таврика. Сборник в честь 80-летия Т.Н. Высотской / Ред.: Ю.П. Зайцев, В.И. Мордвинцева. Симферополь: Универсум, 2007. С. 291–302.
- Волошинов, Масякин, 2023 — Волошинов А.А., Масякин В.В. Воинское погребение со шпорами круга восточноевропейских эмалей из могильника Скалистое III // Imperium et Barbaricum: взаимодействие цивилизаций. Сборник статей в честь 70-летия Михаила Казанского / Отв. ред.: А.И. Айбабин, Э.А. Хайрединова. Симферополь: Антика, 2023. С. 103–128 (Византийский Крым).
- Масякин, 2021 — Масякин В.В. О паноплии, изображенной на надгробии первого архонта Херсонеса Газурия // Античные Реликвии Херсонеса: Открытия, Находки, Теории: Материалы научной конференции, Севастополь, 20–24 сентября 2021 года / Под ред. А.В. Зайкова и др. Севастополь: ГИАМЗ «Херсонес Таврический», 2021. С. 187–195.
- Пугаченкова, 1989 — Пугаченкова Г.А. Древности Мианкаля: Из работ узбекистанской искусствоведческой экспедиции. Ташкент: Фан, 1989. 204 с.
- Пуздровский, 2015 — Пуздровский А.Е. Склеп с элитными воинскими погребениями из Усть-Альминского некрополя // ИАКр. 2015. Вып. II. С. 186–199.
- Ростовцев, 1918 — Ростовцев М.И. Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма. С приложениями академика П.К. Коковцова и С.И. Руденка. Пг.: Б.и., 1918. 124 с. (МАР / Изд. Гос. Археол. комис.; № 37).
- Румянцева, Трифонов, 2021 — Румянцева О.С., Трифонов А.А. Питьевой рог и шпоры из погребения 28 могильника Скалистое III в Юго-Западном Крыму: состав стекла и эмали и данные о происхождении // ИАКр. 2021. Вып. XIV. С. 57–70.
- Симоненко, 2015 — Симоненко А.В. Сарматские всадники Северного Причерноморья. Изд. 2-е. Киев: Издатель Олег Филук, 2015. 466 с.
- Скрипкин, 2000 — Скрипкин А.С. Новые аспекты в изучении материальной культуры сарматов // НАВ. 2000. Вып. 3. С. 17–40.
- Смекалова и др., 2015 — Смекалова Т.Н., Колтухов С.Г., Зайцев Ю.П. Атлас позднескифских городищ предгорного Крыма. СПб.: Алетейя, 2015. 244 с.

- Трейстер, 2010 — Трейстер М.Ю. Оружие сарматского типа на Боспоре в I–II вв. н.э. // ДБ. 2010. Вып. 14. С. 484–561.
- Evison, 1975 — Evison V. Germanic glass drinking horns // Journal of Glass Studies. 1975. Vol. 17. P. 74–87.
- Grane, 2007 — Grane T. The Roman Empire and Southern Scandinavia — a Northern Connection: Submitted as Ph.D. dissertation at the SAXO-Institute, University of Copenhagen. Copenhagen, 2007. 317 p.
- Ilyasov, Rusanov, 1997/1998 — Ilyasov J.Ya., Rusanov D.V. A Study on the Bone Plates from Orlat // Silk Road Art and Archaeology. 1997/1998. Vol. 5. P. 107–159.
- Stawiarska, 1999 — Stawiarska T. Naczynia szklane okresu rzymskiego z terenu Polski. Warszawa: Instytut Archeologii i Etnologii PAN, 1999. 375 s.

Military Steles from the Late Scythian Necropolis Zavetnoe (Alma-Kermen): Artistic Source and Archaeological Realities

Aleksey A. Voloshinov³, Vyacheslav V. Masyakin⁴

Stone sculpture is a striking phenomenon in the culture of the barbarian population of Crimea in Roman times. Among the military steles of the first centuries AD, a group of sculptures with detailed and realistic images of attributes stands out. The sculptures in question were found during archaeological research of the Zavetnoye necropolis. The depicted attributes are represented by drinking horns and weapons — darts or spears and swords. Comparison of the images with archaeological finds allows us to assume that the sculptures in question are associated with the military subculture of the barbarian societies of the South-Western Crimea, and the depicted objects reflect the realities of their time.

Keywords: *South-Western Crimea, Roman period, Zavetnoye burial ground, steles, weapons*

-
- 3 Aleksey A. Voloshinov — Institute of Archaeology of the RAS, 19 Dm. Ulyanova St., Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: Voloshinov-Alexs@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-3081-9853.
- 4 Vyacheslav V. Masyakin — Institute of Archaeology of Crimea of the RAS, 2 Acad. Vernadsky Ave., Simferopol, Republic of Crimea, 295007, Russian Federation; e-mail: masjakin@mail.ru; ORCID: 0009-0001-8488-6608.

МОНУМЕНТАЛЬНОСТЬ В ПОГРЕБАЛЬНЫХ СООРУЖЕНИЯХ СИНТАШТИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ ЮЖНОГО ЗАУРАЛЬЯ: СОЦИАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Н.А. Берсенева¹

В статье анализируются проявления монументальности в погребальных памятниках синташтинской культуры Южного Зауралья (конец III — начало II тыс. до н.э. в калиброванных значениях). Целью исследования является ответ на вопрос, насколько монументальность в создании погребальных конструкций была связана с социальным статусом, а также возрастом и гендером погребенных. Изучение вопроса показало, что монументализм в синташтинской ритуальной деятельности был отчасти связан с возрастом и гендером умерших, но в целом отражал корпоративную идеологию общества, а не персональный или элитный «вертикальный» социальный статус погребенных.

Ключевые слова: Южное Зауралье, бронзовый век, синташтинская культура, могильники, монументальность

<https://doi.org/10.31600/978-5-6052467-6-3.197-205>

В словаре В. Даля дается следующее определение слову **монументальный** — «славный, знаменитый, пребывающий в виде памятника», производящий впечатление мощностью, величиной; грандиозный². Происходит от слова monumentum (лат.) — памятник.

Монументальность так или иначе всегда связана с трудозатратами на сооружение объекта и вложениями иных средств. Помимо собственно архитектуры в археологии это также могут быть жертвоприношения (людей, животных, предметов и т.д.) и «богатый» погребальный инвентарь. Часто предполагается, что монументальность, большое вложение сил и средств в погребальный обряд должны коррелировать с «вертикальным статусом» погребенных людей (см.: Tainter, 1975; 1978; и др.). Дж. Тэйнтер провел анализ 103 этнографически известных обществ, чтобы исследовать связь социального статуса и вариантов обращения с умершим. Согласно его выводам, индивидуумы высокого ранга должны были получать большую сумму энергозатрат на свое погребение. Энергозатраты могут быть выражены в размере и сложности могильных структур, продолжительности похорон, сложности обращения с телом, ценности сопроводительного инвентаря, человеческих жертвоприношениях. Он установил, что социальный ранг умершего соотносится с общими энергозатратами на его погребение в 90% случаев (Ibid.).

Применим ли данный вывод к синташтинской культуре Южного Зауралья? Целью исследования является ответ на вопрос, насколько монументальность в создании погребальных конструкций была связана с социальным статусом, а также возрастом и гендером погребенных.

---

1 Наталья Александровна Берсенева — Институт истории и археологии УрО РАН, ул. С. Ковалевской, д. 16, Екатеринбург, 620108, Российская Федерация; e-mail: bersnatasha@mail.ru; ORCID: 0000-0003-2554-6205.

2 <https://gufo.me/dict/dal/монумент> (дата обращения: 12.03.2025).

Синташтинские древности в последние десятилетия находятся в фокусе внимания исследователей. Погребальные комплексы практически полностью опубликованы, за исключением нескольких курганов, поэтому я кратко приведу лишь несколько примеров и суммирую известные факты.

Поселения и могильники локализованы в северной части степной зоны Южного Урала, они датируются концом III — началом II тыс. до н.э. в калиброванных значениях. Округлые или овальные в плане поселения характеризуются блочной застройкой и замкнутыми, сложными системами фортификаций (*Генинг и др.*, 1992; *Зданович Г., Батанина*, 2007; и др.).

Погребальные памятники являются сложными и затратными как в отношении вложенного труда, так и в отношении сопроводительного инвентаря и создания крупных жертвенных комплексов. Параметры надмогильных конструкций (высота в пределах одного метра и максимальный диаметр немногим более 30 метров) не очень велики. Однако внутримогильные конструкции крупных ям отличаются большой сложностью и могут включать несколько перекрытий, сруб в придонной части, столбы и другие элементы. При возведении сооружений и оформлении могил широко использовались дерево (бревна, доски) и грунты. В целом синташтинские могильные ямы отличаются подпрямоугольной формой и большими размерами, включая глубину до 4 м (подробнее см.: *Епимахов*, 2002). Жертвенные комплексы, состоящие из частей или целых туш животных, насчитывают в некоторых случаях десятки забитых особей (подробнее см.: *Зданович Д.*, 2005).

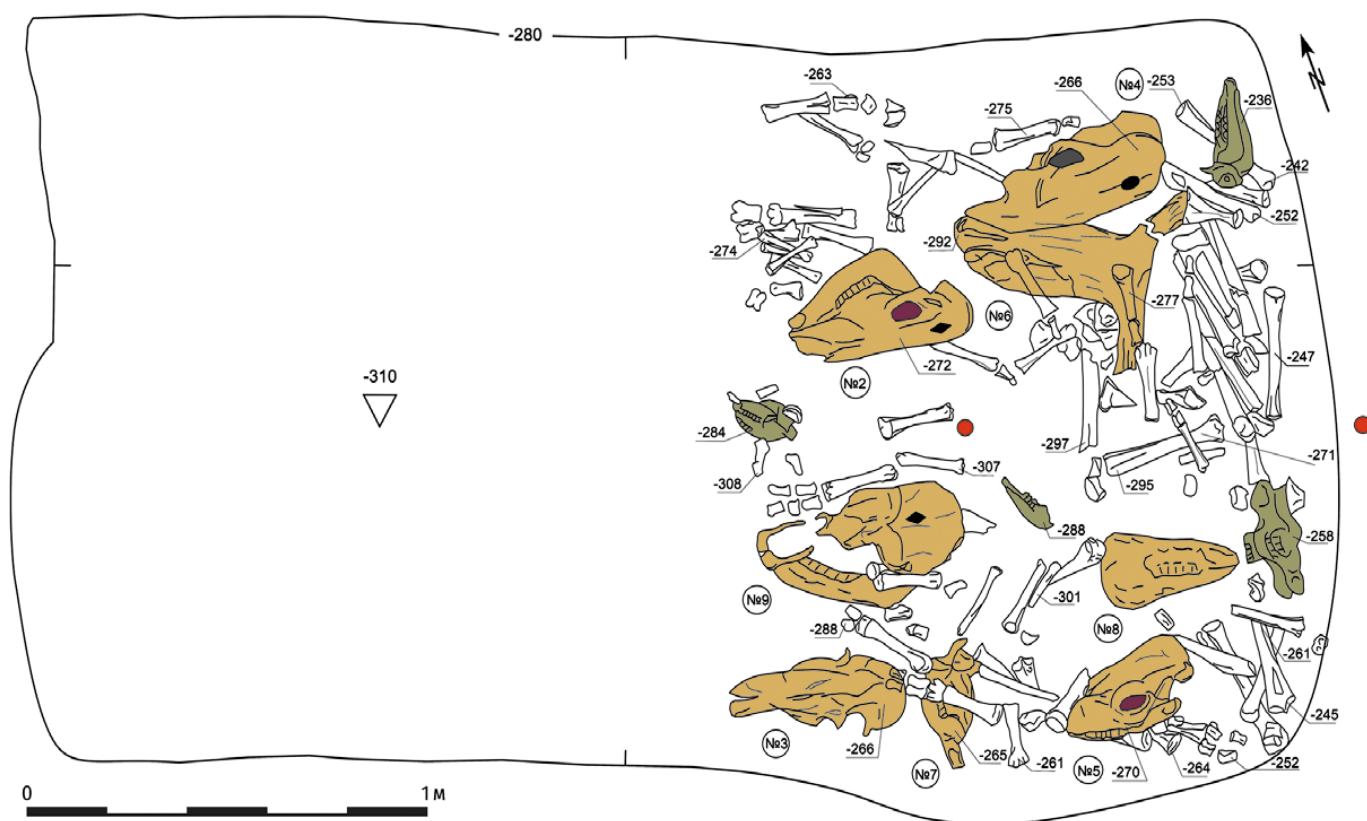
В погребальных памятниках синташтинской культуры в целом наблюдаются два проявления монументальности: в конструкции погребальных/поминальных монументов и в жертвенных комплексах.

Погребальные структуры и жертвенные комплексы

Рассмотрим могильник **Каменный Амбар-5**, курган 8 (*Берсенева, Епимахов*, 2017). Материалы этого комплекса еще ждут публикации, поэтому остановимся на нем подробнее. Курган 8 имел полностью сnivelированную насыпь, находился под лесополосой и был выявлен по аэрофотосъемке. Содержал три могильные ямы (*Фрикке и др.*, 2022. Рис. 3). Жертвенные комплексы были во всех ямах, но в яме 2 жертвенник сохранился почти нетронутым, тогда как само захоронение было полностью ограблено (**рис. 1**).

Крупный жертвенник, верхние отметки которого достигали глубины -230/-240 см от условного нуля, первоначально обнажился по периметру восточной половины ямы. В конечном итоге его расчистка завершилась на уровне ниже -300 см. В его составе обнаружены многочисленные черепа крупного (КРС) и мелкого рогатого скота (МРС). В большинстве случаев они имели приращенные нижние челюсти. На черепах крупных животных отчетливо фиксируются следы проломов в лобной части, которые в случае хорошей сохранности имели ромбическую форму (~5×3 см). Наряду с черепами выявлено значительное число костей конечностей КРС и МРС. Часть из них явно в момент погребения были со шкурой и связками, так как характеризовались полным набором от копыта до скакательного сустава.

КРС — зафиксированы черепа и парные нижние челюсти предположительно от 10 особей: одна старая особь, восемь взрослых, фрагменты от одного теленка. Помимо черепов с парными челюстями обнаружены пясти и плюсны с фалангами. **Овца** — остатки предположительно от шести особей: одна старая, три взрослых, две особи до двух лет (черепа и парные челюсти с метаподиями, фалангами и тарзальными костями). **Лошадь** — остатки предположительно от двух взрослых особей: разрозненные кости дистальных конечностей (метаподии, таранные, пяточ-

ные, грифельные, берцовые с разбитым верхним концом, хвостовой позвонок). **Птица** — две парные кости крыла. То есть для похорон только в яме 2 было забито небольшое стадо: останки 10 коров, шести овец и двух лошадей, — всего 18 животных, а также крыло птицы³.

Обнаруженные в кургане 8 костные остатки принадлежали 29 животным, включая птицу (**табл. 1**). Среди остатков домашних животных зафиксированы 12 особей коров, 11 овец, двух лошадей и двух собак. Большинство жертвенных животных взрослые, но есть две старые особи: одна — КРС и одна — МРС. Среди остатков КРС и овцы также присутствуют особи, не достигшие двух лет, и один теленок.

Табл. 1. Остеологические остатки в кургане 8 могильника Каменный Амбар-5 (количество особей)

Tab. 1. Osteological remains in the kurgan 8 of the Kamenny Ambar-5 burial ground (number of the individuals)

Комплексы \ Виды животных	КРС	МРС	Лошадь	Другое
Яма 1	1	0	0	0
Яма 2	10	6	2	2 кости крыла
Яма 3	1	5	0	2 (собака)
ИТОГО	12	11	2	4

Еще один могильник в Южном Зауралье — **Степное-1**. Синташтинский курган 1 этого некрополя был окружен рвом, достигавшим ширины 4 м в верхней части, и глубиной до 1,2 м при сохранившейся высоте насыпи 0,2 м (Куприянова, 2016).

Рис. 1. Могильник Каменный
Амбар-5. Курган 8, яма 2.
Жертвенный комплекс
(по: Елимахов, 2015. Рис. 76)

Fig. 1. Kamennyi Ambar-5 burial ground. Kurgan 8, grave pit 2. Sacrificial complex (after Епимахов, 2015. Рис. 76)

3 Археозоологические определения выполнены к.и.н. А.Ю. Рассадниковым (ИИИА УрО РАН).

С. 9). Здесь можно также отметить большие размеры и глубину ям, например, ямы 1 (размеры 4,0×2,5 м, глубина -230 см). Конструкция имела массивные деревянные перекрытия, расчищены крупные жертвенные комплексы (Там же. Рис. 65; фото 3; 5; 11 сл.). В составе одного из жертвенников в этой яме были расчищены кости скелетов двух особей лошади (жеребец и кобыла (?)), кости скелетов трех особей КРС (две взрослые коровы и теленок), кости скелетов четырех особей МРС (овца, взрослые и полувзрослые). В центре северной стены располагался еще один жертвенный комплекс, состоявший из черепов и дистальных отделов конечностей двух лошадей. На уровне перекрытия находился также череп собаки с приращенной нижней челюстью.

Всего в кургане 1 (шесть могильных ям) обнаружены остатки 32 копытных (восемь лошадей (взрослые особи: по две — в ямах 2 и 4, четыре — в яме 1); не менее восьми особей КРС (шесть коров и два теленка); не менее 16 особей МРС (все самки, овцы наиболее вероятно жирнохвостые (курдючные), взрослые и полувзрослые)) и две собаки, молодые, первого года жизни (Там же. С. 37).

Е.В. Куприянова для кургана 1 могильника Степное-1 предложила реконструкцию погребальных сооружений (центральных могильных ям), в соответствии с которой над каждой ямой сооружался купол из материкового грунта, а ниже располагались две погребальные камеры: верхняя, содержащая жертвенные комплексы, и нижняя, под деревянным перекрытием, в которой находился собственный погребенный (погребенные) и его погребальный инвентарь (Там же. С. 86–87, рис. 65).

Подобным образом реконструировал некоторые захоронения кургана 25 Большекараганского могильника Д.Г. Зданович (Аркаим: некрополь..., 2002. С. 60–61, рис. 36).

Синташтинский комплекс. Синташтинский комплекс могильников лишен антропологических определений, и археозоологические остатки также в полном объеме не опубликованы. Однако Синташтинский большой грунтовый могильник по количеству захороненных там лошадей намного опережает все другие некрополи, и этот факт сомнений не вызывает. В некоторых комплексах было расчищено минимум шесть целых особей в позе «летающего галопа» (*Генинг и др.*, 1992; *Виноградов и др.*, 2023). Известны также и комплексы «голова+ноги». Следует напомнить, что именно в Синташтинском могильнике впервые были зафиксированы хорошо сохранившиеся отпечатки колес, что позволило исследователям обсуждать проблему происхождения древнейших в мире колесниц.

Могильник Халвай III. Интересное неординарное детское захоронение с оружием было обнаружено в кургане Халвай III в Кустанайской области Республики Казахстан (*Шевнина, Логвин*, 2015). Яма была очень большой (размерами 3,2×2,57 м и глубиной 3 м), имела массивное перекрытие из бревен, поддерживаемое столбами. Погребение содержало шесть сосудов и богатый инвентарь: два набора наконечников стрел (в том числе бронзовые), разнообразные изделия из бронзы (два наконечника копья, вислообушный топор, нож) и камня (абразив, наковальня и пест). Из останков обнаружены только зубы ребенка 4–5 лет. Могила не содержала признаков ограбления.

В целом высокие затраты на совершение синташтинских погребальных ритуалов не вызывают сомнений, зачастую они применялись даже к детям. Связан ли напрямую монументализм с социальными характеристиками умерших?

Корреляция трудозатрат с полом и возрастом погребенных

Жертвенные комплексы. Анализ взаимосвязи пола и возраста погребенных, состава и количества сопровождающих их жертвенных животных показывает, что во всех могильниках взрослые мужчины и женщины снабжались всеми видами

копытных, но лошадь чаще сопутствовала мужчинам (Зданович Д., 2005). Количество и «биомасса» животных, приносимых в жертву, также зависели от возраста и гендерной принадлежности (рис. 2).

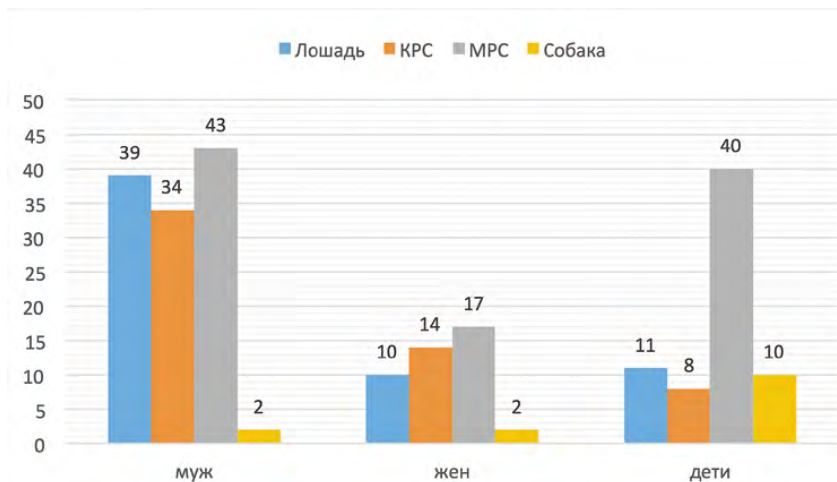
Объем жертвоприношений в женских могилах в среднем вдвое меньше, чем в мужских, несмотря на то что видовой состав во многом сходен. Собаки чаще сопровождали детей. В погребениях, где захоронены только дети, среди жертвенных животных абсолютно преобладает МРС, на втором месте КРС, а кости лошади относительно редки (могильники Синташта I, Степное-1, Бестамак). По «биомассе» жертвоприношений детские захоронения в среднем уступают взрослым. Однако если учесть, что дети составляют более 50% всех погребенных, то в сумме «биомасса» жертвоприношений из этих могил может быть вполне сравнима с взрослыми захоронениями.

Выбираемые для жертвенника части животного в основном представлены головами и конечностями, целыми в могилу клали только особи МРС, лошади, детеныши КРС (нет ни одного случая принесения в жертву целой взрослой особи КРС) и собаки. Полные скелеты лошадей зафиксированы в Синташтинском большом грунтовом могильнике и в некрополе Бестамак (Генинг и др., 1992; Калиева, Логвин, 2009).

Таким образом, выбор жертвенных животных для погребения был определенно связан с гендером и возрастом умершего. В мужских погребениях всех могильников встречено наибольшее количество, как видов, так и особей животных. Женские захоронения сопоставимы по набору видов, но меньше по «биомассе». Жертвенные комплексы детских могильных ям представлены в подавляющем большинстве костями МРС и в среднем по «биомассе» также уступают погребениям взрослых.

Конструкция погребения отчасти зависела от пола и возраста покойных. В первую очередь это связано с индивидуальными детскими погребениями. Индивидуальные погребения маленьких детей (до 3 лет) в абсолютном большинстве характеризуются «скромностью» конструкций, небольшими размерами и глубиной ям, жертвоприношения животных и инвентарь представлены в основном костями МРС, мелкими украшениями и посудой. Индивидуальные погребения взрослых варьируют значительно по глубине ямы и сложности конструкций, однако закономерностей, связанных с полом или возрастом, нам обнаружить не удалось. Впрочем, Е.В. Куприянова усматривает определенную тенденцию, полагая, что возраст людей, захороненных в индивидуальных комплексах, более старший, чем в коллективных усыпальницах (Куприянова, 2016. С. 86). Однако такое предположение требует более развернутой аргументации.

Рассмотрим корреляцию с «вертикальным статусом» умерших. Попытки такой корреляции серьезно осложняются коллективным характером как минимум половины могильных ям и высокой детской составляющей среди захороненных людей. *Группировка погребенных* может характеризоваться преобладанием коллективных или индивидуальных захоронений для разных памятников. Тем не менее,

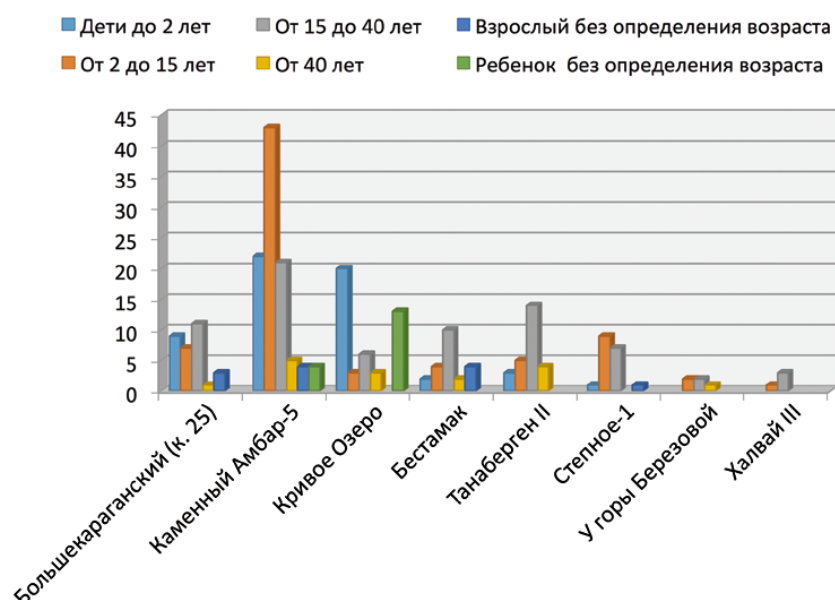

Рис. 2. Соотношение видов жертвенных животных с полом и возрастом погребенных. Диаграмма

Fig. 2. Correlation of species of sacrificed animals with sex and age of the buried. Diagram

большая часть синташтинских умерших похоронена *неиндивидуально* (60,4%). Некоторые могильники (только курганные) характеризуются сильным преобладанием детских погребений; в других — количественно доминируют захоронения взрослых. Однако в среднем все равно *более 50%* погребенных составляют индивиды до 15 лет (**рис. 3**).

Дети подвергались такому же посмертному обращению (в основных его характеристиках), что и взрослые. Их погребали на общих кладбищах как в индивиду-

Рис. 3. Возрастной состав погребенных в синташтинских могильниках. Диаграмма

Fig. 3. Age composition of the buried in the Sintashta cemeteries. Diagram

сти синташтинского общества. За годы работ было представлено множество гипотез: от концепции простого вожества до протогородской цивилизации (подробнее см.: Зданович Д., 1997; Епимахов, 2002; Зданович Г., Батанина, 2007; Корякова, Епимахов, 2010). Тем не менее, специалисты неоднократно отмечали, что синташтинский погребальный обряд не позволяет уверенно отделить «элитные» погребения от «рядовых» (Зданович Д., 1997. С. 61; Епимахов, 2002. С. 19). В качестве вероятных индикаторов погребений элиты назывались центральное местоположение погребения и наличие неких предметных маркеров, таких как булавы, остатки колесниц, предметы вооружения (Зданович Д., 1997. С. 61–68; Епимахов, 2002. С. 60). Отметим здесь, что *монументальность* самого погребального сооружения (то есть могильной ямы) не называлась в качестве маркера индивидуального высокого социального статуса, так как, по справедливому замечанию А.В. Епимахова, размеры могильной ямы были прежде всего обусловлены количеством погребенных в ней людей (Епимахов, 2002. С. 44). С другой стороны, имеются примеры сложных по архитектуре индивидуальных могил, устроенных для детей. Эти особенности погребального обряда привели некоторых исследователей к гипотезе, что синташтинские могильники могли содержать только захоронения элиты, «рядовое» же население хоронилось в соответствии с иным обрядом (Епимахов, 2002. С. 61; Куприянова, 2016. С. 86). Обсуждение последнего предположения пока невозможно из-за отсутствия достоверных следов альтернативного способа захоронения синташтинского населения, даже если он реально существовал.

Корреляция состава и размеров жертвенных комплексов с «вертикальным статусом» умерших также не очевидна. Самые крупные из известных жертвенников приурочены к коллективным могильным ямам. В Синташтинском грунтовом могильнике на перекрытии ямы 5 было расчищено шесть (!) целых костяков лошадей

альных, так в парных (двое детей или взрослый с ребенком) или коллективных могилах (с взрослыми и/или другими детьми). В одной могильной яме могло быть захоронено до восьми детей (Берсенева, 2019. С. 9). Похожая ситуация наблюдается и среди взрослых умерших. По подсчетам автора статьи, 75,0% мужчин и 64,7% женщин были погребены в парных или коллективных могильных ямах (Там же). Очевидно, что коллективный характер значительной части могильных ям сильно осложняет реконструкцию «вертикальной структуры» социума.

Неудивительно, что среди исследователей не существует единого мнения по поводу уровня социальной сложности

(Виноградов и др., 2023. Рис. 64–66). Могила служила коллективной усыпальницей, там было захоронено пять или шесть человек. Инвентарь включал бронзовое шило, два бронзовых ножа, 48 астрагалов, шесть псалиев, каменные наконечники стрел и бусины (Генинг и др., 1992). В могильной яме 2, где на перекрытии обнаружены три костяка лошадей, были похоронены трое умерших, в том числе ребенок (Виноградов и др., 2023. Рис. 57–61). Инвентарь представлен астрагалами, бронзовым шилом и украшениями.

Имеются примеры довольно крупных жертвенников, сопровождавших индивидуальные детские могильные ямы. Например, погребение ребенка 8–10 лет в яме 13 кургана 25 Большекараганского могильника было совершено в глубокой яме (2,2 м), содержащей деревянную погребальную камеру, на перекрытии которой были расчищены скелеты трех ягнят, двух взрослых овец, теленка, а также собаки. Комплекс включал также остатки взрослой особи КРС — череп и конечности (Аркаим-некрополь..., 2002. С. 57–59, рис. 34).

Подводя итог, отмечу, что принципы, согласно которым формировались жертвенные комплексы, и их связь с социальной позицией погребенного по-прежнему остаются загадкой. Получается, что отсутствие четко выраженной элитной группы в погребальных памятниках, с одной стороны, и необходимость управления и координации усилий для создания сложных архитектурных и ритуальных комплексов, с другой, никак не укладываются в рамки жестких концепций социального устройства. Поэтому Л.Н. Корякова и А.В. Епимахов высказали справедливое предположение, что «рост социальной сложности в рассматриваемом нами хронологическом локусе шел не по пути возрастания личного лидерства и имущественного неравенства. Этот процесс, возможно, был ограничен корпоративной идеологией, оправдывающей единство элиты и остального населения» (Корякова, Епимахов, 2010. С. 105).

Заключение

В последние десятилетия в мировой антропологии активно разрабатываются теории *многолинейной эволюции*, имеющие непосредственное отношение к изучению скотоводческих обществ. Предлагаются также *нелинейные* модели социальной эволюции (Кортаев и др., 2000. С. 24–83; Бондаренко и др., 2006. С. 16). Сторонники ее считают, что для каждого уровня сложности могут быть обнаружены альтернативные политические формы. У некоторых кочевых народов авторы находят суперсложные вожества, составляющие, по их мнению, альтернативу государству (Кортаев и др., 2000. С. 37). В их понимании, общества должны рассматриваться не по линиям или потокам эволюции, а в рамках непрерывного эволюционного поля. Вероятно, изучаемые общества эпохи бронзы Южного Урала продуктивнее будет рассматривать с этих позиций, нежели в рамках жестких концепций, таких как теория вожества.

Синташтинское общество и, особенно, общества последующих периодов бронзового века Урала, возможно, следует охарактеризовать в рамках концепции гетерархии — социальной организации, где в отличие от «иерархии отношение элементов друг к другу не ранжировано или существует несколько потенциальных вариантов ранжирования» (Бондаренко и др., 2006. С. 16). Это могло бы объяснить отсутствие материальных признаков элиты на поселениях и в погребениях. Кросс-культурные исследования показали в частности, что «гетерархические общества чаще связаны с территориальными общинами, состоящими из малых семей, в которых социальные связи горизонтальны и имеют вид равноправных соседских связей» (Там же. С. 26).

Коллективный характер синташтинских погребений, возможно, отражал высокую степень консолидации сообщества в целом. Вспомним, что поселения этого времени также демонстрируют стремление населения жить ближе друг к другу, ведь территория была плотно застроена домами, которые соприкасались стенами. Люди, вероятно, предпочитали держаться вместе как в жизни, так и в смерти. Разумеется, коллективная форма сама по себе должна допускаться системой верований и, вероятно, представлениями о сути обрядов перехода. Церемонии совершались для нескольких покойных разом, значит, между ними или существовала раньше, или создавалась новая связь, и в это вкладывался определенный смысл. Люди, связанные в жизни, могли мыслиться остающимися таковыми и после смерти, поскольку их души вместе преодолевали все ритуалы.

Таким образом, монументализм в синташтинской ритуальной деятельности был связан отчасти с возрастом и гендером умерших, но в целом отражал корпоративную идеологию общества, а не персональный или элитный «вертикальный социальный» статус.

Литература

- Аркаим: некрополь..., 2002 — Аркаим: некрополь (по материалам кургана 25 Большекараганского могильника) / Сост. Д.Г. Зданович. Челябинск: Южно-Уральское кн. изд-во, 2002. 216 с.
- Берсенева, 2019 — Берсенева Н.А. Возрастная и гендерная дифференциация в обществах Южного Урала II тыс. до н.э. (по материалам погребальных памятников): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.06. Екатеринбург, 2019. 43 с.
- Берсенева, Епимахов, 2017 — Берсенева Н.А., Епимахов А.В. Продолжение раскопок могильника Каменный Амбар 5 в 2014–2015 гг. // Археологические открытия. 2015 год / Отв. ред. Н. В. Лопатин. М.: ИА РАН, 2017. С. 401–402.
- Бондаренко и др., 2006 — Бондаренко Д.М., Гринин Л.Е., Коротаев А.В. Альтернативы социальной эволюции // Раннее государство, его альтернативы и аналоги / Отв. ред.: Л.Е. Гринин и др. Волгоград: Учитель, 2006. С. 15–36.
- Виноградов и др., 2023 — Виноградов Н.Б., Бобрик Н.Г., Иванова О.Г. Синташта. Путешествие во «времена сновидений»: [Сетевое электронное издание]. Челябинск, 2023. 134 с.
- Генинг и др., 1992 — Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В. Синташта: Археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей. Челябинск: Южно-Уральское кн. изд-во, 1992. Т. 1. 408 с.
- Епимахов, 2002 — Епимахов А.В. Южное Зауралье в эпоху средней бронзы. Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2002. 170 с.
- Зданович Г., Батанина, 2007 — Зданович Г.Б., Батанина И.М. Аркаим — страна городов: пространство и образы (Аркаим: горизонты исследований). Челябинск: КРОКУС, Южно-Уральское кн. изд-во, 2007. 260 с.
- Зданович Д., 2005 — Зданович Д.Г. Жертвоприношения животных в погребальном обряде населения степного Зауралья эпохи средней бронзы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06. Екатеринбург, 2005. 23 с.
- Зданович Д., 1997 — Зданович Д.Г. Синташтинское общество: социальные основы «квазигородской» культуры Южного Зауралья эпохи средней бронзы. Челябинск: Изд-во ЧелГУ, 1997. 93 с.
- Калиева, Логвин, 2009 — Калиева С.С., Логвин В.Н. Могильник у поселения Бестамак (предварительное сообщение) // ВИАЭ. 2009. № 9. С. 32–58.
- Коротаев и др., 2000 — Коротаев А.В., Крадин Н.Н., Лышша В.А. Альтернативы социальной эволюции (вводные замечания) // Альтернативные пути к цивилизации / Под ред. Н.Н. Крадина и др. М.: Логос, 2000. С. 24–83.
- Корякова, Епимахов, 2010 — Корякова Л.Н., Епимахов А.В. Синташтинская археологическая культура: проблемы интерпретации // Вестник истории, литературы, искусства. Т. 7. Археологические открытия. М.: Собрание, Наука, 2010. С. 95–110.
- Куприянова, 2016 — Куприянова Е.В. Погребальные практики эпохи бронзы Южного Зауралья: могильник Степное-1. Челябинск: Энциклопедия, 2016. 119 с.

- Фрикке и др., 2022 — Фрикке П.А., Бачура О.П., Чечушков И.В., Корякова Л.Н., Косинцев П.А., Епимихов А.В. Сезонный фактор в синташтинской погребальной обрядности (могильник бронзового века Каменный Амбар-5) // АЭАЕ. 2022. № 4 (50). С. 76–84.
- Шевнина, Логвин, 2015 — Шевнина И.В., Логвин А.В. Могильник эпохи бронзы Халвай III в Северном Казахстане. Астана: Ин-т археологии им. А.Х. Маргулана, 2015. 248 с.
- Tainter, 1975 — Tainter J.R. Social inference and mortuary practices: an experiment in numerical classification // World Archaeology. 1975. No. 7. P. 1–15.
- Tainter, 1978 — Tainter J.R. Mortuary practices and the study of prehistoric social systems // Archaeological Method and Theory. 1978. No. 1. P. 105–141.

Monumentality in Funerary Constructions of the Sintashta Culture in the Southern Trans-Urals: a Social Aspect

Natalia A. Berseneva⁴

The article analyzes the manifestations of monumentality in the Sintashta funerary monuments in the Southern Trans-Urals (late 3rd to early 2nd millennium calBC). The objective of the study is to address the following research question: to what extent was monumentality in the creation of funerary structures related to the social status, as well as the age and gender of the buried? The study's findings demonstrate that monumentalism in Sintashta ritual activity exhibited a partial correlation with the age and gender of the deceased. Evidently that monumentalism predominantly reflected the collective ideological framework of the society rather than the personal or elite vertical social status of the interred.

Keywords: *Southern Trans-Urals, Bronze Age, Sintashta culture, cemeteries, monumentality*

---

⁴ Natalia A. Berseneva — Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS, 16 S. Kovalevskaya St., Yekaterinburg, 620108, Russian Federation; e-mail: bersnatasha@mail.ru; ORCID: 0000-0003-2554-6205.

КАМЕННЫЕ ПРЯМОУГОЛЬНЫЕ КОНСТРУКЦИИ В ОСНОВАНИИ КУРГАНОВ ЭПОХИ БРОНЗЫ НА КЕРЧЕНСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ КРЫМА

М.Ю. Меньшиков, И.В. Рукавишникова¹

Статья посвящена каменной архитектуре курганов эпохи бронзы, исследованных на Керченском полуострове в рамках охранных работ в 2017 г. В основании четырех из десяти изученных курганов были выявлены прямоугольные конструкции из поставленных вертикально каменных плит-ортостатов. Все выявленные объекты, несмотря на неполную сохранность, объединяет общая методика возведения, пропорции и примененные строительные технологии. На основании полученных данных выявлено, что первоначально ортостатные конструкции экспонировались в открытом виде на поверхности и лишь позднее они были использованы для совершения курганных погребений. Ни одно из выявленных в сформированной над ортостатной конструкцией насыпи погребений невозможно связать с первоначальной прямоугольной конструкцией. На сегодняшний день пока отсутствуют данные, которые позволяют получить независимые абсолютные даты создания и формирования рассмотренных структур. Вопрос относительной датировки объектов могут помочь раскрыть материалы более поздних погребений, которые их перекрывают и публикуются в настоящей статье. Судя по этим материалам, возведение ортостатных каменных конструкций может приходиться на средний бронзовый век (скорее всего, его финал), однако для решения этого вопроса необходимы дальнейшие исследования.

Ключевые слова: Крым, Керченский полуостров, эпоха бронзы, курганы, каменная архитектура, ортостаты

<https://doi.org/10.31600/978-5-6052467-6-3.206-220>

В ходе охранных археологических работ в Крыму на Керченском полуострове в 2017 г. отрядом под руководством И.В. Рукавишниковой и М.Ю. Меньшикова было исследовано 10 курганов. Все курганы в основе своей содержали погребения различных периодов бронзового века — какие-то курганы имели первую насыпь времени существования ямной археологической общности, какие-то начали формироваться в середине бронзового века. Во всех исследованных курганах совершались подзахоронения в течение всей эпохи бронзы и в более поздние периоды. В настоящей работе речь будет идти о четырех курганах, имеющих в основании сходную каменную архитектуру, которая в более позднее время была перекрыта курганными насыпями (**рис. 1**).

Базовая каменная архитектура этих четырех курганов синхронна. Важно отметить, что каменные конструкции сформировались на небольших древних природных возвышенностях, но не на поверхностях уже насыпанных ранее курганов,

¹ Максим Юрьевич Меньшиков, Ирина Викторовна Рукавишникова — Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, д. 19, Москва, 117292, Российская Федерация; e-mail: maxim-menshikov@yandex.ru; rukavishnikovairina@yandex.ru, ORCID: 0009-0008-5122-6479; 0000-0002-2034-8659.

Рис. 1. Местоположение рассмотренных в статье курганных групп: 1 — Фонтан 1; 2 — Фонтан 2; 3 — Ивановка

Fig. 1. Location of burial mound groups: 1 — Fontan 1; 2 — Fontan 2; 3 — Ivanovka

которых достаточно много в близлежащих окрестностях. То есть исследуемые четыре кургана первоначально представляли собой исключительно каменные конструкции, расположенные в ландшафте, где имелись курганные насыпи предшествующих эпох. Спустя относительно непродолжительное время, в пределах бронзового века, их каменные конструкции были перекрыты насыпями и визуально стали аналогичны окружавшим их земляным курганам. Пришедшее после этого на территорию Керченского полуострова население уже не отличало курганы с ортостатными конструкциями в основании от остальных земляных курганов эпохи бронзы и осуществляло подзахоронения в любую доминирующую насыпь, иногда принимая за курганы и природные всхолмления, выделяющиеся на равнинной поверхности (см.: Меньшиков, 2022).

Исследуемые в данной работе памятники находятся либо на незначительном удалении от выходов мшанкового известняка, либо возведены непосредственно на каменных останцах, где и выламывались плиты для сооружения ортостатной конструкции. Плиты преимущественно имели квадратную или прямоугольную форму, но могли быть и аморфные. Размеры плит, которые использовались в качестве ортостатов, варьировали от 30 до 110 см. Толщина плит также была различной (от 10 до 25 см) и в основном зависела от физических свойств пластов камня, где плита была выломана. Высота плит в конструкции могла достигать 1 м над уровнем древней погребенной почвы периода формирования каменной структуры. Основание такого ортостата было впущено в канавку глубиной 0,05–0,15 м, в некоторых случаях пробитую в скальном выходе, и качественно забутовано более мелкими камнями с одной или с двух сторон. Две из четырех исследуемых структур имели двухрядную конструкцию из ортостатных плит.

Наиболее ранние захоронения, выявленные внутри квадратной ортостатной конструкции, относятся к бронзовому веку. Совершены они в разных обрядовых традициях. При этом ни одно из исследованных погребений нельзя уверенно связать с ортостатной конструкцией. Выявленные внутри квадратной структуры погребения перекрыты либо каменным панцирем, а позднее — земляной насыпью, либо сразу земляной насыпью, по периметру которой сооружался кромлех. Позднее в уже сформированную земляную насыпь впускались погребения финального

Рис. 2. Каменные конструкции в основании кургана 1 курганной группы Фонтан 3. Зеленым цветом отмечен объект 4 — первоначальная каменная ортостатная конструкция

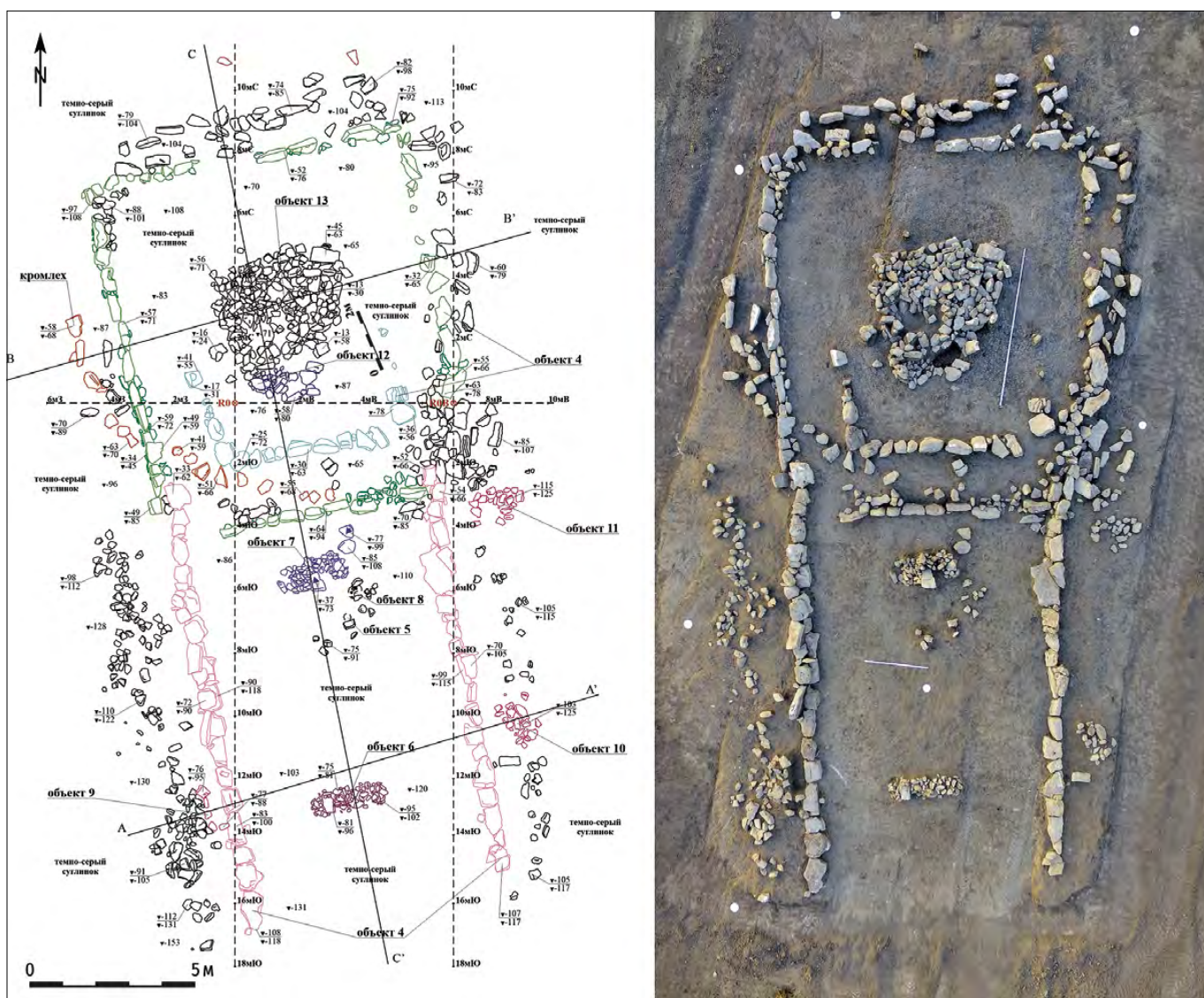
Fig. 2. Stone structures at the base of burial mound 1 of the Fontan 3 burial group. Object 4 — the original stone orthostatic structure — is marked in green

этапа эпохи бронзы, которые преимущественно представлены захоронениями людей в скорченных позах с сосудом в качестве погребального инвентаря².

Так как у нас отсутствуют основания для абсолютных датировок выявленных ортостатных конструкций, то в данной работе приведены находки, которые позволят получить информацию о характере погребений, совершенных при использовании ортостатной прямоугольной структуры вторично, когда она уже являлась частью курганного пространства.

Курганная группа Фонтан 1

Курган 3. Насыпь располагалась на незначительном материковом всхолмлении. После снятия пахотного горизонта стало очевидным, что планиграфия выявленных под пахотой каменных структур представляет гораздо больший интерес, чем практически уничтоженная стратиграфия (рис. 2). Поэтому в процессе работ было принято решение о снятии после графической и фотофиксации бровок до уровня погребенной почвы для выявления и расчистки каменных структур. Многие

² Об этапах формирования курганных насыпей исследованных памятников подробнее см.: Меньшиков, Рукавишникова, 2018.

камни были свернуты и передвинуты в процессе сельскохозяйственных работ, на многих камнях фиксировались следы агротехники. Тем не менее, внутренние конструкции и погребения кургана сохранились благодаря массиву крупных каменных блоков, которые препятствовали глубокой пропашке грунта на этом участке.

В пределах кургана можно было выделить четыре объекта, собранных из камней. Самый ранний — квадратная ограда из ортостатов в два ряда.

Очевидно, что при дальнейшем бытовании объекта уже в качестве исключительно погребальной курганный конструкции, часть камней из квадратной ограды была изъята и вторично использована при сооружении трех более поздних каменных объектов, как:

- каменной насыпи внутри квадратной конструкции над погребением эпохи бронзы;
- сформированного каменного кольцевого кромлеха вокруг грунтовой насыпи, перекрывшей всю каменную ортостатную конструкцию;
- пристройки средневекового погребального комплекса с южной стороны кургана (Меньшиков и др., 2020).

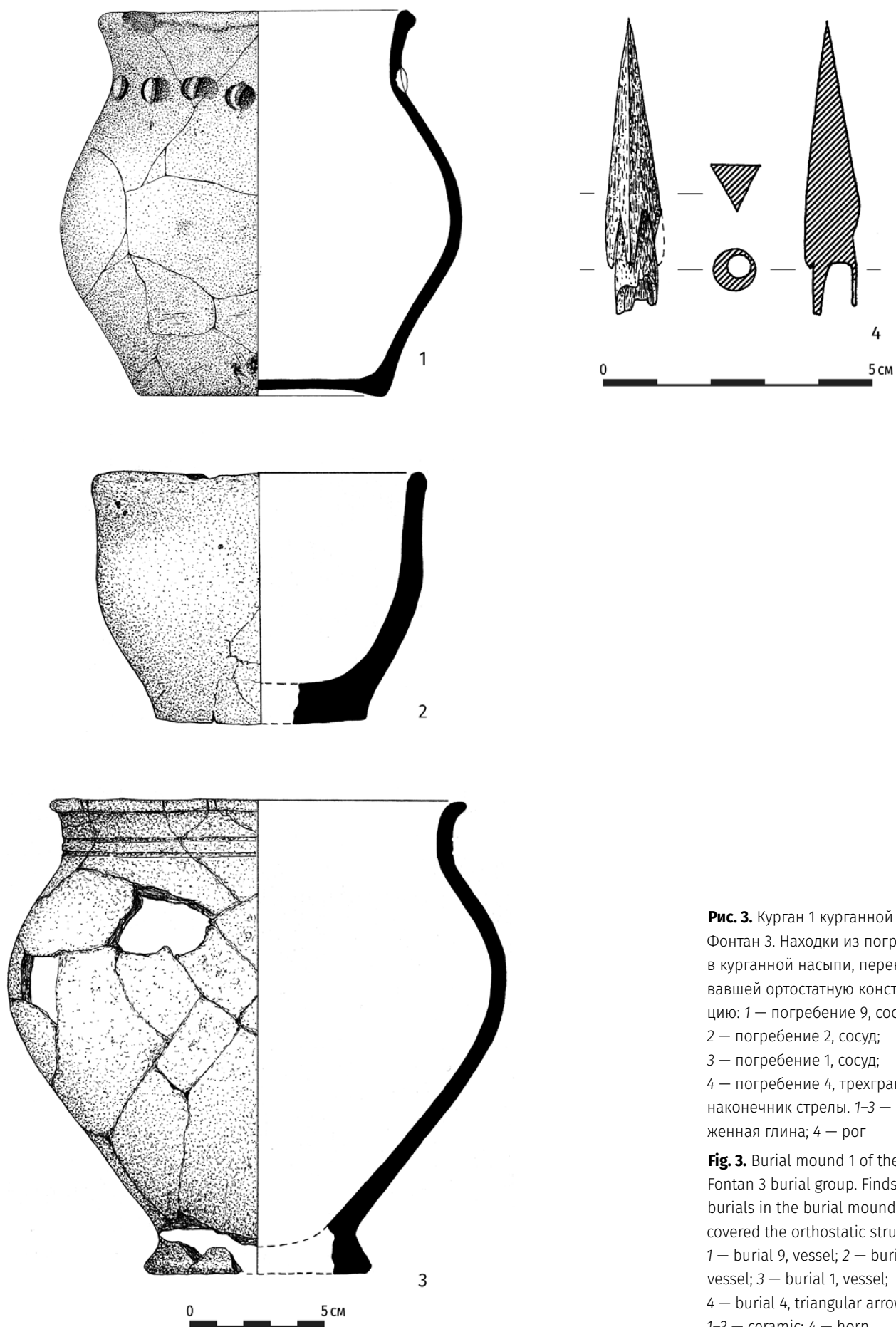
Частично сохранившаяся, но реконструируемая прямоугольная ограда из ортостатов состоит из двух контуров. Внешний прямоугольник ортостатов вытянут по оси, близкой к С–Ю. Отклонение от истинного севера — около 14° против часовой стрелки. Размеры внешнего контура около 11×10 м. Внутренний контур сохранился в виде буквы «П». Если предполагать, что внутренний контур также представлял собой прямоугольную замкнутую фигуру, то можно заключить, что сохранилась только его южная часть. Северная часть конструкции, вероятно, была разобрана для сооружения каменного панциря в центральной части. Стены ортостатного внутреннего контура параллельны стенам внешнего контура. Расстояние между камнями внешнего и внутреннего контуров везде, где можно это проследить, составляет около 1,6 м. Полностью сохранившаяся южная стенка имеет протяженность около 5 м, камни западной стены были прослежены на протяжении 3,2 м, ортостатная стенка восточной части внутреннего контура, включая канавку и камни забутовки, прослежена также до 3,2 м от южной ортостатной стены внутреннего контура.

В последующие периоды в пределах насыпи, перекрывшей каменную ортостатную конструкцию, было совершено не менее шести погребений, которые можно отнести к бронзовому веку. Еще два средневековых погребения были совершены в южной пристройке к кургану. Для одного погребения в пределах центральной насыпи невозможно установить время его совершения.

Самое раннее погребение принадлежало ребенку возрастом около одного года³. Погребение было совершено на спине, головой на В. Руки вытянуты вдоль тела. Инвентарь погребения представлен лепным сосудом, который располагался в западной части могильной ямы (рис. 3, 1). Погребение было перекрыто каменным панцирем размерами около 4×3 м и высотой до 0,7 м. При сооружении каменного панциря, вероятно, частично были использованы камни из ортостатной конструкции. Несмотря на то, что данное погребение самое раннее из всех исследованных захоронений, его нельзя связать с расположенной вокруг ортостатной конструкции, которая является, безусловно, самым ранним объектом на этом участке.

На следующем этапе в панцирь кургана было совершено еще одно впускное захоронение, скорченно на боку и, возможно, параллельно сформирован кенотаф. С этими периодом связано формирование кольцевого кромлеха вокруг

3 Здесь и далее все антропологические определения д.и.н. М.В. Добровольской.

Рис. 3. Курган 1 курганный группы Фонтан 3. Находки из погребений в курганной насыпи, перекрывавшей ортостатную конструкцию: 1 — погребение 9, сосуд; 2 — погребение 2, сосуд; 3 — погребение 1, сосуд; 4 — погребение 4, трехгранный наконечник стрелы. 1-3 — обожженная глина; 4 — рог

Fig. 3. Burial mound 1 of the Fontan 3 burial group. Finds from burials in the burial mound that covered the orthostatic structure: 1 — burial 9, vessel; 2 — burial 2, vessel; 3 — burial 1, vessel; 4 — burial 4, triangular arrowhead. 1-3 — ceramic; 4 — horn

центрального панциря и насыпка кургана над стоящей до этого открытой каменной конструкцией.

На финальном этапе бронзового века в курганный земляную насыпь были впущены еще три подзахоронения, вероятно, одновременных или очень близких по времени. Инвентарь последних захоронений эпохи бронзы представлен лепным глиняным сосудом и роговым наконечником стрелы (рис. 3, 2, 3).

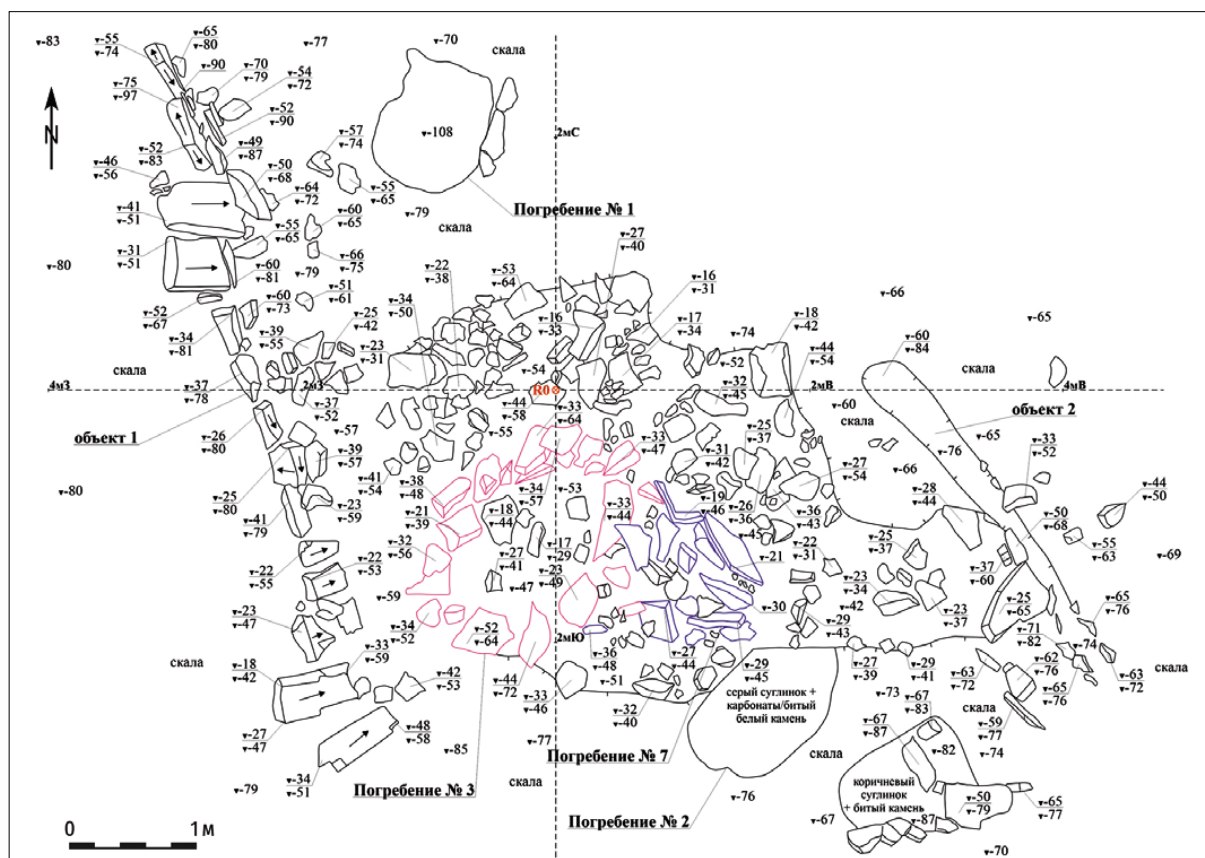
Курганный группа Фонтан 2

Курган 1. После снятия грунта и расчистки сохранившихся каменных конструкций были выявлены остатки прямоугольной структуры, состоящей из сохранившихся ортостатов различных размеров и участков заглубленных канавок, в которых ортостаты фиксировались изначально (рис. 4). Конструкция располагалась на известковом останце, незначительно доминирующем над местностью. Из всей системы ортостатных стен сохранилась лишь одна — западная. Восточная линия была разобрана в древности, от нее удалось проследить канавку, камни забутовки и один заваленный ортостат. От южной части прямоугольной конструкции сохранился лишь восточный участок канавы. Северная часть отсутствует полностью. Реконструируемое положение прямоугольной структуры имеет отклонение от истинного севера 20° против часовой стрелки. Протяженность сохранившейся западной линии около 5 м. Камни в составе ортостатной стены имеют следы грубой подработки. Размеры камней в среднем 30×20×80 см. Всего в цепочке прослежено не менее 17 вертикально стоящих блоков. Блоки впущены в подготовленную канавку и у основания забутованы небольшими камнями. Хорошо прослеживается, что не только ортостаты, но и часть камней забутовки в южной части западной линии была выбрана и, вероятно, использовалась при сооружении последующих погребений, впущенных в курган, который был насыпан над ортостатной конструкцией.

В пределах конструкции всего было изучено восемь погребений, относящихся к финалу бронзового века. Из них хорошо сохранилось и удалось исследовать *in situ* пять погребений, другие три были разрушены более поздними впускными захоронениями. Все погребенные в пяти исследованных погребениях были уложены в скорченном положении на боку. Два погребения были безынвентарные, в остальных найдены лепные глиняные сосуды, фрагмент бронзовой оковки деревянной чаши и роговые наконечники стрел (рис. 5).

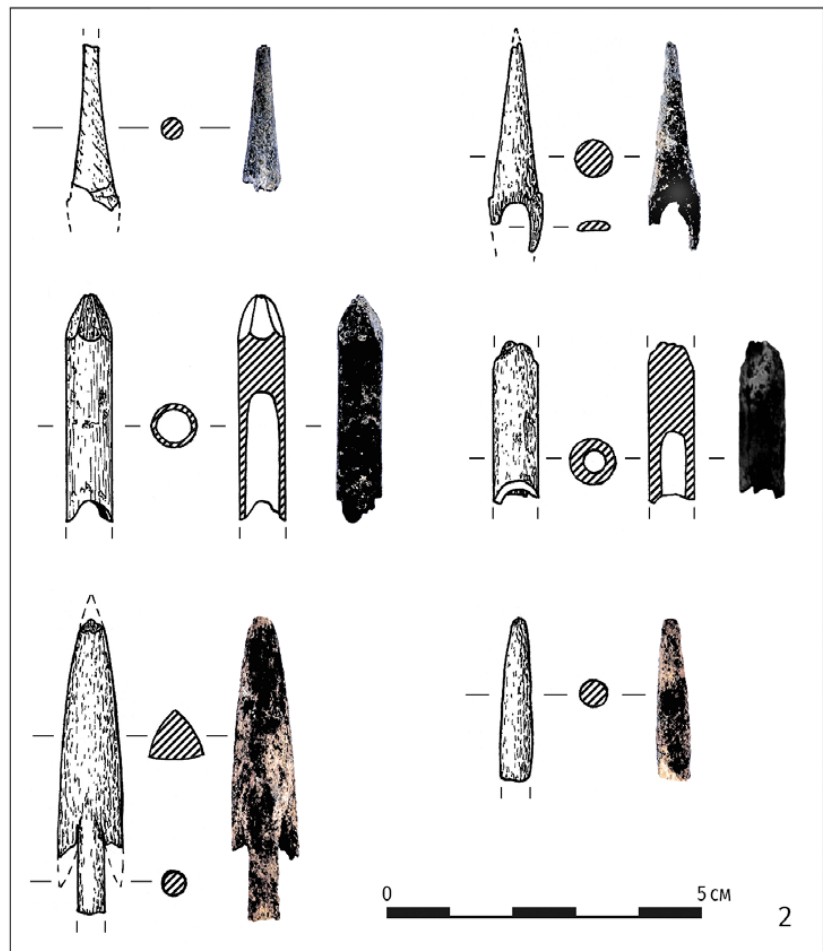
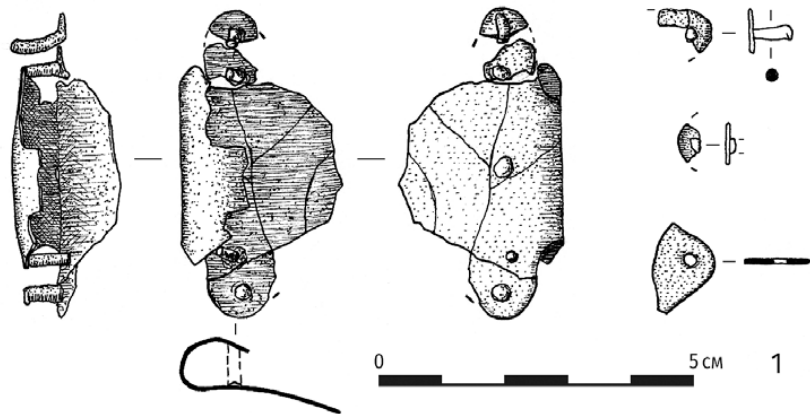
Курган 5. Этот курган, как исследованный в этой курганной группе курган 1, располагался на участке природного скального выхода. На участке скальника с неровной дневной поверхностью с помощью мелких ломаных камней осадочных пород была сформирована нивелировочная подсыпка, верхняя часть которой фактически представляла собой горизонтальную вымостку из камней фракцией 5–40 см. По внешнему периметру этой нивелировочной площадки располагался незамкнутый прямоугольник камней ортостатов. Ортостаты ограничивали площадку с запада, севера и востока. В южной части ортостаты примыкали к относительно возвышенному гребню скального выхода, который, возможно, заменял ограничивающую внутреннее пространство стенку. Размеры прямоугольной конструкции составляли около 8,2×7,3 м, она вытянута по оси, близкой к З–В. Отклонение от истинного севера составляло 22° против часовой стрелки. Параллельно внешней прямоугольной ортостатной конструкции располагался внутренний контур, от которого хорошо сохранилась восточная стенка и частично северная. Расстояние между внутренним и внешним контуром составляло на востоке около 1,2 м, а на севере — около 1,5 м (рис. 6).

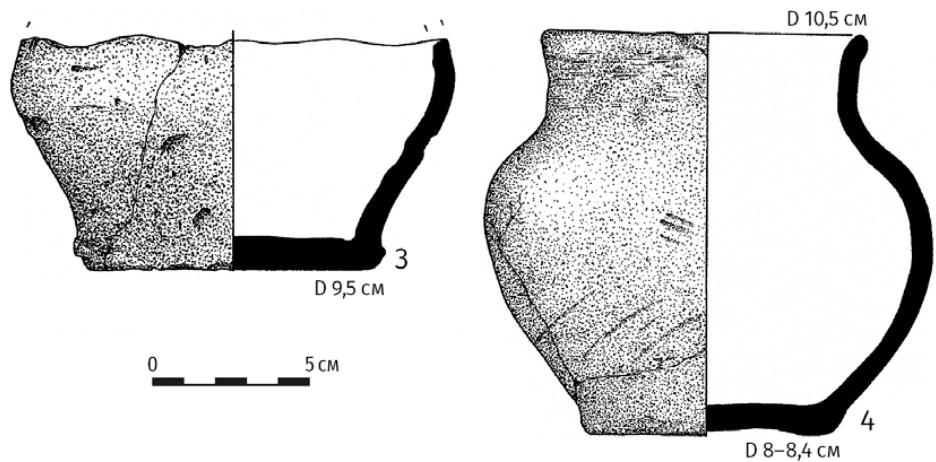
Рис. 4. Каменные конструкции в основании кургана 1 курганной группы Фонтан 2. Объект 1 — западная ортостатная стена конструкции; объект 2 — канавка восточной стены ортостатной конструкции с сохранившимися в южной части камнями забутовки

Fig. 4. Stone structures at the base of burial mound 1 of the Fontan 2 burial group. Object 1 — western orthostatic wall of the structure; object 2 — groove of the eastern wall of the orthostatic structure with preserved backfill stones in the southern part

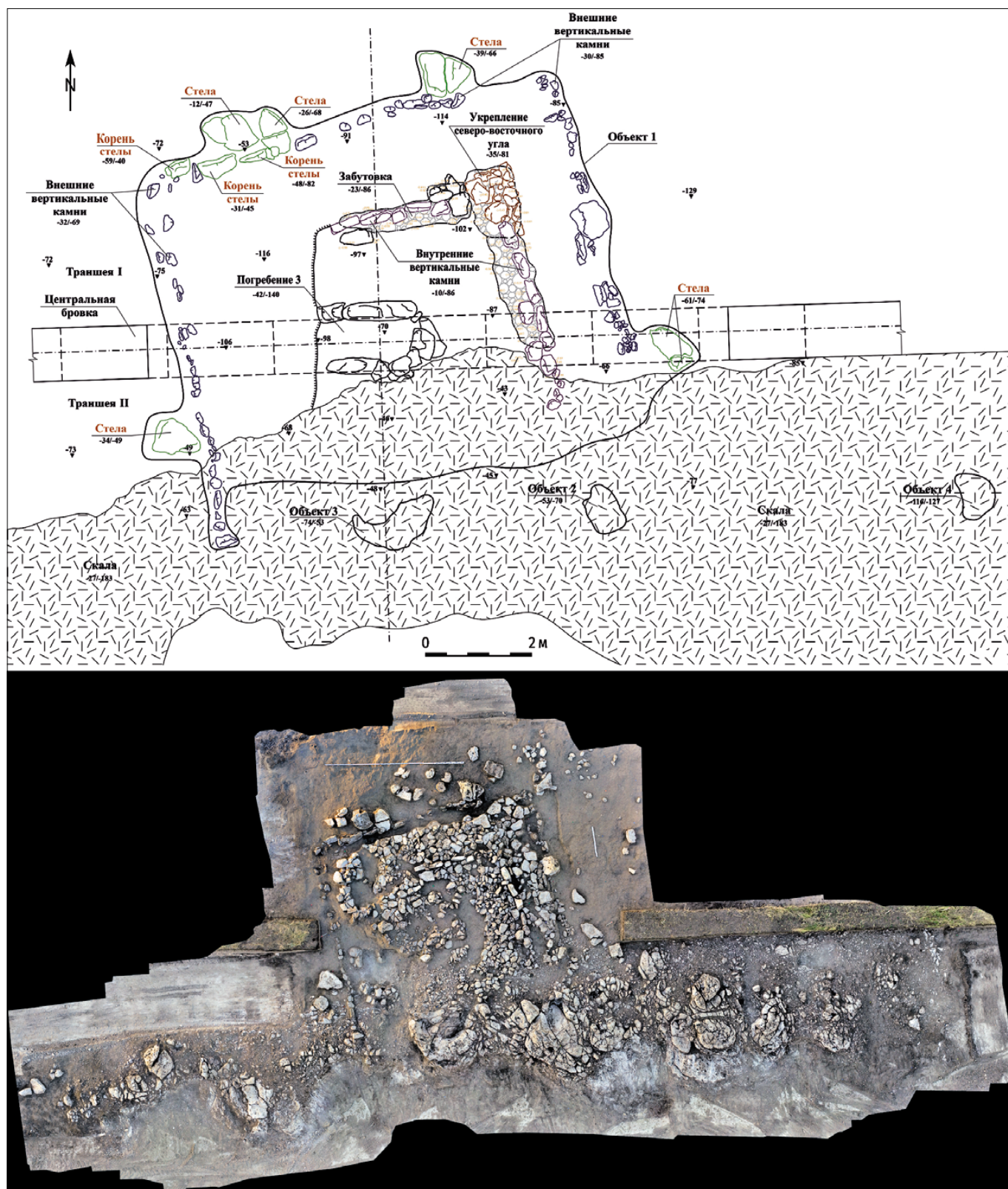

Рис. 5. Курган 1 курганной группы Фонтан 2. Находки из погребений, впущенных в ортостатную конструкцию: 1 — погребение 2, оковка деревянной чаши; 2 — погребение 2, наконечники стрел; 3 — погребение 7, сосуд; 4 — погребение 9, сосуд. 1 — бронза; 2 — рог; 3, 4 — обожженная глина

Fig. 5. Burial mound 1 of the Fontan 2 burial group. Finds from burials included in the orthostatic structure: 1 — burial 2, fitting of a wooden bowl; 2 — burial 2, arrowheads; 3 — burial 7, vessel; 4 — burial 9, vessel. 1 — bronze; 2 — horn; 3, 4 — ceramic

Рис. 6. Каменные конструкции в основании кургана 5 курганной группы Фонтан 2

Fig. 6. Stone structures at the base of burial mound 5 of the Fontan 2 burial group

На площадке в переотложенном виде обнаружены лепной керамический сосуд и каменный курант (рис. 7, 1, 2). В пределах площадки, окруженной ортостатами, выявлены три погребения. Два впускных погребения, вероятно, являются близкими по времени совершения, в одном из них были найдены два сосуда (рис. 7, 3, 4). Их могильные ямы пробивали вымощенную горизонтальную площадку. Близко к центру всей конструкции располагался каменный ящик (погребение 3) с признаками ограбления, однако его ориентировка не совпадала с ориентировкой стен ортостатной структуры. В ящике были выявлены отдельные находки античного времени.

Курганная группа Ивановка

Курган 1. Практически вся северная и восточная части кургана были разрушены в ходе хозяйственной деятельности в XX в. В центральной части были прослежены остатки ортостатной прямоугольной конструкции, которая также сильно повреждена в недавнем прошлом. Сохранились частично южная и западная ортостатные стены, расположенные под прямым углом друг к другу (рис. 8). Отклонение конструкции составляет от истинного севера 34° против часовой стрелки. Протяженность южного сохранившегося участка стены — около 3,5 м, протяженность западного сохранившегося участка — около 7,2 м. Ортостаты представлены аморфными плитами размерами до 80–100 см в плане и толщиной до 20 см. Как и в представленных выше случаях, ортостаты заглублены на 0,10–0,15 м в канавку и имеют забутовку мелкими камнями.

Позднее, как и в случае с курганом 3 курганной группы Фонтан 1, в центре был сформирован каменный панцирь, в составе которого использовались блоки, совпадающие по пропорциям с сохранившимися ортостатными блоками, и было совершено не менее трех погребений (рис. 8; 9), которые можно отнести к бронзовому веку (два — кенотафы), а курганная насыпь была ограничена кольцевым кромехом.

Результаты и обсуждение

Для исследованных каменных ортостатных конструкций отметим следующие особенности данного типа сооружений:

1. Несмотря на то, что рассмотренные ортостатные конструкции находятся в основании курганных насыпей, они не являются частью курганной архитектуры. Все насыпи, перекрывающие ортостатные конструкции, совершены позднее.

2. Ортостатные конструкции какое-то продолжительное время в открытом виде экспонировались на древней дневной поверхности, что подтверждают завалы ортостатов в стороны. Если бы конструкция была засыпана сразу, то при отсутствии иного воздействия ортостаты сохраняли бы свое вертикальное положение.

3. Ни одно из выявленных в пределах ортостатных конструкций погребений нельзя связать с данной конструкцией. Все погребения совершены позднее, когда площадки внутри ортостатного прямоугольника стали использоваться как основание подкурганного пространства.

4. Прослеживается единство строительных приемов при формировании ортостатных конструкций, о чем свидетельствуют пропорции блоков и наличие канавки с забутовкой.

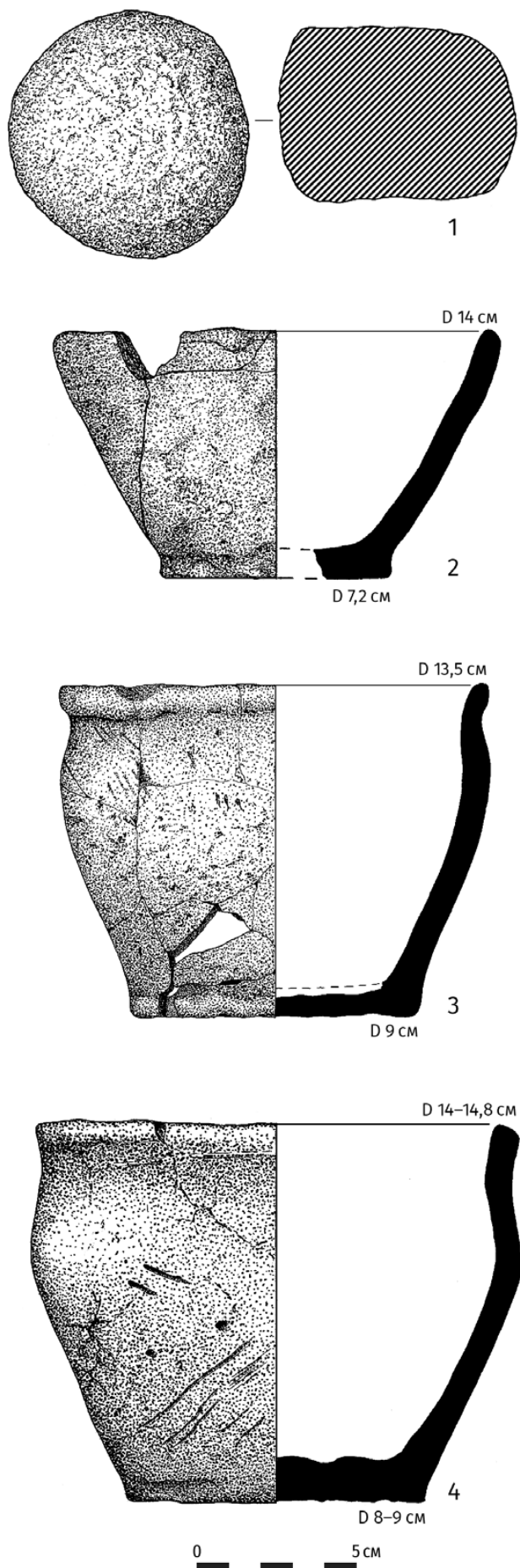
5. Все конструкции имеют отклонение от оси С–Ю в пределах 14–34° против часовой стрелки.

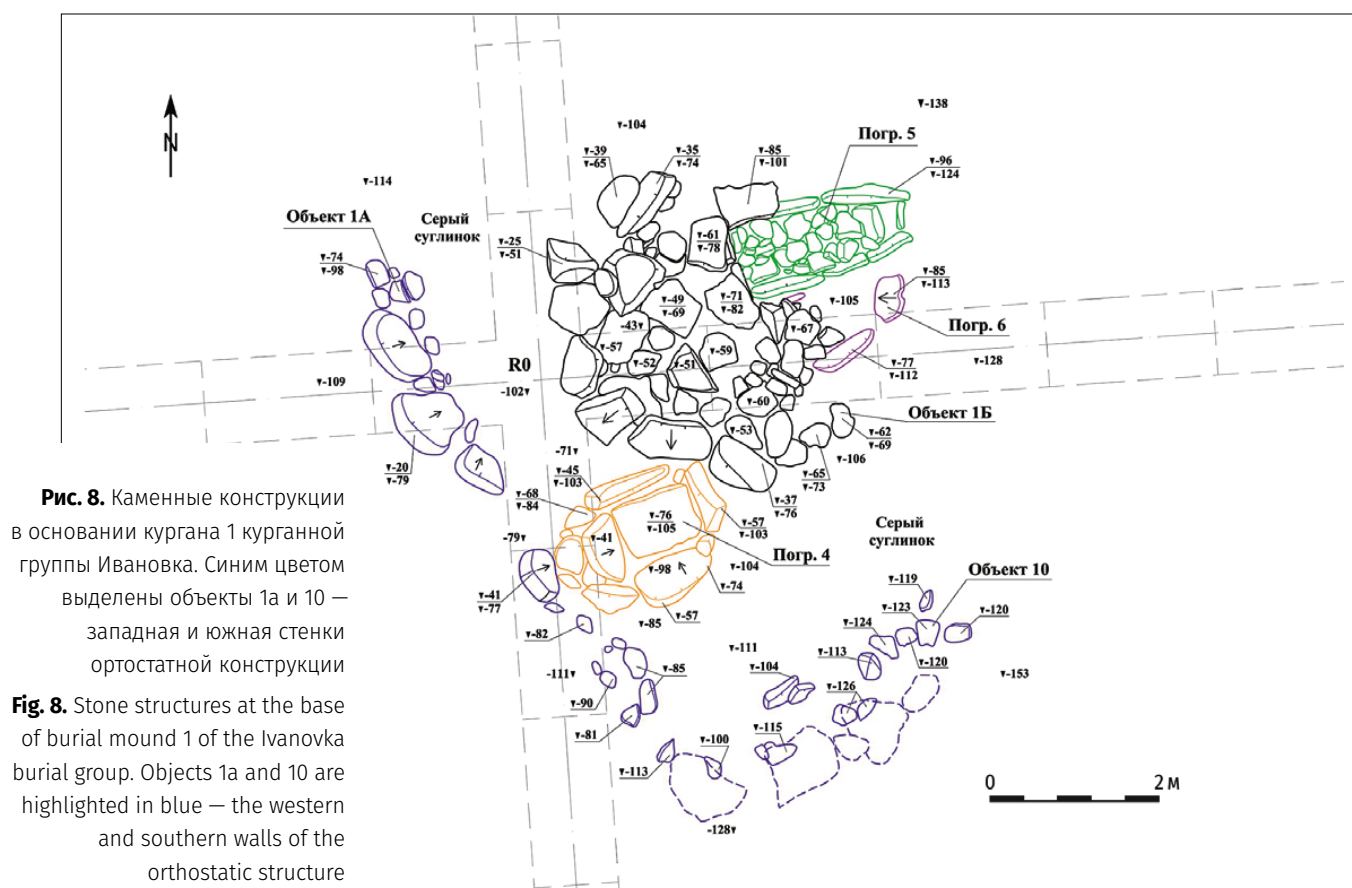
Следует отметить, что подобные комплексы с прямоугольными конструкциями исследовались и ранее на Керченском полуострове: имеется информация о трех близких по форме сооружениях, зафиксированных под перекрывающими их курганами (см.: Кислый, 1993. С. 170–174). Прямоугольные каменные конструкции были

Рис. 7. Курган 5 курганной группы Фонтан 2. Находки из погребений, впущенных в ортостатную конструкцию: 1 — курант; 2 — сосуд; 3, 4 — погребение 2, сосуды. 1 — камень; 2–4 — обожженная глина

Fig. 7. Burial mound 5 of the Fontan 2 burial group. Finds from burials included in the orthostatic structure: 1 — hand stone; 2 — vessel; 3 — burial 2, vessel; 4 — burial 2, vessel. 1 — stone; 2–4 — ceramic

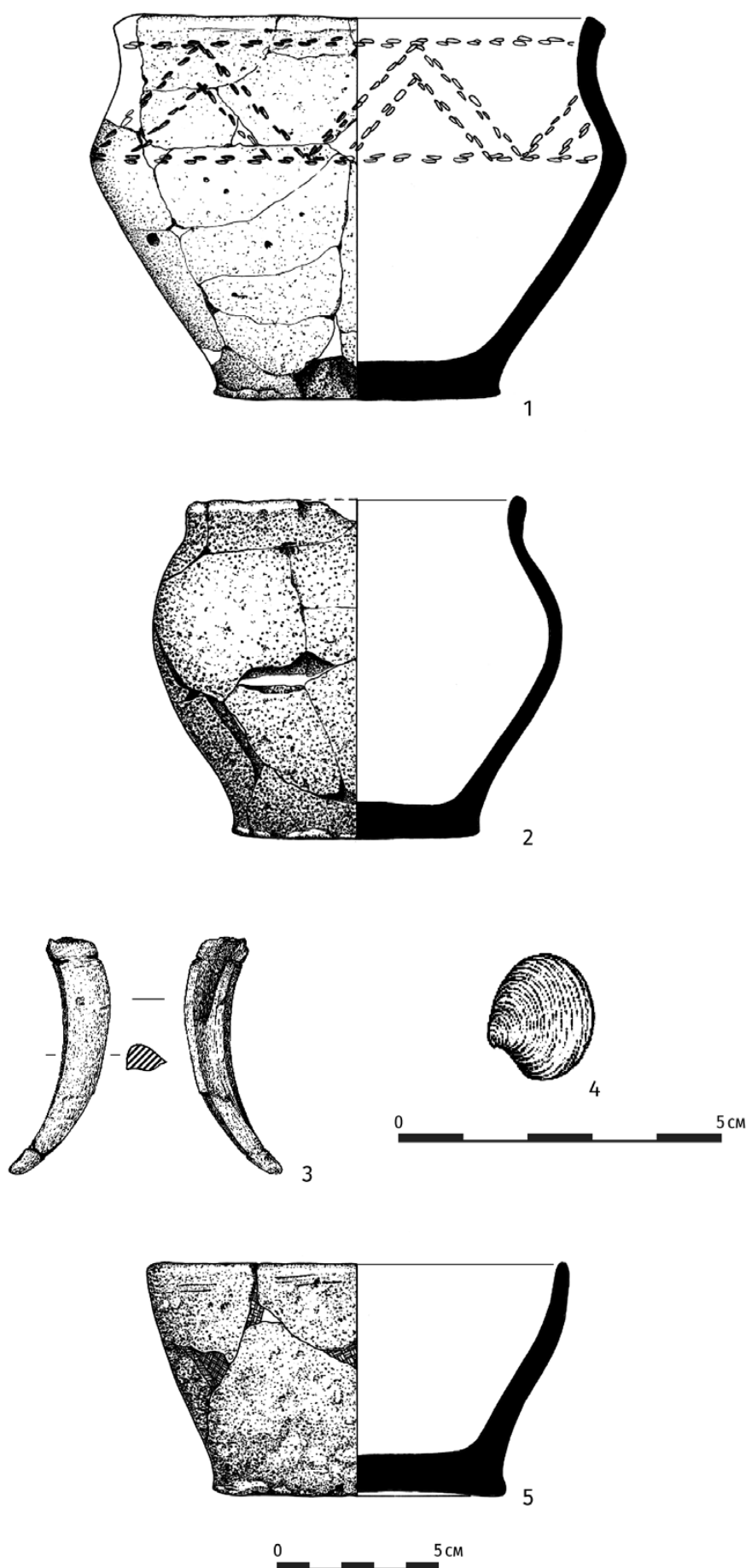
выявлены в курганах 3 и 4 Аджимушкайского курганного могильника, исследованного в 1979 г., а также в кургане 77 Акташского могильника. А.Е. Кислый датирует подобные конструкции временем бытования срубной культуры на основании выявленной керамики, при этом отмечает, что с прямоугольными структурами Аджимушкайского курганного могильника нельзя уверенно связать ни одно погребение. Расположенный в кургане 77 Акташского могильника в центральной части каменный ящик со скорченным погребением, который А.Е. Кислый считает синхронным строительству прямоугольной конструкции, судя по приведенному чертежу, все-таки расположен не в центре конструкции, а смещен к ЮВ (Там же. С. 170). Для конструкций со столь идеально выверенными углами и устойчиво прослеживаемым на нескольких памятниках четким соблюдением форм (и «бережным отношением» к геометрии), подобное нарушение гармонии видится нарушением существующих норм. Относительно кургана 77 отмечена интересная особенность в расположении сосудов по углам комплекса, вне погребений. Возможно, подобная ситуация была прослежена нами и при раскопках 2017 г. В кургане 1 курганной группы Ивановка, в юго-восточной части, под поздними перекопами на материке вне каких-либо погребальных сооружений был обнаружен сосуд (рис. 9, 5), близкий по форме сосуду, помещенному в северный угол кургана 77 Акташского могильника.

На современном уровне исследований пока отсутствуют данные, позволяющие получить независимые абсолютные даты создания и формирования ортостатных каменных прямоугольных конструкций. Судя по материалам погребений позднего бронзового века, перекрывающих эти структуры, время их сооружения может приходиться на средний бронзовый век (скорее всего, его финал), однако для решения этого вопроса необходимы дальнейшие исследования.

Литература

- Кислый, 1993 — Кислый А.Е. Кромлехи и каменные оградки срубной культуры на Керченском полуострове // ДСПК. 1993. Т. IV. С. 162–176.
- Меньшиков, 2022 — Меньшиков М.Ю. Античные впускные погребения «кургана» Султановка 1 (Керченский полуостров) // ДБ. 2022. Т. 27. С. 234–242.
- Меньшиков, Рукавишникова, 2018 — Меньшиков М.Ю., Рукавишникова И.В. Курганы Керченского полуострова с каменной архитектурой. По результатам спасательных археологических работ в 2017 г. // ДБ. 2018. Т. 23. С. 114–126.
- Меньшиков и др., 2020 — Меньшиков М.Ю., Рукавишникова И.В., Горболь Н.Ю., Юнкин Ж.А. Впускные кочевнические погребения XII–XIII вв. в курганах Керченского полуострова, исследованные в 2017 г. // Древние памятники, культуры и прогресс. A caelo usque ad centrum. A potentia ad actum. Ad honores: Сборник посвящен Д.В. Рукавишникову / Отв. ред.: И.В. Рукавишникова, О.А. Радюш. М.: ИА РАН, 2020. С. 180–199.

Рис. 9. Курган 1 курганной группы Ивановка. Находки из погребений в курганной насыпи, перекрывавшей ортостатную конструкцию и на материке: 1 — погребение 4, сосуд; 2 — погребение 5, сосуд; 3 — погребение 6, подвеска из клыка кабана; 4 — погребение 6, раковина морская (обнаружена под черепом человека); 5 — юго-восточный сектор кургана, уровень материка, сосуд. 1, 2, 5 — обожженная глина; 3 — клык кабана; 4 — раковина морская

Fig. 9. Burial mound 1 of the Ivanovka burial group. Finds from burials in the burial mound that covered the orthostatic structure and on the mainland: 1 — burial 4, vessel; 2 — burial 5, vessel; 3 — burial 6, pendant made from boar tusk; 4 — burial 6, sea shell (found under a human skull); 5 — south-eastern sector of the burial mound, mainland level, vessel. 1, 2, 5 — ceramic; 3 — boar tusk; 4 — sea shell

Rectangular Stone Structures at the Base of Bronze Age Mounds on the Kerch Peninsula of Crimea

Maxim Yu. Menshikov, Irina V. Rukavishnikova⁴

The article is devoted to the stone architecture of Bronze Age mounds, investigated on the Kerch Peninsula in 2017. On the basis of four of the ten mounds studied, rectangular structures made of vertically placed stone slabs-orthostats were revealed. All the identified objects, despite their incomplete preservation, are united by a common construction technique, proportions and applied construction technologies. It can be said that initially these structures stood open on the surface and only later they were used to carry out burial mounds. None of the identified graves in the formed over orthostatic structure can be associated with the original rectangular structure. There is no data that allows us to get the absolute dates of creation of these structures. The question of the relative dating of the object can help reveal the materials of later burials, which overlap orthostatic stone rectangular structures. These materials are also published as part of this article. The relative dating of the rectangular stone structures can be attributed to the Middle Bronze Age, most likely its final stage.

Keywords: *Crimea, Kerch Peninsula, Bronze Age, burial mounds, stone architecture, orthostats*

---

⁴ Maxim Yu. Menshikov, Irina V. Rukavishnikova — Institute of Archaeology of the RAS, 19 Dm. Ulyanova str., Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: maxim-menshikov@yandex.ru; rukavishnikovairina@yandex.ru; ORCID: 0009-0008-5122-6479; 0000-0002-2034-8659.

УНИКАЛЬНАЯ ПЛИТА — КАДРАН СОЛНЕЧНЫХ ЧАСОВ ЭПОХИ БРОНЗЫ ИЗ РАСКОПОК СЕВЕРО-КРЫМСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ 1980-Х ГГ.

Л.Н. Водолажская¹

В статье рассматривается плита с лунками из раскопок Северо-Крымской археологической экспедиции в 1980-х гг. под руководством В.А. Колотухина, которая хранится в Институте археологии Крыма РАН на территории Ботанического сада им. Н.В. Багрова в Симферополе. Приведены результаты поисков документации и обнаруженные архивные данные об аналогичных плитах. Выдвигается гипотеза о том, что плита является кадраном солнечных часов, а лунки соответствуют часовым меткам analemmатических солнечных часов.

Ключевые слова: Крым, эпоха бронзы, ямная культура, срубная культура, курган, погребение, плита, лунки, солнечные часы, кадран

<https://doi.org/10.31600/978-5-6052467-6-3.221-226>

На территории, прилегающей к Институту археологии Крыма РАН, в Ботаническом саду им. Н.В. Багрова в Симферополе хранится уникальная плита с лунками (рис. 1). Лунки небольших размеров образуют замкнутую фигуру, напоминающую круг. С.Г. Колтухов сообщил, что она была привезена В.А. Колотухиным и добыта при раскопках, которые проводились Северо-Крымской археологической экспедицией (СКЭ) в 1980-х гг. Предпринятый автором настоящей статьи поиск в НА ИА Крыма РАН с целью найти информацию об этой плите не дал желаемых результатов: рисунков или фотографий этой плиты, как и ее описания, в отчетной документации обнаружить не удалось.

Однако при изучении другой отчетной документации СКЭ в НА ИА Крыма РАН найдены фотографии двух плит, напоминающих плиту с лунками из Ботанического сада Н.В. Багрова. Обе плиты обнаружены в 1983 г. при раскопках СКЭ под руководством В.А. Колотухина курганных групп III тыс. — IV в. до н.э. в зоне строительства 2-й очереди Северо-Крымского канала в Сакском, Красноперекоском и Советском районах Крыма. В 1983 г. исследовано 40 курганов, 30 из которых находились в Сакском районе. Они располагались тремя относительно компактными группами у сел Солдатово и Шалаши (10 курганов), Наташино (8 курганов), Крыловка (20 курганов); еще один курган находился у с. Вишневка Красноперекоского района и один курган — у с. Раздольное Советского района. Всего было выявлено 256 погребений, в том числе 40 ямных, 42 катакомбных, 43 срубных, 38 эпохи бронзы, 3 кизил-кобинских, 34 скифских, 32 средневековых и 24 погребения не датированы.

В закладах двух погребений ямной культуры обнаружены плиты, на фотографиях которых можно заметить лунки. В одном случае лунки образуют фигуру, напоминающую круг (рис. 2), в другом, лунки расположены по дуге (рис. 3). Отсутствие прорисовок в полевой документации и невысокое качество архивных

¹ Лариса Николаевна Водолажская — Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, пр. Академика Вернадского, д. 4, Симферополь, 295007, Российская Федерация; e-mails: vodolazhskaya@cfuv.ru, larvodol@gmail.com; ORCID: 0000-0002-2588-7002.

Рис. 1. Плита с круговым расположением лунок из раскопок Северо-Крымской археологической экспедиции в 1980-х гг., хранящаяся на территории Ботанического сада им. Н.В. Багрова в Симферополе. Фото автора, 2022 г.

Fig. 1. A slab with a circular arrangement of holes from the excavations of the North Crimean archaeological expedition in the 1980s, stored on the territory of Nikolay V. Bagrov Botanical Garden in Simferopol. Photo by the author, 2022

фотографий не позволяют сделать однозначный вывод о точной форме и расположении лунок на поверхности плит. Выяснить, где в настоящее время находятся эти плиты, не удалось.

Первая плита была обнаружена в Наташино, 13/8² (Колотухин, 1984. С. 33–52). Курган 13 (высота 2,6 м, от уровня древнего горизонта 2,9 м, диаметр ~35 м) имел в плане округлую форму, полы систематически распаивались, вершина была уплощена. На поверхности, в центре кургана находилось скопление камней. Согласно стратиграфическим данным первоначально насыпь была возведена над ямным погребением 8. Основная насыпь кургана первоначально имела высоту около 1 м и диаметр около 8 м. Не исключена досыпка над основным погребением 8, в результате которой диаметр кургана увеличился до 12 м. По периметру кургана был сооружен кромлех из некрупных камней, диаметр которого по внешнему краю составлял 18–19 м, по внутреннему — 10–12 м. В кургане выявлено 11 погребений, в том числе два ямных (№ 4 и 8), четыре катакомбных, одно срубное, два эпохи бронзы, одно скифское, одно погребение не датировано.

Основное ямное погребение 8 было впущено с уровня древнего горизонта. Яма в плане прямоугольной формы с сильно округленными углами имела размеры 1,5×1,0 м и глубину от уровня древнего горизонта ~0,6 м. Она была перекрыта каменными плитами, одна из которых просела в могилу. Размеры плит по данным из полевого отчета составляли 1,0×0,6 м, 0,9×0,4 м, 0,5×0,5 м, толщина до 0,2 м.

2 Здесь и далее при упоминании погребений первоначально указывается номер кургана, затем — номер погребения: Наташино, 13/8 соответствует курганный могильник у с. Наташино, курган 13, погребение 8. Далее в тексте словосочетание «курганный могильник», как правило, опускается.

Рис. 2. Плита перекрытия с лунками из погребения 8 кургана 13 из курганной группы вблизи с. Наташино (по: Колотухин, 1984. Рис. 145)

Fig. 2. A slab covering a burial with holes from burial 8 of the kurgan 13 from the mound group near the village of Natashino (after Колотухин, 1984. Рис. 145)

Рис. 3. Плита перекрытия с лунками из погребения 9 кургана 9 курганной группы вблизи с. Крыловка (по: Колотухин, 1984. Рис. 336)

Fig. 3. Slab covering a burial with holes from burial 9 of the kurgan 9 of the mound group near the village of Krylovka (after Колотухин, 1984. Рис. 336)

Скелет взрослого человека лежал на правом боку, головой на СВ. Ноги согнуты под прямым углом, правая рука уложена вдоль туловища, левая согнута в локте под прямым углом. На черепе — охра. Перед лицевой частью черепа находились два дисковидных терочника и кости животных.

Рассматриваемая в настоящей статье плита из перекрытия могильной ямы, судя по фотографии, была самой большой (1,0×0,6 м).

Вторая плита была обнаружена в Крыловке, 9/9 — впускном погребении ямной культуры (Там же. С. 53–103). Подробное описание плиты в отчетной документации отсутствует. Размеры двух самых больших плит перекрытия из заклада, к одной из которых и относится плита с лунками, составляли 1,45×0,6×0,18 м и 1,15×1,0×0,1–0,18 м, что сопоставимо с размерами вышерассмотренной плиты из Наташино.

На сохранившихся фотографиях плит из Наташино и Крыловки (рис. 2; 3) заметно, что лунки располагаются в достаточно широких углублениях — желобках, которые образуют фигуру, похожую на круг или дугу круга/эллипса.

В Северном Причерноморье известны несколько плит с небольшими лунками, расположенными по кругу. Они обнаружены среди плит перекрытий в погребениях срубной культуры: в Донецкой области — Попов Яр-2, 3/7 и Русин Яр, 1/1 (Политович, Усачук, 2013; Политович, Усачук, 2015; Политович и др., 2013), а также в Ростовской области — Таврия-1, 1/2 (Ларенок, 1998. С. 62).

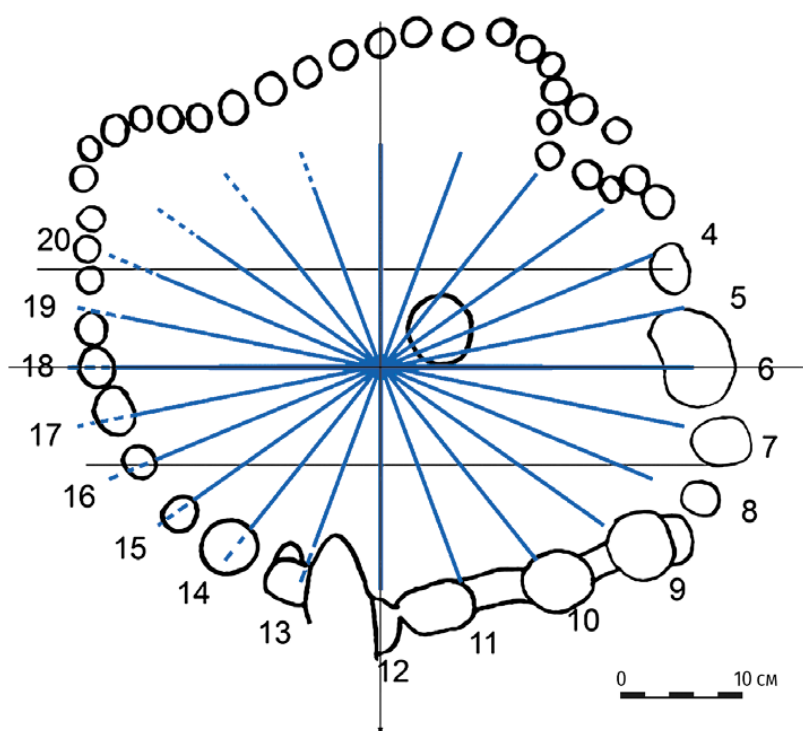
В рассматриваемом регионе известны еще две плиты, отнесенные к раннему бронзовому веку. Одна плита с образовавшими полукруг желобками и лунками, которые в основном имели большие размеры, найдена в Краснодарском крае вблизи п. Пятихатки и отнесена к дольменной культуре (Новичихин, 1995). К ямной культуре можно отнести плиту без лунок, но с широким желобком, образующим эллипс, обнаруженную в Ростовской области вблизи х. Варваринский (Файферт, 2015. С. 27–28).

При изучении плит с лунками из Северного Причерноморья было высказано предположение, что они являются кадрами — плитами, на которых мог устанавливаться вертикальный гномон аналемматических солнечных часов (см.: Vodolazhskaya, 2013; Vodolazhskaya et al., 2014; 2016; 2021; Водолажская и др., 2015; 2020; Водолажская, 2022а; 2022б; Новичихин и др., 2022). Учитывая этот факт, аналогичное исследование было проведено и для плиты из ИА Крыма РАН в Ботаническом саду им. Н.В. Багрова. Расчеты подтвердили, что данная плита также является кадром аналемматических солнечных часов (рис. 4).

Факт обнаружения исследуемой плиты СКЭ 1980-х гг., добытой при раскопках курганов III тыс. — IV в. до н.э., как и курганы 1983 г. из Наташино и Крыловки, в погребениях ямной культуры которых обнаружены плиты с лунками, дает возможность провести сравнительный анализ. Поверхность исследуемой плиты явно

Рис. 4. Прорисовка лунок на плите с круговым расположением лунок из раскопок Северо-Крымской археологической экспедиции в 1980-х гг., хранящейся на территории Ботанического сада им. Н.В. Багрова в Симферополе, с нанесенными на чертеж часовыми линиями аналемматических солнечных часов

Fig. 4. Drawing of holes on a slab with a circular arrangement of holes from the excavations of the North Crimean archaeological expedition in the 1980s, stored on the territory of the Nikolay V. Bagrov Botanical Garden in Simferopol, with hour lines of an analemmatic sundial applied to the drawing

более ровная, чем у плит из Наташино и Крыловки, что заметно даже по старым архивным фотографиям. Углубление в виде желобка, как на плите из х. Варваринского или как на плитах из Наташино и Крыловки, на ней отсутствует. Сами лунки имеют небольшие размеры и выполнены достаточно аккуратно, аналогично лункам на плитах из погребений срубной культуры. Лишь лунка 12 часов выполнена в виде небольшого желобка и, вероятно, является отголоском более древней технологии, когда за основу разметки солнечных часов брался желобок, а не лунки.

Учитывая вышеприведенные данные, рассматриваемую плиту из раскопок СКЭ 1980-х гг., как и другие плиты из Северного Причерноморья с эллиптически расположенными лунками небольшого размера, с большей вероятностью можно отнести к срубным древностям и не связывать с ямной культурой. Это вполне допустимо, учитывая большое количество погребений срубной культуры, раскопанных в период полевых работ СКЭ в 1980-х гг. Таким образом, плита из раскопок СКЭ 1980-х гг. является еще одним свидетельством вероятного наличия аналемматических солнечных часов³ у сообществ срубной культуры Крымского полуострова.

Литература и архивные источники

Архивные источники

Колотухин, 1984 — Колотухин В.А. Отчет о раскопках курганов в зоне строительства второй очереди Северо-Крымского канала в 1983 году. Симферополь, 1984 // НА ИАКР РАН. Ф. О-1. Оп. 1. Д. 373. 326 с.

Литература

- Водолажская и др., 2015 — Водолажская Л.Н., Ларенок П.А., Невский М.Ю. Солнечные часы эпохи бронзы из срубного погребения могильника Таврия-1 // ИАА. 2015. Вып. 13. С. 4–14.
- Водолажская и др., 2020 — Водолажская Л.Н., Ларенок П.А., Невский М.Ю. Каменная плита из могильника Варваринский-I как прототип аналемматических солнечных часов // ИАА. 2020. Вып. 15. С. 20–33.
- Водолажская, 2022а — Водолажская Л.Н. Срубные солнечные часы Северного Причерноморья // XXII Уральское археологическое совещание: Материалы Всерос. науч. конф., посвящ. 300-летию первых археологических раскопок в Сибири и 85-летию со дня рожд. Тамилы Михайловны Потемкиной (Курган, 21–25 ноября 2022 г.). Курган: Изд-во КГУ, 2022. С. 87–88.
- Водолажская, 2022б — Водолажская Л.Н. Комплексный метод анализа пространственного расположения лунок на плитах срубных погребений // Междисциплинарные исследования объектов культурного наследия естественно-научными методами: Материалы Всерос. науч. конф. (г. Симферополь, 5–7 октября 2022 г.) / Отв. ред.: Э.А. Хайрединова, Е.Б. Яцишина. Симферополь: Антиква, 2022. С. 16–19.
- Водолажская, 2022в — Водолажская Л.Н. Плита с лунками из кургана 1 могильника Пролом II — инвертированные аналемматические солнечные часы эпохи бронзы // ИАКР. 2022. Вып. XVI. С. 8–37.
- Ларенок, 1998 — Ларенок П.А. (ред). Курганы Северо-Восточного Приазовья: Каталог: (Неклиновский и Матвеево-Курганский районы Ростовской области). Ростов-н/Д.: ТЛИАМЗ, 1998. 260 с. (Материалы и исследования Таганрогской археологической экспедиции; Вып. III).
- Новичихин, 1995 — Новичихин А.М. Плиты с чашевидными углублениями из района Анапы // ИАА. 1995. Вып. 1. С. 25–27.
- Новичихин и др., 2022 — Новичихин А.М., Водолажская Л.Н., Невский М.Ю. К интерпретации композиции из лунок и желобков на каменной плите из Пятихаток // ИАА. 2022. Вып. 16. С. 4–20.
- Политович и др., 2013 — Политович Ю.Б., Усачук А.Н., Кравченко Э.Е., Подобед В.А. Исследования курганов группы Попов Яр-2 в Донецкой области // Археологический альманах. 2013. Донецк, 2013. С. 36–135.

3 Плита с лунками из кургана 1 могильника Пролом II была отнесена автором статьи к инвертированным аналемматическим солнечным часам, возможно, существовавшим в срубной культуре (Водолажская, 2022в).

- Полідович, Усачук, 2015 — Полідович Ю.Б., Усачук А.Н. Две находки каменных плит с изображением в погребениях срубной общности на территории Восточной Украины // Древний Тургай и Великая Степь: часть и целое. Костанай-Алматы, 2015. С. 444–455.
- Файферт, 2015 — Файферт А.В. Петроглифы на территории Ростовской области. Ростов-на/Д.: Донское наследие, 2015. 68 с.
- Polidovych, Usachuk, 2013 — Polidovych Yu.B., Usachuk A.N. Stone slabs with images of the Late Bronze Age from the kurgan complexes in Eastern Ukraine // Archaeoastronomy and Ancient Technologies. 2013. Vol. 1. No. 1. P. 53–67.
- Vodolazhskaya, 2013 — Vodolazhskaya L.N. Analemmatic and horizontal sundials of the Bronze Age (Northern Black Sea Coast) // Archaeoastronomy and Ancient Technologies. 2013. Vol. 1. No. 1. P. 68–88.
- Vodolazhskaya et al., 2014 — Vodolazhskaya L.N., Larenok P.A., Nevsky M.Yu. Ancient astronomical instrument from Srubna burial of kurgan field Tavriya-1 (Northern Black Sea Coast) // Archaeoastronomy and Ancient Technologies. 2014. Vol. 2. No. 2. P. 31–53.
- Vodolazhskaya et al., 2016 — Vodolazhskaya L.N., Larenok P.A., Nevsky M.Yu. The prototype of ancient analemmatic sundials (Rostov Oblast, Russia) // Archaeoastronomy and Ancient Technologies. 2016. Vol. 4. No. 1. P. 96–116.
- Vodolazhskaya et al., 2021 — Vodolazhskaya L.N., Novichikhin A.M., Nevsky M.Yu. Sundial-water clock of the Bronze Age (Northern Black Sea Region) // Archaeoastronomy and Ancient Technologies. 2021. Vol. 9. No. 1. P. 73–86.

A Unique Slab — a Sundial from the Bronze Age from the Excavations of the North Crimean Archaeological Expedition of the 1980s

Larisa N. Vodolazhskaya⁴

The article examines a slab with holes from the excavations of the North Crimean archaeological expedition in the 1980s under the leadership of Vitaly A. Kolotukhin, which is stored in the Institute of Crimean Archaeology of the Russian Academy of Sciences on the territory of the Nikolay V. Bagrov Botanical Garden in Simferopol. The article presents the results of archival searches of documentation, discovered archival data on similar slabs. It also puts forward a hypothesis that the slab is a cadran of a sundial, and the holes correspond to the hour marks of an analemmatic sundial.

Keywords: *Crimea, Bronze Age, Pit-Grave culture, Timber-Grave culture, kurgan, burial, slab, holes, sundial, cadran*

---

⁴ Larisa N. Vodolazhskaya — V.I. Vernadsky Crimean Federal University,
4 Acad. Vernadsky Ave., Simferopol, 295007, Republic of Crimea, Russian Federation;
e-mails: vodolazhskaya@cfuv.ru, larvodol@gmail.com; ORCID: 0000-0002-2588-7002.

Н.Л. ЭРНСТ. ОТЧЕТ О РАСКОПКАХ КУРГАНОВ В ОКРЕСТНОСТЯХ СИМФЕРОПОЛЯ В 1924 г.¹

Подготовка и комментарии М.Т. Кашубы²

<https://doi.org/10.31600/978-5-6052467-6-3.227-244>

Раскопки Н.Л. Эрнста трех курганов возле Симферополя в 1924 г. принадлежат к числу первых полевых работ в Крыму, целью которых было изучение рядовых («простых») погребений. Хотя в начале 1930-х гг. П.Н. Шульц сетовал, что «до сих пор не изданы раскопки интереснейшего погребения эпохи «бронзы» с каменной плитой, на которой изображены топоры, животные и люди. В результате с этим памятником нам приходится знакомиться не через советскую, а заграничную публикацию...»³, добытые тогда материалы не выпали из поля зрения исследователей. Так, стела из кургана № 1 несколько десятилетий была объектом пристального изучения специалистов, затем были опубликованы и рисунки-схемы сосудов по зарисовкам автора раскопок из погребения, которое эта стела перекрывала⁴. Несколько раз увидели свет описания скифских погребений и отдельные находки из них, определена локализация курганов; как было установлено, к середине 2010-х гг. остатки курганов (они были не докопаны) уже находились под объектами городской инфраструктуры современного Симферополя. В 2016 г. вышла статья С.Г. Колтухова, в которой материалы скифских погребений из этих курганов были максимально полно введены в научный оборот и проанализированы. Несомненным достоинством этой работы было обращение ее автора к документальному наследию Н.Л. Эрнста, хранящемуся в архиве Центрального музея Тавриды⁵. Однако выяснилось, что материалы из погребений средневековых кочевников так и остались практически неизвестными в научной среде. Между тем, при знакомстве с отчетом Н.Л. Эрнста за 1924 г., как и с другими полевыми материалами, хранящимися в НА ИИМК РАН⁶, выявились некоторые важные детали исследований, которые были бы невозможными без тщательности, высокого качества анализа и подачи материалов их автора. Это показало необходимость публикации, по меньшей мере, полевого отчета.

---

1 Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ (проект № 22-18-00065-Продление, <https://rscf.ru/project/22-18-00065/> «Культурно-исторические процессы и палеосреда в позднем бронзовом — раннем железном веке Северо-Западного Причерноморья: междисциплинарный подход») в РГПУ им. А.И. Герцена.

2 Майя Тарасовна Кашуба — Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, наб. Мойки, д. 48/12, Санкт-Петербург, 191186, Российская Федерация; Институт истории материальной культуры РАН, Дворцовая наб., д. 18А, Санкт-Петербург, 191181, Российская Федерация; e-mail: mirra-k@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-8901-8116.

3 Цит. по: Чесноков Н.Н. Дневник научной командировки П.Н. Шульца 1932 г.: источник по истории довоенной крымской археологии // Боспорские исследования. 2023. Вып. XLVI. С. 275.

4 См. библиографию в статье М.Т. Кашубы в настоящем сборнике.

5 Колтухов С.Г. Скифские погребения в урочищах Абдал — Бахчи-Эли // ИАКр. 2016. Вып. III. С. 36 сл.

6 Дневник раскопок (31 страница — РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1924. Д. 109. Л. 8–23) во многом совпадает с полевым отчетом, поэтому здесь не публикуется.

Отчет Н.Л. Эрнста за 1924 г. содержит текстовую, фотографическую и графическую части. Текстовая часть оформлена на листах, напечатанных машинописным способом, также имеются шесть фотографий (четыре снимка (№ 1, 2, 8, 9) из имеющегося в деле Списка фотографий отсутствуют; фотография руководства), карта и семь таблиц с чертежами и техническими рисунками. Документ публикуется согласно существующим Правилам издания исторических документов; текст приведен к нормам современных орфографии и синтаксиса; написания населенных пунктов не менялись; фотографии, карта и таблицы даны после текстовой части, как в оригинале (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1924. Д. 109. Л. 4–7, 25–39).

ОТЧЕТ

ОБ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАСКОПКАХ КУРГАНОВ В ОКРЕСТНОСТЯХ Г. СИМФЕРОПОЛЯ, ПРОИЗВОДИВШИХСЯ КРЫМОХРИСОМ И ЦЕНТРАЛЬНЫМ МУЗЕЕМ ТАВРИДЫ ЛЕТОМ 1924 г. ПОД РУКОВОДСТВОМ ЗАВ[ЕДУЮЩЕГО] АРХЕОЛОГ[ИЧЕСКИМ] ОТДЕЛОМ МУЗЕЯ ПРОФ. Н.Л. ЭРНСТА

Раскопки ставили себе следующие задачи:

Исследование курганных погребений окрестностей Симферополя, т.е. предгорной полосы Крыма. Раскопки курганов у Симферополя производил уже акад. Н.И. Веселовский в начале 90-х гг. с хорошими результатами; однако он гонялся гл[авным] обр[азом] за «находками», мало обращал внимание на обряд погребения, не оставил ни одного рисунка, плана, разреза и фотографии. Многочисленные предметы из этих раскопок находятся в Центральном Музее Тавриды, но поступили туда с неясными данными о принадлежности их к определенным курганам и отдельным погребениям в них. Итак, задачей настоящих раскопок явилось выяснение типов курганных погребений у Симферополя в порядке краеведческих исследований и запечатление их.

В виду того, что до сих пор внимание обращалось гл[авным] обр[азом] на крупные курганы, задачей явилось исследование курганов низких, едва заметных, расплывшихся, так как таковые могут быть а) более древними, б) принадлежащими более низким классам населения, в) более сохранными. Итак, ставился вопрос об определении содержания кургана по внешнему виду.

В виду того, что из раскопок курганов в Крыму до сих пор не бралось никакого костного материала, так как не было интереса к нему, то задачей настоящих раскопок явилось извлечение именно костей для разрешения ряда проблем. В случае нахождения достаточно сохранных погребений, предполагалось их перевозить целиком в Музей для наглядного демонстрирования типов курганных погребений.

Наиболее подходящей для раскопок найдена группа курганов, расположенная к северо-востоку от г. Симферополя, верстах в 2–3 от города, на землях деревень Бахчи-Эли, и Авдал Старый и Новый. Начиная от продолжения Шаховской улицы (где она переходит в проселочную дорогу, ведущую в дер. Ана-Эли, и подымается на холмы), расположена эта группа вдоль 3-й гряды Крымских гор. Курганы здесь разной величины и формы, начиная с еле заметных и кончая довольно крупными (в I–I½ саж. высоты). Большая их часть держится края этой гряды, обрывающегося круто к Ю-В и господствующего над низиной, где расположены дер. Красная Горка, Бахчи-Эли, Авдал, Чокурча, Боурча и пр. и где проходит шоссе из Симферополя в Карасу-базар. С гряды этой открывается обширный вид на окрестности, так что означенные курганы видны издали. Из осмотренных здесь около 30 курганов большая часть попорчена кладоискателями или добытием камня. Только невысокие курганы оказались нетронутыми. Из этой группы намечены в качестве подходящих для раскопок

следующие (см. прилагаемую карту): № 2, 5, 6, 7, 8, 9, 11, 12, 13, 18, 19, 26. Из них раскопано отчетными раскопками только три, а именно № 2, 5, 6.

Все три кургана были чрезвычайно низки, расплывчаты, еле заметны для глаза, не более I арш[ина] высоты. Выбирая таковые, руководитель надеялся, во-первых, найти в них более древние погребения, интересуясь особенно перенесением в Музей цельного архаического (киммерийского) скорченного и окрашенного погребения, во-вторых, найти погребения низших классов, в-третьих, — погребения нетронутые. Первая надежда не оправдалась: в курганах оказались погребения самых различных эпох и не было типичного архаического. Второе и третье предположения оправдались полностью: погребения оказались бедными и нетронутыми (по крайней мере, в позднее время).

Раскопки производились при помощи учеников Симферопольской Опытной Показательной Школы. Опыт привлечения к раскопкам передовой сознательной молодежи оказался удачным.

В виду малой величины курганов, раскопки производились без тачек, вагонеток и лошадиной силы. Все курганы раскапывались [с] помощью траншеи, проводившейся поперек их с юга на север. В виду просторности могильных ям и небольшой их глубины, они раскапывались без расширения их и без канавки вокруг погребения. Участники раскопок ночевали все время в палатке у кургана.

Раскопка первого же кургана (№ 2 на карте) дала результаты чрезвычайно интересные. Курган этот, высотой в 1 м, окружностью в 22 саж., лежит в 100 саж. от вышеупомянутой дороги влево от нее (к северу), в том месте, где она достигает высшей точки гряды. При предварительном нащупывании строения кургана в юго-восточном его склоне найдена была лежавшая горизонтально в уровень с материком, на глубине 25–30 см, в 6 метрах от вершины кургана каменная четырехугольная плита местного известняка, размерами 107×70×15 см (см. чертежи на табл. I). На верхней поверхности ее оказались высеченные углубленные изображения (см. фотографию № 1): две примитивные фигурки человечиков (один стоящий с растопыренными пальцами обеих рук, другой идущий), шесть изображений топориков различной формы и несколько фигур непонятного значения. Другие грани плиты также обработаны. На задней (нижней) стороне имеется изображение топорика и проведено несколько прямых борозд. На боковых продольных гранях также правильные борозды, на одной короткой (верхней на фотографии) — 2 ряда круглых ямочек (впрочем, может быть и естественных, капельных); на другой короткой грани нет ничего. Нет сомнения, что первоначально плита эта не лежала в кургане, а стояла где либо стоймя на нижней короткой грани, и являлась памятником какого-то определенного смысла. Расположение на ней изображений в три строки вызывает предположение, что мы в ней имеем перед собою памятник неизвестной письменности. В виду отсутствия среди русских древностей памятника подобного рода, проводить какие либо аналогии невозможно.

Плита в кургане прикрывала точно ямку размерами 70×45 см, дно которой оказалось на глубине 40 см под нижней поверхностью плиты, на 82 см под поверхностью кургана (см. фотогр[афию] 2). В северном углу ямки оказалось два небольших убогих сосуда — горшочек красноватой глины (сделанный без гончарного круга, с двумя бородавчатыми выступами вместо ручек) и низкая чашечка. Оба сосуда наполнены землей (еще не вынутой и не исследованной). Итак, это отдельная ямка в склоне кургана с погребальными дарами, не поставленными почему-то в самое погребение, прикрытая плитой, взятой с другого места и служившей другой цели. Помимо значения самой плиты с ее изображениями, интересен и самый культовый обычай устройства подобной ямки, до сих пор не наблюдавшийся. Датирование плиты и ямки с погре-

бальными дарами затруднительно вследствие отсутствия аналогий к плите и недостаточной характерности сосудов.

В центре кургана на дне погребальной ямы глубиной в 1,52 м под поверхностью кургана, 0,85 м под горизонтом обнаружено два погребения, более позднее, впускное, и более древнее, нарушенное первым (см. рисунки табл. I и II, и фотогр[афии] 3–5). Позднее впускное погребение лежит в обширной могильной яме размерами 2,48×1,35 метров, ориентированной на С-В. Покойник, небольшого роста (рост: 1,54 м, бедренная кость 38,5 см) слабого сложения, мужчина лет 25–30, лежит на спине, головой к N 55°Ost, лицом несколько повернут к югу. У левой руки лежит длинная железная сабля (длиной 1,25 м), на животе костяная пряжка, треугольная с дырочками (см. рисунки), между грудью и левой рукой другая костяная же пряжка, похожая на ткацкий челнок. Покойник занимает юго-восточную часть могильной ямы. Северо-западную занимает погребение коня. Голова лошади (мелкой породы) лежит в западном углу, пастью к Ю-З на правой щеке. Далее к С-В одна передняя нога в вытянутом положении и остальные три ноги в скорченном. У задних ног кости хвоста. Остального скелета нет. Итак, погребены лишь голова лошади, ноги и хвост. На верхний конец одной ноги надето железное стремя, тут же лежит железное колечко и стерженек. В пасти коня — удила. Каких либо погребальных сооружений, каковые обыкновенно встречались в курганах крымской степи, здесь не оказалось. Обнаружилась только дубовая балка в 25 см толщины, лежавшая в наклонном положении от края могильной ямы у ног покойника до груди его, возвышаясь к последней (см. разрез). Быть может, она была стойкой для шатра над покойником.

По всем признакам погребение это позднекочевническое, после X–XI вв. нашей эры. Погребение это полностью извлечено и перевезено в Музей, где и устанавливается в качестве показательного позднекочевнического погребения с конем.

Рядом с этим погребением на том же уровне лежат остатки нарушенного им более древнего, основного погребения кургана. Могильная яма его ориентирована с востока на запад и частью своей совпадает с ямой предыдущего погребения. В виду чего и нарушена им. Не совпадает лишь восточная часть его, где лежат ноги, в виду чего она и сохранилась. Так[им] обр[азом] обнаружился наглядный, школьный пример нарушенного и впускного погребения (см. рис. и фотогр[афии]). Костяк лежит в узкой могильной яме (ширина ее 58 см). Кости скелета по сохранности в гораздо худшем состоянии, чем у другого покойника и кажутся значительно более старыми. Покойник лежал головой к западу в вытянутом положении на правом боку лицом к югу. Длина бедренной кости его — 44 см, длина всей ноги — 87 см: покойник был большого роста. Никаких предметов при скелете не оказалось. Датировать это погребение при отсутствии каких-либо руководящих признаков не представляется возможным.

Между тем датировка погребений кургана имеет большое значение для датировки плиты с изображениями, которая, несомненно, связана с одним из покойников этого кургана, которому были адресованы помещенные под плитой погребальные дары. Если их приурочить к позднему погребению, то плита должна быть турецкого происхождения и относиться к печенегам, половцам. Если же она относится к более древнему погребению, то ее датировка совсем невозможна; во всяком случае, она тогда принадлежит эпохе и народу, хоронивших своих покойников на боку головой к западу.

Второй раскопанный курган (№ 6 на карте) расположен в $\frac{3}{4}$ версты от предыдущего у края обрыва над дер. Авдал-Старый. Высота его I арш., окружность 27 саж. Он совершенно распахан (см. фот[ографию] № 6). В кургане этом в обширной могильной яме (размерами 310×200 см), ориентированной с Ю-З на С-В на глубине 165 см под вершиной кургана, 95 см под поверхностью материка лежал покойник, головой на Ю-З, на спине в вытянутом положении, по оси ямы (см. план погребения табл. V и фо-

тогр[афия] № 7). Под колени покойника подложен большой плоский камень, такой же подложен под кисть правой руки (см. разрез, табл. V). У последней лежит пучок бронзовых трехгранных наконечников стрел с обратными шипами. Там же стоит античный греческий сосуд, явно херсонесского происхождения — низкий чернолаковый килик с загнутыми вверх ручками (см. рис. табл. IV). Лак его не чисто черный, а с зеленовато-бурым оттенком, позволяет отнести его к эпохе эллинизма. Сверху весь килик покрыт лаком, только на донышке оставлено несколько светлых концентрических кружков и нацарапана буква Δ. Рядом с этим сосудом к востоку стоит большой сосуд — простой, грубый из немытой глины, черный, плохо обожженный, лепленный руками, шарообразный горшок без ручек (см. рис. табл. IV). Направо от головы на плоском камне лежит два больших железных наконечника копий (в 50 и 35 см длины) в виде плоского расширенного острия с трубками для древка. У правой ноги покойника лежит тупой трубчатый железный наконечник, по-видимому, для нижнего конца древка одного из копий. У ног покойника лежат крупные кости, по-видимому, быка или лошади. Сам покойник — покойник лет 30-ти, среднего роста (рост — 162 см, бедренная кость 40 см). Все кости сохранились чрезвычайно плохо, совершенно переломаны. Череп раздавлен, так что характерных признаков его невозможно уловить. Вследствие этого перенесение этого погребения в Музей не представилось возможным.

Вся могильная яма и вся толщина кургана над нею были заполнены крупными камнями-плитняками местной породы, до нескольких пудов весу, благодаря этим камням погребение и оказалось столь плохой сохранности — кости переломаны, вся верхняя часть тела даже смещенной в сторону, сосуды разбитыми и т.д. Никакого иного погребального сооружения не оказалось (см. разрез табл. V).

Итак, мы имеем перед собою погребение скифского воина эллинистической эпохи.

Третий раскопанный курган (№ 5 на карте) расположен в 15 саж. к Ю-З от предыдущего. Его высота 80 см, окружность 25 саж. В центре кургана оказывается могильная яма, ориентированная с востока на запад, размерами 207×152 см, глубиной в 157 см под поверхность кургана, 75 см под поверхность материка. На дне ее, усыпанном мелкой речной галькой, лежит покойник на правом боку, головой на запад, лицом на юг, с несколько поджатыми ногами, с кистью левой руки, положенной на левые бедра (см. план погребения табл. VII и фотогр[афии] № 8 и 9). Вся верхняя часть скелета совершенно нарушена; от черепа сохранилась только нижняя челюсть. Перед грудью покойника лежат два наконечника стрелок — бронзовый трехгранный с каналцем для яда и кремневый типа бронзового века, прекрасной работы с мельчайшей ретушью, треугольный (см. рис. табл. VIII). Тут же у южной стенки стоит сосуд из грубой немытой глины, поверхностно обожженный изнутри и снаружи, сделанный без гончарного круга, с коническим горлышком и одной ручкой (см. рис. табл. VIII). Между сосудом и покойником лежит несколько костей животных, по-видимому, барана. Более крупные кости — быка — лежат восточнее у южной стенки и в ногах покойника у восточной стенки. Покойник очень большого роста — 178–180 см длины, длина бедренной кости — 44 см, всей ноги — 94 см. Над покойником насыпана земля с камнями. Никакого могильного сооружения нет.

Предметы этого погребения вполне аналогичны находимым в архаических курганных погребениях и позволяют отнести его к бронзовому или к началу железного века. Однако положение покойника не скорченное и он не посыпан краской, в виду чего представляет собой переходный тип.

Рядом с этой могильной ямой к югу от нее обнаружилась другая яма, размерами 167×150 см, глубиной 90 см под материком, овальной формы, ко дну сильно суженная,

по-видимому, не могильная, оказавшаяся совершенно пустой (см. табл. VII). Происхождение и назначение этой ямы осталось загадочным.

В этом же кургане находилось также впускное более позднее погребение (курган 3-й, погребение Iое, см. планы и разрезы табл. VII). Оно расположено было точно под вершиной кургана и точно над основным погребением на глубине 70 см под поверхностью кургана среди камней, насыпанных над основной могильной ямой. Покойник положен чрезвычайно небрежно: под ним в каменистой насыпи кургана не выровнено даже площадки, а лежит он как попало на камнях, так что голова и колени оказались значительно выше таза (см. разрез табл. VII). Неудачно брошенным камнем голова совсем сбита на бок. Покойник лежит в вытянутом положении на спине точно на восток. Руки протянуты вдоль туловища (см. план погребения табл. VII). У левого локтя покойника стоит простой грубый черный горшок из немытой глины, плохо обожженный, только изнутри. Форма его — см. рис. Между левым локтем и ребрами лежит каменный точильный брусок, висевший по-видимому у покойника у пояса на ушке. Его длина 18 см, на одном конце его просверлена дырочка для шнурка, другой конец сильно утолщен (см. рис. табл. VI). Между ногами покойника, немного выше ступней лежала тонкая каменная песчаниковая пластинка в форме треугольника со срезанными углами (см. рис. табл. VI). Высота его 7 см, толщина $\frac{1}{2}$ см. Пластинка стояла стоймя. Назначение этого предмета не ясно. Возможно, он служил амулетом. Внутри черепа покойника обнаружилась одна бусина из тонкой желтой египетской пасты, подобная бусам из неаполисских склепов. В 70-ти см к востоку от черепа, на 5 см ниже его лежали в кучке 4 ручных каменных жернова (куранта), размером в 7–8 см в диаметре, высотой в $3\frac{1}{2}$ –4 см (см. рис. табл. VI). Скелет принадлежит мужчине лет 40-а. Череп его, хотя разбитый камнями, все-таки выявляет характерные черты: долихоцефал, с широким сильным затылком; стенки черепной крышки крайне толсты; лоб покатый; надбровные дуги сильно развиты, переносица очень глубока, нос сильно выдается, глазницы четырехугольные. Этими чертами череп вполне аналогичен скифским черепам из Неаполиса.

Рост покойника 166 см, бедренная кость 41 см.

Крайняя убогость погребения, отсутствие в его инвентаре оружия и наличность только земледельческих приспособлений заставляют определять его как погребение бедняка-крестьянина притом, по-видимому, эпохи скифского Неаполиса, т.е. римской эпохи.

Таким образом, при раскопке трех курганов получилась серия погребений разных времен: бронзового века, скифское-эллинистическое, скифское-римское, позднекочевническое и неопределенное, лежащее на боку. При всем различии погребения эти все отличаются одной общей чертой, которой разнятся от курганных погребений других местностей — отсутствием погребальных сооружений вроде обкладки плитам, деревянных помостов и т.п. Все покойники погребены в простых грунтовых ямах. В заполнении же этих ям и насыпи кургана над ними большую роль играют обломки местного камня, иногда грубо нагроможденные, иногда уложенные в порядке.

Производивший раскопки: Н. Эрнст /подпись/

Фото[графия]. [Курган № 1,
группа участников
раскопок в 1924 г].
1) предСовнаркома
[неразборчиво];
2) член КрЦИКа
[неразборчиво];
3) управделами СНК
[неразборчиво];
4) руководитель раскопок Эрнст;
5) завкрымохрисом Полканов
(РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1924.
Д. 109. Л. 25–25об.)

Фото[графия] № 3.
Кочевническое погребение
с конем в кургане № 1
(РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1924.
Д. 109. Л. 24 (подпись), 26)

Фото[графия] № 4. [Курган № 1].
Позднекочевническое погребе-
ние с конем и нарушенное им
древнее основное погребение
на боку. Фот[ография] Н. Эрнста
(РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1924.
Д. 109. Л. 28–28об.)

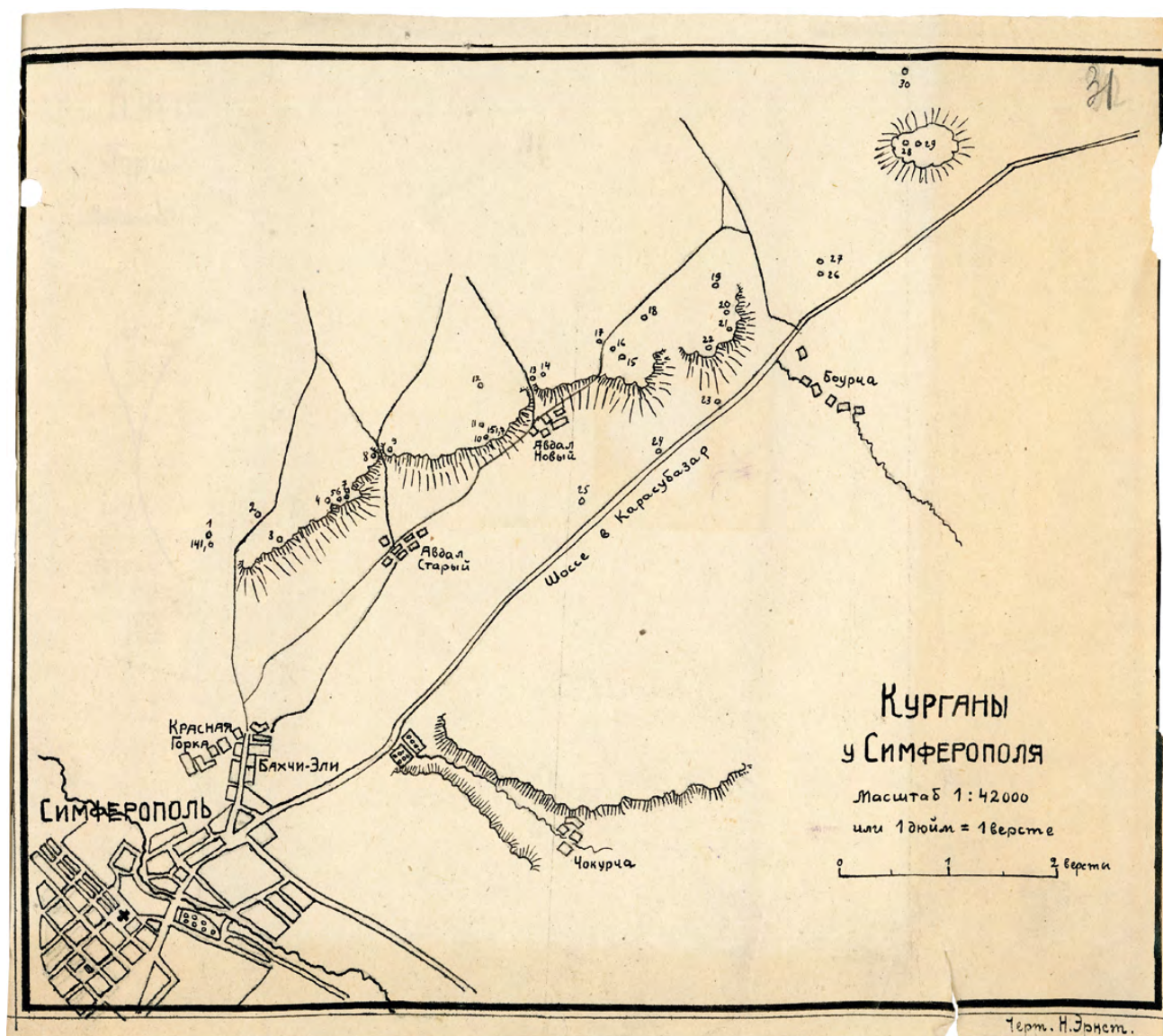
Фото[графия] № 5. [Курган № 1].
Позднекочевническое
погребение с конем и мечом
и нарушенное им древнее
основное погребение на боку
(РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1924.
Д. 109. Л. 30–30об.)

Фото[графия] № 6. Вид кургана
№ 2 до раскопки. Такого же вида
и другие раскопанные курганы.
Фот[ография] Н. Эрнста
(РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1924.
Д. 109. Л. 29–29об.)

Фото[графия] № 7. Скифское погребение в кургане № 2.
Фот[ография] П. Акуленко
(РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1924. Д. 109. Л. 27-27об.)

Курганы у Симферополя (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1924. Д. 109. Л. 31)

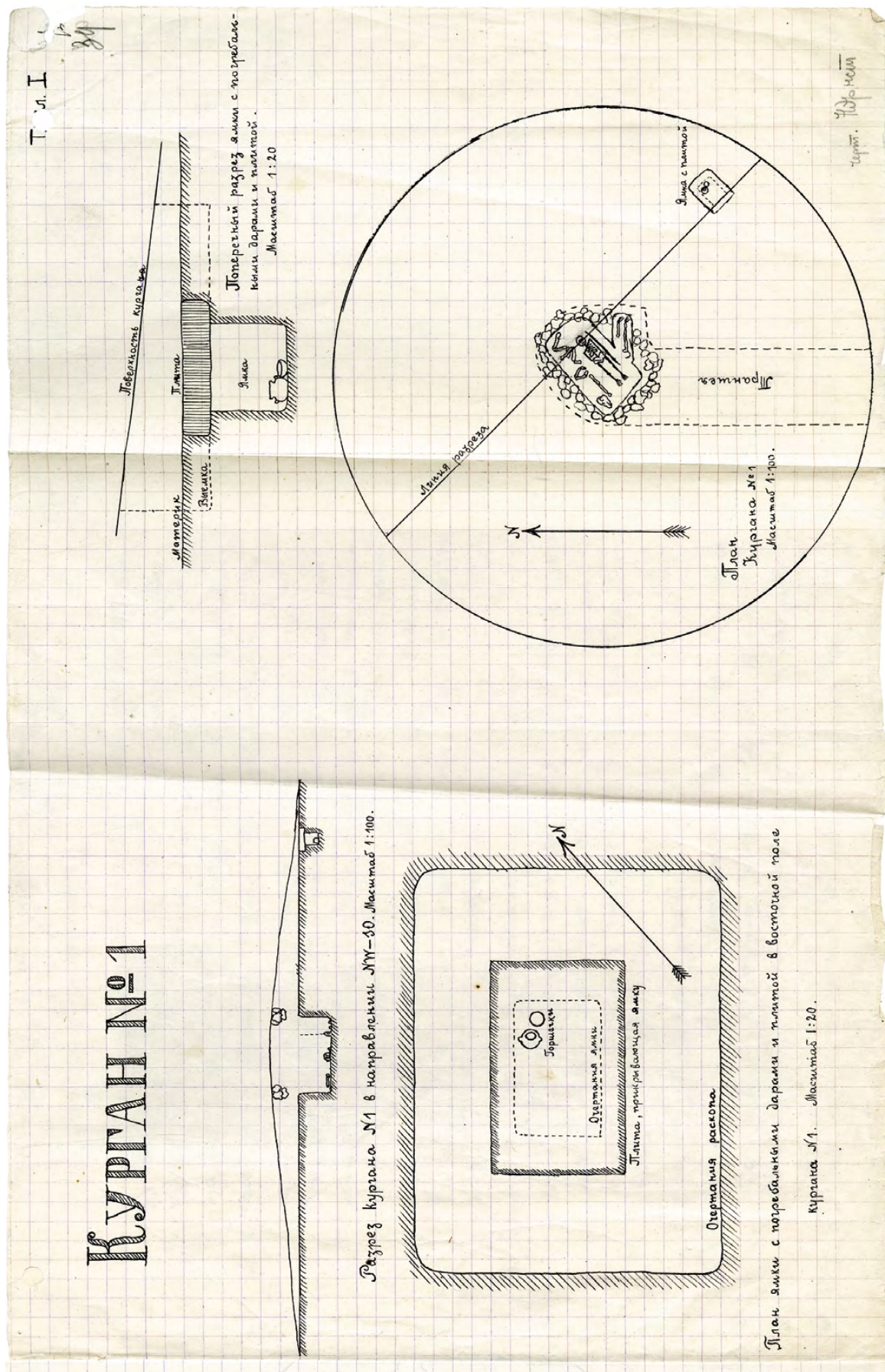

Табл. I. Курган № 1 (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1924. Д. 109. Л. 39)

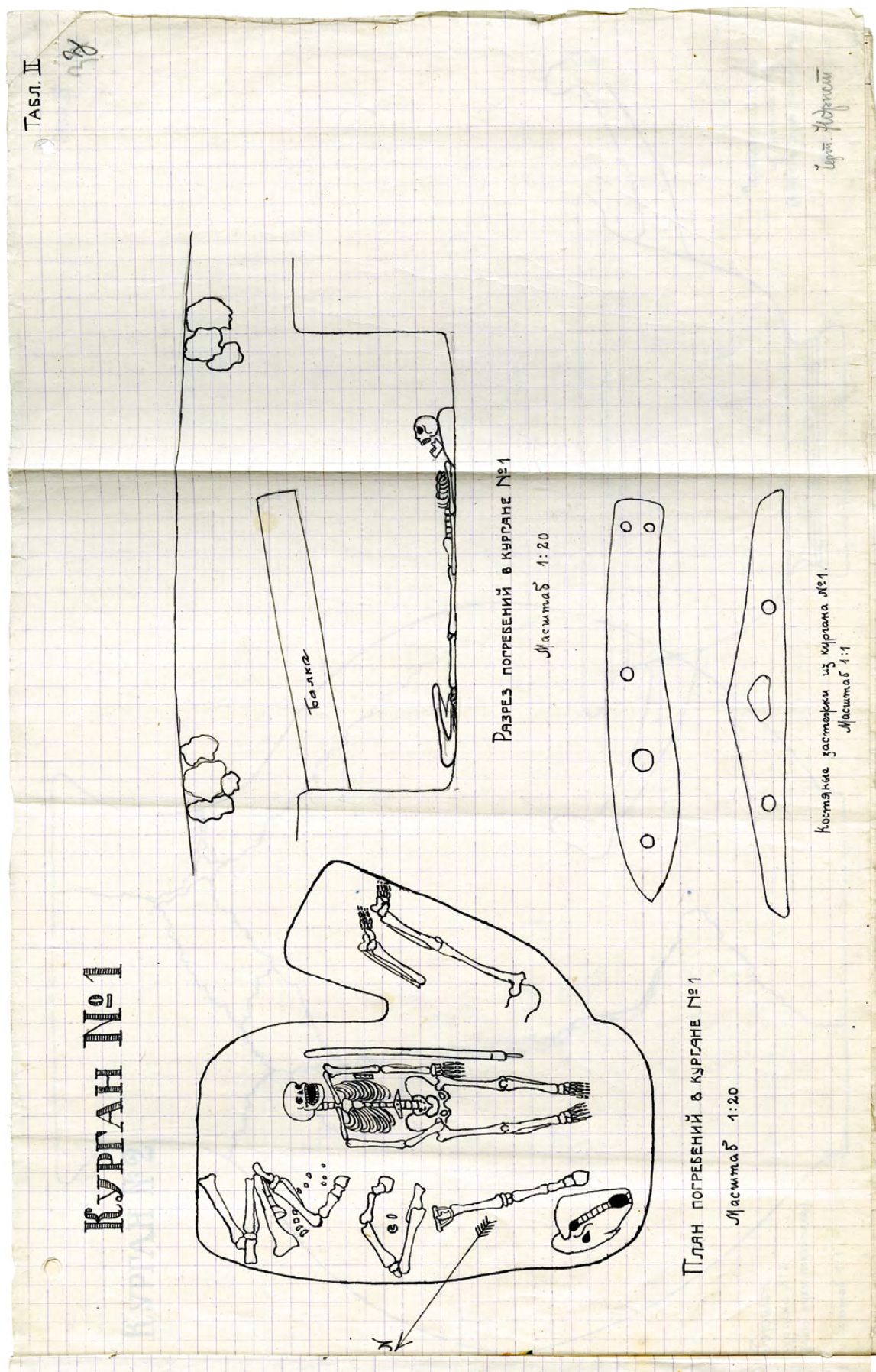

Табл. II. Курган №1 (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1924. Д. 109. Л. 33)

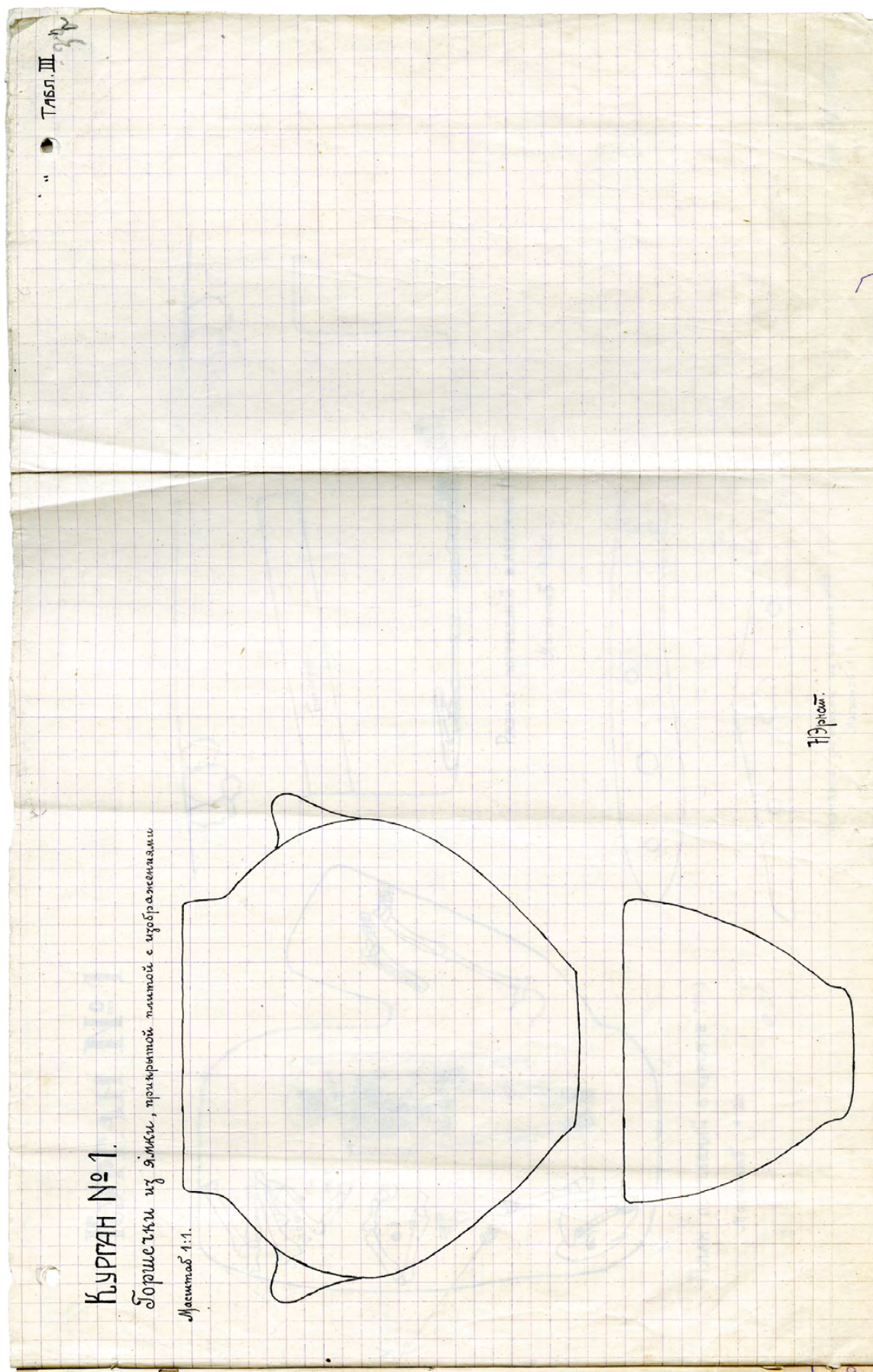

Табл. III. Курган № 1 (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1924. Д. 109. Л. 32)

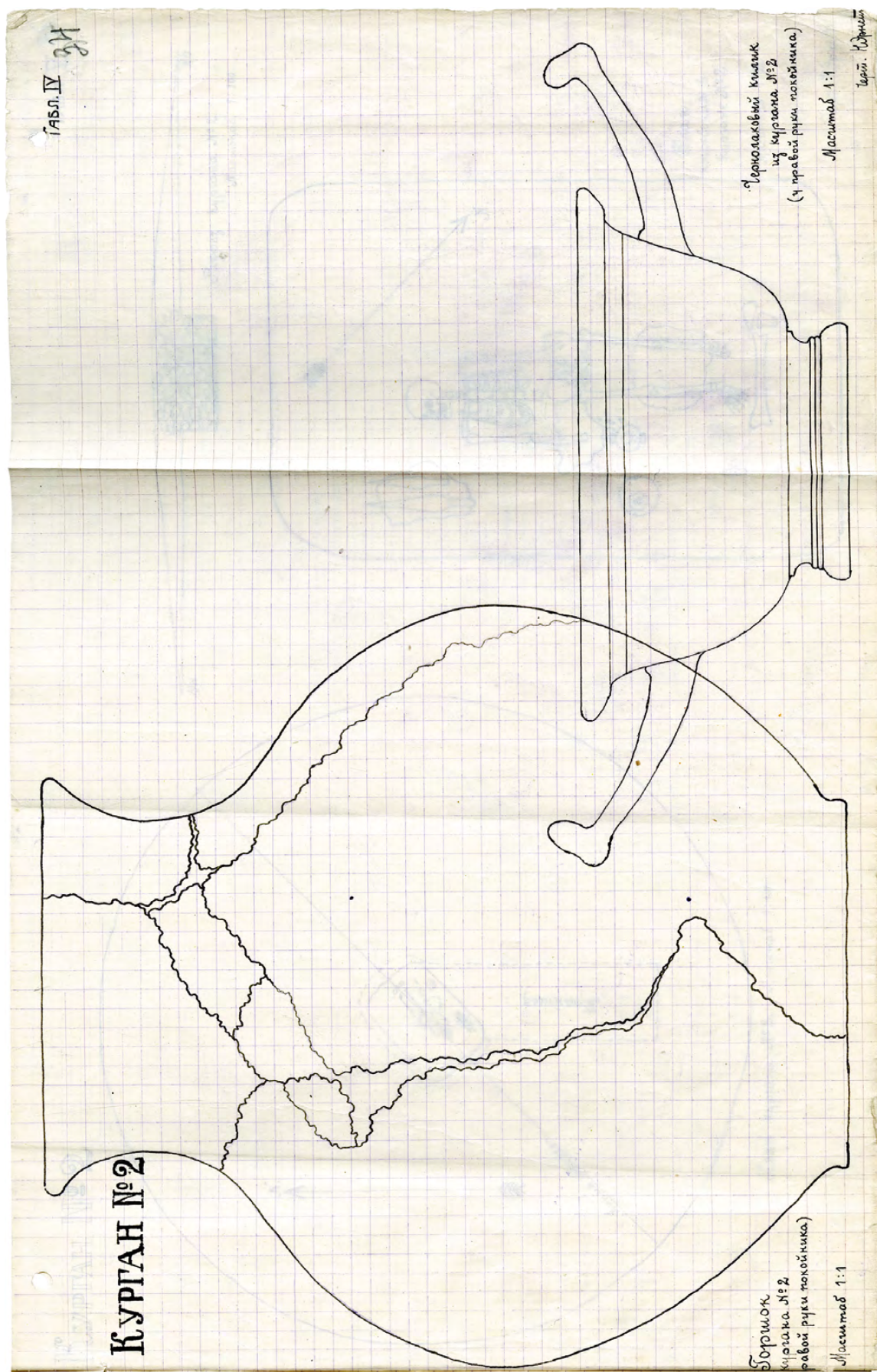

Табл. IV. Курган № 2 (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1924. Д. 109. Л. 34)

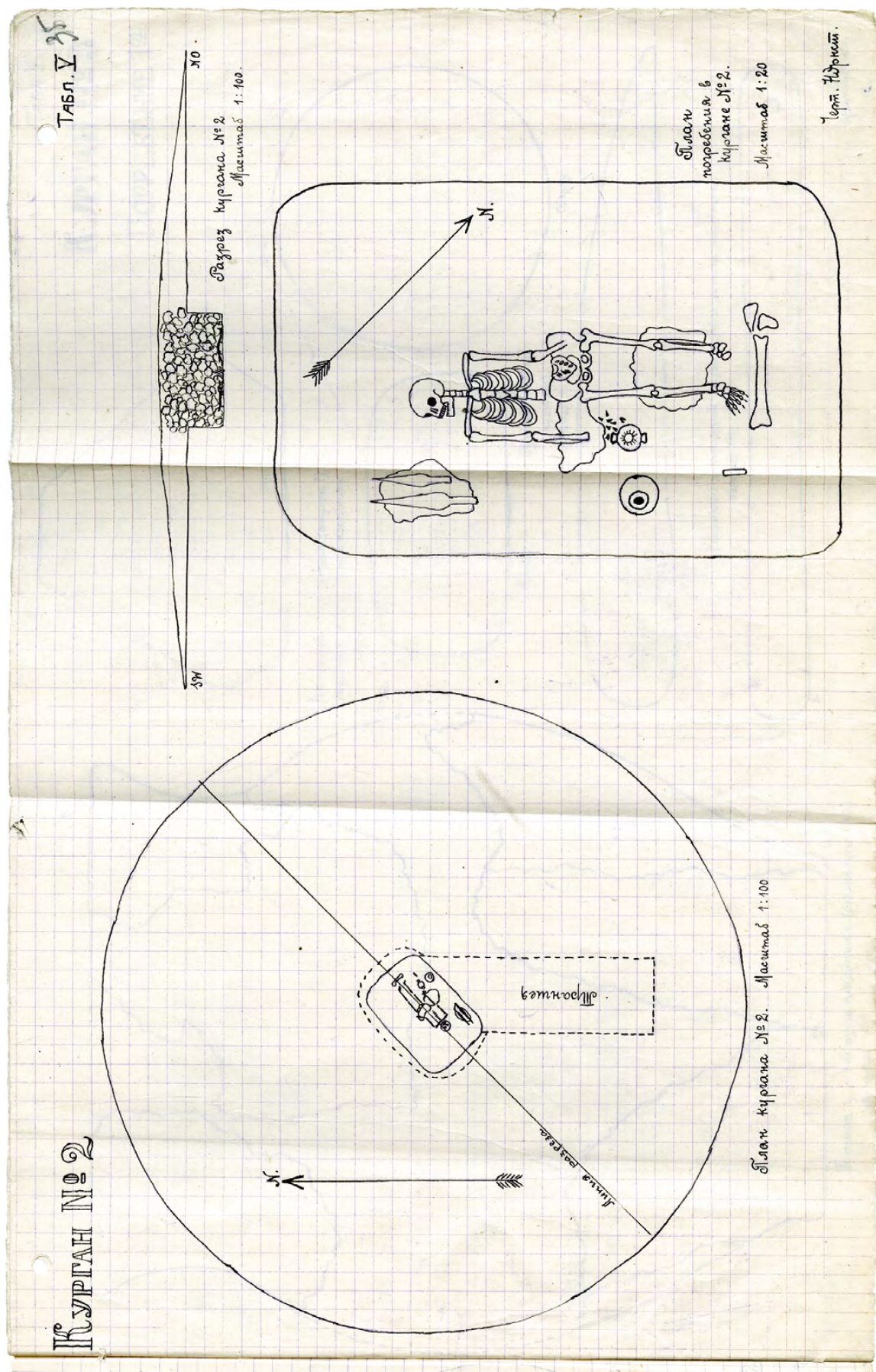

Табл. V. Курган № 2 (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1924. Д. 109. Л. 35)

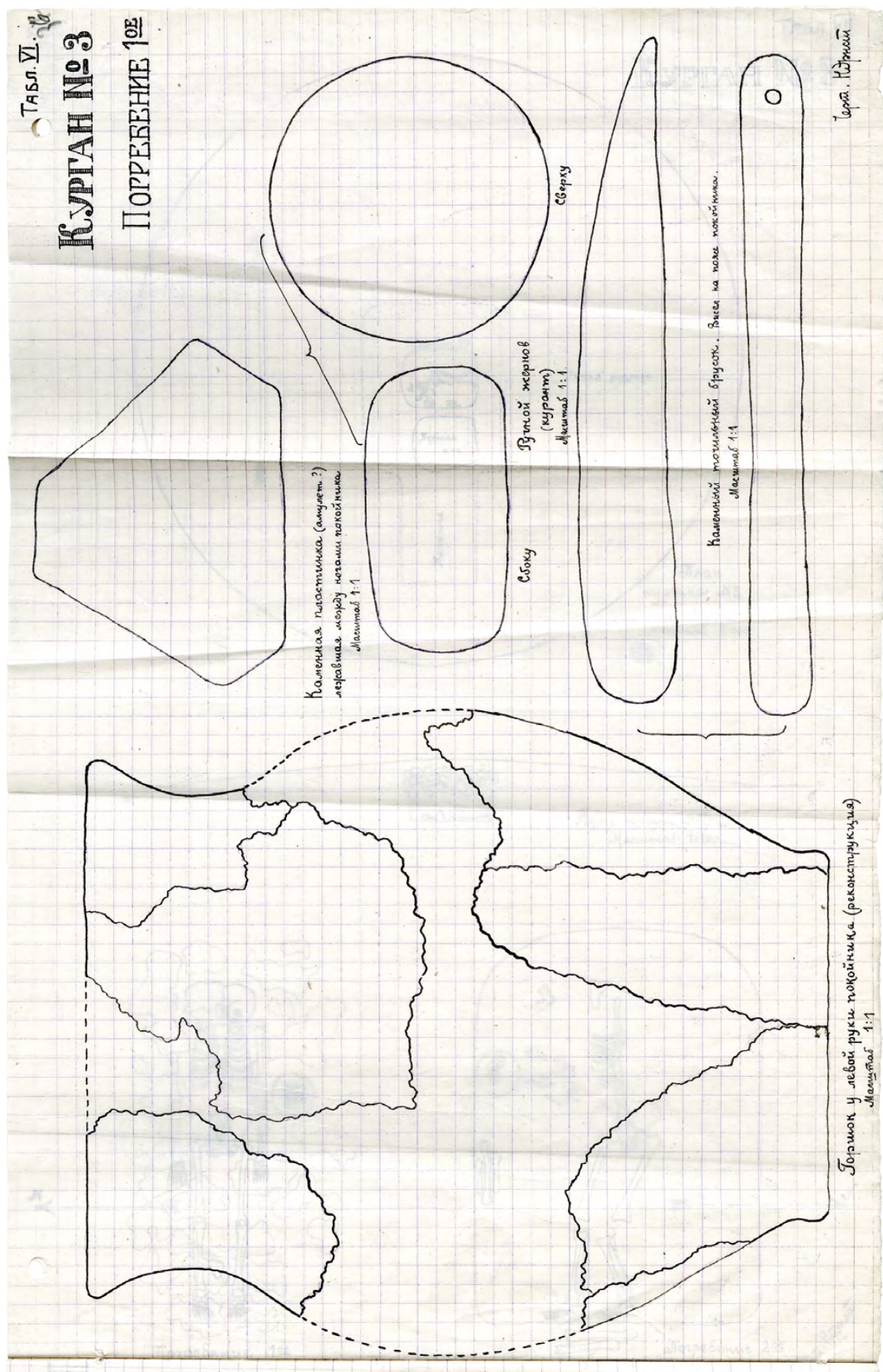

Табл. VI. Курган № 3. Погребение 102 (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1924. Д. 109. Л. 36)

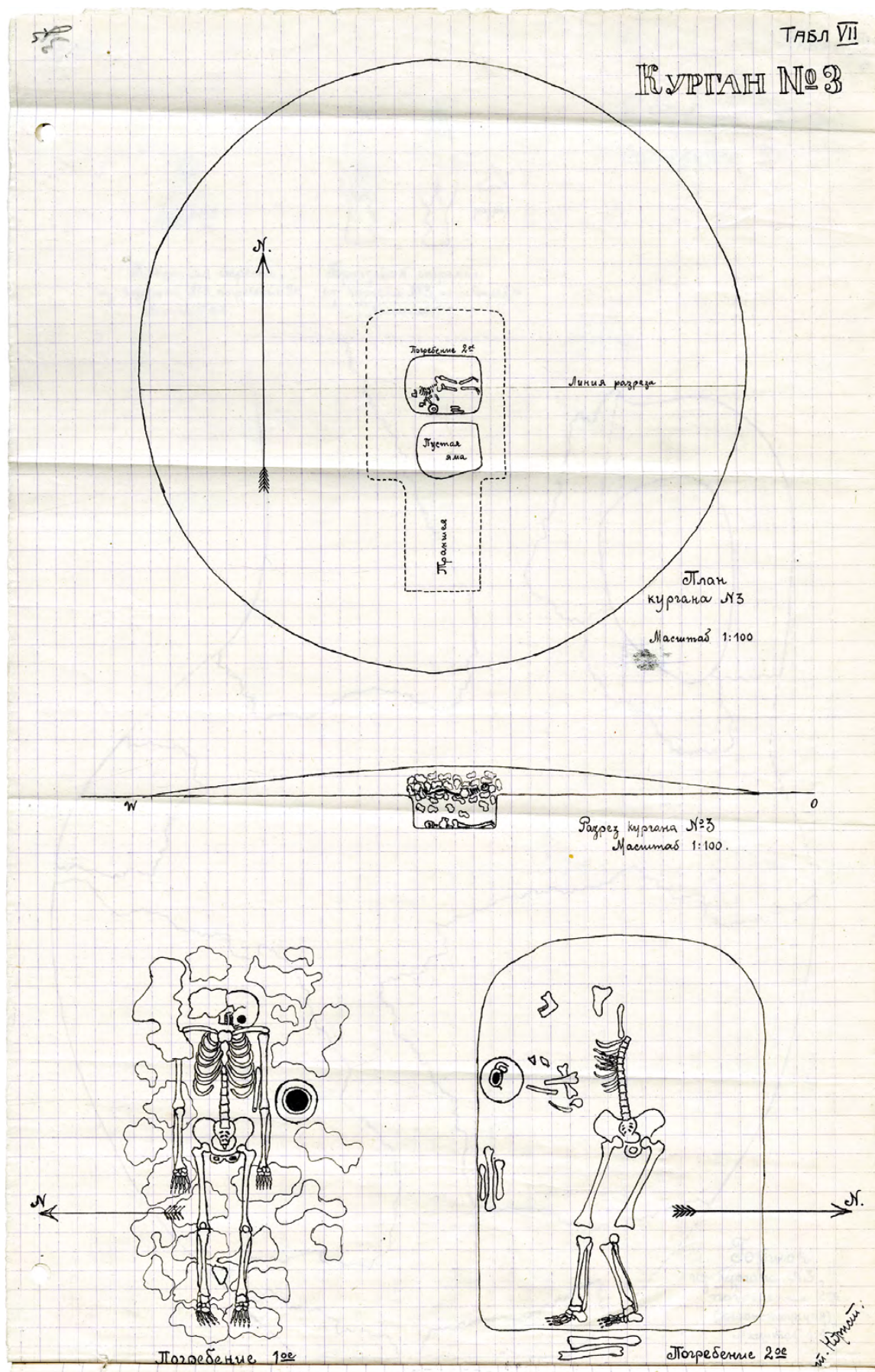

Табл. VII. Курган № 3 (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1924. Д. 109. Л. 37)

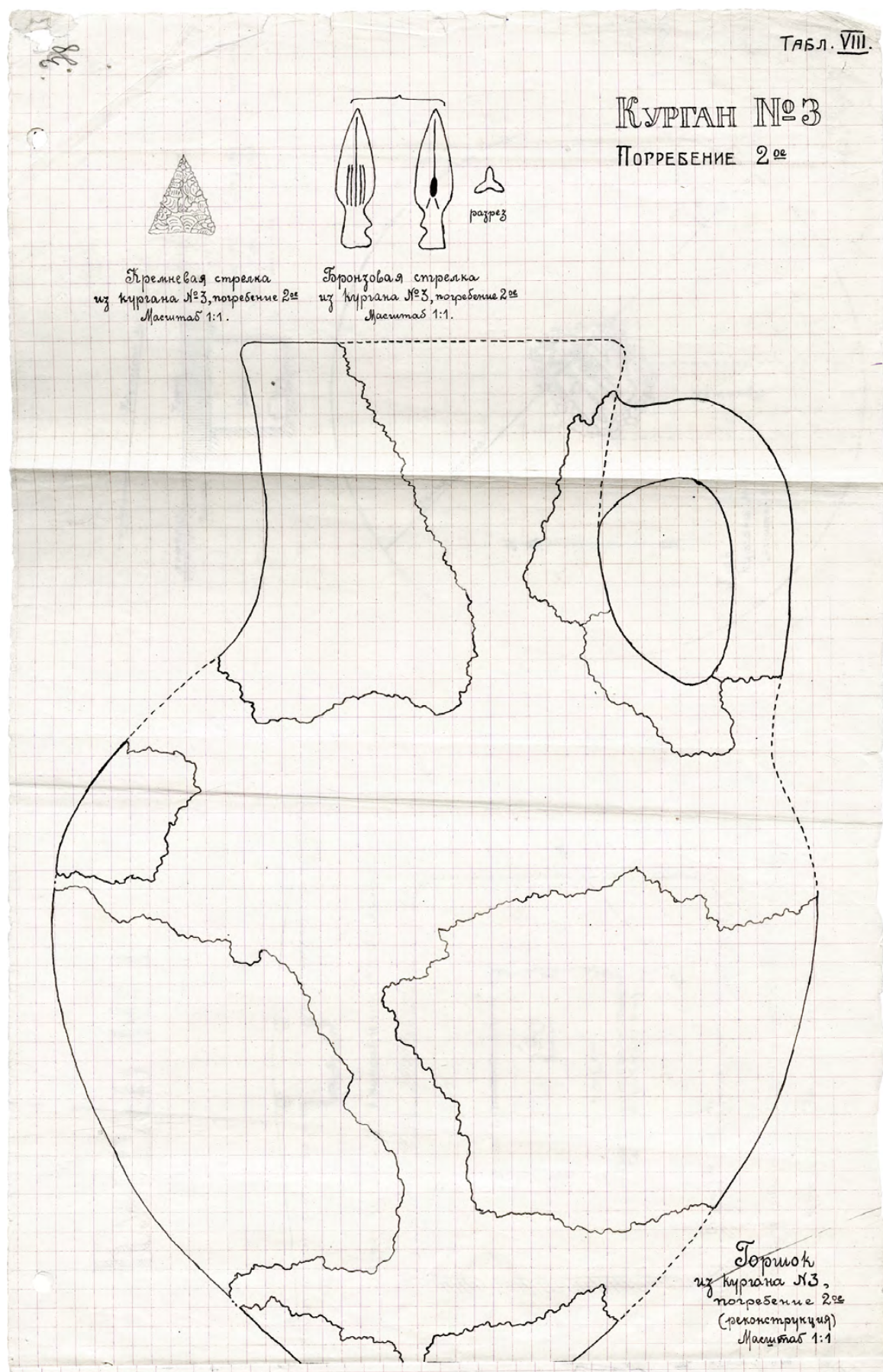

Табл. VIII. Курган № 3. Погребение 2ое (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1924. Д. 109. Л. 38)

«НИКОЛАЙ ЛЬВОВИЧ БЫЛ СКРОМНЫМ УЧЕНЫМ-ТРУЖЕНИКОМ...»: К ИСТОРИИ СОХРАНЕНИЯ ПАМЯТИ О Н.Л. ЭРНСТЕ

Н.Н. Чемодуров¹

Николай Львович Эрнст — выдающийся археолог, чьи значимые открытия и вклад в изучение прошлого Крыма долгое время были преданы забвению, а сам ученый репрессирован. После ареста в 1938 г. неопубликованные научные труды и наработки оказались изъяты и со временем утрачены. Однако имя Н.Л. Эрнста не было забыто. В 1960–1970-е гг. началась частичная реабилитация и восстановление его биографии благодаря усилиям родственников и бывших коллег. Советским специалистам ученый оставался известен в первую очередь своими результативными исследованиями палеолита, эпохи раннего металла, пещерных городов Крыма и музейной работой. Несмотря на тяжёлые жизненные испытания, Н.Л. Эрнст оставался преданным науке и внес значительный вклад в археологию и охрану памятников Крыма. Эти весомые факты, безусловно, учитывались в первых попытках реконструкции жизненного и творческого пути ученого.

Ключевые слова: крымская археология, Н.Л. Эрнст, С.Н. Олтаржевская, биография, С.Н. Бибиков, переписка, история археологии

<https://doi.org/10.31600/978-5-6052467-6-3.245-257>

Выдающиеся археологические находки в контексте истории науки неразрывно связаны с именем своих открывателей. Начало Междисциплинарного научного симпозиума «Монументальность и монументальная скульптура эпохи палеометалла...», приуроченного к 100-летию находки стелы из Бахчи-Эли (Монументальность..., 2024), ознаменовалось передачей в Институт археологии Крыма РАН репродукции портрета² руководителя раскопок в Бахчи-Эли — Н.Л. Эрнста (1889–1956) (рис. 1). Его образ запечатлен в 1911 г., когда еще полный намерений, хотя и столкнувшийся уже с немалыми житейскими трудностями, выпускник

Рис. 1. Репродукция портрета Н.Л. Эрнста, выпускника Берлинского университета. 1911 г.

Fig. 1. Reproduction of portrait of Nikolay L. Ernst, graduate of Berlin University. 1911

- 1 Николай Николаевич Чемодуров — Институт археологии Крыма РАН, пр. Академика Вернадского, д. 2, Симферополь, Республика Крым, 295007, Российская Федерация; e-mail: hombre_sin_nombre@bk.ru; ORCID: 0000-0003-0277-4862.
- 2 Выражаю благодарность Сергею Борисовичу Ланцову, принимавшему участие в передаче портрета и сообщившему мне подробности истории портрета, хранившегося ранее в личном архиве внучки Н.Л. Эрнста — Маргариты Сергеевны Соболевой.

Рис. 2. Н.Л. Эрнст [1940-е гг.]
(НА ИАКР РАН. Ф. Л-3. Оп. 1. Д. 7. Л. 2)

Fig. 2. Nikolay L. Ernst [1940s]
(SA IAC RAS. A.G. Л-3. In. 1. F. 7. Sh. 2)

Берлинского университета был в самом начале своего творческого пути (*Непомнящий*, 2012. С. 32).

В научном архиве ИАКР РАН хранилась лишь одна фотография Н.Л. Эрнста (**рис. 2**), по-видимому, выполненная в годы пребывания ученого в исправительно-трудовом лагере (НА ИАКР РАН. Ф. Л-3. Оп. 1. Д. 7. Л. 2³). Измотанный трагически несправедливым наказанием, но не сломленный, сохранивший во взгляде отчаянную надежду, теперь связанную только с одним — возвращением в Крым. К сожалению, такому не суждено было случиться. На долгие годы не только научные заслуги, но даже имя Н.Л. Эрнста «канули в лету». Лишь к началу 1990-х гг. сделаны первые шаги к реконструкции лич-

ной и творческой биографии ученого (*Храпунов*, 1989; *Филимонов*, *Храпунов*, 1996). Наиболее полным, богато иллюстрированным и многогранно контекстуализированным опытом жизнеописания Н.Л. Эрнста стала специальная монография, вышедшая из-под пера А.А. Непомнящего (*Непомнящий*, 2012), дополненная в последнее время несколькими публикациями (*Непомнящий*, 2015; 2020).

После ареста Н.Л. Эрнста в 1938 г. бывшие коллеги старались отмежеваться от опального ученого, ведь не только публичное упоминание контактов с ним, но даже одного лишь имени могло послужить поводом для угрозы собственной жизни. На протяжении десяти лет (1921–1931 гг.) непосредственным руководителем Н.Л. Эрнста в Центральном музее Тавриды являлся А.И. Полканов (1884–1971) (**рис. 3**). Первый являлся заведующим археологическим отделом, второй — директором музея. Совместная научная и общественная деятельность прервалась в 1938 г., когда оба ученых были арестованы. А.И. Полканова спустя год освободили в связи с недостаточностью обвинений. Впрочем, ему не удалось миновать тягот отбывания в исправительно-трудовом лагере (1944–1949 гг.), куда он незаслуженно попал уже после войны. А.И. Полканов сумел пережить репрессии и вернулся в Симферополь. В его неопубликованном очерке «История краеведения в Крыму» упоминанию Н.Л. Эрнста места не нашлось, а события в археологическом изучении Крыма в 1920–1930-е гг. поданы преимущественно в безличных предложениях:

«В результате были на местах учтены все исторические памятники, во многих местах описаны и зафиксированы, составлены были на местах списки археологических и революционных памятников с разделением их на несколько категорий по степени их исторического значения. По отдельным районам приступлено к составлению археологической карты, например по Южному берегу Крыма⁴...» (ГАРК. Ф. Р-3814. Оп. 1. Д. 136. Л. 26–27).

3 Это фото обнаружено среди личных документов известного геолога и археолога Л.В. Фирсова (1926–1981), составляющих отдельный фонд в НА ИАКР РАН. Установить историю фотографии пока не удается. Предположительно, она имеет отношение к предпринимавшейся Л.В. Фирсовым работе об исследователях средневековых крымских исаров или к работе о радиоуглеродных датах некоторых находок стоянки Чокурча.

4 Эти документы хранятся в НА ИИМК РАН (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1933. Д. 119).

В 1930-е гг. активную исследовательскую работу в Крыму начал известный археолог П.Н. Шульц (1901–1983) (рис. 4). Многогранное и результативное изучение древностей северо-западного побережья полуострова ученый фактически предпринял при полном одобрении Н.Л. Эрнста, писавшего директору Евпаторийского музея 3 сентября 1933 г. в связи с началом раскопок остатков Керкинитиды:

«Наркомпрос направил Вам полномочия на извлечение денег от Военного санатория на раскопки. В каком положении это дело? Удалось ли Вам чего-нибудь добиться? Я очень интересуюсь, к тому же и [П.Н.] Шульц и ГАИМК меня запрашивали. В случае удачи я считал бы целесообразным, чтобы раскопки были поручены [П.Н.] Шульцу, а я бы наезжал для консультации. Пожалуйста, сообщите мне, каковы перспективы. С приветом, Ваш Н. Эрнст» (ГАРК. Ф. Р-138. Оп. 1. Д. 24. Л. 28об).

Документы позволяют заключить, что личное знакомство двух археологов состоялось осенью 1932 г., когда П.Н. Шульц в рамках научной командировки посещал музеи Крымской АССР. В Центральном музее Крыма и на скифских городищах Симферополя его сопровождал Н.Л. Эрнст. Довольно уверенно можно подтвердить факт переписки ученых, материалы которой в настоящее время не выявлены. В своих впечатлениях о Симферополе и Н.Л. Эрнсте П.Н. Шульц писал в 1932 г.:

«Н.Л. Эрнст не опубликовал до сих пор результаты раскопок и изучения т.н. кизилкобинской культуры, связываемой Н.Л. Эрнстом с таврами. В недостаточной мере опубликованы результаты раскопок и разведок «скифских» городищ северных предгорий

Рис. 3. В Центральном музее Тавриды. Сидят слева направо: Я.П. Бирзгал, А.И. Полканов, Н.Л. Эрнст, Г.А. Бонч-Осмоловский, О.Г. Бонч-Осмоловская, «...», М.В. Тонгур. 1922 г. (ГАРК. Ф. Р-3814. Оп. 1. Д. 601. Л. 2)

Fig. 3. In the Central Museum of Taurida. Sitting from left to right: Jan P. Birzgal, Alexander I. Polkanov, Nikolay L. Ernst, Gleb A. Bonch-Osmolovsky, Olga G. Bonch-Osmolovskaya, "...", Maria V. Tongur. 1922 (State Archives of the Republic of Crimea. A.G. P-3814. In. 1. F. 601. Sh. 2)

Рис. 4. П.Н. Шульц. 1935 г.
(по: Чемодуров, 2024. С. 567)

Fig. 4. Pavel N. Shultz. 1935
(after Чемодуров, 2024. С. 567)

Крыма; нет публикаций результатов раскопок курганов «эпохи бронзы» и «скифосарматской» эпохи. В частности, до сих пор не изданы раскопки интереснейшего погребения эпохи «бронзы» с каменной плитой, на которой изображены топоры, животные и люди. В результате с этим памятником нам приходится знакомиться не через советскую, а заграничную публикацию...» (Чемодуров, 2023. С. 275).

Замечания П.Н. Шульца хотя и содержат определенную критику, но в своей сути справедливы: многие результаты работ Н.Л. Эрнста, оставшиеся не опубликованными, скорее всего, сейчас безвозвратно утрачены (см.: *Непомнящий*, 2012. С. 17).

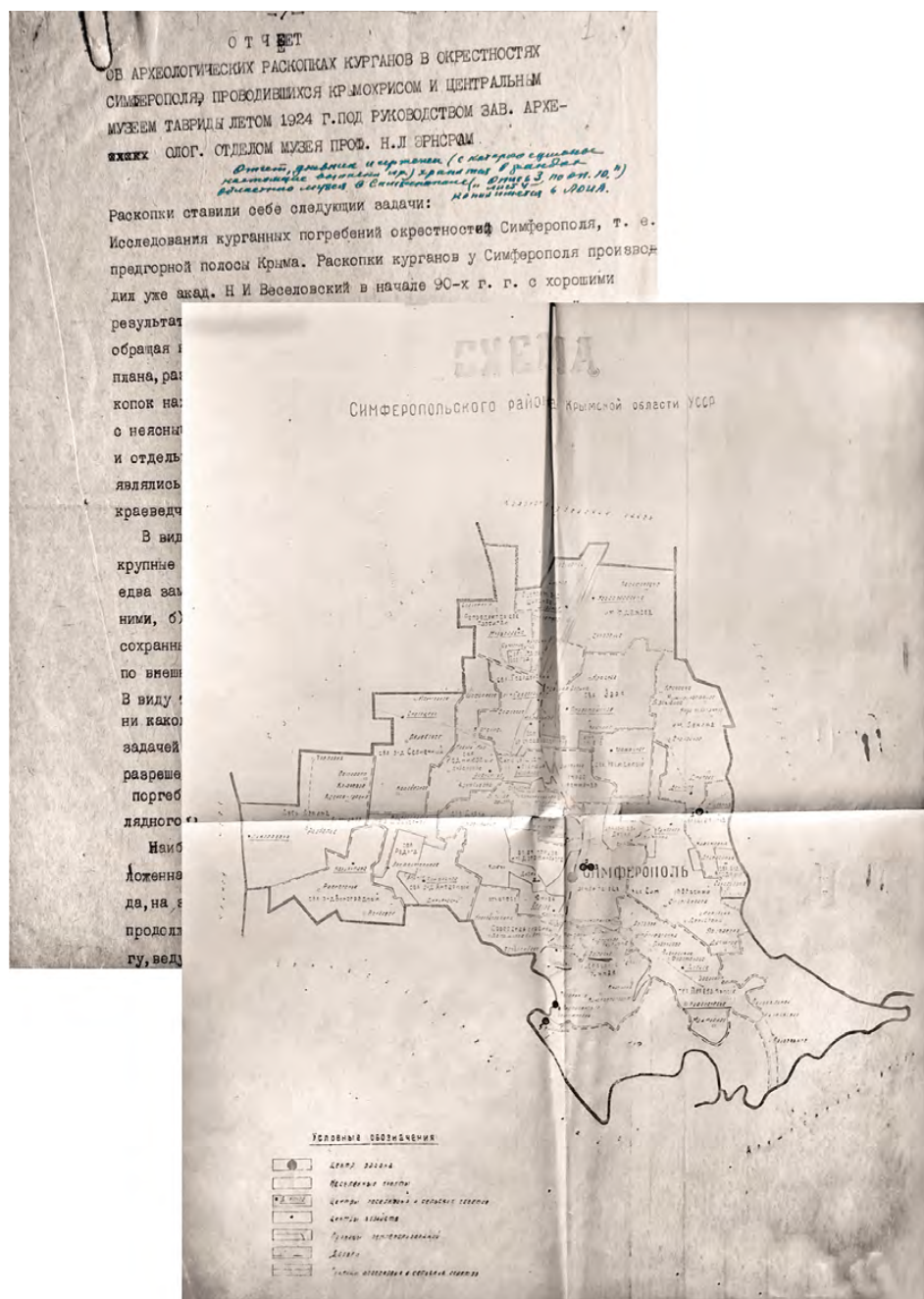
Рассматривая сюжет, связанный с П.Н. Шульцем, необходимо отметить еще малоизученный аспект биобиблиографических изысканий ученого. Одной из первых самостоятельных печатных работ является его статья памяти талантливого археолога, директора Одесского музея С.С. Дложевского (1889–1930) (Шульц, 1931). В конце 1940 — начале 1960 гг. П.Н. Шульц состоял в переписке с Е.А. Кошляковой, дочерью выдающегося крымского краеведа А.И. Маркевича (1855–1942) по делу увековечения памяти последнего (НА ИАКР РАН. Ф. Л-9. Оп. 2. Д. 44). Любопытный эпизод связан со сбором П.Н. Шульцем сведений для биографической статьи об А.К. Тахтае (Шульц, 1964). Список персоналий, судьбы которых П.Н. Шульц успешно осветил или намеревался это сделать в специальных работах, можно было бы продолжить. Показательно, что среди них нет имени Н.Л. Эрнста. Впрочем, не приходится утверждать, что биография и в особенности ученые заслуги Н.Л. Эрнста совсем не интересовали П.Н. Шульца. Так, среди документов его личного фонда в НА ИАКР РАН, сохранились две машинописи Отчета об археологических раскопках курганов в окрестностях Симферополя, производившихся КрымОХРИСом и Центральным музеем Тавриды в 1924 г. с приложением карты, на которой отмечены изученные курганы (рис. 5) (НА ИАКР РАН. Ф. Р-1. Оп. 3. Д. 11. Л. 7).

Впервые замысел специальной работы, в которой немалое место планировалось отвести описанию жизненного и научного пути Н.Л. Эрнста, предприняла археолог Е.А. Векилова (1915–1989) (рис. 6). Ученица известного исследователя палеолита С.Н. Бибикова, она лично познакомилась с Н.Л. Эрнстом в 1936 г. на раскопках стоянки Шан-Коба. В 1959 г. Е.А. Векиловой была задумана работа «Очерки по истории изучения каменного века Крыма», и для дополнительных сведений она в письме обратилась к вдове Н.Л. Эрнста С.Н. Олтаржевской (рис. 7):

«11. VII. 1959 г.

Дорогая Софья Николаевна!

Обращаюсь к Вам с большой просьбой. Я работаю над темой «Очерки по истории изучения каменного века Крыма». Мне хочется кроме общего очерка работ различных исследователей, занимающихся изучением древнейшего прошлого Крымского полуострова, дать и краткие биографические сведения о каждом из них. О Николае Львовиче у меня сведения минимальные, я даже не знаю его года рождения. Не откажите в любезности сообщить мне краткие биографические сведения о Нико-

Рис. 5. Материалы Отчета об археологических раскопках курганов в окрестностях Симферополя, проводившихся КрымОХРИСом и Центральным музеем Тавриды летом 1924 г. под руководством зав. Археологическим отделом музея проф. Н.Л. Эрнста (НА ИАКр РАН. Ф. Р-1. Оп. 3. Д. 11. Л. 1, 7)

Fig. 5. Materials of the Report on archaeological excavations of burial mounds in the vicinity of Simferopol, conducted by the Crimean OCHRIS and the Central Museum of Taurida in the summer of 1924 under the direction of the head of the Archaeological Department of the Museum Prof. Nikolay L. Ernst (SA IAC RAS. A.G. P-1. In. 3. F. 11. Sh. 1, 7)

лае Львовиче. Если Вам что-либо известно о Е.И. Висниовской также прошу не отказывать в любезности сообщить мне.

Я ученица Сергея Николаевича Бибикова, живу и работаю в Ленинграде, в Институте истории материальной культуры. С Николаем Львовичем была лично знакома. Подаренный мне его оттиск на немецком языке из трудов II Межд[ународной] конф[еренции] АИЧОЕ⁵ о стоянке Чокурче, храню с 1936 года, когда впервые встретилась с Николаем Львовичем на раскопках у Сергея Николаевича Бибикова в Шан-Кобе.

Сейчас я отдыхаю с тремя моими детьми в небольшой деревушке Ленингр[адской] области. Пользуюсь свободной минутой, чтобы написать Вам.

Буду Вам очень благодарна за все, что Вы сможете мне сообщить.

5 См.: Ассоциация..., 1932; также АИЧПЕ — Ассоциация по изучению четвертичного периода Европы.

Рис. 6. Е.А. Векилова
(по: Крижевская, 2000. С. 373)

Fig. 6. Elena A. Vekilova
(after Крижевская, 2000. С. 373)

Желаю Вам всего доброго
Уважающая Вас Е. Векилова
Луга, Лен. обл., Лужский с/с, дер. Заклинье»
(ГАРК. Ф. Р-3283. Оп. 1. Д. 26. Л. 1–2).

Для вдовы Н.Л. Эрнста, в течение нескольких лет пытавшейся обнаружить и собрать крупицы научного наследия супруга, возможность заявить о нем публично была весьма важной. С.Н. Олтаржевская вскоре направила развернутый, содержательный и местами трогательный ответ:

«25 VII 1959

Глубокоуважаемая Елена Алексеевна!

Ваше письмо с просьбой принесло мне душевную радость, и я охотно Вам отвечаю, по дружбе, как внучатой ученице покойного Н.Л., т.к. С.Н. Бибилов был его учеником.

Н.Л. родился в 1889 г., в Киеве, его родители: отец — инженер, а мать — педагог. Отца лишился в раннем детстве, и поэтому трудовая жизнь у него началась рано, а в Ун-те учился на собственный заработок. По окончании гимназии в 1905 году, Н.Л. в Унив-т не приняли из-за Его политической неблагонадежности и высшее образование он получал за границей; окончил Берлинский университет в 1911 г., защитив диссертацию на тему «Отношение Москвы к Крымским татарам при Иване III и Василии III». С дипломом доктора философ наук Н.Л. вернулся на родину. В Киеве Н.Л. работал в качестве библиотекаря в Фунд. Библиотеке Киевского Унив-та и аспиранта Киевского ун-та по кафедре русской истории. В 1918 г. Н.Л. по приглашению из Крымского университета переехал в Крым на работу библиотекарем Таврического ун-та и приват-доцента, а потом и профессора кафедры русской истории и немецкого языка.

С 1920 по 1937 гг. Н.Л. работал и на посту заместителя директора по научной части и заведующего историко-археологическим отделом Центрального краеведческого музея Крыма в г. Симферополе. Кроме того был действительным членом Крымского научно-исследовательского Института в Симферополе. С 1938 и до конца жизни (умер 20 III 1956) Н.Л. был оторван от научной работы и это было самым трагичным в его жизни. В силу трудолюбия и благодаря своей выносливости Н.Л., несмотря на подорванное здоровье, работал на разных поприщах: лесорубом, истопником, ассенизатором, медсестрой (успешно окончил курсы медсестер), педагогом, библиотекарем, и последняя его работа была бухгалтером детсада № 1 в г. Прокопьевске, где и скончался от инфаркта.

Посылаю Вам сохранившиеся у меня копии отзывов о Н.Л. (подлинники их были приложены мной с ходатайством о реабилитации Н.Л.). Отзывы сдержанные, но это и понятно, поскольку были написаны, когда Н.Л. находился еще в положении опального.

Н.Л. был скромным ученым-тружеником, преданным служителем науки; посвятил свою жизнь изучению истории и археологии Крыма. Как истинный ученый не считался ни с временем, ни с отдыхом. Он упорно, организованно, планомерно, систематически работал над исследованием памятников старины, совершал многочисленные раскопки древностей; приложил много труда к созданию и обогащению Крымского музея, написал ряд научных трудов, и во всем этом была его жизнь, увлечения, радости и горести. Исследовательские работы Н.Л. очень многогранны. Он и археолог-палеонтолог, и историк, искусствовед и фольклорист. Перечень работ Н.Л. имеется в архиве Музея в Симферополе. Ваш Институт мог бы в случае надобности запросить копию этого перечня, составленного самим Н.Л. При аресте Н.Л. в 1938 г. были изъяты все его рукописи еще неизданные, а их было много. Я обращалась во

все архивы Симферополя, но безрезультатно. Особенно мне хотелось отыскать рукопись Н.Л. о палеолит. стоянке в пещере Чокурча. Это был солидный труд Н.Л. Над ним он ряд лет подвижничал.

В свою очередь дорогая Ел. Ал., прошу Вас разузнать, не имеется ли в архиве Вашего Ин-та рукописи Николая Львовича о Чокурче и др. Они могли каким-нибудь образом попасть в Ин-тут. Н.Л. приложил много труда в исследование и описание исторических памятников Южного берега Крыма по заданию Алушкинского дворца-музея.

Не откажите в любезности и сообщите мне, авось что-нибудь отыщется. Я не знаю, каким еще путем мне нужно разыскивать эти ценные рукописи. Если бы я располагала средствами, я бы съездила в Л-д и М-ву. Я не могу допустить, что все изъятые рукописи могли быть уничтожены. Извините меня за такую просьбу.

р.с. Вы спрашиваете о Е.Н. Висниовской (?), откровенно говоря, я очень плохо помню фамилии сослуживцев Н.Л. и тех лиц, с которыми ему приходилось встречаться по работе. После ряда тяжких потрясений у меня образовались провалы в памяти, поэтому ничего не могу сообщить Вам о Е.Н., я не помню.

Извиняюсь за такую мою писанину. Мне хочется поскорее ответить Вам, поэтому не решаюсь переписывать.

Если будут у Вас какие-либо вопросы, я с удовольствием отвечу, если, конечно это будет в моих возможностях.

Желаю Вам с Вашими ребятишками всласть отдохнуть, поздороветь, чтобы вернуться к работе с новыми силами и успешно претворить в жизнь Ваши очерки. Я надеюсь их почитать.

Искренне уважающая Вас, С. Олтаржевская» (Там же. Л. 4–6).

В переписке произошел недолгий перерыв, причины которого Е.А. Векилова объясняла в следующем своем письме:

«7 IX 1959

Дорогая Софья Николаевна!

Простите, что не ответила на Ваше письмо, не поблагодарила за присланные материалы о Николае Львовиче.

Замучилась с болезнью ребят, с 30 VII по 20 VIII была в Л-де. Сначала у сынишки был бронхит, потом младшая дочка болела воспалением легких и т.д.

Вместо работы и отдыха получилось беспокойство за детей, утомление и т.д.

С конца месяца мы в городе и я вышла на работу, от которой оторвалась на долгие три месяца.

София Николаевна, должна ли я Вам возвратить копии присланных Вами документов. Если да то я сделаю это незамедлительно, по получении от Вас письма. Хотелось бы мне очень сопроводить работу фотографиями, но я не уверена, что работу напечатают с таким большим количеством иллюстраций, как их будет. Тем не менее, я Вас очень прошу прислать мне, если у Вас есть фотографии Николая Львовича, если у Вас единственные экземпляры, я перефотографирую и возвращу Вам обратно.

От Сергея Николаевича за лето ничего не получала. На днях напишу ему.

Всего доброго

Благодарю за материалы и письмо

Уважающая Вас Е. Векилова» (Там же. Л. 7–8).

Ответное письмо С.Н. Олтаржевской среди архивных документов не выявлено, но, по-видимому, оно достигло адресата: в очередном послании Е.А. Векиловой выясняются подробности отправленных в Ленинград фотоматериалов для готовившихся «Очерков...»:

Рис. 7. С.Н. Олтаржевская
(по: Непомнящий, 2012. С. 15)

Fig. 7. Sofia N. Oltarzhevskaya
(after Непомнящий, 2012. С. 15)

«20 X 1959

Уважаемая Софья Николаевна!

Простите, что задержалась с ответом, в нашей фотолаборатории не было фотографа — находились в экспедиции, и я не могла переснять фотографии Николая Львовича. Сегодня я отнесла свою заявку на ряд фотографических работ и на днях буду иметь возможность возвратить с благодарностью Ваши фотографии. Я представляю, что Вам без них было бы еще более одиноко.

Я остановила свой выбор на фотографии с дочкой (очаровательная девочка!). Фотографии портить не будут, а мне переснимут фото Николая Львовича. Эта фотография хороша и относится ко времени активной работы Николая Львовича. Таким коллеги по работе знали в свое время его. Фотографии последние я думаю меньше бы подошли для этой цели.

Я совершенно не уверена ясно, что моя рукопись (когда она будет готова) сможет быть иллюстрирована так, как бы мне хотелось. Но я буду ее готовить подробной и тщательной и в отношении текста, и в отношении иллюстраций. Еще раз благодарю за предоставленные для работы материалы.

Всего самого доброго

p.s. До нас дошли сведения, что в Киеве серьезно болел Сергей Николаевич. Перенес тяжелую форму пневмонии. Сейчас поправляется» (Там же. Л. 8–9).

В работе Е.А. Векиловой, очевидно, возникли определенные затруднения. Несмотря на заверения в «тщательности» и «подробности» готовившихся очерков, в течение 1960–1962 гг. публикация не состоялась. С.Н. Олтаржевская предприняла попытку выяснить, как продвигается статья Е.А. Векиловой:

«2 VI 1962

Дорогая Елена Алексеевна!

Я долго ждала от Вас весточки, имея надежду, что Ваш очерк по истории изучения каменного века Крыма вышел в свет и в нем упомянулось имя моего мужа Николая Львовича Эрнста. Но я так и не дождалась, объясняя тем, что теперь очень трудно печатать научные работы, не являющиеся в меру актуальными и, кроме того, наверное, чтобы добиться издания, нужно пройти ряд препятствий, на что немало затрачивается времени. Прошло почти три года, как Вы мне написали о Вашей работе, и теперь я решаюсь Вас беспокоить с моей просьбой. Пожалуйста, дорогая Елена Алексеевна, не откажите в любезности, сообщите о судьбе Вашего очерка. Я буду иметь большое удовольствие узнать о напечатании его. И, конечно, была бы счастлива иметь этот очерк.

Простите меня великодушно. Уважающая Вас, Олтаржевская.

p.s. Наконец я получила комнату и избавилась от забот, волнений и беготни и поездок в Симферополь. Словом, много сил истрачено, энергии и здоровья, чтобы иметь свое жилье» (Там же. Л. 10–11).

Ответ ленинградской исследовательницы содержал мало утешительного для С.Н. Олтаржевской:

«Глубокоуважаемая Софья Николаевна!

Ваше письмо я получила за несколько дней до своего отъезда в экспедицию на Кавказ.

Моя работа «История исследований каменного века Крыма» действительно до сих пор не увидела свет. Более того, она до сих пор осталась незавершенной. Дело в том, что последние два года я являюсь ученым секретарем Ленинградского отделения Института Археологии АН СССР и исполнение этих административных обязан-

ностей, естественно, серьезно мешает моей научной работе. Я не говорю уже о некоторых других причинах. Естественно, если эта работа будет завершена и опубликована, я Вам непременно пришлю ее оттиск.

В 1960 году я была в научной командировке в Крыму и в том числе в Ялтинском краеведческом музее. Я не знала Вашего адреса, иначе я бы разыскала Вас.

Я очень рада, что Вы получили комнату и можете спокойно жить.

Всего Вам наилучшего.

У меня нет с собой записной книжки с адресами, поэтому простите меня, если я неверно написала Ваши имя и отчество.

Я могу Вам сообщить один факт, который, видимо, будет для Вас небезинтересным. В апреле этого года из Германии через Югославию получены два превосходных орудия из Чокурчи — из неопубликованных материалов Николая Львовича. Сейчас эти предметы находятся в Ленинграде, но будут переданы в Киев С.Н. Бибикову.

Еще раз желаю Вам всего доброго.

Уважающая Вас, Е. Векилова» (Там же. Л. 12–13).

В статье Е.А. Векиловой об исследованиях палеолита в Крыму (1879–1979), увидевшей свет через годы после этой переписки (Векилова, 1979), вкладу Н.Л. Эрнста было посвящено одно предложение: «С 1928 по 1933 гг. крымские исследователи Н.Л. Эрнст и С.Н. Забнин производили систематические раскопки открытой в 1927 г. последним знаменитой стоянки охоты на мамонтов — Чокурчи» (Там же. С. 7). Даже годом рождения Н.Л. Эрнста почему-то назван 1892 г.⁶

В связи с оборвавшейся надеждой успешного завершения предпринятой Е.А. Векиловой работы, в 1964 г. С.Н. Олтаржевская решилась на откровенное письмо С.Н. Бибикову:

«Член-корреспонденту Украинской Академии наук,
Директору Института Археологии Бибикову Сергею Николаевичу
Уважаемый Сергей Николаевич!

5 октября 1964 года исполняется 75 лет со дня рождения Николая Львовича Эрнста. Вам как ученику и современнику Н.Л. Эрнста известны его заслуги перед советской наукой в области изучения истории и археологии Крыма, касающиеся различных эпох. Н.Л. Эрнсту принадлежит ряд научных работ (см. список). Он приложил много труда в создание и обогащение Крымского музея истории и археологии. Его раскопки в течение ряда лет палеолитической стоянки в пещере Чокурча у города Симферополя являлись солидным вкладом в изучение прошлого Крыма.

Н.Л. Эрнст был известным археологом в СССР и за рубежом, его имя было внесено в Большую Советскую Энциклопедию 1 издания 1934 г. (том 67, стр. 612).

Со своей стороны, я жена Н.Л., свидетельствую подвижнический упорный труд Н.Л. на вышеуказанном поприще, являвшийся ученым энтузиазмом.

Эпоха культа личности коснулась и Николая Львовича и послужила его преждевременной смерти.

Реабилитация Н.Л. Эрнста дает право на то, чтобы его заслуги перед наукой были бы отмечены в день его 75-летия.

Буду Вам весьма признательна, получив от Вас сообщение о Вашем решении.

С уважением С. Олтаржевская» (ГАРК. Ф. Р-3283. Оп. 1. Д. 27. Л. 1–2).

6 Предположительно материалы к составлению «Очерка...» Е.А. Векиловой, в том числе и фотографии Н.Л. Эрнста, могли отложиться в личном архиве исследовательницы, но его судьба в настоящее время не выяснена.

В своем обращении С.Н. Олтаржевская не ошиблась. С.Н. Бибиков, отдавая должное научным заслугам и непростой судьбе Н.Л. Эрнста, как и факту личного знакомства, с готовностью принял за подготовку биографической заметки. Для ее иллюстрирования была привлечена найденная А.А. Щепинским в фондах Крымского краеведческого музея фотография участников раскопок в 1925 г. кургана на Красной Горке у г. Симферополя (рис. 8). Уже 28 февраля 1964 г. С.Н. Бибиков направил С.Н. Олтаржевской рукопись своей заметки, сопроводив ее письмом:

«Дорогая Софья Николаевна!

Посылаю Вам копию заметки, посвященной Николаю Львовичу. Думаю, что если все будет благополучно, она выйдет в октябре-ноябре. Недавно в Симферополе я получил от [А.А.] Щепинского фото, разысканное им в музее. На фото изображена группа учащихся ОПШ вместе с Н.Л. у палатки. Я приложил его к заметке. Может быть, Вам что-то основательно поможет отличить лица — особенно у палатки?

Я по-прежнему.

Желаю Вам всех благ

27 февраля 1964 г.» (Там же. Л. 3).

На этот раз рукописи о Н.Л. Эрнсте суждено было попасть в печать: она вышла в главном печатном издании ИА АН УССР «Археологія» в конце 1964 г. ([Бібиков], 1964). Фактически, краткая заметка С.Н. Бибикова знаменовала собой прорыв в многолетнем публичном замалчивании имени Н.Л. Эрнста.

Текст рукописи на украинском языке, отправленный вдове Н.Л. Эрнста, в некоторых местах отличен от изданного в журнале «Археологія». Полагаем уместным поместить его ниже в переводе на русский язык:

«Николай Львович Эрнст

(к 75-летию со дня рождения)

В октябре 1964 г. исполняется 75 лет со дня рождения выдающегося историка и археолога Николая Львовича Эрнста, известного своими работами в области первобытной археологии, крупного знатока античных и средневековых памятников Крыма, исследователя позднего средневековья.

Николай Львович начал свою научную деятельность в Киеве вместе с младшим братом Федором Львовичем Эрнстом, ярким знатоком искусства и истории Киева.

Одной из первых работ Н.Л. Эрнста была статья, посвященная истории древнего Путивля («Путивль и его посад в первой половине XVII века. Киев, 1914»). Работа эта и до сей поры не утратила своей познавательной ценности.

После кратковременного увлечения историей нового времени, Николай Львович погружается в круг проблем археологии, открывавших перед ним все новые и новые горизонты. Особенное внимание им придавалось изучению палеолита. Переход Николая Львовича на работу в Крым чрезвычайно способствовал расширению его археологической деятельности: он исследовал памятники палеолита, эпохи раннего металла, пещерные города Крыма, мусульманские памятники средневековья. Николай Львович опубликовал много статей, в которых отразилась его многогранная деятельность. Выход работ, посвященных палеолиту Крыма («Четвертичная стоянка в пещере у д. Чокурча в Крыму. Труды II Международной конференции Международной ассоциации по изучению четвертичного периода, вып. V, 1934» и др.), явился настоящим событием в археологической науке. Большое значение имеют исследования Николая Львовича в области изучения пещерных городов Крыма («Эски-Кермен и пещерные города Крыма. Симферополь, 1929») и мусульманских памятников. Оригинальна, написанная с большим научным талантом работа Н.Л. «Бахчисарайский ханский дворец и архитектор Вел. Кн. Ивана III Фрязин Алевиз Новый».

Рис. 8. Группа участников раскопок Н.Л. Эрнста в 1925 г. (по: [Бібіков], 1964. С. 232)

Fig. 8. Group of participants of Nikolay L. Ernst's excavations in 1925 (after [Бібіков], 1964. С. 232)

Занимаясь исследованием исторических проблем, Н.Л. никогда не оставлял совершенствования археологической методики. Прекрасный археолог, который постоянно работал в поле, Эрнст отличался точностью археологического исследования, новаторством в деле совершенствования приемов ведения полевых работ (см. «К технике вырезки древних погребений. Труды Секции архитектуры и искусства РАНИОН, посвященный Городцову, М. 1929»).

Н.Л. Эрнст много труда уделил развитию музееведения и охраны памятников. Будучи заведующим археологическим отделом Центрального музея Тавриды в Симферополе, он создал выставку, которая в течение многих лет была образцом археологической экспозиции, которая передавала древнюю историю общества в ярких, понятных посетителю образах.

Неустанно беспокоясь о сохранении памятников культуры, Н.Л. Эрнст являлся одним из активнейших сотрудников Крымского отдела охраны памятников (КрымОХ-РИС). Изучение памятников и сохранение их, как огромной государственной ценности, всегда соединялось у Н.Л. с популяризацией археологического знания.

Кроме музейно-просветительской работы, Н.Л. Эрнст постоянно сотрудничал с периодической прессой. Одна из его книг «Люди ледникового века в Крыму» является примером истинной научной популяризации археологического знания.

Работая в Крыму, Н.Л. Эрнст много лет трудился ученым секретарем и членом редколлегии Таврического общества истории, археологии и этнографии. Занимая этот выборный пост, Н.Л. объединил вокруг Общества значительное число учеников, посодествовавших археологическому изучению Крыма. Многие из членов-соревнователей общества приняли участие в раскопках и вели просветительскую работу.

Как профессор Крымского педагогического института Н.Л. Эрнст пользовался большой любовью студентов и преподавателей. Всегда скромный, готовый оказать дружескую услугу, умелый и требовательный преподаватель — таким остался Н.Л. в сознании тех, кто его знал.

В годы перегибов, связанных с культом личности, на Н.Л. был сделан поклеп, его надолго оторвали от любимой работы. Он все время мечтал про возвращение на Украину и лишь ненадолго пережил радость реабилитации, радость возвращения ему доброго имени советского ученого.

С.Б.» (ГАРК. Ф. Р-3283. Оп. 1. Д. 27. Л. 4–6).

Представленный обзор является важным свидетельством того, что личность и заслуги Н.Л. Эрнста перед наукой не преданы забвению. Современными историками науки с привлечением широкого круга архивных документов воссоздается его цельный образ. Складывается он и благодаря письменным свидетельствам родных, коллег, товарищей, а также недругов ученого. Число личных и научных знакомств Н.Л. Эрнста велико. Информационный потенциал этой категории источников далеко не исчерпан и может привести к любопытным, порой неожиданным «открытиям» и выводам. Нет сомнений, что знание о Н.Л. Эрнсте и его научных наработках будет заслуженно прирастать.

Литература и архивные источники

Архивные источники

- ГАРК. Ф. Р-138. Оп. 1. Д. 24: План распределения экспонатов, циркуляры, и резолюции к докладу и руководящий материал научного характера. 78 л.
- ГАРК. Ф. Р-3283. Оп. 1. Д. 26: Переписка Олтаржевской С.Н. с Векиловой Е.А. 14 л.
- ГАРК. Ф. Р-3283. Оп. 1. Д. 27: Переписка Олтаржевской С.Н. с Бибиковым С.Н. 7 л.
- ГАРК. Ф. Р-3814. Оп. 1. Д. 136: История краеведения в Крыму. 57 л.
- ГАРК. Ф. Р-3814. Оп. 1. Д. 601: Фото сотрудников Центрального музея Тавриды. 11 л.
- НА ИАКР РАН. Ф. Л-3. Оп. 1. Д. 7: Личные материалы Л.В. Фирсова. 29 л.
- НА ИАКР РАН. Ф. Л-9. Оп. 2. Д. 44: Письма Е.А. Кошляковой. 28 л.
- НА ИАКР РАН. Ф. Р-1. Оп. 3. Д. 11: Материалы отчета об археологических раскопках курганов в окрестностях Симферополя, производившихся КрымОХРИСом и Центральным музеем Тавриды в 1924 г. 7 л.
- РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1933. Д. 119: Об организации археологических работ на ЮБК в зоне строительства Гипрогора. 215 л.

Литература

- Ассоциация... 1932 — Ассоциация для изучения четвертичных отложений Европы (А.И.Ч.О.Е.): Путеводитель экскурсий Второй четвертично-геологической конференции / Под ред. Г.Ф. Мирчинк. Л., М.: Геолразведиздат, 1932. 308 с.
- [Бібіков], 1964 — [Бібіков С.Н.] Микола Львович Ернст. До 75-річчя з дня народження // Археологія. 1964. Т. 16. С. 232–233.
- Векилова, 1979 — Векилова Е.А. Исследования палеолита в Крыму (1879–1979) // Исследования палеолита в Крыму / Отв. ред. Ю.Г. Колосов. Киев: Наукова думка, 1979. С. 5–15.
- Крижевская, 2000 — Крижевская Л.Я. Памяти Е.А. Векиловой (1915–1989) // АВ. 2000. Вып. 7. С. 373–374.
- Монументальность..., 2024 — Монументальность и монументальная скульптура эпохи палеометалла и раннего железного века в горно-степном поясе Евразии. Вып. 1. К 100-летию находки стелы из Бахчи-Эли в Крыму. Программа и аннотации докладов [Электронный ресурс]. URL: https://api.archeo.ru/archeo_media/Document/programma-nauchnogo-simpo/2024_Monument_Conf_Programma-2.pdf (дата обращения: 16.12.2024).
- Непомнящий, 2012 — Непомнящий А.А. Профессор Николай Эрнст: страницы истории крымского краеведения. Киев: Стило, 2012. 464 с. (Библиография крымоведения; Вып. 15).
- Непомнящий, 2015 — Непомнящий А.А. Неизвестные страницы эпистолярного наследия Николая Эрнста: переписка с академиком С.Ф. Платоновым // Ученые записки КФУ им. В.И. Вернадского. Исторические науки. 2015. Т. 1 (67). № 2. С. 76–88.
- Непомнящий, 2020 — Непомнящий А.А. Организатор советского крымоведения Николай Эрнст // Очерки истории отечественной археологии / Отв. ред. П.Г. Гайдуков, И.В. Тункина; отв. ред. выпуска И.А. Сорокина. М.: ИА РАН, 2022. Вып. VI. С. 431–453.
- Филимонов, Храпунов, 1996 — Филимонов С.Б., Храпунов И.Н. Николай Львович Эрнст — исследователь истории и древностей Крыма // МАИЭТ. 1996. Вып. V. С. 212–255.
- Храпунов, 1989 — Храпунов И.Н. Микола Львович Ернст // Археологія. 1989. № 4. С. 111–115.
- Чемодуров, 2023 — Чемодуров Н.Н. Дневник научной командировки П.Н. Шульца 1932 г.: источник по истории довоенной крымской археологии // Боспорские исследования. 2023. Вып. XLVI. С. 265–297.

Чемодуров, 2024 — Чемодуров Н.Н. Евпаторийская экспедиция ГАИМК в переписке Я.Г. Благодарного и П.Н. Шульца // МАИЭТ. 2024. Вып. XXIX. С. 545–567.

Шульца, 1931 — Шульца П.Н. Дложевский Сергей Степанович // Сообщения ГАИМК. 1931. № 1. С. 32.

Шульца, 1964 — Шульца П.Н. А.К. Тахтай // СА. 1964. № 4. С. 247–248.

“Nikolay L’vovich was a Modest Hard-Working Scientist...”: towards the History of Preserving the Memory of Nikolay L. Ernst

Nikolay N. Chemodurov⁷

Nikolay L. Ernst was an outstanding archaeologist, whose significant discoveries and contributions to the study of the past of the Crimea have remained faithful to the memory for the long time, meanwhile the scientist himself was repressed. After his arrest in 1938, his unpublished scientific works and research were seized and eventually lost. But the honest name of Nikolay L. Ernst was not forgotten. In 1960–1970s a partial rehabilitation and restoration of his biography began thanks to the efforts of relatives and former colleagues. To Soviet specialists the scientist remained known first of all for his successful studies of the Palaeolithic, Early Metal Epoch, and cave cities of the Crimea and museum work. Despite the hardships of life, Nikolay L. Ernst was devoted to science and made a significant contribution to the archaeology and protection of monuments in the Crimea. These weighty facts, of course, were taken into account in the first attempts to reconstruct the scientist’s life and creative path.

Keywords: *Crimean archaeology, Nikolay L. Ernst, Sofia N. Oltarzhevskaya, biography, Serghei N. Bibikov, correspondence, history of archaeology*

---

⁷ Nikolay N. Chemodurov — Institute of Archaeology of Crimea of the RAS,
2 Acad. Vernadsky Ave., Simferopol, Republic of Crimea, 295007, Russian Federation;
e-mail: hombre_sin_nombre@bk.ru; ORCID: 0000-0003-0277-4862.

Список сокращений

АА	— Археологический альманах. Донецк
АВ	— Археологические вести. Санкт-Петербург
АН	— Академия наук
АлтГУ	— Алтайский государственный университет. Барнаул
АО	— Археологические открытия. Москва
АЭАЕ	— Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск
Б.и.	— Без [указания] издательства
б/г	— без [указания] года
ВААЭ	— Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень
ВДИ	— Вестник древней истории. Москва
ГАРК	— Государственный архив Республики Крым. Симферополь
ГБУ	— Государственное бюджетное учреждение
ГИАМЗ	— Государственный историко-археологический музей-заповедник
ГИМ	— Государственный исторический музей. Москва
ГЭ	— Государственный Эрмитаж. Санкт-Петербург
Д.	— дело
ДБ	— Древности Боспора. Москва
ДСПК/ССПК	— Древности степного Причерноморья и Крыма / Старожитності степового Причорномор'я і Криму. Запоріжжє/Запоріжжя
ЗООИД	— Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса
ЗНУ	— Запорожский национальный университет. Запорожье
ИА РАН	— Институт археологии РАН. Москва
ИАА	— Историко-археологический альманах. Армавир; Краснодар; Москва
ИАК	— Императорская археологическая комиссия
ИАКр	— История и археология Крыма. Симферополь
ИАКр РАН	— Институт археологии Крыма РАН. Симферополь
ІА НАН України	— Інститут археології Національної академії наук України. Київ
ИАЭ(Т) СО РАН	— Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН. Новосибирск
ИИМК РАН	— Институт истории материальной культуры РАН. Санкт-Петербург
ИТОИАЭ	— Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии. Симферополь
ИФ РАН	— Институт философии РАН. Москва
КГУ	— Курганский государственный университет. Курган
КРС	— крупный рогатый скот
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии АН СССР/РАН. Москва
КФУ	— Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского. Симферополь

Л.	— лист
МАИАСП	— Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья
МАИЭТ	— Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь
МАО	— [Императорское] Московское археологическое общество. Москва
МАР	— Материалы по археологии России
МДАСУ	— Матеріали та дослідження з археології східної України. Луганськ
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР. Москва
МРС	— мелкий рогатый скот
НА	— Научный архив
НАВ	— Нижневолжский археологический вестник. Волгоград
НОА	— Научно-отраслевой архив
ОГИЗ	— Объединение государственных книжно-журнальных издательств
Оп.	— опись
ПНИПУ	— Пермский национальный исследовательский политехнический университет. Пермь
РАЕ	— Российский археологический ежегодник. Санкт-Петербург
РА	— Российская археология. Москва
РАН	— Российская академия наук
РГГУ	— Российский государственный гуманитарный университет. Москва
РО	— Рукописный отдел
СА	— Советская археология. Москва
САИПИ	— Сибирская Ассоциация исследователей первобытного искусства. Кемерово
СО РАН	— Сибирское отделение РАН
СПбГУ	— Санкт-Петербургский государственный университет
СЭ	— Советская этнография. Москва
ТСЭ	— Тавро-скифская экспедиция
ТЛИАМЗ	— Таганрогский государственный литературный и историко-архитектурный музей-заповедник. Таганрог
ТПАИ	— Теория и практика археологических исследований. Барнаул
УИВ	— Уральский исторический вестник. Екатеринбург
Ф.	— фонд
ХС	— Херсонесский сборник. Севастополь
ЧелГУ	— Челябинский государственный университет. Челябинск
ЮУрГУ	— Южно-Уральский государственный университет. Челябинск
ESA	— Eurasia Septentrionalis Antiqua. Helsinki
Man. Dep. SA IHMC RAS	— Manuscript Department of Scientific Archives of the Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences. Saint Petersburg
RSSDA	— Remote Sensing and Spatial Data Analysis (Laboratory)
SA IAC RAS	— Scientific Archives of the Institute of Archaeology of Crimea of the RAS. Simferopol
s.n.	— serie nouă
UPA	— Universitätsforschungen zur prähistorischen Archäologie

Научное издание

**МОНУМЕНТАЛЬНОСТЬ И МОНУМЕНТАЛЬНАЯ СКУЛЬПТУРА
ЭПОХИ ПАЛЕОМЕТАЛЛА И РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА
К 100-летию находки стелы из Бахчи-Эли в Крыму**

Верстка и художественное оформление *И.Н. Лицук*
Корректор *С.И. Власова*

Подписано в печать 24.10.2025. Формат 60×90^{1/8}.
Бумага мелованная. Печать цифровая. Усл. печ. л. 32,5.
Тираж 100 экз. Заказ 1012

Отпечатано в соответствии
с предоставленными материалами
в типографии «Поликона» (ИП А. М. Коновалов)
190020, Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, д. 134

Monumentality and Monumental Sculpture of the Paleometal Era and Early Iron Age

On the 100th Anniversary of the Discovery of Stele from Bakhchi-Eli in Crimea

This collection that introduces a new series “Monumentalism in Mountain-Steppe Eurasia” is dedicated to the 100th anniversary of the discovery of the stele from Bakhchi-Eli in Crimea. It includes materials from the Interdisciplinary Scientific Symposium (April 26–27, 2024, Simferopol, Russia) and several works with subject area covering a wide range of issues. The edition opens with a block of articles focusing on various aspects of the study of monumental sculpture of the Paleometal Era — Early Iron Age. A series of works examine the stele from Bakhchi-Eli, providing the history of the study, the context of the finding, new interpretations of the images, and for the first time its digital copy is introduced into scientific discourse. Other blocks bring together works that analyze the presenting features of monumentalism in the funeral rites of Bronze Age communities, and highlight little known pages of the documentary heritage and biobibliography of Nikolay L. Ernst, who discovered a burial with a stele in the vicinity of Bakhchi-Eli.

